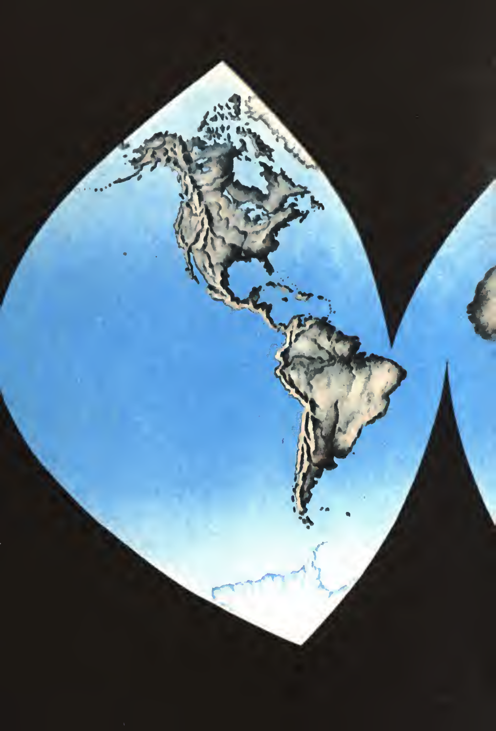

Г. А. Ушаков
ПО
НЕХОЖЕНОЙ
ЗЕМЛЕ

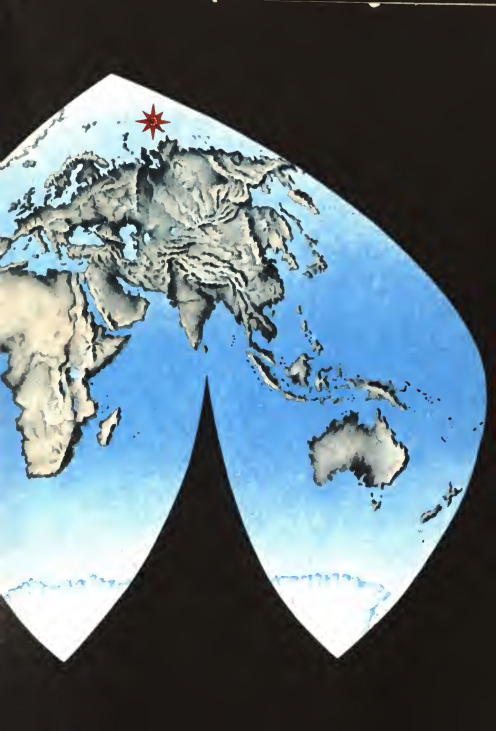

Издательство
«Мысль»

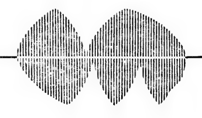
Г. А. Ушаков

ПО НЕХОЖЕНОЙ ЗЕМЛЕ

XX век: Путешествия
Открытия
Исследования

91 (98)
У-93

Издание четвертое

У $\frac{281\text{-}283}{004(01)\text{-}74}$ П. и.

Г. А. Ушаков

По нехоженой земле

Послесловие
Б. А. Кремера

Издательство
«Мысль»
Москва
1974

Г. А. Ушаков

ПО НЕХОЖЕНОЙ ЗЕМЛЕ

. . . .
главное в нас,
это — наша
Страна Советов,
советская воля,
советское знамя,
советское солнце.

В. Маяковский

6 Нехоженая земля

На безымянном острове

Остров еще не имел названия. Его нельзя было найти ни на одной карте мира. И необитаем он был настолько, насколько может быть необитаемым маленький клочок земли, только что открытый среди полярных льдов почти на восьмидесятом градусе северной широты. На нем не было ни гор, ни рек, ни озер, да они просто не могли бы здесь поместиться. Это был всего лишь гребень известняковой складки, выступавший из моря. Он поднимался узенькой взгорбленной полоской и напоминал высунувшуюся из воды спину кита. Впервые вступив на его обледеневшую, скользкую поверхность, мы невольно шли осторожной походкой, будто под ногами и в самом деле лежал кит, готовый каждую минуту погрузиться в холодную пучину.

Потом завыл ветер, небо покрылось серо-свинцовыми облаками, повалил снег — над клочком земли заметалась полярная метель...

Над Москвой в этот день по-летнему сияло солнце, и в цветочных киосках яркие соцветия гладиолусов и флоксов соперничали с только что появившимися цветами осени — георгинами и астрами. А островок был уже покрыт пышным ковром свежего снега. Местами нога погружалась в него по колено. Только кое-где небольшие бугорки щетинились буро-рыжими обломками камня. И, конечно, вокруг ни кустика, ни цветочка, ни былинки. Лишь тонкая пленка лишайников, точно сыпью, покрывала некоторые камни, да изредка

под снегом можно было найти жесткие пучки полярных мхов.

С юго-запада к островку примыкал ледяной припай, а с северо-востока лежали невзломанные льды. В этом направлении, километрах в полутора, виднелась другая узенькая полоска земли, а за ней опять шли льды — белые, строгие, неподвижные, без единого разводья вплоть до горизонта.

Только на маленьком участке у юго-восточной оконечности нашего островка к берегу подходила открытая вода. Еле заметная зыбь, катившаяся из Карского моря, медленно покачивала редкие обломки торосов. Зеленовато-серые воды казались живыми и резко контрастировали с застывшей картиной острова и окружавших его льдов.

Так выглядел безымянный островок 30 августа, когда мы прощались с людьми. Открыт он был за неделю до описываемых событий.

Перед этим мы посетили Новую Землю, побывали на Земле Франца-Иосифа, снова зашли на Новую Землю, запаслись здесь углем, потом пересекли Карское море и надеялись подойти к Северной Земле. Но Арктика крепко защищала этот, тогда еще таинственный уголок нашей планеты. Тяжелые льды не один раз останавливали «Седова» уже в центральной части Карского моря. А при подходе к району предполагаемых западных берегов Северной Земли льды встали на пути ледокола непреодолимой преградой. Наша попытка пробиться к берегам, еще не знавшим человека, не увенчалась успехом.

Мы даже не были уверены, что вошли в пределы их видимости. 22 августа, в яркий солнечный день, при очень сильной рефракции[1], мы заметили на востоке что-то похожее на землю. Это «что-то» напоминало высокую ледяную стену. Мираж изменял ее ежеминутно: то поднимал на сотни метров, то совершенно скрывал из виду. Желание увидеть берега, еще неизвестные человеку, держало в напряжении весь состав экспедиции. Все, начиная от кочегаров и машинистов, то и дело выскакивавших из недр корабля, и кончая руководителями экспедиции, толпились на палубе. Особенно нетерпеливые поднимались на ванты, лезли, вопреки судовым правилам, на капитанский мостик, хватались за бинокли и, не отрываясь, следили за причудливой игрой рефракции, спорили, но в конце концов все же никто не был уверен, что действительно видит землю. Неподвижные,

[1] Рефракция — преломление светового луча при переходе из слоя воздуха одной плотности в другой — большей или меньшей плотности.

мощные льды преградили путь к этому видению. Да и само оно словно растаяло, как только исчезли условия, благоприятствующие необычной рефракции.

Надо было искать подходы к Северной Земле в другом месте. Или по крайней мере найти поблизости от нее какой-нибудь кусочек суши.

«Седов» взял курс вдоль кромки льдов на север. Через несколько часов мы увидели небольшой остров (теперь о. Длинный) с круглыми, мягкими очертаниями поверхности, с обрывистым западным и отлогим южным берегом. При отсутствии другой суши здесь можно было бы высадиться, чтобы потом, уже на собаках, продвигаться к таинственной земле. Однако льды не допустили и к этому острову. «Седов» направился дальше к северу.

Вечером экспедиция наткнулась на группу островов, носящую теперь имя энтузиаста Арктики Г. Я. Седова. Узкими лентами, шириной от нескольких десятков до 250—300 метров, они вытянулись с юго-востока на северо-запад. К одному из них на протяжении нескольких сот метров подходила открытая вода. Берег здесь заканчивался маленькой галечной косой, удобной для выгрузки.

Доступный клочок суши был найден. Надо было решать вопрос о высадке. Все прекрасно понимали, что островок — не идеальное место для создания базы экспедиции. Северная Земля, которую мы должны были исследовать, лежала где-то на востоке. Расстояние до ее берегов и условия достижения их на собаках оставались неизвестными. Даже при доступности пути перебазирование с острова на Землю должно было потребовать много усилий. К тому же и сам островок, пригодный для высадки, казался неприветливым и неуютным даже для здешних мест. Источника пресной воды на нем не было.

— Скучная землица, ой, какая скучная! — слышались голоса на «Седове».

— А посмотрите на группу Ушакова: люди не нарадуются. Словно клад нашли. Кажется, хотят высаживаться.

— Неужели никто им не отсоветует? Ведь это же прямо-таки безрассудно — оставлять людей на таком острове,— сокрушался добрейший Иван Васильевич, буфетчик, кормилец и поилец седовцев.— Разве можно жить человеку на таком клочке?

— Что и говорить: суровая землица, не радостная! И жизнь здесь будет суровой,— вторил ему писатель Соколов-Микитов.

— Все это правда. Да ведь другого-то ничего нет,— приводил самый веский аргумент старший штурман.— Не повезем

же мы Ушакова в Архангельск. Оттуда дальше до Северной Земли.

Выбора действительно не было. На юге льды не пускали корабль к берегам Северной Земли, а к северу виднелась картина, еще менее обнадеживающая. Да и время для восьмидесятого градуса северной широты было позднее: рассчитывать на скорое изменение ледовой обстановки не приходилось.

Кто решил попасть на Северную Землю, тот должен был радоваться возможности зацепиться за близкий к ней островок, хотя бы суровый и неприветливый. Посоветовавшись с товарищами, я объявил о высадке. Безымянный клочок суши должен был стать опорной базой нашей экспедиции.

...Началась выгрузка. Шесть суток, день и ночь, между кораблем и берегом, точно ткацкий челнок, сновала наша моторная шлюпка. На буксире тянулись кунгасы с лесом, собаками, мешками с мукой, бочками, углем, мехами и прочим нашим имуществом. Работа кипела. В нее включились моряки, рабочие, научные сотрудники и корреспонденты. Пронесшаяся метель и заметное падение температуры вызвали некоторую нервозность экипажа. Появились разговоры об опасности вынужденной зимовки корабля. Это еще более ускорило темп выгрузки.

Наконец, все наше хозяйство оказалось на берегу. На косе вырос маленький домик, собранный из свежих розово-желтых сосновых брусьев, словно вылепленный из сливочного масла. Из трубы домика пошел дым. На мачте, установленной над коньком крыши, затрепетал красный флаг. Остров, еще неделю назад неизвестный человечеству, начал жить. Миссия «Седова» была окончена. Корабль мог уйти.

Первый гудок корабля разорвал полярную тишину и заглох, словно увяз, в густом, наседавшем с моря тумане.

Последний раз захожу в общую каюту В. И. Воронина и О. Ю. Шмидта. Мне вручаются два документа.

Первый из них от 30 августа 1930 года:

Георгий Алексеевич Ушаков назначается начальником Северной Земли и всех прилегающих к ней островов со всеми правами, присвоенными местным административным органам советской власти.

Г. А. Ушакову предоставляется, в соответствии с законами СССР и с местными особенностями, регулировать охоту и промыслы на вверенной ему территории и ввоз и вывоз всяких товаров, а также устанавливать правила въезда, выезда и пребывания на Северной Земле и островах иностранных граждан.

— Этот документ,— говорит Шмидт,— с первого взгляда звучит несколько необычно. Вверяется вам нечто совер-

шенно неизвестное. Никто не знает ни простирания, ни площади, ни устройства, ни характера «вверяемой» вам земли и прилегающих к ней островов. Может быть, вы получаете территорию целого европейского государства, а может быть, и совсем незначительный клочок суши. Скорее, однако, первое. Все это по-хозяйски вы должны выяснить сами. Знаю, что вы и ваши помощники не боитесь трудностей освоения своих владений и хотите, чтобы эти владения были побольше. Думаю, что Северная Земля удовлетворит ваши желания.

Что же касается регулирования охоты и промыслов, то, по-видимому, это дело будет нетрудным. Нет никаких осно-
10 ваний думать, что, кроме вас и ваших товарищей, на всей Северной Земле, как бы велика она ни была, проживает хоть один человек. Поэтому объем промысла будет регулироваться только надобностью мяса для ваших собак и вашей энергией.

Но документ этот вам все же может понадобиться. Помните о мечтах иностранцев попасть на Северную Землю. Нет гарантии, что они не попытаются перейти к делу. В таком случае на вашу группу возлагается почетная и ответственная задача — представлять здесь советскую власть. Будьте настоящими большевиками, никогда не забывайте об интересах родины, и это всегда подскажет вам правильное решение при любой ситуации. Не сомневаюсь, что вы с честью выполните эту почетную роль.

Второй документ был конкретнее. Вот он:

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего, заместитель директора Арктического института Георгий Алексеевич Ушаков, командируется на Северную Землю в качестве Начальника Североземельского экспедиционного отряда правительственной Арктической экспедиции.

На т. Ушакова и его отряд возлагается исследование Северной Земли.

В случае недостижения кораблями Северной Земли в ближайшие две навигации или каких-либо других условий, выявившихся в период работ на Северной Земле, т. Ушаков с людьми должен на собаках пересечь пролив Вилькицкого и через Таймырский полуостров выйти в населенные места, откуда продвигаться в г. Ленинград.

Срок действия настоящего удостоверения оканчивается по возвращении т. Ушакова в Ленинград.

Документ не требовал комментариев. Найти и исследовать Северную Землю и в случае необходимости своими силами выбраться с нее — вот большие задачи, стоявшие перед нашей маленькой экспедицией. Как они были трудны — каждый понимал без слов.

На прощание Шмидт желает успеха, обнимает меня.

Крепко жмет руку Воронин. Живые поморские глаза прославленного капитана полны теплоты и заботы.

— Вы уж извините,— говорит он, не выпуская моей руки,— не довез вас до самой Земли. Высадил на каких-то «прилегающих» островах. Сами видели, какой стеной стоят льды.

— Ничего, Владимир Иванович, все-таки на твердую землю высадили. Острова настоящие, крепкие, в океан их не унесет,— отшучиваюсь я.

— Да какие же эти острова? Пустяк, а не острова. Ни горы, ни речки. Лемминги — и то, кажется, на них не живут. Узкие, длинные — макароны какие-то, а не острова. Неуютные. Тяжело вам будет на них. Да и доберетесь ли с них до Северной Земли-то?

— Доберемся. Льды нам помогут. Ведь мы, Владимир Иванович, на собаках пойдем, а не на ледоколе.

Тут я почувствовал, что сказал что-то не то. Рукопожатие Владимира Ивановича стало не таким уж крепким.

— Что же, по-вашему, собаки сильнее ледокола? — обиделся капитан за свой любимый корабль.

Выручил О. Ю. Шмидт. Он расхохотался так раскатисто, заразительно и дружественно, что невольно засмеялись и мы с Ворониным. Напряженность исчезла. Рука Владимира Ивановича стала вновь дружелюбной, а в голубых глазах опять засветилась теплота.

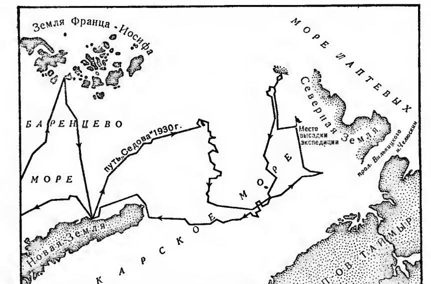
— Ладно,— говорит он.— Согласен, что иногда собаки могут быть полезнее ледокола. Только поскорее добирайтесь до вашей Земли и немедленно сообщайте об успехе. А то у меня такое чувство, словно взялся доставить вас в Архангельск, а высадил на Соловецких островах — добирайтесь, мол, сами. Не успокоюсь, пока не получу вестей о вашем выходе на Северную Землю.

И Владимир Иванович крепко обнимает меня на прощание.

— Ну, Георгий Алексеевич, желаю успеха! — напутствует В. Ю. Визе.

Это звучит лаконично, но веско. Знаток природы полярных морей и истории исследования Арктики предвидит все предстоящие нам испытания. Он знает, что означает успех или неуспех в таких предприятиях, как наше. Поэтому его лаконичное прощальное напутствие звучит особенно значительно.

Мы выходим на палубу. Членов нашей Североземельской экспедиции плотным кольцом окружает команда «Седова». Еще вчера некоторые седовцы готовы были поворчать и высказать недовольство, что из-за нашей высадки задержи-

Путь к Северной Земле

ваются так далеко на севере. Сейчас в их словах и взглядах много настоящего, товарищеского внимания, идущего из глубины сердца. В то же время в их поведении чувствуется какая-то скованность, неловкость, словно они считают себя виноватыми в том, что уходят на Большую Землю, а нас оставляют среди льдов.

...Второй гудок. Слышно, как выбирают якорь.

Воображение, помимо воли, уносит меня за много тысяч миль от нашего окруженного льдами клочка земли. Мысли летят туда, где еще стоят горячие солнечные дни. Одна за другой в памяти вспыхивают картины, не связанные друг с другом. Какой-то переулок с липами на Арбате, дети, копошащиеся в песке. Красная площадь, смеющееся лицо девушки, березки. Свисток паровоза, зеленая лужайка... Картины ясны, необычно выпуклы.

Корреспондент «Известий» протягивает блокнот:

— Несколько слов на прощание.

Я смотрю на берег. Над нашим одиноким домиком веет красный флаг. Где-то за ним таинственная, неизвестная земля. Мы должны ее исследовать. Нас послала Родина. Флаг

словно указывает нам путь, будит волю, зовет вперед. Беру блокнот и пишу:

Флаг, реющий над Кремлем, взвился и на Северной Земле, до сих пор остававшейся белым пятном на географических картах. Горжусь доверием Советского правительства и трудящихся СССР. Вместе с товарищами обещаю быть достойным этого доверия. Сквозь льды, снега, туманы и полярные метели будем продвигать наш флаг все дальше и дальше к северу.

Окружившие нас седовцы читают написанное. Обнимают, жмут руки, желают успеха. В их пожеланиях слышится напутствие всей нашей страны.

С этим чувством мы вчетвером спускаемся в шлюпку.

Одновременно с хлопками нашего мотора раздается третий гудок. Начинают работать винты разворачивающегося ледокола. «Седов» вздрагивает, пенит за кормой воду, отодвигается. Туман размывает его силуэт. С каждым мгновением линии теряют свою четкость.

Через десять минут корабль исчез, словно растаял в тумане. Все произошло быстро, как во сне. Только донесшийся из-за стены тумана глухой прощальный гудок подтвердил, что здесь действительно всего лишь несколько минут назад был корабль.

Мы остались одни.

Над берегом туман реже. Вырисовывается радиомачта. Из-за мыска выглядывает угол нашего домика. Видны сваленные в громоздкие кучи продукты и снаряжение. Несколько собак, встревоженных прощальными гудками «Седова», забрались на груду ящиков и, вытянув шеи, внимательно всматриваются в море. Из воды частенько высовываются головы любопытных тюленей. Плавно носятся белые полярные чайки.

Перед нами — та же картина, что вчера и позавчера. За неделю мы успели к ней приглядеться. Но сейчас она кажется нам какой-то новой, будто впервые предстала перед нами в своем настоящем виде.

Тысячами миль и бесконечными ледяными полями мы теперь отделены от привычного мира. Словно перенеслись на другую планету и не знаем, когда вернемся. Да и в самом деле мы не знаем, сколько пробудем на этом забытом природой клочке земли. Может быть — год. Может быть — два. Может быть...

Много было полярных экспедиций, и кончались они поразному: одни возвращались, а след других терялся в ледяных просторах.

Наш план нанести на карту неизвестные берега Северной Земли и произвести ряд наблюдений силами нашей экспедиции достаточно смел. А где смелость, там и опасность, и нет смысла закрывать глаза перед ней.

Что же, будем бороться! Мы для того и пришли сюда, готовы к борьбе и верим в победу.

Но разлука с людьми еще переживается нами. «Седова» нет, мы это прекрасно знаем, но невольно поворачиваем головы в ту сторону, где стена тумана сомкнулась за кормой корабля.

Шлюпка идет к берегу. Гулко рокочет мотор, но вокруг стоит такая тишина, что звуки не сливаются. Помимо хлопков мотора ухо ловит журчание воды вдоль борта.

Я смотрю на своих товарищей.

Вот на средней банке шлюпки сидит геолог Николай Николаевич Урванцев. Это вполне сложившийся исследователь с большим полярным стажем. С ним я встретился еще до утверждения плана экспедиции. До этого я знал его только по отзывам, но ни разу не видел. Наша встреча произошла в вагоне поезда между Ленинградом и Москвой.

В купе вошел человек лет тридцати пяти — сорока, среднего роста, чуть сутулый, худощавый. Лицо незнакомца было хорошо выбрито, щеки немного одутловаты, выражение чуть брезгливое. Очки с толстыми стеклами говорили о сильной близорукости.

По манере, с которой он раскладывал вещи, можно было видеть, что этот человек привык к точности, порядку и любит даже на одну ночь устраиваться по-серьезному. Такая черта обычно отмечает людей, привыкших к частой смене мест. Они любят и умеют и на бивуаках чувствовать себя как дома.

Мой спутник сел напротив. По-видимому, он совсем не был склонен начинать разговор или знакомиться со случайным соседом по купе. Весь его вид говорил о какой-то преднамеренной отчужденности. Я от нечего делать продолжал наблюдать за ним.

Вот он потянулся к столику за книгой. Рядом лежал брошенный мною конверт от письма, которое принесли мне в вагон. Сосед остановил взгляд на адресе. Потом начал присматриваться ко мне. Выражение его лица не изменилось. Наконец, он заговорил:

— Вы Ушаков?

— Да.

— Тот, который был на острове Врангеля?

— Да.

— Скажите, ваш проект Североземельской экспедиции утвержден?

— Надеюсь, что да. Принят Правительственной Комиссией и представлен в СНК. А вы кто такой и почему это вас интересует?

— Видите ли... Давайте знакомиться... Моя фамилия Урванцев...

— Тот, который работал на Таймырском полуострове? — перебил я.— Слышал, знаю. Хотел вас увидеть.

В завязавшемся разговоре я узнал подробности о моем собеседнике. Николай Николаевич Урванцев родился в 1893 году, в 1918 году окончил по горному отделению Томский технологический институт и получил звание геолога. В следующем году он уже работал над изучением геологии устья реки Енисея, и с этого времени Енисейский Север и Таймырский полуостров стали постоянным районом экспедиций Урванцева. В 1920—1922 годах он вел разведочные работы на Норильском месторождении.

Летом 1922 года Урванцев проделал лодочный маршрут по реке Пясине и побережью Ледовитого океана от устья Пясины до Гольчихи в устье Енисея. При проведении этой экспедиции он нашел на побережье почту Руала Амундсена и останки одного из двух погибших норвежцев, посланных Амундсеном на остров Диксон с корабля «Мод», во время зимовки в 1918 г. у берегов Таймырского полуострова.

За проведенную в этой экспедиции работу Урванцев был награжден Географическим обществом медалью Пржевальского и именным подарком Норвежского правительства. В 1923—1926 годах он снова руководил разведочными работами на одном из норильских месторождений. За три месяца до нашей встречи он вернулся из экспедиции в Хатангский и Таймырский районы, где прошел на лошадях, оленях и моторной лодке более 8 тысяч километров.

Понятно, что, занимаясь одиннадцать лет изучением геологии Таймырского полуострова, Урванцев не мог не интересоваться Северной Землей, являющейся как бы естественным продолжением этого полуострова. Он сам собирался через год организовать на Северную Землю экспедицию.

Мой план экспедиции его полностью удовлетворял и, по его выражению, во многом совпадал с его собственным. Урванцев, как и я, был сторонником взгляда, что с первичным исследованием таких труднодоступных районов, как Северная Земля, лучше справится небольшая, легкая и подвижная экспедиция с минимальным количеством хорошо подготовленных людей.

Всю ночь мы проговорили об Арктике. Я убедился, что мой спутник знал север, обладал разносторонней эрудицией, так необходимой в экспедиционных условиях. То, что его навыки полевой работы — передвижение на лошадях по тайге, на моторной шлюпке по рекам и на оленях по тундре — отличались от передвижения по льдам на собаках, меня не смущало. Я был уверен, что смогу провести любого человека, следующего за моими санями, по любой дороге в Арктике. К тому же освоить самостоятельную езду на собаках при желании не так уж трудно. Во время беседы мы убедились, как мы оба любим Арктику, и это стало основой наших дальнейших отношений. Урванцев показался мне тем человеком, который и нужен был для экспедиции. Подъезжая к Москве, я предложил Николаю Николаевичу продолжить нашу совместную поездку до Северной Земли и тут же получил его согласие.

Так появился второй участник Североземельской экспедиции.

В Москве мы узнали, что план экспедиции утвержден правительством, и немедленно приступили к ее снаряжению.

А теперь мы остаемся на безымянном островке. Николай Николаевич знает север и ясно представляет наше положение в будущем. Он торжественно сосредоточен, как человек, вступающий в новый ответственный этап своей жизни.

На корме с румпелем в руке сидит радист Вася Ходов, самый молодой член нашей экспедиции.

Когда вопрос о снаряжении экспедиции на Северную Землю был решен, слух о ней быстро разнесся по всей стране. Посыпались предложения. Они шли из больших городов и из глухих деревень. Смелыми людьми наша страна богата. Предлагали свои услуги и ученые, и рабочие, и крестьяне. Больше всего заявлений поступало от молодежи. Сколько здесь было горячих писем с просьбой взять в экспедицию! Можно было бы организовать не одну, а десять экспедиций. Но нам нужно было всего два человека. Из них только один по характеру своей работы мог быть представителем славного молодого поколения. Выбор пал на Василия Васильевича Ходова.

Ему только недавно исполнилось восемнадцать лет. Он рослый, плечистый и крепкий. Но у него еще по-юношески припухлое лицо, еле пробивающиеся усики. А его биография поместилась на половине листа из ученической тетради в клеточку. Поэтому мы не можем звать его иначе, как Васей.

Однако Вася, несмотря на свою молодость, уже поработал председателем секции коротких волн при Ленинград-

ском отделении Общества друзей радио. Секция и рекомендовала его как одного из лучших радиолюбителей, хорошо знающего радиотехнику, способного самостоятельно разработать схему приемника или передатчика и, при наличии материалов, смонтировать их, не говоря уже об умении выяснить возможные повреждения в аппаратуре и устранить их. В то же время о нем отзывались как о человеке спокойном, выдержанном, скромном и хорошем товарище. Самого Васю не пугала далекая неизвестная земля и возможные лишения.

Сейчас он впервые остается в Арктике. На лице юноши недоумение, смешанное с грустью; глаза точно спрашивают:

«Неужели! Так скоро?»

На носу шлюпки охотник С. П. Журавлев. Это не новичок, а настоящий полярный волк — опытный промысловый охотник, продубленный полярными ветрами и отлично знающий повадки зверя, охоту на него, а также условия Заполярья и езду на собаках. Такого можно спокойно брать с собой в любой поход в темную полярную ночь и в самую бешеную метель.

Мы долго ломали себе головы, где найти такого человека. Люди, которых я знал и в которых был уверен,— мои товарищи по экспедиции на острове Врангеля — были далеко. Проверенные на работе спутники Урванцева находились на Енисейском Севере. Ехать за нужным человеком не позволяло время. Надо было найти где-нибудь поближе. Я выехал в Архангельск. Здесь, кого бы из знающих Арктику людей я ни спросил, все как будто по уговору отвечали: «Сергей Журавлев вам подойдет». Многие добавляли: «Только не спутайте — здесь несколько Журавлевых. Все они из Шенкурского уезда и все охотятся на Новой Земле. Вам нужен Сергей Прокопьевич».

Слух о Сергее Прокопьевиче Журавлеве дошел до нас еще в Ленинграде. О нем отзывались как о лучшем новоземельском охотнике. Говорили и о его недостатках, но как-то вскользь, как о не играющих роли на фоне заслуженной славы охотника.

По моему вызову явился хорошо сложенный северянин, светловолосый, голубоглазый, статный, подтянутый. Все движения его были четки, резки и уверенны.

После обычного приветствия он заговорил первый:

— Георгий Алексеевич, я уже послал вам заявление. Знаю, зачем вызвали. Согласен! Еду с вами.

— Ну, а если не подойдете?

Охотник оторопел.

— Как не подойду?! Я уже сани начал делать... и подполозки заказал из стальных пил... на лесозаводе обломки нашел.

В голосе охотника слышалось и удивление и огорчение.

— Говорят, выпиваете изрядно. И слушаться не всегда умеете.

— Головы не пропиваю и силы тоже,— гордо выпрямившись, ответил охотник и мягче добавил: — А слушаться буду. Знаю, на что иду.

— На большой заработок не рассчитывайте. Для промысла времени будет мало. Только чтобы прокормить собак.

— Тоже понимаю. Зарабатывать — что же... Хочется просто поработать. И еще одну землю посмотреть. Жил на Новой, а оказывается, есть еще новее. Вот и обновим ее. А заработок при деле сам придет.

— Вы видели двухмесячную полярную ночь,— продолжал я,— а на Северной Земле она тянется четыре месяца. Не пугает?

— Ну что ж! Маленький черт, говорят, бывает не менее опасен, чем большой. А мой однолетний Шурка доставляет больше хлопот, чем четырнадцатилетняя Валентина.

— Как же детей оставите? Ведь самое меньшее — на два года.

— Не впервые. Вот только с дочкой жалко расставаться. Хорошая девка. Умница. Люблю я ее. Крепко буду скучать, но ничего. Потом будет гордиться, что отец ее был с первыми людьми на Северной Земле.

— Ну, а отдыхать? Ведь вы только что вернулись с Новой Земли?

— А вы? Ведь вы только что вернулись с острова Врангеля,— ответил охотник.

Журавлев мне определенно нравился. Чувствовались в нем независимость, сила, удаль. Такими, вероятно, были новгородские ушкуйники, потомком которых он являлся.

Я согласился, что Журавлев должен доделывать сани, чтобы «обновлять» на них землю, которую он справедливо считал «новее Новой».

Он с жаром, по-хозяйски принялся за подготовку охотничьего снаряжения, за изготовление саней, промысловой «стрельной» лодочки и прочего. Через два месяца я сдал на его попечение прибывших в Архангельск пятьдесят ездовых собак. Его опыт сразу пригодился. А опыт был немалый. Почти двадцать пять лет Сергей Прокопьевич Журавлев занимался охотой на морского зверя и тринадцать раз зимовал на Новой Земле. Но сейчас и огромный опыт арктических зимовок не избавляет охотника от тревоги и мыслей,

навеянных разлукой с людьми. Заметно, что он хочет скрыть свою тревогу. Говорит громче обычного, без необходимости переставляет в шлюпке вещи, гремит бидонами из-под бензина.

Лица участников экспедиции напряженны и строги. Я перевожу взгляд с одного на другого и мысленно задаю себе вопросы: «О чем они думают? Хватит ли у каждого из них, да и у меня, сил, выдержки, нервов и здоровья? Сумеем ли мы, во многом разные люди, сработаться настолько крепко, чтобы общими силами проникнуть в тайны Северной Земли?..»

Из-за борта шлюпки высовывается круглая голова матерого морского зайца. И сразу же картина меняется. Журавлев с карабином в руках уже стоит на носу, готовый в любой момент выпустить заряд. Урванцев и Ходов застывают над мотором. У меня в руках оказывается гарпун. Но зверь чувствует опасность. Второй раз он появляется далеко в стороне. Однако он сделал свое дело — отвлек нас от мыслей, бродивших в головах.

Причалив к берегу и сложив оружие, мы направляемся к домику.

Мы видим, как много нам придется потрудиться на первых порах только для того, чтобы подготовиться к зимовке. Немало работы в доме, но еще больше на «улице», где надо разобрать все продукты и снаряжение. Все это нужно сделать своими руками. К тому же работа не ждет никаких отсрочек. Зима, лютая полярная зима не за горами. Положение всем нам понятно. Поэтому мы сразу же принимаемся за работу: делаем койки, распаковываем рации, ползаем по полу домика, измеряем, режем и прибиваем линолеум.

К ужину пол обит. Втаскиваем столы и любуемся нашей обстановкой. Вася расправляет на передней стенке советский флаг — единственное пока украшение, дорогое для нас, связывающее с далекой теперь родиной.

Так на безымянном острове прошел пасмурный, туманный день 30 августа 1930 года. С тех пор протекли годы, а неизгладимые впечатления его остаются по-прежнему яркими и свежими. Картины встают в памяти так, точно все это произошло только вчера.

В последующие два года летом с острова сходил снег, зимой его хлестали бури, в полярную ночь над ним горели сияния, а льды нажимали так, словно хотели срезать этот клочок земли вместе с нашей базой. Но ярче всего остров, который потом мы стали называть Домашним, запомнился именно таким, каким он был в день ухода «Седова».

И сейчас я еще помню, как в ту ночь, несмотря на усталость, я долго не мог заснуть. Впечатления дня чередовались с думами о будущем. Позади было прощание с людьми, впереди встреча с таинственной, нехоженой Северной Землей.

Начиналась новая жизнь — полная борьбы, приключений, радости открытий, гордого чувства побед над суровой природой и сознания выполняемого долга перед Родиной.

Открытие Земли

20 Природа часто сохраняет нам удивительные отзвуки прошлого. Целые столетия, а иногда и на протяжении тысячелетий она хранит следы древнего человека, пока его потомки намеренно или случайно не найдут их и не прочтут по ним о деяниях своих предков.

В 1940 году группа советских моряков, занимавшихся гидрографическими работами, высадилась на небольшой и пустынный остров Фаддея, лежащий вблизи восточных берегов Таймырского полуострова. На берегу моряки неожиданно наткнулись на торчащие из земли медные котлы. Заинтересовавшись находкой, они здесь же обнаружили топор, сковородки, ножницы, медный колокольчик, оловянные тарелки и несколько голубых стеклянных бусин.

Как могли попасть эти предметы на необитаемый, никогда не заселявшийся остров, расположенный на наиболее труднопроходимом участке Северного морского пути? Никаких признаков пребывания здесь какой-либо современной экспедиции не было. Да и кто теперь пользуется оловянными тарелками?

Находка необычных предметов в таких условиях еще больше заинтересовала моряков. Выбрав время, они приступили к более тщательному обследованию места таинственной находки. Частью на поверхности земли, частью при раскопке гальки они одну за другой начали обнаруживать еще более удивительные вещи. Здесь были найдены сильно поржавевшая с согнутым стволом и почти истлевшим ложем древняя пищаль; потом непонятного назначения медные пластинки, серебряные серьги, безмен, перстни со вставными камнями, шахматные фигуры, бусы, бисер, ножи с инкрустированными оловом ручками, блок от судовых снастей и в большом количестве неизвестные морякам старинные серебряные монеты.

Но и этим находки не исчерпались. Весной следующего года те же моряки после зимовки у мыса Фаддея, на берегу

залива Симса, в 100 километрах к юго-востоку от мыса Челюскина и в 60 километрах западнее острова Фаддея, нашли остатки древней избушки, а летом, когда сошел снег, обнаружили здесь, как и на острове Фаддея, медные котлы, куски тонкого разноцветного сукна, ножи с кожаными ножнами, много бус, деревянные створки от икон-складней, перстни, серебряные и медные кресты, поясок из шелковой тесьмы, наконечники стрел, шелковые нитки, компас, солнечные часы, остаток истлевшей бумаги, на которой все же можно было разобрать надпись «Жалованная грамота», исполненную славянской вязью, и снова в большом количестве серебряные монеты.

Все предметы были несомненно древнего происхождения. От всего веяло глубокой стариной.

Здесь же на берегу залива Симса были найдены кости двух человеческих черепов и обломок челюсти — останки обладателей богатств, обнаруженных моряками.

Находки были доставлены в Музей Арктики. По Крайнему Северу полетела молва о полярных кладах, тайниках и сокровищах. Весть о находке гидрографов начала обрастать фантастическим вымыслом, превращаться в легенду. Но действительность оказалась изумительнее любой легенды.

Изучение специалистами находок моряков, а потом работа на местах находок в 1945 году специальной археологической экспедиции показали, что все эти богатства принадлежали одной и той же группе русских мореплавателей и пролежали в Арктике более трехсот лет. Находки рассказали о том, что еще в первой четверти XVII века (не позднее 1617 г.) русские мореходы, идя с запада на восток, обогнули северную оконечность Азии — Таймырский полуостров — и, по-видимому остановленные льдами, поплатились жизнью за свое смелое предприятие.

Имена отважных мореплавателей похоронила Арктика, но советские люди через столетия нашли их след и восстановили их подвиг. Для нас их имя — русские люди. Им принадлежит честь первого прохождения морем мимо крайней северной оконечности Азии и посещения района, который считался почти недоступным вплоть до нашего времени.

В этом районе и лежит Северная Земля, которую нам предстояло исследовать. Она оставалась неведомой, неизвестной человечеству вплоть до 1913 года и, как убедились потом, оказалась последним большим куском суши, открытым на нашей планете.

От крайней точки северной оконечности Азии Северную Землю отделяет пролив всего лишь в 36 морских миль. Од-

нако, несмотря на такое близкое соседство с материком, Земля не была обнаружена несколькими побывавшими здесь экспедициями.

Первым человеком после известных теперь нам древних русских мореплавателей, достигшим северной оконечности Азии, носящей теперь его имя, был участник Великой Северной экспедиции, сподвижник Василия Прончищева и Харитона Лаптева, штурман Семен Иванович Челюскин. После настойчивых, но неудачных попыток Прончищева и Лаптева обогнуть Таймырский полуостров морем Челюскин весной 1742 года обошел северную часть полуострова на собаках. 20 мая он достиг мыса, являющегося крайней северной

точкой Азии.

«Сей мыс каменной, приярый, высоты средней»,— как описывал его Челюскин, стал памятником настойчивости и отваги русского моряка. Впоследствии академик А. Миддендорф, по предложению которого за мысом было закреплено славное имя первооткрывателя, писал об отважном исследователе: «Челюскин не только единственное лицо, которому сто лет назад удалось достигнуть этого мыса и обогнуть его, но ему удался этот подвиг, не удавшийся другим, именно потому, что его личность была выше других. Челюскин, бесспорно, венец наших моряков, действовавших в том крае» [1].

Отважный моряк при благоприятных условиях мог бы сделать и еще одно важное открытие — усмотреть лежащую к северу от его мыса неизвестную землю, тем более что, по имеющимся сведениям, он по морским льдам сделал по направлению к ней дневной переход. Но открыть землю ему было не суждено. Не заметив никаких признаков ее, Челюскин продолжал свой славный путь вдоль берегов Таймыра.

После этого протекли годы и десятилетия. Сто тридцать шесть лет ни один исследователь не посетил «края света».

Мимо мыса Челюскина, то есть в непосредственной близости от неизвестной земли, уже прошли знаменитые морские экспедиции. Но и они не были счастливее Семена Челюскина и также не заметили здесь никакой суши.

Одной из них была экспедиция Адольфа Норденшельда на корабле «Вега», обогнувшая мыс Челюскина в конце августа 1878 года, то есть спустя двести шестьдесят лет после русских мореходов XVII века и сто тридцать шесть лет после открытия мыса Челюскина.

Сопровождавший «Вегу» пароход «Лена» попытался пройти к северу от мыса, но уже в восьми минутах хода от бе-

---

[1] **А. Миддендорф.** Путешествие на север и восток Сибири, ч. 1. СПб., 1860, стр. 78.

рега, встретив тяжелые льды, повернул обратно. Земля замечена не была. Правда, этой экспедицией были усмотрены некоторые признаки, дававшие право предполагать, что где-то к северу от мыса могут быть участки суши. Экспедиция видела на мысе Челюскина стаю гусей, летевших с севера. Норденшельд пишет в своем дневнике: «Из птиц мы видели множество плавунчиков, очень многочисленную стаю казарок, перелетавших, по-видимому, на юг с какой-нибудь полярной земли, расположенной севернее мыса Челюскина...» [1]

Пятнадцать лет спустя после экспедиции Норденшельда, 4 сентября 1893 года, мимо мыса Челюскина из Карского моря в море Лаптевых прошел на «Фраме» Фритьоф Нансен, так же как и Норденшельд не заметивший неизвестной земли.

Еще через восемь лет, в 1901 году, северную оконечность Азии обогнула Русская полярная экспедиция под начальством Э. Толля на пароходе «Заря». Экспедиция прошла около восьми миль к северу от мыса Челюскина и, не заметив никакой земли, вернулась к мысу.

Северная Земля по-прежнему оставалась тайной Арктики. Но пришел и ее час.

Осенью 1913 года весь мир облетело сенсационное сообщение об открытии русскими моряками новых неизвестных земель к северу от Таймырского полуострова. Это и была наша Северная Земля. Открыла ее русская гидрографическая экспедиция.

Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана, начавшая свою работу в 1910 году, имела задачей дать правильные карты, лоцию и сведения о состоянии доступной для навигации части вод этого океана. В состав экспедиции входили два специально построенных ледокольных транспорта — «Таймыр» и «Вайгач». В 1913 году экспедиция под начальством Б. А. Вилькицкого намеревалась пройти вдоль всего побережья Северного Ледовитого океана от Берингова пролива до Баренцева моря.

Двигаясь с востока, экспедиция 1 сентября приблизилась к северной части Таймырского полуострова. Здесь, в 11 километрах от мыса Челюскина, кораблям преградили путь непроходимые, неподвижные льды. Но моряки не остановились перед преградой. Предполагая, что льды представляют собой береговой припай, они решили вести суда вдоль кром-

---

[1] А. Норденшельд. Плавание на «Веге». Л., 1936, стр. 388.

ки льдов, уходящей на северо-восток, в надежде, что недалеко от материкового берега припай кончится и можно будет обогнуть его с севера.

На другой день, идя вдоль этого мнимого припая, моряки неожиданно увидели на своем пути неизвестную низменную землю. Это был остров Малый Таймыр. Длина его около 30 километров и ширина 8—10 километров. К северу от острова находился многолетний плавучий лед с достаточным количеством разводьев, позволявших продвигаться в северо-западном направлении. Было решено следовать в этом направлении, чтобы при первой возможности повернуть на запад и затем на юг.

24 Скоро среди полей и обломков многолетнего морского льда экспедиция встретила айсберги, достигавшие высоты 10—13 метров над уровнем моря. Это было полной неожиданностью. Никто никогда не встречал айсбергов в Северном Ледовитом океане между Беринговым проливом и Таймырским полуостровом. Моряки терялись в догадках. Высказывались предположения, что айсберги занесены сюда ветрами с Новой Земли или даже с Земли Франца-Иосифа.

В пять часов 3 сентября экспедиция почти на курсе судов увидела землю. На этот раз были видны высокие, массивные горы. Скоро корабли приблизились к берегам неизвестной до сего времени гористой, местами покрытой снегом земли. Ее берег уходил на северо-запад до самого горизонта.

Осматривая и нанося на карту берега, 4 сентября экспедиция миновала глубокую, забитую льдами впадину, по предположениям, огромную бухту, и назвала ее заливом Шокальского. В полдень того же дня корабли стали на ледяной якорь у одного из мысов, получившего название мыса Берга.

Здесь экспедиция торжественно отметила новое открытие. Все свободные от работы члены судовых экипажей выстроились на берегу. Остальные стали во фронт на верхних палубах кораблей. Одновременно на берегу и на кораблях был зачитан приказ начальника экспедиции, в котором говорилось:

«При исполнении приказания начальника Главного гидрографического управления пройти после работ на запад, в поисках Великого Северного пути из Тихого океана в Атлантический, нам удалось достигнуть места, где еще не бывал человек, и открыть земли, о которых никто и не думал.

Мы установили, что вода на север от мыса Челюскина не широкий океан, как его считали раньше, а узкий пролив. Это открытие само по себе имеет большое научное значение, оно объяснит многое в распределении льдов океана и даст новое направление поискам великого пути...»

Позже участник этой экспедиции доктор Л. М. Старокадомский писал:

«Велика была радость экспедиции, так как открытие новой большой земли в Ледовитом океане, к тому же вблизи наших владений, казалось имеющим большое значение» [1].

После поднятия русского флага экспедиция по широкой полынье продолжала путь на северо-запад вдоль берегов земли. На следующий день моряки увидели, что горы сменились плоской низменностью. На широте 80°53′ им показалось, что берег, загибаясь ровной дугой, повернул на запад.

Морские льды в это время начали уплотняться. Дувший до сих пор отжимной ветер, благоприятствовавший плаванию, теперь стих.

Не рискуя забираться дальше на север или пробиваться к западным берегам вновь открытой земли, хотя на севере и северо-западе все еще было видно «водяное» небо, свидетельствовавшее о крупных пространствах вскрытых льдов, и опасаясь, что подуют ветры с моря, которые вместе со льдами прижмут корабли к берегам земли, начальник экспедиции повернул на юг, к мысу Челюскина, и без остановки провел корабли вдоль уже осмотренных восточных берегов земли.

Не увенчалась успехом и попытка пройти к южному берегу земли. Здесь по-прежнему стояли недоступные для судов льды. Экспедиция вновь посетила остров Малый Таймыр, а с восточной стороны его открыла новый небольшой кусок суши, названный островом Старокадомского.

Безрезультатной оказалась и последняя попытка пробиться через льды на запад у мыса Челюскина. Надежда пройти в Карское море рухнула. 13 сентября экспедиция повернула в обратный путь на восток, к Берингову проливу.

В следующем, 1914 году экспедиция возобновила свое плавание, намереваясь пройти Северным морским путем из Тихого океана в Атлантический.

1 сентября суда экспедиции вновь подошли к мысу Челюскина. Пролив Вилькицкого на этот раз оказался вскрытым.

Пока «Таймыр» был занят установкой морского знака на мысе Челюскина, «Вайгач» пошел дальше с намерением заняться съемкой северо-западного берега Таймырского полуострова. Однако здесь корабль встретил большое ледяное поле, мешавшее ему склониться к западу. Зато прекрасно был виден южный берег земли, открытой в прошлом году. Моряки, пользуясь хорошей видимостью, беспрерывно пе-

---

[1] Л. Старокадомский. Открытие новых земель в Северном Ледовитом океане. Пг., 1915, стр. 35.

ленговали берег для нанесения его на карту. Здесь земля была низменной, и берег уходил на юго-запад по направлению к архипелагу Норденшельда. Исследователи открыли и положили на карту юго-западную оконечность земли.

Здесь опять были встречены три огромных айсберга. Они имели правильную форму и напоминали гигантские ящики. Моряки удачно окрестили их «комодами». Теперь уже не было сомнений, что «комоды» местного происхождения и оторвались от ледников открытой земли.

4 сентября, когда оба корабля стояли на якоре у юго-западной оконечности земли, доктору «Таймыра» Л. М. Старокадомскому с несколькими спутниками удалось сделать ко-

роткую экскурсию на берег и привезти оттуда образцы горных пород.

На этом закончились работы экспедиции по съемке и исследованию вновь открытой земли. Простирание земли на север и запад, как и в предыдущем, 1913 году, осталось невыясненным.

Так русские моряки открыли в Северном Ледовитом океане большую, неизвестную до этого времени землю. Открытая земля была названа Землей Николая II.

В сентябре 1916 года русское правительство обратилось к правительствам «союзных и дружественных держав» с нотой, в которой объявлялось о географических открытиях русской гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана в 1913—1914 годах и о включении вновь открытых земель во владения России.

После Великой Октябрьской социалистической революции, в период борьбы советского народа с белогвардейщиной и интервенцией, некоторые империалистические державы протянули свою хищную лапу и к полярным владениям Советского Союза. Канада и Англия сделали попытку включить в свои владения остров Врангеля. По этому поводу народный комиссар по иностранным делам 4 ноября 1924 года обратился к отдельным правительствам с меморандумом, в котором перечислялись открытые в 1913—1914 годах русскими исследователями острова и подтверждалась их территориальная принадлежность РСФСР.

11 января 1926 года Президиум ЦИК Союза ССР своим постановлением переименовал Землю Николая II в Северную Землю.

Мечты русских географов об исследовании открытых земель долго оставались неосуществленными. Первая мировая война, затем гражданская война надолго оттянули посылку

специальной экспедиции для исследования открытой земли. Проходили годы, а Северная Земля оставалась неизученной, таинственной и недоступной, всегда манившей взоры и мысли русских географов.

На карте существовали очертания только южных и восточных берегов Земли, причем лишь южный берег был заснят более или менее точно. Восточный же берег был нанесен на карту весьма приближенно. Сплошная линия очертаний берега на больших пространствах переходила в неуверенный пунктир, да и он иногда прерывался и оставлял незаполненные места.

Л. М. Старокадомский писал по этому поводу: «...открыв Северную Землю, мы смогли проследить и нанести на карту только часть ее восточного берега, ограничиваясь при этом описью береговых пунктов, доступных наблюдению с моря, и оставляя пробелы в тех местах, где береговая черта имела значительные изгибы в сторону суши или вовсе прерывалась. Так и не удалось решить — являются ли замеченные разрывы линии берега только отступанием береговой черты в виде залива, бухты или эти разрывы говорят о наличии отдельных островов» [1].

Оставались неизвестными простирание Северной Земли к северу и западу и очертания здесь ее берегов. Не было ответа и на вопрос, представляет ли Земля один огромный остров, или это ряд островов с проливами, может быть, пригодными для прохождения судов. И совсем неизведанным оставалось внутреннее строение Земли, ее геологическое устройство, растительный и животный мир, климат и ледовый режим моря вокруг нее.

Наибольший интерес открытие Северной Земли вызвало в связи с проблемой Северного морского пути. Норденшельд и Нансен категорически утверждали, что использование Северного морского пути в качестве регулярно действующей водной артерии невозможно.

Прохождение мыса Челюскина «Вегой» и «Фрамом» рассматривалось как счастливая случайность.

Открытая Северная Земля, отделенная от Таймырского полуострова сравнительно узким проливом, рассматривалась скептиками как непреодолимый барьер на Северном морском пути и еще более укрепляла их в своем скептицизме. Они рассуждали: не будь Земли, тяжелые льды, встречающиеся у Таймырского полуострова, можно было бы обойти с севера; но раз Земля существует и попытки русской гидрогра-

[1] Л. Старокадомский. Экспедиция Северного Ледовитого океана. М.—Л., 1946, стр. 165.

фической экспедиции обогнуть ее с севера кончились неудачей, то отпадает возможность хотя бы сколько-нибудь регулярного плавания вдоль всего Северного морского пути.

Таким образом, будущее исследование Северной Земли имело не только чисто географический, отвлеченно-научный интерес, но и большое практическое значение в намечавшемся освоении Северного морского пути как регулярно действующей водной артерии, имеющей важное народнохозяйственное значение.

Интерес к Арктике возрастал. Северная Земля оставалась в центре внимания русских полярных исследователей. Один за другим рождались проекты экспедиций для исследования Земли, раскрытия ее тайн.

Еще в 1914 году Академия наук готова была отправить экспедицию для исследования Северной Земли и просила Морское министерство о заброске экспедиции на «Таймыре» и «Вайгаче». Однако министерство отказало в такой просьбе, мотивируя тем, что суда имеют оперативное задание на прохождение Северного морского пути и не могут отвлекаться побочными заданиями.

В советский период мысль наших исследователей продолжала работать уже на новой основе над вопросом достижения и изучения Земли. В 1923 году, то есть после изгнания из страны последних интервентов, специальная комиссия Государственного географического общества и Полярная комиссия Академии наук занялись разработкой плана исследования Северной Земли.

Экспедицию предполагалось отправить на парусно-моторной шхуне летом 1924 года. Ряд причин, главным образом финансовые затруднения страны, заканчивавшей восстановление своего хозяйства, не дал возможности осуществить это мероприятие.

В 1925 году в Академию наук представляет свой детально разработанный проект исследования Северной Земли известный полярник, писатель и художник, участник экспедиции Г. Я. Седова к Северному полюсу Н. В. Пинегин, еще ранее представлявший проект в Географическое общество. По плану Пинегина, экспедиция должна была на парусно-моторной шхуне, приспособленной к зимовке во льдах, достичь берегов Северной Земли или же зазимовать у берегов Таймырского полуострова и отсюда санным путем выйти на Северную Землю и провести ее исследование.

Состав экспедиции предполагался в семь человек с 30 собаками и с полуторагодовым запасом продовольствия. Однако и эта экспедиция не состоялась.

Существовало еще несколько проектов. Но все они, как правило, требовали для своего осуществления постройки или приобретения специально приспособленных судов, предусматривали зимовку кораблей у берегов Северной Земли или вблизи нее вместе с их экипажем, большой состав экспедиции, а следовательно, и крупные затраты. Проекты в то время не могли быть проведены в жизнь. Северная Земля попрежнему оставалась неисследованной, таинственной и необитаемой — землей, не хоженной человеком.

Мой путь к Северной Земле

Я начал работу в Арктике, когда слово «полярник» еще редко встречалось в нашем языке. Советская работа в полярных областях только развертывалась.

Мне давно хотелось увидеть страны полуночного солнца, побывать в морских льдах, поохотиться на моржей и белых медведей и особенно увидеть полярное сияние. Я мечтал об этом с тех пор, как, будучи еще подростком, прочитал несколько книжек о путешествиях в полярные страны. И тогда я начал грезить этим, потому что любил суровую природу, преодоление всяких трудностей, борьбу со стихией и приключения. А их я узнал с детства.

Уже с десяти лет я нередко сопровождал старших братьев на охоте на крупного зверя в дальневосточной тайге. Здесь я впервые увидел могучие паводки таежных рек; бывали случаи — спасался от грозной, но захватывающей по красоте стихии лесных пожаров; в лунном свете августовских ночей видел лося, отзывающегося на звук охотничьей трубы; отсиживался на березе от разъяренной медведицы; прислушивался к шороху змей в травах Амурских болот; следил за распусканием почек весной и за переходом зелени в багрянец осенью; спал в зимние морозы у костра и наблюдал в ночной темноте фосфорический свет рысьих глаз, а в двенадцать лет увидел прыжок тигра, смертельно раненного охотником.

Встречался я здесь и с таежным людом — с золотоискателями, с охотниками на зверя и за женьшенем, с выходцами из Китая, летом тайно засевавшими среди тайги маковые поля для сбора опиума. В тайге всем хватало места. Здесь могли встретиться и подонки капиталистического общества, и боровшиеся с ним политические ссыльные, и личности, скрывавшиеся под общей кличкой челдона или именующие себя Иванами Непомнящими.

Часто природа была здесь враждебной — необходимо было беречься зверя, непогоды, непролазной чащобы. Мальчишкой я наблюдал или инстинктивно угадывал, как изобретательны были люди в борьбе с природой, с каким упорством противостояли ей, подчиняли ее, с какой энергией прокладывали тропы там, где не ходил даже зверь. Это был сильный и смелый народ. Слабым, изнеженным и нерешительным здесь не было места. Но главное — все эти люди любили тайгу, умели понимать ее и по-своему наслаждаться природой. А какие рассказы можно было слышать от охотников у ночного костра — голова кружилась!

Среди таежников я получил первую жизненную закалку и старался подражать сильным и смелым и учился любить природу.

Случай однажды свел меня с интереснейшим человеком, более значительным, чем все, кого я видел. Пятнадцати лет я оказался в роли полевого рабочего, или скорее мальчика на побегушках, в отряде В. К. Арсеньева — знаменитого исследователя Уссурийского края, знатока и тонкого ценителя природы, превосходного писателя. Он вытащил меня из хабаровского ночлежного дома, «комфортом» которого в течение двух зим я вынужден был пользоваться во время учебы в городском училище, добывая скудные средства на существование «веселой» работой уличного продавца газет.

Целое лето я провел в тайге бок о бок с этим замечательным исследователем, учась у него разбирать сложную жизнь природы, заслушиваясь по вечерам увлекательнейшими рассказами о путешествиях.

Скоро грянула социалистическая революция, очистившая воздух старого мира, как гроза, пронесшаяся над тайгой. Я одним из первых почувствовал блага революции — получил возможность поступить в школу. Государственная стипендия окончательно избавила меня от омута ночлежного дома.

Потом гражданская война — участие в партизанском движении, а следовательно, вновь родная тайга. Только не в Биробиджане, как раньше, а в Приморье и на Тихоокеанском побережье.

Теперь я полюбил отвоеванную народом землю и природу, еще больше и глубже хотел ее познать. Любовь к природе переплелась с мыслями о переустройстве, процветании и могуществе обновленной революцией родины. Мечты о путешествиях приобрели новую окраску, наполнились новым содержанием. Арктика стала занимать в них главное место потому, что на карте полярные страны выглядели огромным ледяным венцом нашей страны. Они были наши, эти мало

исследованные просторы, с их своеобразной природой. И на фоне этой природы передо мной рисовались сильные, упорные русские люди, наши старинные землепроходцы, о которых я теперь уже многое знал. Они ничем не уступали самым прославленным иностранным путешественникам; превосходили их смелостью, пытливостью и инициативой и чем-то напоминали понятных и близких мне людей, встречающихся с детства в дальневосточной тайге.

Я знал также, что Страна Советов будет продолжать дело этих патриотов — освоение Крайнего Севера: Чукотки, Камчатки и побережья Ледовитого океана. А чтобы осваивать эти далекие советские земли, надо в первую очередь знать их — знать природу, географию, население, условия освоения и возможного в будущем переустройства. Но чтобы знать все это, надо туда поехать. Именно это и стало главным стимулом моей поездки в Арктику. Я добился того, чтобы попасть туда, и в 1926 году оказался начальником экспедиции на необитаемом острове Врангеля, где мне было поручено организовать советское поселение.

Так я стал полярником.

Готовясь к экспедиции на остров Врангеля и изучая материалы о нем, я не мог не узнать о попытке империалистов отторгнуть остров от Советского Союза. В. Стефансон заявлял:

«Фолклендские острова лежат у берегов Аргентины и должны были бы принадлежать ей. Но они принадлежат Британии. Хотя в настоящее время их значение уменьшено Суэцким и Панамским каналами, все-таки они важны для империи как промежуточная база на пути от одной колонии к другой для развития морской торговли. В мирное время они представляют собой звено в морском могуществе Британской империи. Мы хотим иметь остров Врангеля для развития воздушных путей, чтобы он был базой для дирижаблей и самолетов точно так же, как Фолклендские острова служат базой для наших кораблей и крейсеров» [1].

Кто мог поручиться, что империалисты не покусятся и на Северную Землю под видом ее «исследования»? Проекты достижения неведомой Северной Земли уже рождались за границей и, как обычно, широко рекламировались буржуазной прессой.

Северная Земля была самым замечательным географическим открытием первой четверти нашего столетия. Открытие было сделано русскими людьми. Земля лежала у бере-

[1] W. Stefansson. The Adventure of Wrangel Island. H. W., 1925.

гов Советского Союза. Мысль о том, что ее могут «исследовать» иностранцы, была нетерпимой. Достоинство и патриотизм советского человека повелевали взять это дело в свои руки. Исследование Северной Земли для советских людей являлось делом чести и патриотическим долгом перед своей страной.

Так работала моя мысль. И еще на острове Врангеля я начал готовиться к экспедиции на Северную Землю.

Три года я провел на острове среди небольшой группы эскимосов, переселившихся сюда со мной с берегов Берингова пролива. Внимательно всматриваясь в быт эскимосов, я отбирал все ценное из их многовекового опыта жизни на Севере, изучал способы передвижения по морским льдам, езду на собаках, путешествия в темноте полярной ночи, охоту на зверя, устройство лагерей, снаряжение и многое другое, кажущееся на первый взгляд мелочью, но зачастую обеспечивающее успех работы в Арктике. Скоро эскимосы стали говорить: «Умилек (начальник) делает все, как эскимос». Это в их понятии было высшей похвалой.

С каждым днем мечта об изучении Северной Земли, идея освоения Арктики и желание вложить свою долю труда в привлечение ее богатств на пользу родины делали меня сильнее, выносливее и настойчивее.

За время пребывания на острове Врангеля мной была составлена карта острова, собран материал о животном мире и перспективах промысла, составлен гербарий и накоплены материалы о климате острова и ледовом режиме окружающих его вод. А самое главное — здесь я вплотную узнал Арктику, еще больше полюбил ее и научился работать в суровых условиях.

План новой экспедиции выступал все отчетливее.

Когда в конце 1929 года я вернулся с острова Врангеля, этот план был уже продуман до мелочей. Он был предельно прост, предусматривал исследование неизвестной Северной Земли в кратчайший срок и требовал минимальных затрат. Основными положениями плана были:

отказ от зимовки корабля, доставляющего экспедицию на Северную Землю или в ее район;

отказ от обычного в полярных экспедициях метода продвижения основной исследовательской партии с помощью вспомогательных продовольственных партий, работающих одновременно с исследовательской и снабжающих ее продовольствием, топливом и кормом для собак;

продвижение исследовательской партии с базированием ее на продовольственные депо, созданные своими силами в пе-

риод года, когда полевые исследовательские работы по специфическим условиям Арктики невозможны;

использование полярной ночи (во время которой в экспедициях, как правило, прекращаются всякие отдаленные санные поездки) для заброски продовольствия, топлива и собачьего корма для будущих полевых маршрутов;

участие минимума людей, но — отлично натренированных и по своим знаниям и опыту способных выполнять разнообразные работы;

в случае необходимости (отсутствие корабля или невозможность его подхода) возвращение экспедиции по окончании работ на Северной Земле на материк собственными силами.

В задачи проектируемой экспедиции входило:

выяснить, как далеко простирается Северная Земля в западном и северном направлениях и составляет ли она целый массив или представляет собой ряд островов с проливами, пригодными для мореплавания;

провести маршрутную полуинструментальную съемку Земли, закрепив эту съемку сетью астрономических и магнитных пунктов;

провести геологическое обследование Земли с целью выявления как ее геологического строения, так и экономических возможностей;

собрать материалы по фауне Земли и выявить промысловые возможности.

Провести за весь период пребывания экспедиции на Земле систематические метеорологические наблюдения для характеристики климата Земли и собрать материалы о ледовом режиме омывающих ее морей.

Во второй год моего пребывания на острове Врангеля остров посетило одновременно два самолета. Я узнал новости за год. Потом два года не было ни одной вести. Радио тоже не было, и я совершенно не знал, что делается на родине.

Только вернувшись с острова, увидел, как за три года выросла и окрепла страна. Вступил в действие грандиозный план создания индустрии, перевооружения новой техникой всего народного хозяйства. Советский народ с невиданным энтузиазмом крепил свое государство. Создавались новые отрасли промышленности, осваивались новые области нашей необъятной родины.

Дошла очередь и до Арктики. Работа здесь началась еще в первые годы советской власти. И уже в то тяжелое для молодой Страны Советов время правительство, партия и лично Владимир Ильич Ленин придавали этой работе немалое значение. Полярным экспедициям уделялось большое внимание.

2 № 181

Уже 2 июля 1918 года В. И. Ленин подписал постановление советского правительства, по которому ассигновался 1 миллион рублей на организацию гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, в задачу которой ставилось изучение морей Советской Арктики. В это же время на Крайний Север был направлен ряд геологических экспедиций.

Были начаты работы по изысканию и строительству ряда северных портов.

В 1918 году успешно велась подготовка первой Карской экспедиции. В том же 1918 году была развернута большая работа по экономическому и культурному возрождению Севера.

Все эти мероприятия были направлены на практическое освоение северного мореплавания и на систематическое изучение Арктики и уже тогда приняли такой широкий размах, которого еще не знала история полярных стран.

Разбойничье нападение англо-американо-французских интервентов, захват ими Европейского Севера нашей родины и военная оккупация Сибири и Дальнего Востока временно сорвали осуществление этих широких мероприятий советского правительства. Но как только были изгнаны с нашей земли интервенты и белогвардейское отребье, работы по изучению и освоению Севера возобновились. Уже в 1920 году направляются экспедиции в Белое море, в устье рек Оби, Енисея и Лены, а организованный по декрету, подписанному В. И. Лениным, Сибирский революционный комитет 20 апреля 1920 года создал специальный Комитет Северного морского пути.

На этот Комитет было возложено изучение, оборудование и усовершенствование Северного морского пути «в целях превращения его в артерию постоянной практической связи». В том же году Совет Народных Комиссаров ассигновал 41,3 миллиона рублей на работы по обеспечению безопасности кораблевождения по морям Северного Ледовитого океана. Возобновились Карские экспедиции, развернулись гидрографические работы. В 1920 году была организована Северная научно-промысловая экспедиция ВСНХ, предшественницей которой являлась созданная в 1919 году Народным комиссариатом торговли и промышленности комиссия по изучению и практическому использованию русского Севера, а преемником — современный Арктический институт [1].

---

[1] К. Егоров, С. Славин. В. И. Ленин и освоение Советской Арктики.— «Советская Арктика» № 1, 1941, стр. 10—20.

10 марта 1921 года В. И. Ленин подписал декрет об организации Плавучего морского научного института; в этом декрете дана ленинская программа изучения Советской Арктики.

В марте 1922 года коллегия Наркомнаца (Народный комиссариат по делам национальностей) выносит решение об организации подотдела «по охране и управлению первобытных племен Севера России».

В задачи подотдела входило всестороннее изучение жизни и хозяйственного быта северных народностей в целях безболезненного приобщения их к новой, социалистической культуре Советской России, в соответствии со своеобразными природными условиями их жизни и их патриархальным хозяйством.

Позднее на базе этого отдела при Наркомнаце был создан Комитет Севера, через год реорганизованный в Комитет содействия народностям Севера при ВЦИК.

По указанию партии все шире развертывалась деятельность советских полярников. Экспедиции работали на Новой Земле, на Новосибирских островах, на Енисейском Севере. Строились новые полярные станции и полярные порты.

В восточном секторе Советской Арктики развертывали работу дальневосточные моряки; они боролись за установление морских рейсов в Чукотское море и к устью реки Колымы.

С 1929 года Арктика уже входила в общий народнохозяйственный план страны. Совет Народных Комиссаров образовал правительственную Арктическую комиссию. В своем решении от 31 июля 1928 года об образовании этой комиссии Совнарком отмечал, что она организуется в связи с ходатайством ряда научных учреждений Союза ССР об усилении научно-исследовательской работы на арктических территориях Союза ССР. На Арктическую комиссию возлагалась организационная и финансовая проработка пятилетнего плана научно-исследовательской работы в арктических владениях Союза ССР. В первую очередь она должна была разработать и представить на рассмотрение Совета Народных Комиссаров Союза ССР конкретный план организации на Земле Франца-Иосифа, Новой Земле и Северной Земле геофизических обсерваторий с соответствующими при них радиоустановками и необходимыми плавучими средствами.

Комиссия выработала пятилетний план работ в Арктике. К тому времени начальная стадия работ в Арктике подходила к концу и делались первые шаги по наступлению на нее широким, заранее подготовленным фронтом.

Из года в год рос коллектив советских полярников, и с каждой новой экспедицией он приобретал все больший опыт. Подкрепленный советской техникой, все в большем объеме предоставляемой в распоряжение полярных экспедиций, этот коллектив ставил и разрешал все более и более сложные и ответственные задачи.

В этой обстановке мной и был внесен план исследования Северной Земли.

На заседании правительственной Арктической комиссии, состоявшемся в феврале 1930 года, присутствовали ученые, полярники, гидрографы, моряки и летчики. Обсуждался проект плана пятилетних работ в Арктике и план на 1930 год. Последний предусматривал, в частности, задание экспедиции, идущей на ледоколе на Землю Франца-Иосифа: после смены зимовщиков в бухте Тихой проникнуть в северную часть Карского моря и «организовать разведку Северной Земли».

Северная часть Карского моря все еще считалась «ледяным погребом», а Северная Земля — недоступной землей. Докладчик объяснил, что в задачу разведки входит выяснение простирания Северной Земли к западу. Для этого нужно хотя бы в одной точке «ткнуться» в ее таинственные, никем не виданные берега.

Я подробно изложил свой план: как предполагается организовать экспедицию, какие результаты она даст. Объясняя скромную сумму средств, испрашиваемых на экспедицию, я сказал:

— Вы даете задание ледоколу, идущему на Землю Франца-Иосифа, пересечь Карское море и найти западные берега Земли для выяснения ее простирания. Это задание надо оплатить безотносительно к тому, буду я с экспедицией на борту ледокола или нет. Поэтому расходы по смете моей экспедиции начнутся с того момента, как корабль, по выражению докладчика, «ткнется» в западные берега Северной Земли и высадит экспедицию на берег. Нужно будет приобрести меховую одежду, экспедиционное снаряжение, трехлетний запас продовольствия и топлива, сорок — пятьдесят собак, построить домик для базы экспедиции. Вместо дорогой шхуны (кстати, ее и нет) можно взять обыкновенную морскую шлюпку с легким мотором. Она необходима для промысла и, в счастливом случае, при благоприятной ледовой обстановке,— для разведки и организации продовольственных депо. Дорогостоящий научный инструмент — теодолиты, хронометры и пр.— дадут научные учреждения.

Экспедиция отказывается от всякого обслуживающего

персонала — поваров, хлебопеков, уборщиц, рабочих... Отказывается даже от врача, в надежде, что в состав ее войдут здоровые, закаленные люди. Мы пойдем на пионерскую работу, а обслуживающий состав, по моему мнению, не только удорожает стоимость экспедиции, но в исключительно тяжелых условиях пионерской работы явится лишней обузой и, как правило, наиболее уязвимым местом для небольших экспедиций при зимовках в Арктике. Далее, не нужны будут вспомогательные партии и погонщики собак, так как мой опыт доказывает, что все подготовительные работы, главным образом организацию продовольственных баз и депо, можно провести силами основных участников экспедиции в период полярной ночи и в наиболее неблагоприятное для полевых работ время. Поэтому для выполнения намеченной программы работ необходимо только несколько смелых людей. Успех экспедиции во многом будет зависеть от опытности, энергии, настойчивости и смелости этой группы. Известно, что в Советском Союзе таких людей много.

Работу предполагается закончить в два года, если удастся высадиться на берегах самой Земли, и в три года, если мы высадимся где-либо в северной части Таймырского полуострова. В этом случае потребуется год на перебазирование на Северную Землю и устройство продовольственных депо на ней.

Корм для собак нам даст сама Арктика, и только на маршрутные работы и на случай возвращения с Северной Земли и достижения населенных мест своими силами предусматривается приобретение пяти тонн собачьего пеммикана [1].

Этот план вполне реален, выполним и не грозит жизни будущих участников экспедиции. При благополучном исходе экспедиции, в чем можно не сомневаться, страна получит достоверные сведения о Северной Земле, точную карту ее берегов и приоритет в ее исследовании.

Правительственная Арктическая комиссия приняла мой проект и решила представить его на утверждение советского правительства.

Через несколько дней я был вызван в Совнарком, где должен был вновь со всеми подробностями доложить план исследования Северной Земли.

23 марта 1930 года план экспедиции был утвержден Советом Народных Комиссаров. С этого момента план превратился в директиву партии и советского правительства.

Новый бюджет еще не был утвержден. Однако Совет Народных Комиссаров нашел возможным выделить на перво-

---

[1] Собачий пеммикан — консервы из китового жира, мяса и риса.

очередные расходы по снаряжению экспедиции из своего резервного фонда необходимые суммы. Самый факт выделения средств из резервного фонда говорил о том, какое значение придает советское правительство задаче исследования Северной Земли.

Одновременно правительство дало распоряжение Арктическому институту включить исследование Северной Земли в план своих работ, а морской экспедиции, выходящей под начальством профессора О. Ю. Шмидта на Землю Франца-Иосифа и в северную часть Карского моря, принять мою группу на борт ледокольного парохода «Седов» и, по возможности, высадить на берег Северной Земли.

Таков был путь к Северной Земле. Так был решен вопрос о ее исследовании.

Нужно было немедленно приступать к организации экспедиции. Выход в море намечался из Архангельска в половине июля.

Сборы

Что должны взять с собой люди, отправляющиеся на несколько лет на неизвестную, необитаемую землю, расположенную среди полярных льдов глубокой Арктики?

Все, кроме льда, морозов, снежных бурь, многомесячных ночей и полярных сияний. Разве только свежее мясо можно заменить хорошими винтовками с достаточным количеством патронов. Но всего не возьмешь. От многого надо отказаться, как путешественник, отправляясь в экспедицию, отказывается на годы от ряда привычек, от близости родных, бытовых удобств и многого другого.

Нужно отказаться от всего, без чего можно обойтись, и не забыть ни одной мелочи, которая в условиях полярного путешествия будет абсолютно необходима. Хороший примус, например, в санном походе полезнее и дороже, чем комфортабельный автомобиль. Но и примус ничего не будет стоить или, еще вернее, может стоить тебе жизни, если забудешь взять к нему такие мелочи, как иголки, запасный ниппель или кожаную прокладку для насоса. Многие абсолютно необходимые в снаряжении вещи должны быть внимательно испытаны и проверены. В этом случае без какой-либо натяжки допустимо применить поговорку, обычно относящуюся к людям, имеющим дело со взрывчатыми веществами: «здесь можно ошибиться только раз».

Поэтому, как только сформировался состав экспедиции, пришлось в первую очередь засесть за составление списков

необходимых нам приборов, инструментов, одежды, экспедиционного и охотничьего снаряжения, хозяйственного инвентаря, продовольствия, самых разнообразных материалов, топлива, горючего, мехов, медикаментов. Мы с Урванцевым просматривали подобные списки прежних экспедиций, вспоминали упущения, дефекты, изменяли, дополняли, сокращали, спорили и только после тщательного обсуждения вносили ту или иную вещь в список.

Помня о советской копейке, мы не раз возвращались к уже записанному и нередко находили предметы, без которых могли обойтись.

Иногда мы чувствовали потребность в консультации. И так как ассортимент необходимых нам вещей был необычайно разнообразен — от точных астрономических приборов до обыкновенной закваски для выпечки хлеба,— то консультировались мы и у академиков, и у различных специалистов, и у домохозяек.

Наконец, списки были готовы. Но пока это были только списки — бумага, на которой на основании нашего опыта, знания условий жизни и работы в полярной обстановке мы записали самые необходимые предметы.

Списки надо было превратить в материальные вещи. Ни отдела снабжения, ни снабженцев мы не имели. А если бы и нашлись эти универсальные люди, порой с одинаковой душевной легкостью берущиеся снаряжать и морские экспедиции, и экспедиции в песчаные пустыни, и путешественников в Арктику, не зная, как правило, ни моря, ни песков, ни Арктики,— мы не доверили бы им подбор всего необходимого нам. От этого подбора зависела не только наша будущая работа, но и сама жизнь. «Успех работы экспедиции в первую очередь обеспечивается при ее снаряжении» — это было нашей заповедью. Когда списки были окончательно просмотрены и из них вычеркнуто все, без чего мы считали возможным обойтись, эти списки стали для нас законом. Теперь в них уже не было ни главного, ни второстепенного, ни важного, ни мелочей. Все было одинаково нужно, все необходимо, все обязательно и, кроме того, такого качества, которое соответствовало нашим требованиям. Поэтому мы считали обязательным для себя каждую вещь осмотреть собственными глазами, ощупать своими руками, лично проверить, испытать, упаковать, внести в опись занумерованного ящика, отправить в Архангельск, проверить прибытие туда багажа, отсортировать его перед погрузкой на ледокол от чужих вещей, уложить на определенное место в складе и проследить за погрузкой на корабль. Все свои силы мы отдали этой работе.

Многое далось нам без особых хлопот. Большинство организаций, когда им становилась известной цель нашей экспедиции, с истинным вниманием относились к нашим требованиям и просьбам. Нередко их забота напоминала беспокойство матери, впервые отправляющей в школу своего ребенка. Таких заботливых матерей у нас оказалось немало. Мы были снабжены прекрасным оружием, боеприпасами, полушубками и валенками; моряки выделили нам хронометры, теодолиты и ряд приборов; научные институты не поскупились на аппаратуру; Академия наук дала библиотеку и ряд дефицитных приборов; один из лесных заводов в Архангельске отбирал выдержанный сухой лес и строил домик по нашему проекту; судоверфь делала шлюпку; хлебозавод в Ленинграде пек специально для нас нечерствеющие галеты; торговые организации подбирали лучшее из продуктов и материалов; крупные заводы нередко обременяли свои планы изготовлением мелких несерийных деталей, недостающих в нашем оборудовании.

Не всегда все сразу получалось удачным, зато все делалось с душой и искренним желанием помочь. Единственное, что от нас требовалось,— это рассказывать об Арктике и предстоящей экспедиции. Часто без такого рассказа нас не отпускал от себя руководитель учреждения, а еще чаще такой информацией мы должны были делиться и с самым рядовым исполнителем, оформлявшим в последней инстанции тот или иной наш заказ.

Ценность такого внимания общественности была тем более высока, что в нем не было какой-либо личной заинтересованности, кроме законного желания побольше узнать о целях экспедиции, кроме стремления помочь нам. Нечего и говорить, как это было далеко от рваческой практики капиталистических фирм, «помогающих» снаряжению подобных экспедиций. Такое внимание и помощь возможны только в стране социализма, где на работу каждого человека, если она идет на пользу родине, все смотрят, как на свою собственную. Нам охотно шли навстречу и помогали, потому что знали: мы взялись за большое, трудное дело, мы дали слово партии, правительству, всей нашей стране исследовать Северную Землю и вернуться из экспедиции с картой этой земли. Помогали так, как помогали и до этого и позднее другим экспедициям, отправляющимся в Арктику. Поэтому мы сравнительно легко справились с заготовкой снаряжения и получили все необходимое для своих будущих работ.

Если можно применить здесь выражение полярных моряков, то весь период подготовки экспедиции мы прошли «по

чистой воде при благоприятных ветрах». Только на некоторых участках нам встречались «льды», но и их скоро разгонял благотворный советский ветер.

В такие «льды», например, мы попали при заготовке теплой одежды. Уже имевшиеся у нас полушубки, валенки, кожаные костюмы и сапоги были годны и необходимы для стационарных работ где-либо на полярной станции, а в нашей экспедиции — на базе, но они совершенно не годились для больших зимних переходов, которые предстояли нам в арктических условиях. И полушубки, и тулупы, и валенки для этого подходят так же мало, как и для бала, даже в том случае, если они записаны в качестве основной полярной спецодежды по нормам такого авторитетного учреждения, как Академия наук.

Мы нуждались в такой одежде, в которой месяцами могли бы оставаться на морозе, а во время метели не выгребали бы снег из-за пазухи, не вытряхивали бы его из обуви. Наша одежда должна была быть предельно теплой и легкой и в то же время не должна была стеснять движений и обмерзать во время метелей.

Какого-либо стандартного типа одежды полярного путешественника, несмотря на долгое время, прошедшее с первых экспедиций в полярные страны, не выработалось. И это понятно. Здесь сказывались и различный характер работ экспедиций, и материальные возможности, и личные вкусы, и даже национальность путешественника. Естественно, что для итальянца или австрийца, англичанина или американца, даже для шведа или норвежца полярные страны всегда были и будут страшнее, чем для русского или для представителя народов, населяющих приполярные континентальные области, привыкших к суровым зимам и сильным морозам. Описания экспедиций иностранных полярных исследователей показывают нам, что многие из них считали необходимым изобрести для путешествий все заново, начиная с одежды и кончая пони вместо собак. Поэтому стали «известны» штаны Амундсена, сани Пири, ботинки Свердрупа, печальной памяти пони англичан, с таким же «успехом» потом примененные немцами. Каждый кроил и шил по-своему, руководствуясь страхом перед «ледяной пустыней», собственной фантазией, внося в дело личные вкусы и привычки и зачастую желание выглядеть более «полярно», чтобы походить на корифеев исследования полярных стран. Поэтому полярных костюмов известно ровно столько, сколько мы знаем путешествий и путешественников, когда-либо писавших о своих экспедициях. Для охотников играть в «полярность» или во что бы то ни стало подражать знаменитостям

имеются почти беспредельные возможности и неограниченный выбор, тем более, что изобретатели костюмов, как правило, говорят о достоинствах их и умалчивают о недостатках.

Наряду с многообразием «европейского» полярного костюма, не меняясь многие столетия, существует одежда народов Крайнего Севера. Она, безусловно, теплее, чем любой костюм самого прославленного путешественника. Это ее достоинство, которое в климатических условиях Арктики должно стоять на первом месте. Но эта одежда далеко не может претендовать на универсальность. Она хорошо приспособлена к хозяйственной деятельности и быту тех или иных народов, и если ее слепо копировать для применения в другой области деятельности человека, можно прийти к горькому разочарованию. Новичок, попавший на Крайний Север, видя перед собой одетого в меха ненца или эскимоса, невольно восхищается его одеждой. Однако попытка нарядиться по его образцу часто приводит к неожиданным конфузам. Человек, неумело надевший на себя эскимосский костюм, разинув от удивления рот, смотрит на свой голый живот и в то же время вынужден поддерживать руками беспрерывно сползающие штаны. Не в лучшем положении оказывается и тот, кто без сноровки обрядится в ненецкую малицу, совик и тобаки. Он теряет способность не только работать, а просто самостоятельно двигаться. Конфуз еще больше увеличивается, когда новичок видит, что ненец, сидящий на оленьей нарте, или эскимос, готовый к выходу на морские льды, чувствует себя в своей одежде свободно и легко.

Необходимо помнить, что ненецкая одежда рассчитана на продолжительную езду в любой мороз на оленях, когда человек может проехать сотню километров по тундре и ни разу не покинуть саней. В таком положении его не смущают ни малица, ни длинный, до пят, тяжелый совик, ни толстые тобаки, одетые поверх меховых пимов.

Такой «спокойной жизни» не может позволить себе путешественник при езде на собаках, тем более, если его работа связана с полевыми исследованиями.

Эскимосский костюм приспособлен для охоты. Он теплый, легкий и даже не лишен изящества, но из-за оригинальности покроя требует многолетней привычки носить его. У эскимоса не сползают штаны, а при опоясывании складками «аткупика» он сумеет закрыть голый живот.

Ни меня, ни моих товарищей не тянуло к заграничным образцам. У нас не было никакой охоты разыскивать выкройку штанов Амундсена, ибо мы знали, что эта часть туалета давно изобретена и освоена человеком. Не привле-

кали нас и ботинки Свердрупа, так как нам были знакомы лучшие образцы зимней обуви, проверенные на протяжении столетий практикой северных народов и русских землепроходцев. Выбор типа обуви не вызывал никаких сомнений, а в отношении одежды для длительных зимних походов я считал возможным приспособить к нашим потребностям одежду северных народов.

Еще на острове Врангеля я проделал опыт и проверил его в тамошних суровых условиях. То, что эскимосы называют «аткупик», или, по-русски, «стаканчик», представляет собой меховую рубаху с прямыми боками, одеваемую через голову и имеющую вырез, в который можно только протиснуть голову. «Аткупик» достигает колен или даже закрывает их. При подпоясывании эскимос высоко поднимает подол и собирает его в большую складку под поясок, держащийся не на талии, как привыкли это делать мы, а ниже, над самыми бедрами. Таким образом надежно закрывается живот, которого не прикрывает верх эскимосских брюк, тоже удерживающихся шнурком на самых бедрах. Я обрезал подол «аткупика», и он превратился в обычную меховую рубашку, только без разреза на груди. В таком виде подол рубашки заправляется под пояс брюк, сделанных не по эскимосской выкройке, а по обычному нашему образцу, только так же, как и рубаха, без разреза и пуговиц, замененных шнурком, стягивающимся на талии. Внизу брюки имели шнурки, крепко затягивающиеся поверх мехового чулка или коротких эскимосских торбазов. И рубашка и брюки мехом были обращены к телу.

Такой покрой костюма абсолютно гарантировал от проникновения в него ветра и снежной пыли во время метели. В этом одеянии, прикрытом сверху от внешней сырости хорошей льняной или прорезиненной шелковой материей, можно многие недели путешествовать на собаках и работать при умеренных морозах, то есть когда температура воздуха не опускается ниже —20°. Этот костюм совершенно не стесняет движений и необычайно легок. Если брюки сделаны из хорошего меха, то достаточно надеть одну пару, чтобы переносить и самые сильные морозы, и любые метели, хотя эскимосы в таких случаях обычно натягивают вторые меховые брюки, обращенные ворсом наружу.

При ветре одной меховой рубашки недостаточно уже и при 20-градусном морозе. Поверх нее необходимо надеть еще что-то. Лучшим образцом верхней одежды является эскимосская или чукотская «ездовая» кухлянка. Это тоже меховая рубаха, надеваемая через голову, только широкая, свободная, обращенная мехом наружу и снабженная меховым

капюшоном. Кухлянку с успехом может заменить ненецкая малица или совик, если их значительно укоротить и облегчить.

Такой костюм я считал наиболее практичным и приемлемым для зимних полевых работ в Арктике. Так мне хотелось одеть и товарищей по экспедиции.

Надо было добыть подходящий мех. Таким мехом мог быть только олений. В оценке оленьего меха нет разногласий ни между аборигенами полярных стран, ни среди путешественников, имевших возможность оценить его достоинства. Всякий побывавший на севере согласится, что это лучший мех, ничем не заменимый по своим качествам материал для

зимней полярной одежды.

И действительно, вряд ли в мире найдется более подходящий материал для этой цели. Мягкий, легкий, до предела теплый, не скатывающийся мех оленя как бы специально создан для условий Арктики. Одним из качеств этого меха является его густая шерсть и почти полное отсутствие пушистого подшерстка. Во время метели, а метель на севере — обычное, обязательное бытовое явление, снежная пыль почти не проникает в глубь оленьей шерсти, а если проникает, то не смерзается, как в других мехах, обладающих богатым пушистым подшерстком. После метели достаточно хорошо выбить и вытрясти одежду, чтобы в ней не осталось ни одной пылинки снега.

Недостатком оленьего меха является его относительная недолговечность. Шерсть его довольно быстро вытирается. У эскимосов или чукчей при небрежном отношении к одежде она как зимняя служит только один год, после чего переходит в разряд летней. Однако при внимании к ней она может с успехом служить несколько лет. Мой спальный мешок, сшитый из отборных шкур пыжика, служил мне пять лет; четыре года я носил рубашку и кухлянку, и только брюки вышли из строя через три года. Кроме того, надо иметь в виду относительную дешевизну оленьего меха, компенсирующую его недолговечность.

В общем нам для одежды нужен был олений мех, а именно «неблюй», или, по-дальневосточному, пыжик, то есть шкуры полугодовалого оленя, для пошивки одежды, спальных мешков и чулок; «камосы» — шкуры, снятые с голени оленя, для унтов и рукавиц; и, наконец, «постели», или зимние шкуры взрослого оленя, которые должны были заменять матрацы в зимних походах.

Здесь-то мы и попали было в полосу «льдов», показавшихся нам на первый взгляд непроходимыми. Ни в Архангельс-

ке, ни на ближайших городских базах не оказалось в эти дни необходимого нам оленьего меха. Запасы, заготовленные в предыдущем году, были уже переработаны, а новые поступления ожидались только к осени, с возвращением с Севера кораблей. Советское правительство и здесь пришло нам на помощь. Заготовительным организациям было дано распоряжение срочно доставить необходимое с ближайших к Архангельску пунктов.

Нам оставалось только получить меха и расплатиться за них деньгами, отпущенными правительством на снаряжение экспедиции. Однако мысль об удешевлении исследования Северной Земли не покидала нас, мы старались экономить народную копейку.

Когда встал вопрос об оплате мехов, уже доставленных из Большеземельской тундры в Архангельскую контору Госторга, мы подумали: почему бы не заставить расплатиться за нашу экспедиционную одежду таинственную Северную Землю? Пусть она возместит хотя бы часть расходов на ее исследование.

Договорившись с товарищами, я выехал из Архангельска в Москву. Через несколько дней в кабинете одного из руководящих работников Госторга состоялся запомнившийся мне разговор:

— Здравствуйте, товарищ! Садитесь. Чем могу быть полезен?

— Пришел к вам за помощью,— отвечал я. И, не останавливаясь, продолжал: — Снаряжается полярная экспедиция на Северную Землю. Нам нужны одежда, обувь и спальные мешки из оленьего меха. Они лежат на складе вашей архангельской конторы. Мы просим отпустить их в кредит. Уплатим через два, в крайнем случае через три года.

— Подождите, товарищ! — перебил хозяин кабинета.— Во-первых, о какой сумме идет речь?

Я назвал стоимость мехов.

— Так-так! Сумма солидная, пятизначная. А от какой организации вы пришли ко мне?

Вопрос был четким и ясным. «Кончено!» — подумал я, но ответил честно:

— От имени совсем маленькой экспедиции, состоящей всего лишь из четырех человек.

Собеседник высоко поднял густые брови.

— А сами кто вы такой?

— Начальник экспедиции.

— Гм!.. Следовательно, вы просите кредит для экспедиции под вашу личную ответственность. А чем же вы будете расплачиваться, когда пройдут эти два или три года?

— Медвежьими шкурами.
— Какими?
— Североземельскими.
— А где она?
— Кто?
— Да ваша Северная Земля?

Я подошел к висевшей на стене карте и показал «свою» Северную Землю. Выглядела она тогда очень неказисто. Очерченная лишь с одного бока, да еще в некоторых местах только пунктиром, она лежала на карте узенькой полоской и напоминала перевернутую и смазанную запятую. Такой вид не мог внушать доверия. Я сам почувствовал, что «моя» Земля выглядит явно некредитоспособной. Не укрылось это и от глаз подошедшего к карте работника Госторга.

— Что это она у вас какая-то неопределившаяся, однобокая?

— Затем и едем туда, чтобы сделать ее четкой и ясной.

Я рассказал об открытии Земли, потом о плане исследования ее, о задачах экспедиции.

Мой собеседник внимательно слушал, переспрашивал и, казалось, готов был прийти на помощь. Но когда мы вернулись к вопросу о кредите под шкуры североземельских медведей, в нем опять насторожился хозяйственник, берегущий народное добро.

— Да есть ли там медведи? — спросил он.

— Никто там никогда не жил и не охотился. Но медведи наверняка водятся, как и во всей Арктике. У берегов Таймыра их видели достаточно. А Северная Земля совсем рядом, можно сказать через улицу.

— А вы понимаете: чтобы покрыть такую сумму, вам надо добыть не менее ста медведей.

— Ну что ж! Важно, чтобы они там были, а добыть — добудем. Охотиться мы будем не между делом и не ради развлечения, а по-серьезному. Нам надо кормить целую ораву ездовых собак, а они потребуют мяса значительно больше, чем могут дать сто медведей. Мы просто обязаны быть хорошими охотниками, иначе погубим собак, а без транспорта не выполним и поручения партии и правительства.

И я продолжал:

— Мы получаем от вас экспедиционную одежду, а вы медвежьи шкуры. Вам не надо открывать приемного пункта. Шкуры привезем прямо на склад, без накладных расходов, оплатим проценты за кредит.

Больше аргументировать мне было нечем.

— Что ж, смело, по-хозяйски. Надо подумать, посоветоваться. Зайдите послезавтра, в двенадцать.

В назначенный час я вновь вошел в знакомый кабинет. Там сидело несколько человек. Хозяин кабинета представил меня:

— Вот человек, продающий шкуры неубитых медведей. Да еще оптовик — сразу начал с сотни. Знакомьтесь! Но я думаю, что он действительно добудет эту сотню шкур. Медведей, похоже, знает.

Я понял, что Северной Земле все-таки придется расплачиваться за нашу одежду. Мне вручили распоряжение Архангельской конторе: открыть экспедиции кредит, снабдить нас одеждой и оленьим мехом и подписать договор на североземельскую пушнину.

— Только смотрите, чтобы без медвежьих шкур не возвращаться. А то здесь вам будет холоднее, чем в Арктике,— напутствовал меня новый знакомый, но тут же переменил тон и серьезно добавил:—шучу, шучу! Медведи медведями, а главное, привезите карту Северной Земли. Желаю успеха.

Охотник Журавлев, узнав о результатах переговоров, заявил:

— Правильно! Соберем дань с Северной Земли.

— А ты уверен, что соберем? — спросил Урванцев.

— А то как же? Раз дали слово — сделаем. А поднажмем, так и излишки будут.

Запродав неубитых медведей, мы взяли на себя новые обязательства. Зато за счет далекой Северной Земли мы получили в достаточном количестве меха и готовую одежду — брюки, рубашки и малицы из пыжика, оленьи пимы, совики и спальные мешки из оленьих «постелей». Кое-что было не совсем то, что нам хотелось, но дальше дело было уже за нами самими. Одно мы должны были укоротить, другое перешить и все приспособить к нашим нуждам и вкусам.

Снаряжение экспедиции закончилось.

Советское правительство, утвердив нам задание на исследование Северной Земли, проявило истинную заботу о будущей экспедиции, о нас самих, едущих на неизвестную необитаемую Землю. Благодаря заботам правительства и партийных организаций, товарищеской поддержке советской общественности мы были полностью обеспечены всем необходимым для выполнения своего долга перед родиной.

Однако родина не только обеспечила нас материально. Уходя на борьбу в Арктику, советские полярные исследователи знали, что за ними стоит многомиллионный советский народ, большевистская партия и советское правительство. Наши исследователи несли с собой в ледяные просторы глубокую веру советского человека в силу и мощь своей родины. Любая самая тяжелая и сложная задача становилась разрешимой, а наши знания, опыт, энергия и настойчивость целиком мобилизовались на то, чтобы оправдать то великое доверие, которое оказывала нам родина.

Наши четвероногие помощники

Советская Арктика за период работы в ней большевиков обогатилась новыми видами транспорта. Ледоколы и специально приспособленные суда стали обычными в полярных морях. Воздушные линии соединили самые отдаленные точки Арктики как между собой, так и с культурными центрами, лежащими далеко на юге. Самолеты пронесли советских полярников над ледяными пространствами, доставили наших исследователей к самому сердцу Арктики — к Северному полюсу. Постепенно приспосабливались к необычным условиям и входили в обиход Севера гусеничный трактор и автомобиль.

Машины убыстряют темпы освоения огромных территорий северных окраин нашей родины и помогают скорейшему включению в культурную, общественную и хозяйственную жизнь страны народов Севера. Однако, как сейчас, так и надолго в будущем, местный олений и собачий транспорт, наряду с ростом и все большей и большей приспосабливаемостью к полярным условиям механизированного транспорта, занимает и будет занимать почетное место.

Механизированный транспорт решает большие, масштабные проблемы связи. Местную связь — хозяйственную, в основном промысловую деятельность местного населения, и во многих случаях научно-исследовательские работы еще долго с успехом будут обслуживать в районах лесотундры ездовые олени, а в районах глубокой Арктики — собаки. Еще совсем недавно они были здесь единственным средством передвижения. В течение веков собака была незаменимым помощником и другом человека в борьбе с неприветливой и суровой природой и как нельзя лучше приспособилась к условиям Севера.

Собака сравнительно легко переносит сильные морозы,

проходит там, где не пройдет ни олень, ни лошадь, ни тем более машина. Довольствуется она немногим. Суточный паек в полкилограмма мяса или еще меньше сушеной рыбы делают ее работоспособной в течение ряда лет. Удобство собачьего транспорта заключается еще и в том, что корм для собак дает сама Арктика.

Почти ни одна научно-исследовательская полярная экспедиция прошлого, совершавшая работу на безлюдных берегах Ледовитого океана или планировавшая переходы по морским льдам, не обходилась без ездовых собак. Попытки некоторых заморских полярных исследователей заменить их лошадьми или пони привели к полному краху. За собакой осталась почетная роль помощника человека, изучающего полярные пространства.

План нашей экспедиции, как уже было сказано, целиком опирался на собачий транспорт. И не только потому, что я привык работать с собачьей упряжкой, а и потому, что в те годы какого-либо другого, более надежного транспорта, годного для наземных полярных условий, еще не существовало.

Наших собак впервые я увидел на одной из железнодорожных станций между Вологдой и Архангельском.

Около большого четырехосного вагона грузового поезда стояла толпа любопытных. Они с удивлением прислушивались к волчьему вою, несущемуся из-за прикрытых дверей. У вагона спокойно прохаживался в своем колоритном национальном костюме, с медной трубкой в зубах пожилой нанаец. Он молча преграждал путь белобрысым ребятишкам, пытавшимся заглянуть в щель двери. Когда я подошел к вагону со вторым проводником и поздоровался с нанайцем, ребята окружили меня кольцом и забросали вопросами.

— Дяденька, что это — зверинец? Волки? А у нас будут показывать?

— Да нет, ребята, это собаки.

— Собаки? Сколько?

— Да, да, собаки. Пятьдесят штук.

— Пятьдесят! Шутишь! Зачем столько? Куда они едут? А что это за человек? Нанаец! А почему он нанаец?!

Я не успевал отвечать на сыпавшиеся вопросы.

Тем временем толпа у загадочного вагона все увеличивалась. Здесь, по-видимому, была уже вся деревня. Ребята стаей стояли вплотную к дверям. Некоторые из них успели сбегать домой и теперь держали в руках ломти хлеба. Зрителям не терпелось. Хотелось посмотреть внутрь вагона. Глаза ребят горели любопытством. Мне тоже хотелось поскорее увидеть будущих четвероногих помощников. Я отодвинул двери

вагона. Вой оборвался. Несколько псов рванулись на цепях и как вкопанные остановились у входа.

Ребята сначала отпрянули, но увидев, что собаки привязаны, осмелели и сгрудились у входа. Кто-то бросил кусок хлеба. Псы рванулись, лязгнули зубами, и кусок исчез. Потянулись руки с новыми ломтями. Видя такие дары, собаки, привязанные близко к двери, охотно завязывали мимолетную дружбу, позволяли ребятам трепать себя и называть, по-видимому, совсем неожиданными именами.

— Шарик! Белка! Кудлан! Козел! Полкан! — кричали дети, а собаки повертывались на каждое имя в надежде получить новый кусок хлеба. Это развеселило зрителей. Смех и шутки летели из толпы.

Вдруг все смолкло. Ребята тревожно всматривались в полутемный угол вагона. Там изумрудно-зеленым светом горело несколько точек. Иногда, на какие-то секунды, свет их становился рубиновым.

— А там кто, дяденька?

Пришлось объяснить, что собаки с такими глазами происходят с реки Колымы. На свету глаза у них почти белые, а в темноте горят вот как сейчас. Это одна из лучших пород ездовых лаек — они сильные, выносливые, не боящиеся самых страшных морозов.

Я успел прощупать взглядом всю стаю. Увидел, что колымских собак лишь несколько штук, и мысленно пожалел об этом. Кроме «колымок» здесь были прекрасные оживленные лайки с хорошей грудью, стройными, крепкими ногами и плотной густой шерстью. Только несколько псов лежали спокойно и не обращали никакого внимания на все происходящее. Я влез в вагон и по очереди осмотрел их пасти. По зубам было видно, что псы достаточно пожили и поработали, это и сделало их такими спокойными. Но другие встретили меня рычанием, скалили зубы, однако после окрика и уверенных движений быстро смирились и дали, хотя и не совсем охотно, осмотреть себя.

Один здоровый молодой пес, как только я отвернулся от него, вцепился в лапу своего соседа. Раздался визг. Все остальные бросились в сторону дерущихся. Короткие цепи не давали возможности принять участие в потасовке. Стая рычала, лаяла и хрипела, давясь на цепях. Щелкнул кнут нанайца — порядок восстановился. Псы, лишенные своего излюбленного удовольствия — хорошей драки, молча, скаля зубы, заняли свои места.

Несмотря на наличие нескольких «старичков» и слабосильных, я все же остался доволен знакомством с будущими помощниками. Раздобыть собак для экспедиции было самой

трудной задачей. Теперь они были доставлены. А некоторый отсев неминуем.

При моем выходе из вагона придвинулись поближе взрослые зрители. Вновь посыпались вопросы. Пришлось рассказать, что собаки, закупленные в низовьях реки Амура в нивхских и нанайских стойбищах, сначала ехали по Амуру в Хабаровск, откуда через весь Советский Союз едут в Архангельск, дальше будут посажены на ледокол и отправятся в Арктику, а там будут возить груз и помогать при изучении еще неизвестных земель.

Я не обманывал слушателей. Собаки действительно проделали большой путь. Срок, в который они были подысканы, закуплены и доставлены, был рекордным.

Экспедицию утвердили в последние дни марта. До выхода в море оставалось три с половиной месяца. За это время надо было получить ездовых собак.

Я побывал в Архангельске. Это пункт выхода экспедиции в море. Найти здесь собак было наиболее желательно. Я знал, что город и прилегающие районы в какой-то мере ежегодно снабжали собаками Новую Землю, что и порождало у меня некоторую надежду. Действительность оказалась плачевной. Ездовых лаек здесь не было. На Новую Землю сбывались преимущественно дворняги и помеси их с сеттерами и легавыми. Предлагали их и мне. Пытались всучить даже пинчера, уверяя, что это незаменимый пес. Однако расхваливание не могло улучшить качество товара. Рухнула слабая надежда на получение собак и с Новой Земли, лежащей на будущем пути экспедиции. Если там и можно было бы приобрести собак в достаточном количестве, то это были бы представители той же не подходящей для нас «архангельской» породы.

Но что же делать? Где взять собак?

Ближе всего были тундры Европейского Севера. Но там ездят на оленях, а собака представлена только оленегонной лайкой. Она прекрасный пастух, но совершенно не годна для упряжки. Если продвинуться дальше на восток, можно было бы набрать небольшое количество неплохих собак в низовьях Енисея. Но здесь их надо было собирать, что называется, поштучно, значит, объехать для этого огромный район и потратить не менее года времени. Не годится! Еще дальше на восток — ездовые собаки были в Верхоянском и Колымском районах. И отличные собаки. Заполучить их было бы хорошо. Я радировал в Якутск. Но там не могли уложиться в нужные сроки и отказали в моей просьбе.

Больше всего ездовых собак на Камчатке и в Анадырском крае. Здесь можно подобрать прекрасную стаю для любой

работы и для любого района Севера. Но и Камчатка и Анадырь были слишком далеко, а тогдашние способы сообщения с ними не давали никакой надежды на срочное разрешение вопроса.

Единственная надежда была на Дальний Восток. В низовьях Амура ездовыми собаками пользуются охотники нивхи и нанайцы. В Николаевске-на-Амуре собачья упряжка на улице — обычное явление. Даже в Хабаровске иногда можно было наблюдать, как, нарушая все правила движения, вводя в смущение милиционеров и заставляя шарахаться в сторону автомобили, мчится собачья упряжка.

Я телеграфировал в Хабаровск Дальневосточной конторе Госторга. Там я работал раньше и оттуда отправлялся в свою первую экспедицию на остров Врангеля. Госторговцы все еще считали меня своим человеком. На мою просьбу помочь они обещали сделать все возможное. Агентам, работавшим в низовьях Амура, полетели телеграммы с заданием срочно закупить собак. Аппарат сработал хорошо. Собаки были быстро собраны и вскоре под надзором двух проводников начали свое путешествие в направлении Архангельска.

Естественно, что при заочной покупке нельзя было рассчитывать получить пятьдесят собак доброкачественными. Поэтому-то в прибывшей стае и нашлось несколько старичков-полуинвалидов. В основном же здесь были середнячки.

Не обладая какими-либо исключительными достоинствами, они, как читатель увидит в дальнейшем, честно трудились, переносили более чем собачьи лишения и своей исключительной выносливостью помогли исследованию Северной Земли. Пройденный ими путь складывался в тысячи километров. Лютовали морозы, выли метели, по горло захлестывала вода, одевая собак в непроницаемый ледяной панцирь, а они шли и шли, волоча за собой тяжело нагруженные сани. Некоторые из них гибли в лямке, отдавая последние силы работе, не зная даже, насколько их работа помогала экспедиции выполнить важные задачи.

Я был рад встрече со своими будущими четвероногими помощниками. Проводил их вагон до Архангельска и здесь сдал на попечение Журавлеву. До выхода экспедиции в море они помещались в арендованном нами дворе, почти в центре города, и в белые северные ночи нередко устраивали концерты, будя своим волчьим воем спящих архангельцев. И вот теперь они с нами на Северной Земле, наши помощники.

После ухода «Седова»

Я не знаю более мрачного месяца для глубокой Арктики, чем сентябрь. В средних широтах мы привыкли считать этот месяц началом осени. Во многих областях нашей родины в сентябре часто стоит чудесная погода. В народе называют это время «бабьим летом», а в литературе «золотой осенью».

Здесь же, на восьмидесятом градусе северной широты, нет ни золотой, ни просто осени. Нет ни багряных, осыпающихся и шуршащих под ногой листьев, ни увядающих цветов, ни желтеющих трав, ни плавающей в воздухе серебряной паутины. Все, что успело вырасти и расцвести на земле за короткое и холодное лето, уже в августе, когда по небу еще катится незаходящее полуночное солнце, сразу засыпается снегом. Короткое и холодное полярное лето должно уступить свое место суровой арктической зиме. Она начинается где-то в середине сентября. Недолгая борьба между уходящим относительным теплом и наседающими морозами и делает сентябрь самым мрачным месяцем высоких широт.

С этим «стыком» лета и зимы и совпала наша высадка с «Седова». Снег, выпавший еще в дни нашей выгрузки, так и остался лежать. Температура воздуха только в первые десять дней колебалась около нуля. Потом, постепенно падая, к концу месяца понизилась до —12°. Свет заметно убывал. В последние дни августа, когда около нашей базы стоял «Седов», мы еще круглые сутки пользовались светом незаходящего солнца. До половины сентября ночью были полярные сумерки, и с 10-го числа мы начали по вечерам зажигать в домике лампы. Все более и более поздний восход и более ранний заход солнца точно откусывали день с двух концов. Он быстро убывал, мрачнел и хмурился. В течение всего месяца мы видели над головой только сплошные облака. Плотной, темно-свинцовой массой, как годами прокопченный потолок, висели они над нашим островом, над морем и льдами. Мое выражение «над головой» — совсем не метафора. Облачность была такой низкой, что вершина нашей радиомачты на высоте 15 метров над уровнем моря почти всегда упиралась в нее. Лишь иногда по вечерам в начале месяца на западе, обычно над самым горизонтом, показывалась узкая-узкая щель, горевшая кровавым светом зари и напоминавшая знакомый нам первый след ножа на серой туше тюленя.

И так изо дня в день. Только однажды, как будто для доказательства, что и здесь существует настоящее небо, обла-

ка рассеялись. Низкое, но яркое солнце осветило бездонную лазурь небосвода. Голубым пламенем вспыхнули изломы льдин. Темно-синие тени легли на розовеющий снег. Арктика заиграла праздничными красками. Сразу стало легче дышать — мы словно сбросили толстое душившее нас одеяло.

Но коротка была наша радость! Не прошло и трех часов, как на северо-западе появилась очередная стена тумана. Она надвинулась тягучей серой массой. Казалось, что туман можно резать ножом — так он был плотен и густ. Исчез голубой купол. Потухло солнце, поблекли краски. Все окутала туманная мгла. Она размыла очертания предметов, потушила блеск льдов и вернула сумрачные будни.

Вообще в это время года день без тумана здесь такая же редкость, как полярное сияние над Москвой. Иногда туман идет чередующимися полосами и наваливается много раз в течение дня. Иногда он держится сплошной массой, и за все сутки в нем не увидишь ни одного просвета. Воздух насыщен влагой, как на дне глубокой, сырой ямы. Часто туман близок к моросящему дождю, а при похолодании кристаллизуется в мелкие шарики и высыпается на землю миллиардами белых крупинок — точно дождь из манной крупы. Наши мачты, антенна, домик и окружающие его предметы, в зависимости от температуры воздуха, покрывались то нежными, пушистыми кристаллами изморози, то твердым покровом ожеледи, достигавшим четырех-пяти сантиметров.

Все это, вместе взятое, а также отсутствие в районе нашей базы не только гор и скал, но и вообще сколько-либо заметных возвышенностей делало окружающий пейзаж еще более однообразным, суровым и мрачным. Ни одного яркого пятна, ни одной резкой линии, которые привлекали бы взгляд,— все было полого, сглажено и тоскливо-серо.

Я видел обиженную природой Чукотку, метельный остров Врангеля, два раза посетил плачущую туманами Новую Землю, видел Землю Франца-Иосифа с ее эмалевым небом и гордыми скалами, одетыми в голубые застывшие потоки ледников, но нигде не встречал такой суровости и гнетущей человека безжизненности линий, как на нашем островке.

Отвлекала и радовала только мысль о том, что не все месяцы похожи на сентябрь, что рано или поздно мороз убьет туманы и мы увидим блеск льдов, фантастически рассвеченные солнцем снежные поля и небо, пылающее полярным сиянием, а на самой Северной Земле найдем и гордые скалы, и каскады ледников.

Неустойчивая погода держалась весь сентябрь. Туман сменялся снегом, снег крупой, потом снова приходил туман. Ветер часто в течение одного дня обходил все румбы от се-

вера до юга. Временами гуляла метель. Ветер несколько раз усиливался до штормового и поднимал на море сильное волнение.

Первый сильный шторм со снегопадом и метелью мы пережили через неделю после ухода «Седова». Он налетел с юго-запада, разломал остатки ледяного припая с морской стороны острова и разрушил большой участок неподвижного льда, державшегося до этого к юго-востоку от базы. Уцелели льды только в проливе между островами.

Через пять дней разразился второй шторм. Он был еще более жестоким и продолжался двое суток.

Высокие волны обрушились на наш маленький остров. Они бешеной лавиной мчались к домику. Только узенький мысок, волнорезом ставший на их пути, прикрывал базу экспедиции. В реве моря и визге метели потонули тревожные крики мечущихся чаек. Вал за валом с оглушительным шумом разбивался о мыс. Пена взлетала до верхушки радиомачты и скоро одела ее в ледяной панцирь.

Недалеко от острова какой-то отставший от плавучих льдов и заблудившийся в океане небольшой айсберг, точно корабль, потерявший управление, одиноко боролся с разбушевавшейся стихией. Плавучие льды смиряют любое волнение. Но сейчас айсберг оказался с бурей один на один. Как известно, один в поле не воин. Волны потешались над ним, как хотели. Они то высовывали его метров на двадцать вверх, то совершенно скрывали в своей пучине — словно он был бутылочной пробкой, а не тысячетонной громадой.

Мы наблюдали грандиозную картину. Зрелище было потрясающим, можно было любоваться часами. Но нам мешала тревога за свою судьбу.

Лохматые волны бушевали в двадцати метрах от нашего домика. Ледяной вал на берегу, где обычно стояла наша шлюпка, смыло. Только полутораметровая галечная гряда прикрывала базу от бушевавшего моря. Брызги летели в окна домика. В лагуне, позади него, уровень воды поднимался на глазах. Вода приближалась к домику с тыла. Потом она проникла сквозь гальку берегового вала и образовала озеро рядом с продовольственным складом.

Зная, как часто меняется здесь направление ветра, мы с тревогой думали о возможности перехода его в южный или, еще хуже, в юго-восточный. В этом случае, если бы не ослабела сила шторма, волны могли смыть всю нашу базу. Страшная опасность висела над нами. Надо было быть готовыми к самому худшему и не оказаться безоружными перед катастрофой. Отобрали часть продовольствия, самое необходимое снаряжение и все подготовили, на случай изменения

ветра, к переноске на мыс. Не спали двое суток — следили за морем и ветром, точно за хищниками, готовящимися к прыжку.

На наше счастье, на исходе вторых суток ветер, не изменив своего направления, начал слабеть, и на следующий день море успокоилось.

Мы с облегчением вздохнули. Но тревога возвращалась вновь и вновь при одной лишь мысли о возможности шторма с юга или юго-востока.

От опасности быть смытыми нас могли освободить только морские льды. Мы с нетерпением ожидали их прихода и часто напряженно всматривались в горизонт в надежде увидеть их приближение. Но море было чистым. После ухода «Седова» только 2 сентября небольшую, сильно разреженную полосу льдов продвинуло вдоль острова на северо-запад. На юге, западе и северо-западе все время можно было наблюдать темное «водяное» небо. Это означало, что и там море было свободно от льдов. 14 сентября с юга начали было появляться отдельные льдины. Но по-видимому, это были лишь обломки разрушенного штормом припая у юго-западных берегов Северной Земли. Их быстро пронесло мимо острова, и море вновь очистилось.

В штилевую погоду на море образовывались сало и молодой ледок. Однако этот лед не мог устранить нависшей над нами опасности. Даже слабый ветер разгонял такой лед, и волны вновь начинали угрожающе шуметь.

Мы ждали настоящих морских льдов и внимательно следили за поведением моря.

18 сентября, при полном штиле, море начало покрываться салом, быстро превращавшимся в молодой лед. Огромные матовые пятна, достигавшие километра и более в поперечнике, покрыли водную гладь. Темные каналы между ними, извиваясь причудливыми тропами, перекрещивались во всех направлениях и напоминали гигантскую паутину, натянутую вплоть до горизонта. Там она заканчивалась у снежно-белой стены, увенчанной многочисленными башенками. Это появилась кромка спасительных для нас морских льдов.

Льды двигались быстро. На своем пути они сминали молодой мягкий ледок и беспрерывно изменяли паутинный рисунок разводьев. К концу дня кромка приблизилась настолько, что уже можно было рассмотреть отдельные льдины. Каждую из них мы встречали как друга, идущего на помощь в беде.

Здесь были крупные обломки полей, окруженные свитами дробленой мелочи. Местами густо напирали матерые, сглаженные временем многолетние торошенные льдины. Рядом

с ними даже ледяные поля казались маленькими. Но над всем господствовали редкие айсберги. Они здесь были патриархами. Родившись много тысячелетий назад, возможно, видевшие зарю человечества, знавшие далекую эпоху мамонта, они тысячелетия сползали с гор, разрезали свое земное ложе на ущелья, стирали в порошок скалы, пока наконец не достигали моря и не отдавались во власть течений и бурь. Теперь, вплывая в Ледовитый океан и день за днем приближаясь к своему концу, эти памятники эпохи оледенения гордо возвышались над льдами, рожденными в море.

Айсберги мы встречали с особым почетом. Судя по надводной части, общая их высота была от 70 до 100 метров. Если бы они подошли близко к острову, то неминуемо сели бы на мель и таким образом задержали бы подступающие морские льды. Но они не оправдали наших надежд, не могли приблизиться к малым глубинам и оставались на плаву. Поэтому и морские льды не могли здесь задержаться. В ночь на 24-е все льды, включая и айсберги, под напором северо-восточного ветра вновь ушли за горизонт, и нас опять охватила тревога перед опасностью юго-восточного шторма.

Только в последних числах сентября к нашему острову подошли льды с юго-запада. На этот раз они покрыли все видимое пространство моря и уже не уходили.

Наступившие морозы сковали редкие разводья и спаяли отдельные льдины. Море успокоилось под ледяным панцирем.

Теперь и мы могли успокоиться. Никакой шторм для нас уже не был страшен.

Впечатления от здешнего сентября и тревога, связанная со штормами, не освобождали нас от других забот. Весь месяц мы напряженно работали: достраивали домик, разбирали снаряжение, устанавливали аппаратуру, готовили нашу базу к полярной зиме. Она нетерпеливо надвигалась с каждым днем — метельная, злая, темная и долгая.

В то же время мы исподволь готовились к первому походу на Северную Землю. Весь план нашей экспедиции держался на необходимости использовать полярную ночь для устройства продовольственных складов на будущем пути. Чтобы осуществить эту идею, нужно было в первую очередь найти Северную Землю и выяснить возможности достижения ее в полярную ночь. Поэтому надо было, как только установится сколько-нибудь сносный санный путь, выйти в разведочный маршрут. Подготовка к нему шла одновременно с подготовкой к зиме.

Одной из главных наших забот была заготовка на зиму достаточного количества мяса для собак. Собаки были единственным средством проведения в жизнь плана экспедиции по исследованию Северной Земли. Без них мы были бы бессильны. Сохранить собачью стаю в рабочем состоянии значило не меньше, чем сохранить здоровье членов экспедиции. Нужен был корм, и мы должны были добыть его.

Ежедневно к вечеру собаки, увидев нас, поднимали гвалт, и каждая из них визгом, лаем или просящим, почти человеческим взглядом требовала свой кусок мяса. В общей сложности эти куски составляли минимум тридцать килограммов мяса в сутки. Это означало, что до апреля, когда в маршрутных работах собаки будут кормиться пеммиканом, нам нужно было заготовить семь-восемь тонн мяса. Правда, мы имели пять тонн пеммикана и могли бы в крайнем случае почти целый год кормить им своих собак, но это было бы большим и ничем не оправданным риском. Пеммикан был необходим нам для больших походов на Северной Земле, а кроме того, мы должны были помнить и о возможной необходимости выбираться с Северной Земли в населенные места на материке собственными силами, все на тех же собаках. В этом случае если бы мы даже и имели запас мяса, то из-за громоздкости этого груза не смогли бы взять его в достаточном количестве.

Поэтому я поставил задачу — добыть мяса во что бы то ни стало, даже в том случае, если охота в первое время пойдет в ущерб другим работам на базе, не ставящим под угрозу основную задачу экспедиции — исследование Северной Земли.

С нами был прекрасный полярный охотник Журавлев. В районе водилось достаточно зверя. Прибудь мы сюда на месяц раньше, можно было бы совершенно не задумываться над мясной проблемой. Но теперь время было позднее. Короткое полярное лето — время изобилия — уже кончилось. Вместе с ним кончался и охотничий сезон. Погода с каждым днем становилась неустойчивее. Осенние штормы могли отнять у нас много времени. Мы знали, что с замерзанием моря и наступлением полярной ночи «гостеприимная Арктика» превратится в злую мачеху и нам будут попадаться только случайно одиночки-медведи. Убить зверя в темноте мы сможем только в том случае, когда он сам полезет под пулю. Все это тревожило нас.

Лозунгом на сентябрь стало: «Добыть мяса». Дать его нам могла только сама Арктика.

Кладовая Арктики

Об Арктике широко распространено мнение как о ледяной пустыне. Растительность побережья Северного Ледовитого океана, арктических земель и островов в понимании жителей средних широт действительно бедная и жалкая. Возможно, что это да еще зимний вид полярной тундры и Ледовитого океана, наряду со многими неудачами и трагическими событиями в истории первых попыток европейцев познать Арктику, послужили почвой для представления о ней как о пустыне. Однако это неверно. Тот, кто видел Арктику в течение круглого года, никогда не согласится с этим укоренившимся, но глубоко ошибочным взглядом. Особенно это относится к арктическим морям, их побережью, островам и землям, расположенным на континентальной отмели.

В весенние и летние месяцы здесь жизнь бьет ключом. Нигде ее пульс не бывает таким полным, как в это время в Арктике. Каждый раз, когда летом входишь на корабле в полярные льды, поражаешься богатству здешней жизни. Тысячи и тысячи разнообразных чаек, кайры, чистики, люрики, глупыши, поморники, гагары, бакланы и кулики кормятся на разводьях и полыньях. Стаями, парами и в одиночку носятся они над морем и кромкой льдов, наполняя воздух своим гомоном. Сотни тысяч уток заполняют береговые лагуны. Тысячные стаи линных гусей откармливаются в приморских тундрах. Всюду шныряют юркие вертлявые кулики. В тяжелом полете проносятся вдоль берега гаги. Белыми пнями, неподвижные, как часовые, на возвышенностях тундры маячат полярные совы, подстерегающие зазевавшихся леммингов. Круглые сутки распевает свою бесхитростную, но жизнерадостную песенку маленькая пуночка.

Не менее оживленно и море. Из воды то и дело высовываются круглые головы тюленей. Часто можно видеть тюленей, отдыхающих на отдельных льдинах. Стада моржей крепко спят под лучами незаходящего солнца. Нередко можно наблюдать бредущего по льдам белого медведя. Заметив корабль, он идет прямо на него и подходит вплотную к борту, как бы желая проверить пришельцев. «Фонтаны», выбрасываемые китами, все еще не редкость при подходе к полярным льдам.

Разве можно, увидев все это, говорить о безжизненности Арктики?

И наоборот. Я плавал в морях Черном и Средиземном, Японском, Желтом и Южно-Китайском, был в Тихом океане, пересекал Атлантический, потом прошел его по меридиа-

ну от Англии до широты Буэнос-Айреса и дважды переваливал через экватор и тропики. Воды их, по сравнению с арктическими морями, казались мне пустыней — ласковой, теплой, изнеженной, но все же безжизненной пустыней.

Фауна в Арктике насчитывает сравнительно небольшое количество видов, но зато каждый вид птиц и животных представлен таким количеством особей, которое буквально поражает наблюдателя.

Кто не слышал о полярных птичьих базарах, где сотни тысяч птиц на одной скале выводят своих птенцов? Кто не знает о промысле гренландского тюленя, когда за несколько недель жиром и шкурами убитого зверя заполняются трюмы огромных морских судов? А какую богатую добычу ежегодно берут промышленники Севера, охотясь на морского зверя! Редко кто, живя в Арктике, не наблюдал моря, «кипящего» от огромных стад белухи, насчитывающих иногда десятки тысяч голов. А морж! В западной части Арктики он, правда, как и кит, столетиями подвергался избиению и почти уничтожен, но в море Лаптевых его много и сейчас, а в Беринговом и Чукотском морях этот зверь водится в огромном количестве. Здесь я наблюдал скопления моржей в десять — пятнадцать тысяч голов. Тысячными стаями моржи выходят на береговые лежки Чукотского полуострова и острова Врангеля. Обычен выход моржей на береговые косы и в море Лаптевых.

Особенно много зверя и птиц собирается летом у кромки полярных льдов, а также в прибрежных районах материка, земель и островов Арктики, где в летнее время морские льды постепенно отодвигаются от суши.

Во время полярного дня воды, омывающие тающую кромку льдов, богаты питательными солями. Два-три-четыре месяца, в зависимости от географической широты местности, солнце беспрерывно освещает море. А где солнце и питательная среда — там и жизнь. Непрерывное освещение и обилие питательных солей создают в верхних слоях моря исключительно благоприятные условия для существования растительной жизни. Начинается бурное развитие микроскопических, преимущественно одноклеточных, водорослей. Это так называемый фитопланктон. По выражению биологов, в это время проходит его «пышное цветение». Фитопланктон является первопищей в круговороте органической жизни. Наличие его служит базой для такого же бурного развития зоопланктона, то есть мелких животных организмов, населяющих толщу воды и свободно носящихся вместе с ней. Обилие мелких растительных и животных организмов, как пиршественный стол, привлекает сюда рыб, вслед за которы-

ми идут тюлени, а в погоне за ними бредут медведи. Сюда же устремляются и гиганты моря — киты.

Большое количество разнообразных птиц, питающихся планктоном и рыбой, дополняет летнюю картину изобилия жизни в Арктике. Вот почему новичок, попадающий сюда в летние месяцы, поражается богатству органической жизни и отбрасывает прочь ранее сложившееся у него представление об Арктике как о мертвой стране, а человек, видевший тропические моря, делает сравнение отнюдь не в пользу последних и воочию убеждается в правильности утверждения биологов о том, что по сумме живого вещества полярные воды значительно богаче тропических.

Естественно, что не вся Арктика одинаково полна жизнью. Как всюду, здесь имеются районы более бедные. Различие географических широт, морских течений, проникновения теплых вод, глубин моря, горных пород и рельефа берегов, продолжительность покрытия льдами морских пространств — все это создает особые условия как в растительной, так и в животной жизни отдельных морей, островов и земель Арктики и иногда очень резкую разницу в богатстве промысловыми животными. Наиболее благоприятно для промысла Баренцево море, являющееся в то же время и самым доступным из всех арктических морей. Основной добычей здесь является рыба (треска, пикша, сельдь, палтус и др.) и гренландский тюлень. Другие моря советского сектора Арктики — Карское, Лаптевых, Восточно-Сибирское и Чукотское — беднее промысловой рыбой, так как придонная фауна, являющаяся пищей для этих рыб, здесь развита слабо. Зато здесь наблюдаются почти еще нетронутые скопления промыслового зверя — нерпы, морского зайца, белухи, моржа, белого медведя и песца, а в некоторых районах побережья и дикого оленя.

Считалось, что количество органической жизни в Арктике убывает по мере продвижения от южной кромки полярных льдов к Центральному полярному бассейну. Фритьоф Нансен, например, несмотря на то что сам видел следы белого медведя на 84° широты, а с дрейфовавшего во льдах «Фрама» участники экспедиции наблюдали китов и в первое и во второе лето, все же писал:

«Арктический бассейн, покрытый в своей внутренней части почти сплошным покровом толстых льдов, исключительно беден растительными и животными организмами. Солнечный свет поглощается льдом, и лучи, необходимые для растительных организмов, почти не проникают через ледяные поля в подстилающие последние холодные воды. Поэтому растительные организмы развиваются здесь во вре-

мя короткого лета очень плохо, главным образом в полыньях, между ледяными полями. А без растительных организмов не могут существовать животные организмы. Эту внутреннюю, постоянно покрытую льдом часть арктического бассейна можно считать пустыней в океане, и ни животные, ни человек не могут найти здесь достаточно пищи. Во время нашей экспедиции на «Фраме» мы находили много видов животных, в особенности мелких рачков, но фауна была настолько бедна по количеству организмов, что наши планктонные сети могли висеть целыми днями за бортом, и хотя нас дрейфовало с порядочной скоростью, улов оказывался весьма малым, когда мы поднимали эти сети на палубу».

Резким контрастом по сравнению с наблюдениями Нансена выглядят наблюдения в центральном районе полярного бассейна, сделанные советскими полярниками. Седовцы в 1938 году в своем дрейфе летом почти ежедневно видели тюленей и очень часто нарвалов. Из птиц наблюдались чайки и даже кулик. В последующее лето к «Седову» не раз подходили белые медведи, поблизости появлялись птицы. Тюленей не замечали, вероятно, лишь потому, что в районе видимости с корабля не было открытой воды.

Еще любопытнее оказались наблюдения, сделанные во время дрейфа станций «Северный полюс» в Центральном полярном бассейне. У самого полюса участники экспедиций наблюдали птиц; на 88-й параллели, около дрейфующих станций, видели морского зайца и медведицу с медвежатами. Но самым интересным для познания органической жизни Центральной Арктики было открытие, сделанное П. П. Ширшовым. В высоких широтах он нашел бурное развитие микроскопических водорослей и цветение фитопланктона в течение всего августа. Это подсказывает мысль о возможности развития здесь и зоопланктона и существования более высоких форм животного мира, а следовательно, и необходимость значительных поправок к заключению Нансена о полной безжизненности центральной части арктического бассейна, являющейся, по его словам, «пустыней в океане». Поэтому теперь даже центральную часть Арктики уже нельзя считать ледяной пустыней, хотя жизнь там и не может не быть значительно обедненной, а о безжизненности полярных морей, занимающих континентальную отмель, может говорить только полный невежда.

Все сказанное о богатстве Арктики органической жизнью вообще и промысловым зверем в частности далеко не означает, что Арктика представляет собой нечто вроде холодиль-

ника, заполненного готовым мясом, хотя и мяса и холода здесь более чем достаточно. Тяжело расплачивается тот, кто решил, что он в любой момент сможет получить из богатой кладовой Арктики нужное ему количество продовольствия.

С наступлением зимы льды сковывают моря Арктики. Пелена полярной ночи накрывает страну. Крепнут морозы. Бушуют метели. Все живое, словно подсолнечник, тянется за солнцем. Птицы еще до наступления морозов уносятся на юг. Туда же, вслед за отодвигающейся кромкой льдов, уходит гренландский тюлень, из некоторых районов откочевывает и морской заяц. Из Чукотского моря вместе со льдами, прорывающимися к югу через Берингов пролив, уходит морж. Тысячными стадами держится поближе к разбитой кромке льдов и белуха.

Жизнь прячется и замирает. Во многих районах полярных морей из морского зверя остается только нерпа. Но и она становится невидимой для человека: живет под льдом, а для дыхания пользуется отдушинами, или, как здесь говорят, лунками или продухами. Проделав лунки еще с осени в молодом льду, зверь тщательно поддерживает их всю зиму. Снег скоро покрывает лунки сугробами. Здесь под снегом нерпа дышит, отдыхает и приносит потомство. Выходит она на поверхность льдов и вновь становится видимой для охотника только поздней весной, когда начинает пригревать полярное солнце. На суше зимой остаются лемминг и песец. Лемминг строит ходы под снегом и там разыскивает себе пищу — стебельки и корешки полярных растений. Невидимый в темноте полярной ночи белый песец охотится за невидимым под снегом леммингом. Самцы медведи бродят среди льдов в поисках скрытых под снегом нерпичьих лунок или подкарауливают нерп около полыней и разводьев. По одному, по два песцы сопровождают владыку Арктики, чтобы попользоваться тушками нерп, так как сам медведь обычно съедает одно сало. Медведицы в начале зимы ложатся в снежные берлоги и выходят из них вместе с юным потомством начиная с половины марта.

Из птиц кое-где на побережье океана и на некоторых арктических островах на зиму остается один ворон. В лютые морозы, оставляя за собой след кристаллизованного пара, он носится над тундрой, обросший большими намерзшими бакенбардами, и оглашает зловещим карканьем застывшие пространства.

Поэтому зимой Арктика кажется безжизненной. Добыть медведя при таких условиях можно лишь случайно, а подледный промысел на тюленя требует огромной затраты сил и времени. Обычна в это время только охота на песца с по-

мощью капканов и ловушек. Этот промысел дает ценный мех, но не дает мяса. А мясо здесь бывает дороже самых ценных соболей.

Нужно сказать, что и летом, когда полярные моря кишат зверем, добыча дается здесь нелегко. Охота всюду трудна — и в тропических джунглях, и в горах, и в сибирской тайге, и во льдах Арктики. Она требует от человека много упорства, здоровья, тренировки, выносливости, наблюдательности и настоящего тяжелого труда. Я говорю не о любительской охоте, являющейся приятным спортом, или, по ироническому выражению Журавлева, «благородной страстью», а о той охоте, от которой зависит благосостояние человека, выполнение какой-либо намеченной им цели, тепло в его жилище, а иногда и собственная жизнь охотника. А в Арктике как для местного населения, так и для русских промышленников и исследователей зачастую только такой вид охоты и существует. Это постоянная борьба. Суровая природа накладывает на нее особый отпечаток. Человек, живущий охотой, должен иметь железный организм, верный глаз и сильную, твердую руку. Кроме привычки к тяжелому физическому труду он должен иметь силу воли, часто идти на опасность. Наблюдательность, опыт и знание природных условий уменьшают опасность, но не уничтожают ее. Приходится бороться и с природой и со зверем.

Все это в одинаковой степени относится к жителю Чукотки или острова Врангеля, выходящему в открытое море на кожаной байдарке на самую опасную охоту в Арктике — на моржа; и к охотнику побережья полярных морей, идущему в поисках зверя на морские льды и каждую минуту рискующему быть оторванным и унесенным в море; и к новоземельскому промышленнику, борющемуся в маленькой стрельной лодочке со знаменитым новоземельским «стоком» [1]; и к помору, промышляющему гренландского тюленя на плавучих льдах; и к полярному исследователю, стремящемуся обеспечить свою экспедицию мясом силами участников самой экспедиции.

Наиболее совершенное оружие само по себе не может сделать охоту удачной, если оно не будет в надежных руках опытного полярного охотника. Поэтому-то память человечества упорно хранит так много трагедий из истории исследования полярных стран. Нередко хорошо вооруженные ино-

---

[1] Сток (бóра) — горный ветер на Новой Земле, возникающий вследствие разности атмосферного давления на противоположных склонах горного хребта. Скорость такого ветра на Новой Земле достигает 37 метров в секунду.

странные экспедиции гибли от цинги и голода и даже доходили до людоедства в таких районах, где перед ними лежали непуганые стада зверя.

Трое из нас, высадившихся на безымянном островке, уже достаточно знали полярные условия и имели свои собственные представления о них. Для нас Арктика не была ни «страной отчаяния», ни «безжизненной пустыней», ни той страшной частью нашей планеты, которая не вызывает у человека никаких чувств, кроме печали, бессилия и обреченности, как ее рисовали европейские и американские путешественники. Но вместе с тем мы были далеки в своих представлениях об Арктике, как о счастливой Аркадии.

Мы знали, что достаточно испытаем морозов и как благодать будем воспринимать летнее тепло в 4—5°; услышим достаточно громкий вой метелей и грохот ломающихся льдов, а временами будем напрягать слух, чтобы услышать хоть один звук в часы полярной тишины и безмолвия; мы должны пережить мрак полярной ночи, но зато месяцами будем видеть незаходящее солнце; мы много раз проклянем полярные туманы, ползая в них, точно слепые щенки, но также будем видеть и полярные сияния, которыми никогда не устает любоваться человек; встретим на своем пути и ровные льды, и ледяные нагромождения, продвижение среди которых поистине мучительно; будем видеть Арктику, клокочущую жизнью, и Арктику, закованную в ледяную броню, внешне действительно напоминающую пустыню.

Ни я, ни мои спутники не собирались разыгрывать роль робинзонов или изображать из себя ходульных героев; мы не мечтали, как о блаженстве, о трудностях и лишениях, так как прекрасно знали, что их будет достаточно на нашем пути и что нам не миновать их. Поэтому на морозы Арктики мы смотрели так же, как кочегары на жару у котельных топок; на полярные метели — как моряк на бури, а на льды — как шофер на трудную дорогу. Условия тяжелые, но нормальные и естественные для Арктики. В тех случаях, когда возможно, мы должны были избегать трудностей, а там, где этого сделать нельзя, бороться с ними.

Борьба началась с того дня, как мы распрощались с «Седовым». Наша жизнь не находилась в прямой зависимости от результатов охоты. Но мы не могли отделить свое существование от задач, поставленных перед нами, а выполнение этих задач целиком зависело от того, как мы сумеем использовать кладовую Арктики. И не потом, не в будущем, а сейчас же, немедленно!

Охота

При малейшей возможности, а нередко только при одной лишь надежде на возможность мы выходили в море на охоту. Не спали по двое-трое суток, чтобы не упустить благоприятную погоду, и забывали об усталости, когда видели зверя. Каждая новая добыча — нерпа, морской заяц или медведь — увеличивала наши запасы, а каждый новый килограмм мяса делал реальными планы нашей работы, приближал нас к мечте об исследовании Северной Земли. Мы заставили Арктику помогать нам своими ресурсами, и думаю, что не упустили ни одной возможности, которую давала нам природа.

Обязанность добыть мясо легла на меня и Журавлева. Когда на море разгуливалась волна и охота на морского зверя делалась невозможной, мы занимались работами у домика и готовили базу к зимовке. Таких дней было немало. Это способствовало довольно быстрому ходу работ по устройству базы, но срывало заготовку корма для собак.

Кроме непогоды, нас подводило еще и то, что зверь в это время редко выходит на лед. Бить его нужно было на воде. А убитый на воде тюлень моментально тонет. Часто нам не удавалось загарпунить подстреленного зверя, поэтому половину добычи мы безвозвратно теряли. Все же наши запасы росли.

Птицы еще не все отправились на юг. В нашем районе было много чаек. Некоторые из них даже пытались вредить нам. Первые дни мы охотились неподалеку от домика и тут же на берегу складывали добычу. Собак посадили на цепи, чтобы не бегали по припаю и не отпугивали зверя. Но стоило только привязать собак, как появлялись целые полчища белых полярных чаек. Они стаями садились на заготовленные туши и рвали их. Совершенно белые, без единого пятнышка, они, как крупные хлопья снега, покрывали все вокруг. Прожорливость грабителей никак не вязалась с их изящным видом. Они совсем обнаглели: завидя приближающегося человека, не старались улететь, а не торопясь, вразвалочку, спокойно отходили на четыре-пять метров от добычи и с видимым неудовольствием разглядывали подошедшего своими черными, круглыми, как пуговицы, глазами. В другое время мы, вероятно, любовались бы этими изящными разбойниками, но сейчас нам был дорог каждый грамм мяса, и красивая внешность чаек не могла нас подкупить.

Журавлев решил организовать охрану. К одной из туш он привязал собаку. Сначала чайки отпрянули и подняли в воздухе страшный крик. Но через полчаса они, кажется, поня-

ли, что сторож, сидящий на цепи, мало опасен для них, и опускались на голову той нерпы, к ластам которой была привязана собака. Караульный сначала рычал и бросался на хищников, но после нескольких тщетных попыток поймать хотя бы одного из них он в смущении (или огорчении) разровнял лапами гальку, свернулся клубком и сладко заснул. Обескураженный охотник накрыл туши брезентом.

Кроме белых полярных чаек, время от времени появлялись стаи моевок, с пронзительным писком носились крачки. Пролетали стайки куликов. Несколько раз, особенно в штормовые дни, появлялись розовые чайки. Иногда были видны глупыши и люрики. Порой поморник — чайка-разбойник — проносился в погоне за моевкой, поймавшей рыбку. Все эти птицы были безвредны для нас и, кроме оживления, ничего не вносили. Появлялись одиночки бургомистры — самые крупные и самые прожорливые из чаек. Эти с жадностью смотрели на мясо, но осторожность мешала им присоединиться к грабителям.

В охоте было достаточно неудач. Но промах или утонувшая добыча, которую мы не успевали загарпунить, только подстегивали нашу настойчивость и охотничье самолюбие. Удачные дни воодушевляли нас.

Однажды утром, выйдя из домика, я увидел на ледяном припае противоположной стороны пролива, на расстоянии одного километра от базы, двух морских зайцев. Вдвоем с Журавлевым мы двинулись к ним на маленькой вертлявой промысловой лодочке. Необдуманно, вместо привычного трехлинейного карабина, я взял маузер Урванцева и, не зная боя ружья, промахнулся. Морские зайцы не имеют привычки ждать второй пули. Зверь оперся на передние ласты и, по-змеиному изогнув тело, нырнул в воду. Другой заяц, лежавший метров на тридцать дальше, моментально последовал туда же. Казалось, что вместе с ним скрылась в морской глубине и наша надежда на поживу. Но возвращаться домой с пустыми руками не хотелось. Оставалось быть терпеливыми и ждать новой добычи.

Мы вылезли на припай, разожгли трубки и сделали вид, что ничего дурного не случилось. За такое примерное поведение скоро была получена награда. В 50 метрах от нас над водой показалась голова нерпы. После выстрела Журавлева зверь приподнялся и, склонившись набок, застыл. Вскоре нерпа уже лежала у наших ног на льду. Утопив после этого двух убитых нерп, мы решили разделиться. Я должен был стрелять, а товарищ — дежурить в лодке на воде, чтобы не терять считанные мгновения, пока подстреленный зверь погружается в воду. После каждого моего удачного выстрела

Журавлев устремлялся к добыче и успевал взять ее на гарпун. Одного зайца он ухитрился загарпунить, когда туша уже скрылась метра на полтора под воду. Это раззадорило охотника, и он еще быстрее носился на маленькой лодочке, рискуя каждую минуту перевернуться. Мне оставалось только не зевать и вернее брать прицел. Через два часа, не сходя с места, мы добыли семь нерп и двух зайцев, почти тонну мяса и жира. Это уже кое-что значило, и можно было съездить домой пообедать.

После обеда выехали на моторной шлюпке забрать добычу. К вечеру нам удалось добыть еще пять нерп и одного зайца, которого мы рассмотрели в бинокль на одной из ред-

ких льдин далеко в море. Вероятно, мы оставили бы его в покое, если бы перед этим, возясь с неповоротливой шлюпкой, не потопили трех зайцев. Чтобы наверстать потерю, мы направились в открытое море. Стоял штиль. На море образовалось сало, через которое с трудом продиралась наша шлюпка. Около льдины шла полоса чистой воды, и мне удалось разогнать шлюпку и, заглушив мотор, подвести ее на полсотни метров к зверю. Поздно вечером мы вернулись домой почти с полным грузом в шлюпке. В ней лежало три морских зайца и двенадцать нерп — полторы тонны мяса.

Но этим день не завершился. Заканчивая авральную работу по разгрузке мяса, мы в каких-нибудь трехстах метрах от дома увидели двух медведей. Через минуту загремели выстрелы, и оба зверя распластались на льду, увеличив наши запасы.

«Вот это денек!» — думал я, свежуя одного из медведей, в то время как товарищи возились около второй туши. Мой нож затупился. Решив сходить за другим, я выпрямился над зверем и... застыл в изумлении. Руки потянулись протереть глаза. Но нет, зрение не обманывало — на расстоянии выстрела стояли еще три медведя — самка с двумя пестунами. «Это уже слишком»,— подумал я. Медведи заметили нас и, рассматривая, поднялись на задние лапы. Я схватил карабин, но — увы! — в нем не оказалось ни одного патрона. Наконец, мне удалось привлечь внимание товарищей, увлекшихся своей работой.

Медведи повернули назад и через несколько минут скрылись за бугром острова, хотя в последний момент Журавлев успел ранить медведицу. Послав Урванцева и Ходова на моторную шлюпку, мы с Журавлевым, захватив патроны, бросились вдогонку за беглецами. Раненую медведицу настигли на берегу, а пестуны были уже далеко в море и вплавь уходили вдоль берега. Пули их не доставали. Наконец, вывернувшись из-за мыска, полным ходом подошла

моторка. На ней мы без труда настигли беглецов и через час привезли их туши на базу. В этот день наши запасы мяса выросли почти на три тонны.

Но такие дни были исключением. Часто по два-три дня мы вообще лишены были возможности охотиться. Мешала непогода. Мой дневник пестрит такими записями:

«Сегодня сидим дома. Дует свежий юго-восточный ветер. Небо покрыто облаками. Идет снег. На охоту выезжать бесполезно — на море волнение».

«Опять свежий ветер с востока. Пасмурно. Снег. На охоту снова не выезжали».

«Снова ветер. На этот раз с северо-востока. Снова нет охоты. Скверно, мяса все еще мало».

«Меня все больше и больше беспокоит мясная проблема. Сегодня снова на море появился зверь, но для нас в этом мало радости. Дует сильный юго-западный ветер со снегом, начинается настоящая метель. На море волнение, если и подстрелишь зверя, все равно не возьмешь. Журавлев не утерпел, с берега убил двух морских зайцев, но оба они пошли ко дну. Он питает надежду найти их после того, как они всплывут обратно. Но ни одного зверя из ранее потонувших мы еще не находили. Очевидно, их уносит течением».

Нередко удачно начавшуюся охоту прерывал ветер, неожиданно налетавший на смену полному штилю. Вот одна из записей:

«...Полный штиль. Небо пасмурно. Порошит снег. В проливе тонкий слой сала. Охота началась неудачей. Первый убитый заяц пошел ко дну; второй ушел раненым. У моего товарища, взбешенного неудачей, сыплются ругательства и проклятия. Наконец, ему удается загарпунить огромного зайца, которого не легко было вытащить на лед. Настроение у охотника сразу стало благодушным.

Скоро мы добыли еще одного зайца и пять нерп... Но здесь охоту прервал налетевший с севера штормовой ветер».

И снова в дневнике: «Ветер, ветер», «Метель», «Ветер свистит и завывает». И еще раз: «Заготовить мяса во что бы то ни стало. От этого зависит будущий успех».

Не мудрено, что иногда в погоне за добычей, особенно при виде медведя, шагавшего у нас на виду в своей золотистой шубе, мы теряли голову и осторожность. Так было 16 сентября:

«После обеда на северо-восточной стороне пролива заметили медведя. Мишка шел на северо-запад, уходя от нас. Запрягли десять собак и пустились в погоню. Наш отряд увеличил еще десяток свободных собак. Быстро миновав остров и выехав в пролив, мы неожиданно попали на сильно раз-

мытый течениями лед. Думая, что это небольшой участок, мы сначала не обратили внимания. До медведя не так уж далеко. Не упускать же его из-за какого-то гнилого льда? Катай дальше! Но дальше стало совсем нехорошо.

Лед еле держался, весь был усеян дырами и напоминал тонкий ломтик швейцарского сыра. То одна, то другая собака проваливалась в промоину. Лед под тяжестью саней изгибался и трещал. На поверхность выступала вода. Но поворачивать теперь было уже поздно. По старому опыту мы с Журавлевым знали, что замедлять движение нельзя, а остановка на таком льду может кончиться катастрофой. Надо как можно быстрее гнать собак. Только бы не остановились! «Ну, родимые, вытягивай!» Родимые тянули, а мы, готовые ко всему, стояли на санях, поближе к собакам, чтобы моментально обрезать постромки, если собаки провалятся, а самим как можно дальше прыгнуть от подломившегося куска льда. Каким-то чудом мы миновали гиблое место, и на душе сразу стало легче.

Медведь, о котором мы уже начали забывать, бросился наутек. Свободные собаки заметили его, быстро настигли, выгнали на береговой обрыв и остановили. Они дружно взялись за дело. Поднявшись на берег, мы увидели, как медведь, защищаясь от наседавших преследователей, лежал на снегу и отбивался зубами. Зад его висел над обрывом, а на передних лапах он держался. В таком недостойном виде владыка льдов все же успел достать одну особенно ретивую собаку и распороть ей кожу на лапе. После выстрела зверь мертвым свалился с десятиметрового обрыва. За ним ринулись и собаки, разгоряченные охотничьим азартом. На счастье, внизу был рыхлый сугроб и поэтому их головокружительные прыжки оказались удачными.

Пока Журавлев свежевал добычу, я поднялся на возвышенность острова и километрах в трех к западу увидел второго медведя. Еще час погони — и новая добыча. Это был огромный старый самец. Он изрядно увеличил наши запасы мяса».

Хорошая погода не всегда означала хорошую охоту. Были дни, когда зверь исчезал. Особенно резко это было заметно при появлении на горизонте льдов. По-видимому, морской зверь отходил к кромке льдов, где он особенно любит держаться.

В отношении льдов наши пожелания были противоречивыми. Находясь под страхом быть смытыми с нашей косы штормом, мы мечтали о льдах, которые заполнили бы море и не давали бы разгуливаться волне. В то же время мы знали, что, если море покроется льдом, охоте на морского зверя

придет конец. Наши желания раздвоились. Мы думали о настоящих морских льдах, но... с большими разводьями, чтобы и шторма не бояться, и успешно охотиться.

Суровая Арктика не пожелала считаться с нашими требованиями. Она как-то сразу покрыла все видимое пространство моря сплоченным льдом, сковала отдельные льдины в сплошной непроницаемый панцирь. Жизнь замерла. Птицы исчезли. Нерпы держались подо льдом. Морские зайцы, по-видимому, откочевали к югу. Оставалась надежда только на бродяг медведей, хотя и они обычно ищут открытую воду.

Но все это теперь не так уж было страшно для нас. В общем мы заготовили около семи тонн корма для собак. Мясо сложили в тесовый склад, пристроенный к северной стороне домика. Запасов должно было хватить до наступления полярного дня. В будущее можно было смотреть спокойно.

Собачья упряжка

Из стаи собак, полученной с Дальнего Востока, одну упряжку мы уступили для полярной станции на Земле Франца-Иосифа, а сорок три собаки привезли сюда, на острова Седова. Здесь мы и начали вплотную знакомиться с нашими четвероногими помощниками и устанавливать с ними отношения. Были выделены отдельные упряжки, и каждая из них получила хозяина. Первым требованием к собакам было абсолютное послушание и уважение к своему хозяину. За это они получали от него мясо и иногда ласку. Ласка хозяина, если не считать кормежки, единственная награда ездовой собаке за ее невероятно тяжелый труд и за многочисленные лишения. И собака любит ласку, тянется к ней и даже ревнует к хозяину своих товарок. Многие из собак, если представляется возможность, стараются перехватить ласку, получить ее первыми и, если нужно, даже подраться ради этого.

Вот, например, два прекрасных пса из моей упряжки — Варнак и Полюс. Первый — белый, с большими черными пятнами, с мощно развитой грудью и стройными, крепкими ногами. Он, по-видимому, самый сильный пес во всей стае. Второй бел, как выпавший снег, сложен словно лебедь, с густой низкой шерстью, всегда настороженный, живой и проворный. Оба они быстро признали во мне хозяина, с первых же дней показали себя хорошими работниками, и оба одинаково энергично добивались ласки. Они не обращали внимания даже на Журавлева, хотя последний нередко в мое отсутствие кормил их и еще чаще «школил», когда завязы-

вались драки. Стоило мне показаться утром, как каждый из псов со всех ног бросался ко мне. Подоспевший первым чуть не сбивал меня с ног, он становился на задние лапы, передние клал мне на плечи и старался лизнуть лицо. Когда это удавалось, пес был несказанно счастлив и в бешеных прыжках выявлял свой восторг. Нередко по дороге Варнак и Полюс сталкивались, точно летящие мячи, и тут же начиналась драка. Тогда я спешил разнять ревнивцев. Ласкать нужно было обоих сразу. В этом случае они быстро успокаивались и мирно ложились рядом. Стоило же только отдать предпочтение одному, как у второго, словно от электрической искры, торчком становилась шерсть, поднималась дрожащая верхняя губа, оскаливались клыки и раздавалось грозное рычание. Опоздай ласково потрепать его, и он вихрем бросится на своего соперника.

Если собаки сидели на цепи, нужно было всех их обойти — одной почесать за ухом, другую погладить, третьей потрепать загривок — и каждой сказать несколько слов. Пока эта церемония не заканчивалась, нечего было ждать и успокоения. Не получившие своей доли внимания от хозяина лаяли, визжали, рвались на цепях и огрызались на соседей.

Правда, первое время ласки было немного, больше перепадало наказаний. Привычки собак, характер каждой из них, способности к работе и степень обученности нам были неизвестны. Выдрессированных передовиков, которые могли бы руководить в упряжке и тянуть ее по команде человека в нужную сторону, среди наших собак не было. Пришлось выделить наиболее сильных, понятливых и заняться их обучением. А корень учения всегда горек. Первое время я пользовался восточносибирским способом запряжки. Собаки, привыкшие к ней раньше, дружно тянули сани, но везли их, куда хотелось им самим, а не мне. Только иногда, и то случайно, наши желания совпадали, и сани направлялись в нужную мне сторону.

Ни одна собака не понимала команды. Я перепробовал всех, но безрезультатно. После долгих перестановок, бесконечных криков и острастки кнутом я, наконец, остановился на Мишке. Он как будто оказался наиболее пригодным. Кстати, нужно сказать, что Мишка был если не лучшей собакой во всей нашей стае, то самой популярной. Свою известность он приобрел еще на «Седове». Как-то в плавании, в сырую погоду, которую собаки ненавидят, их выпустили из насквозь промокших загородок. Мишка обежал весь корабль. Даже сунулся было в машинное отделение, но был выставлен оттуда механиками. Он старательно обнюхал все

закоулки, однако нигде долго не задерживался. Только вкусные запахи, ударившие ему в нос из дверей камбуза, заставили Мишку застыть на месте. За всю свою собачью жизнь, проведенную у охотничьих чумов, Мишка, должно быть, не встречал таких приятных дверей. Сделав самую благонравную физиономию, чуть склонив голову набок, он, точно зачарованный, сидел против камбуза и упивался ароматами. Его глаза потускнели. Иногда он их закрывал совершенно и, вероятно, думал, что видит сладкий сон. Тонкие струйки слюны тянулись из углов его пасти. Мишка так был погружен в переживания, что даже не заметил кучки людей, молча наблюдавших за ним. На Мишкино счастье, кок был в хорошем настроении. Увидев собаку, он заговорил:

«Ну что, пес? Как живешь?»

Мишка, словно под гипнозом, подвинулся ближе. Его глаза вспыхнули, хвост забил по железной палубе. Пес поднял морду и завыл. Не резким, вызывающим у человека неприязнь, волчьим воем, а на каких-то теплых, полных восторга нотах. Кок сначала даже растерялся. Потом его лицо засияло от удовольствия.

«Э! Ты что же, петь умеешь? А ну еще! Ну, смелее!»

И собака снова подала голос. Она уже наполовину протиснулась в камбуз, и умиленные кок и его помощники склонились над ней. Еще одно тремоло..., и жирный кусок говядины исчез со стола.

С этого дня Мишка стал фаворитом камбуза, развлекал его обитателей и получал в награду вкусные куски и кости. Он настолько освоился со своей ролью, что когда видел камбуз закрытым, становился на задние лапы, а передними скреб железные двери и выл до тех пор, пока заветная дверь не приоткрывалась и из нее не высовывалась рука с куском мяса. Так Мишка выделился среди других собак и завоевал популярность у экипажа. На корабле только и было слышно: «Мишка! Мишенька! Мишуня!»

Один Журавлев не разделял восторгов команды. Охотник считал, что каждая собака должна содержаться, по его выражению, «в страхе божием» и уважать своего владыку — человека. Он презрительно звал собаку не Мишкой, а подхалимом. Однако симпатии к собаке всех обитателей корабля были настолько велики, а кок так разрекламировал ее ум, что презрительная кличка Журавлева не имела успеха, и Мишка остался Мишкой — общим баловнем.

Для упряжки мне нужны были два передовика. Особенно мне хотелось сделать передовиками Варнака и Полюса. Они были самыми сильными, да и выглядели очень представительно — буквально красавцы! Но увы! Варнак не мог по-

нять, чего я от него хочу. Он с истинно собачьей доверчивостью смотрел мне в глаза, съеживался от крика или бросался в совсем ненужную сторону. Бить я его не мог — тянул он честно. Силой он выделялся, и всю ее вкладывал в работу. Но передовиком он быть не мог. Полюс оказался способнее. Скоро он начал понимать мои требования, но мечущийся рядом Варнак мешал ему. Наконец, рядом с Полюсом я поставил Мишку. Через час новичок уже понимал, что нужно делать при той или иной команде, и учение стало налаживаться. Правда, иногда Мишка начинал капризничать и пытался казаться совершенно глухим. Тогда приходил на помощь кнут и моментально возвращал Мишке и

слух и понятливость. Работал Мишка с прохладцей, из лямки не лез, постромку натягивал бережно, точно боялся порвать ее. Но пока мне от него нужно было другое — понимание команды, что он скоро усвоил. Так Мишка и Полюс стали моими передовиками. После нескольких дней тренировки кнут опускался уже только на лодырей, моя ругань и визг собак раздавались реже. Я был уже уверен, что могу ехать в любом направлении и вести за собой упряжки товарищей.

Но иногда за кнут приходилось браться и во внеучебное время — это когда надо было прервать любимый собачий спорт — драку. Дерутся они отчаянно, с азартом. Причин для драки бесконечное количество: и неподеленный кусок, и ревность к хозяину, и неосторожное движение соседа, и занятое место, и спутавшаяся цепь, и просто избыток сил и энергии. Мы бы не возражали против этого развлечения наших помощников, если бы у них не было привычки, унаследованной, по-видимому, от своих предков волков,— нападать всей стаей на одного. Как правило, бой начинают двое. Но стоит одному из них оказаться сбитым на землю, как на него обрушивается вся стая. Тогда только энергичная работа кнута может спасти несчастного от гибели. После такой свалки всегда несколько собак оказывались с окровавленными ушами, а другие по нескольку дней прыгали на трех лапах.

Встречаются среди собак настоящие задиры, хулиганы и провокаторы. Вот серый пес с горящими умными глазами, с плотной волчьей шерстью, отличающийся от волка только покорностью человеку да задорно загнутым вверх хвостом. Зовут его Бандит. Имя оскорбительное даже для собаки. Но оно пристало к псу не случайно. Эта собака доставляла нам немало хлопот. Она не терпела спокойствия в собачьем обществе и была по-настоящему довольна, если ей удавалось затеять драку.

Делалось это так: уставшие за рабочий день собаки распрягались и до кормежки получали час-полтора полной свободы. В эту пору отдыха они не хотели принимать свою обычную позу для сна — не свертывались клубком, собрав все четыре лапы вместе, прижав к ним нос и прикрыв их хвостом. Как правило, в этот час все они ложились на бок, вытягивали в стороны лапы, как бы старались расслабить мышцы своего тела для полного отдыха. Бандит работал не хуже других, но уставал меньше. Он был силен и отменно здоров. Через двадцать — тридцать минут после распряжки он уже забывал об усталости. Вставал, потягивался и будто говорил: «Ну, довольно валяться, пора приниматься за дело». Критически осмотрев стаю, он намечал жертву. Подойдя и наклонив голову над самым ухом спокойно лежащей собаки, он оскаливал ослепительно белые клыки и начинал потихоньку рычать. Постепенно рычание переходило на все более и более высокие ноты. Угроза и вызов так и клокотали в нем. Если собака попадалась спокойная или очень уставшая — она не отвечала хулигану, и он, постояв над ней, разочарованно отходил. Через несколько минут Бандит выбирал новую жертву и начинал все сначала. Ему нужен был только предлог для драки. Стоило какой-нибудь собаке огрызнуться, как он молниеносно пускал в ход клыки.

Драка начата. Вся стая, как бы она ни устала, поднимается, и через минуту начинается общая потасовка. А Бандит? О, это был врожденный хулиган, провокатор! Заварив склоку, он каким-то таинственным образом ухитрялся выскочить из свалки, отбегал в сторону, садился и с восхищением наблюдал. Он сидел и как бы улыбался. Иногда нам казалось, что пес смеется не только над собаками, но и над нами. Кнут нередко гулял по бокам Бандита, но отвадить его от драк не мог.

В упряжке он работал прекрасно. Бандит отнюдь не был злым по характеру. Требовал ласки, как и все; при хорошем настроении заигрывал с соседями. Мы любовались его работой и с огорчением думали о его позорном имени. Были случаи, когда, восхитившись старательностью пса, мы даже решали дать ему другую кличку. Но стоило только снять с него лямку и оставить на свободе, как он тут же полностью оправдывал свое прозвище.

Он попал в упряжку Журавлева, но нрава своего не изменил, хотя, как уже говорилось, правилом охотника было: «собака должна содержаться в страхе божием». С первого же дня Журавлев начал приучать собак к новоземельской веерной упряжке, которую они совсем не знали, и, пока по-

няли, что от них требуется, доставили немало хлопот хозяину, да и себе причинили достаточное количество неприятностей.

Мы долго обсуждали и много спорили о том, какую упряжку предпочесть. Я три года пользовался восточносибирской цуговой упряжкой, умел хорошо ею управлять, привык к ней и ни о чем другом не мечтал. Новоземельской веерной упряжки я совсем не знал. Журавлев много лет применял на Новой Земле веерную упряжку и впервые увидел восточносибирскую. Быстро подметив отрицательные стороны последней и забывая о недостатках веерной, он с сектантским упорством защищал свою упряжку. Урванцев

вообще еще не знал езды на собаках и в спорах поочередно теоретически анализировал достоинства и недостатки одной и другой упряжки, не решаясь отдать какой-либо предпочтение. А Вася Ходов слушал, молча улыбался и готов был прокатиться как на цуговой, так и на веерной.

Разница в упряжках следующая. В восточносибирской собаки пристегиваются попарно к одному ремню, проходящему от саней посредине всего цуга, и бегут пара за парой. Лямка в этой упряжке имеет форму шлейки, при которой нагрузка ложится на грудь и спину собак. Управление собаками производится только подачей команды. На Чукотке, Камчатке, в Анадырском крае и на острове Врангеля можно наблюдать, как мчащаяся во весь опор упряжка собак по возгласу погонщика «подь, подь!» моментально, не сбавляя хода, поворачивает вправо. Через какую-нибудь минуту погонщик крикнет «кхрх!», и собаки повернут влево. Достаточно хозяину скомандовать «тай!», и сани сейчас же остановятся, а по возгласу «хэк!» они вновь понесутся вперед. Слова команды изменяются в зависимости от языка народа, но метод управления всюду остается один.

Тормозом для саней служит «остол». Это крепкий кол до полутора метров длиной. Нижний конец его снабжен стальной или железной спицей. К верхнему концу прикреплен длинный ремень, заменяющий кнут.

Погонщик, как правило, сидит боком с правой стороны саней между первым и вторым копыльями, поставив ноги на полоз. Для того чтобы затормозить, седок ставит остол под сани, впереди второго копыла, упирает его в снег и нажимает всей тяжестью своего тела.

Особенно хороша восточносибирская упряжка для районов, где часто встречается рыхлый, «убродный» снег, как, например, на Камчатке или в Анадырском районе. Здесь человеку нередко приходится идти впереди упряжки на лы-

жах и приминать глубокий снег. Собаки идут по лыжне и не тонут в снегу.

Если рыхлый снег не глубок, то дорогу пробивают две передовые собаки. Они делают самую тяжелую работу. Остальные идут за ними, стараясь попадать лапами в след передовиков. Поэтому передовиками в такой упряжке должны быть не только самые понятливые, наученные воспринимать команду, но и наиболее сильные собаки. От них зависит успех продвижения.

Хороша такая упряжка и в сильно торошенных морских льдах. Здесь приходится идти среди хаотических нагромождений и часто пользоваться очень узкими проходами, в которые с трудом могут протиснуться сани. Собаки, бегущие попарно, не только легко проходят в эти щели, но и не перестают тянуть сани.

Недостатком этой упряжки является то, что в непосредственной близости к погонщику находится только ближайшая к саням пара собак, остальные достаточно далеко, и появившийся среди них лодырь может безнаказанно ослабить лямку. Только погонщик-виртуоз способен безошибочно стегнуть длинным кнутом такого лодыря, в какой бы паре он ни шел. Но надо заметить, что хорошо подобранная и натренированная упряжка почти не требует кнута. Эскимосы часто вместо кнута держат под рукой полуметровую палочку, к концу которой прикреплено несколько металлических колец. Достаточно ездоку тряхнуть этой погремушкой, как собаки, даже сильно уставшие, моментально отзовутся на призыв, повеселеют и ускорят бег.

Независимо от способа упряжки собаки очень восприимчивы к настроению своего хозяина. Песня или оживленный разговор делают их веселыми, ускоряют бег. И нередко ездок громко поет или, сидя на санях, разговаривает, хотя на десятки, а иногда на сотни километров вокруг не найдешь ни одного слушателя. Это погонщик веселит своих собак. И не безуспешно. Бодр и весел хозяин — бодры и веселы его собаки.

В новоземельской веерной упряжке все собаки ставятся в один ряд. Лямки каждой пары через особое кольцо прикрепляются к общему ремню, который в свою очередь свободно пропущен через кольца у передка саней. Если одна собака перестает тянуть, вторая неминуемо должна выдвинуться вперед и таким образом показать, что ее напарник лодырничает. На всех собак, кроме лямок, надевают ошейники, прикрепленные к общему ремню или цепи. Это не дает собакам возможности разбегаться в стороны. Передовиком в этой упряжке считается собака, идущая крайней в шеренге,

обычно слева. К ошейнику передовика прикрепляется вожжа. Здесь зовут ее «пилеиной». Если натянуть пилеину, передовик остановится или замедлит ход, а остальные собаки, продолжая бег, обойдут его, и вся упряжка повернет в сторону передовика.

Для поворота в противоположную сторону пилеиной легко похлестывают передовика по боку, и он начинает давить на соседей до тех пор, пока не собьет их на нужное направление. Торможение производится так же, как и при восточносибирском способе упряжки, только тормозом служит не короткий остол, а заимствованный из оленьей упряжки «хорей» — шест не менее трех метров длины. На нижнем

толстом конце он имеет, как и остол, металлическую спицу, а на верхнем тонком — небольшой костяной шарик. Для торможения хореем пользуются точно так же, как и остолом. Кроме того, им же понукают собак, ударяя их тонким концом хорея с костяным шариком. Этим же шариком можно на ходу распутать ремни упряжки.

Преимущества такой упряжки были налицо. Во-первых, легкость управления: повернуть или остановить собак можно в полной тишине, не подавая команды. Это часто очень важно при охоте на зверя. Все капризы или охотничий азарт передовика при погоне за зверем исключаются. Он на вожже и полностью в руках хозяина, а вместе с ним и вся упряжка. Еще бо́льшим достоинством этого способа является близость всех собак к человеку. Любая собака, задумавшая полентяйничать, тут же получает щелчок. Но по рыхлому снегу ездить на такой упряжке труднее. Каждая собака должна самостоятельно пробивать себе дорогу. Все они одинаково утомляются, особенно тяжело это для слабосильных. Еще хуже в сильно торошенных льдах. Где проскользнет пара идущих рядом собак, там не пройдет десяток. Собаки будут давить друг друга и мешать работать.

Я видел ясно эти изъяны, но в то же время знал, что в высоких широтах при путешествии по земле и вдоль береговой линии, а не в торошенных льдах недостатки веерной упряжки будут несущественными. Глубокий рыхлый снег здесь с половины зимы и весной, когда будут проводиться наши работы, встретится очень редко, лишь в руслах рек да в закрытых от ветров местах.

Новоземельская веерная упряжка мне нравилась. Но, несмотря на это, я все же пока тренировал собак в восточносибирской. К ней они были уже приучены. В конце сентября я на своей упряжке уже мог ехать куда хотел. А Журавлев пока мучился. Его старания переучить собак все еще оставались безуспешными. Часами он возился с ними. Иногда,

проехав километров пятнадцать — двадцать, я возвращался домой и заставал Журавлева за сменой рубашки, взмокшей от пота. «Не идут проклятые!» — заявлял охотник. На следующий день он снова, с упорством полярника, брался за собак. Но собачий веер по-прежнему старался перестроиться в привычный цуг.

Поэтому я решил пользоваться восточносибирской цуговой упряжкой до тех пор, пока Журавлев не добьется удовлетворительных результатов. Переучивание всех собак сразу могло затянуться надолго. А времени мы терять не могли. Дорога устанавливалась. Приближалась темная пора. Надо было успеть разведать путь на Северную Землю. Пришло время проверить наши силы и возможности. Способ упряжки не должен задерживать осуществления наших планов. Следом за моими санями можно было идти при любой упряжке собак. Это могло затруднить поход, но не вынуждало нас отложить его выполнение.

Берега, давно манившие людей

Страницы моего дневника за первые десять дней октября 1930 года не отличаются завидной внешностью. Некоторые листы смяты. Почерк местами неразборчив. Часто попадаются сокращения слов. Кое-где видны жирные пятна. Это потому, что записи делались в обстановке, очень далекой от всяких удобств. Все писалось в походных условиях — многое около примуса, в тесной, полузанесенной снегом палатке; другое — в лежачем положении, в спальном мешке; третье — просто на санях, под ветром. Эти страницы едва ли не самое дорогое в двухлетнем дневнике. Они рассказывают о первом нашем успехе, о том, как сбылась наша мечта (да и только ли наша?) попасть на нехоженые берега Северной Земли.

Если выбросить из записей теперь уже ненужные многочисленные цифры, показывающие часы и минуты, магнитные азимуты курсов, отметки о пройденном расстоянии на том или ином направлении и о расходе продуктов, то записи в дневнике будут выглядеть так:

1 октября 1930 г.

Минул месяц после прощального гудка «Седова».

Наше настроение приподнятое, почти праздничное, но в то же время и серьезное, точно перед экзаменом на аттестат зрелости. Первый санный поход обещает нам осуществление

нашей мечты о выходе на нехоженую землю. Он должен показать, на что мы способны в поле. Достижение Северной Земли покажет обоснованность и осуществимость наших планов, расчетов и надежд...

Еще вчера вечером мы загрузили и увязали сани, а собак посадили на цепи, чтобы утром не тратить время на поимку непокорных. Несмотря на это, сегодня только к полудню закончили все сборы. Облачаемся в походную одежду. Сажусь к столу и пишу радиограмму в Москву:

Нарты увязаны. Собаки рвутся в упряжках. Выходим на Северную Землю. Впереди манящая неизвестность и красный флаг на Северной.

80 Взгляд пробегает написанные строчки. Где-то в сознании рождается мысль — серенькая и осторожная, как скребущая мышь: «Даешь обещание, а вдруг почему-либо не дойдешь? Может быть, лучше не посылать телеграммы?» Но воля протестует: «Надо дойти. Должны дойти. Поэтому дойдем!» Ставлю подпись, передаю радиограмму остающемуся на базе Ходову, даю ему последние советы, жму руку и выхожу к упряжке.

Засидевшиеся собаки с лаем и визгом берут с места. Поход начался.

Чтобы не пересекать с грузом лежащий на пути Средний остров, мы решили обогнуть его с западной стороны и затем уже повернуть на восток. Поэтому от базы сначала идем на северо-запад. Продвигаемся быстро. Груз на санях не велик — в среднем на каждую собаку по тридцать килограммов, включая вес человека. В будущем эта цифра вырастет до пятидесяти — шестидесяти. Сейчас надо учитывать, что дорога еще не совсем установилась, а собаки настоящей работы не знают и с грузом идут впервые. При этих условиях указанную нагрузку надо считать достаточной и даже при ней следует ожидать скорого утомления наших «самолетов».

Пока сани быстро скользят вперед. Мы уже обогнули Средний остров, переменили курс на северо-восток и по ровному морскому льду мчимся навстречу начинающемуся ветру.

Наша мечта сбывается. Нам предоставлена возможность исследовать Северную Землю. Выполняя это поручение, мы идем к ее берегам.

Вчера Арктика подарила нам ясный день. Тренируя собак, мы километров двенадцать прошли на восток от своей базы. Сильная рефракция строила на востоке фантастические ледяные города. Они точно плавали в воздухе, поднимались, росли и исчезали, как в сказке. Но больше, чем они, нас интересовало другое. На северо-востоке был виден высо-

кий берег. Это, без сомнения, Северная Земля. Расстояние до нее мы определили в 60—80 километров.

Может быть, мы ошиблись. Возможно, что до берегов, замеченных нами при усиленной рефракции, наберутся все 100 километров. Но и это совсем немного, если бы эти километры лежали не в Арктике. По прежнему опыту мы знаем, что здесь они бывают «длиннее», чем где бы то ни было. В Арктике нередко при преодолении лишь нескольких километров иссякают силы собак и надламывается воля человека.

Восточный ветер усиливается. Начинает мести снег. Движение замедляется.

Накрывает молочно-белый туман. Поземка переходит в метель. Ориентироваться можно только по компасу. Держать собак на правильном курсе против встречного ветра все труднее и труднее. Но мы идем вперед.

За моими санями веерная упряжка Журавлева. Урванцев замыкает караван. Его собаки запряжены, как и у меня, цугом. Обе задние упряжки хорошо идут по следу. На пробитой дороге товарищи меньше чувствуют тяжесть пути. Все же во время короткой передышки начинается разговор о неудачно выбранной погоде. Чувствуется осторожный намек на возможность возвращения. Но только намек. Мои товарищи знают, какая редкость здесь в это время хорошая, устойчивая погода. Отвечаю на это поговоркой полярных охотников: «Из дома погоду не выбирают». И мы поднимаем собак.

Остановиться лагерем и переждать метель нельзя. Слишком близко открытое море. Надо уйти от него, насколько хватит сил, и этим уменьшить риск быть оторванными и унесенными в океан. Поэтому — только вперед.

Местами свежий снег полностью сметен ветром. Старый лед обнажен. Сани по нему скользят легко. Собаки оживают и, несмотря на встречную метель, быстро бегут вперед. На свежем рыхлом снегу труднее. Упряжка часто останавливается, перестает слушаться команды. У меня начинает болеть глотка от криков, а лицо ломит и жжет от ветра и беспрерывных уколов снежных игл.

Перед сумерками ветер начинает слабеть. Но собаки, еще не привычные к работе и попавшие сразу в такую переделку, окончательно вымотались. Надо останавливаться.

Одометры[1] показывают 18 километров, пройденных от базы. Открытое море позади нас, на расстоянии 14—15 километров. Пожалуй, можно спокойно заснуть. Спокойствие

---

[1] Одометр — прибор для определения пройденного расстояния.

будет, конечно, относительным, но все же полтора десятка километров имеют какое-то значение.

Обычной заботой в арктическом санном путешествии является выбор места для лагеря. Палатка — единственное убежище от метели, ее следует беречь. Устанавливать ее надо прочно и тщательно, так как сильный порыв ветра может не только сорвать парусину с кольев, но и изодрать ее в клочья. Как правило, для лагеря выбирается участок с глубоким, утрамбованным ветром и смерзшимся снежным забоем. Тщательно натянутая палатка с кольями, на 35—40 сантиметров вбитыми в такой снег, может выдержать любой шторм.

82 Хотелось бы и нам найти такой снежный покров. Но все наши поиски тщетны. Сказывается раннее зимнее время. Вокруг нас снег лежит тонким рыхлым слоем, не более 15 сантиметров глубины. Закрепить на нем палатку нельзя. Поэтому делаем что возможно — натягиваем ее между двух саней. Приходится располагать наше полотняное жилище боком к ветру, а не тыловой стороной, как это делается обычно, иначе ветер сдвинет сани. В таком виде прочность палатки не внушает уверенности, но что делать — другого выхода нет.

Вечер проводим у свечи и примуса. В плохо растянутой палатке очень тесно, но скоро мы «утрясаемся», находим возможность готовить ужин, отдыхать и даже писать.

Снаружи продолжается низовая метель. Иногда показываются клочки чистого неба, две-три звезды, пробегает луч полярного сияния. Термометр показывает —15°.

После ужина расстилаем на снегу по оленьей шкуре. Поверх кладем спальные мешки. Это наши постели. Раздевшись, укладываемся спать. За тонкой парусиновой стенкой визгливо и злобно воет метель — как будто протестует против вторжения в ее владения.

2 октября 1930 г.

Спал крепко. Проснувшись, услышал посвистывание ветра.

Снаружи продолжалась метель. Собак не было видно. Они спали под толстым снежным одеялом. Над снегом были видны только полузанесенные ящики, сани замело совсем.

Разожгли примус, растопили снег, вскипятили чай и разогрели консервы. После завтрака не решаемся сразу покидать лагерь из опасения, что через километр снова придется разбивать его при еще худших условиях. Небо ясно, восток горит багровым пламенем, но сильный северо-восточный ветер густо метет снег на высоте человеческого роста. Собаки

в таких условиях скоро откажутся тащить груженые сани. Мы хотим окончательно убедиться, что это не начало новой метели, а последние порывы бушевавшей ночью непогоды, и не покидаем палатки.

Только около десяти часов утра ветер начинает слабеть, и стена несущегося снега делается не столь плотной.

Откапываем сани и, снявшись с бивуака, начинаем новый рабочий день.

Мучительное предприятие! Скоро убеждаемся, что даже против ослабевшего ветра собаки недолго выдержат. Начинаем лавировать, точно под парусом. Отклоняемся от курса то вправо, то влево, с таким расчетом, чтобы ветер не бил в глаза собакам. Движемся медленно. За два часа прошли два с половиной километра по прямой.

Но ветер продолжает слабеть. Метель, наконец, прекращается. Собаки оживают. К полудню, перестав лавировать, направляем караван прямо на северо-восток.

Там на горизонте лежат огромные кучевые облака. Они неподвижны и создают полную иллюзию горной страны. Сначала подумали, что перед нами высокие горы Северной Земли, и принялись громко восторгаться их красотой. Но вот «горы» потеряли свои мягкие очертания, начали клубиться, оторвались от горизонта и, дробясь на отдельные клочья, медленно поплыли к югу. Мы смущены, но тут же забываем ошибку. Из-под уплывших облаков вырисовываются действительные берега и настоящие горы, хотя и значительно ниже исчезнувших. Видны две отдельные столовые возвышенности. Одна из них прямо на нашем курсе заканчивается высоким мысом. На него и решаем продолжать путь.

Слева от курса вырисовывается новый берег. Он кажется низким и идет почти параллельно нашему пути. Что-то уж очень много берегов! Мы теряемся в догадках. Что это? Неужели опять отдельные мелкие острова? Или мы идем глубоким заливом и перед нами все же сама Северная Земля? Курса упрямо не меняем.

Погода совсем выправилась. Полный штиль. Дорога тоже улучшилась. Только иногда попадаются участки голого, колючего, старого льда. Здесь приходится сдерживать собак, чтобы не изрезали лапы. Пока они бегут весело, и мы с каждым часом яснее видим таинственные берега.

В 16 часов делаем короткий привал. Даем собакам по куску мяса. Не разбивая палатки, под защитой саней разжигаем примус, растапливаем снег, разогреваем консервы. Бесконечное снежное поле служит скатертью. Охотник в шутку спрашивает, сколько можно было бы посадить гостей

за этот стол. После обеда снова вперед — без приключений и каких-либо трудностей.

Закат удивительно хорош. Огромный багровый диск солнца медленно плывет низко над горизонтом. На западе ни одного облачка. Небо пылает всеми переливами красного цвета — от густо-бордового до нежнейшего розового. В зените господствует теплый фиолетовый оттенок. Редкие кучевые облака на севере и северо-востоке то кажутся перламутровыми, то теряют блеск и напоминают причудливые матовые узоры на старом китайском фарфоре. Позади — наш след, бесконечной сине-фиолетовой лентой уходящий далеко-далеко, прямо к нависшему над горизонтом солнцу, а впереди — розовый снег, по которому скользят густо-фиолетовые тени собак. Мыс вырисовывается все отчетливее. Сейчас он кажется лиловым на фиолетовом бархате неба. Поразительные краски! Такие можно видеть только в Арктике. Голова кружится от богатства их оттенков и неожиданных контрастов. В морозном воздухе звонко раздаются наши голоса. Картина фантастическая. Реальна только одна наша маленькая группа, затерявшаяся во льдах.

Мы опять обманулись. Благодаря необычайной чистоте воздуха мыс кажется совсем близко. А наше общее желание поскорее достигнуть его еще больше сокращает расстояние. Во время привала, внимательно всмотревшись, мы определили, что идти осталось 16—17 километров. После этого мы прошли 10 километров, а мыс все в том же отдалении. Слева, на севере, по-прежнему тянется низкий берег.

К вечеру краски тускнеют. Сгущаются сумерки. Появляются вспышки полярного сияния. Делаем привал. За день прошли 23,6 километра. Мы довольны. Палатка кажется уютнее, и даже как-то бодрее шумит примус.

3 октября 1930 г.

Морозный, солнечный, тихий день.

Впереди ровный лед. Никаких признаков торошения. Столовые горы видны отчетливо. Под ними уже можно различить террасу. Берег уходит с юга на север до пределов видимости. Слева от курса, над замеченным вчера низким берегом, вырисовался высокий щит с отлогими и плавными склонами — судя по всему, ледяной. Никаких признаков отдельных вершин на нем нет.

Отдохнувшие за ночь собаки дружно берутся за работу. Наше настроение ясное, как небо над головой. На пути ни торосов, ни метели. Кажется, что за несколько часов прокатим остающееся расстояние и ступим на таинственный берег.

Но это настроение скоро улетучивается. Мы убеждаемся, что Арктика может ставить перед человеком самые неожиданные препятствия. Каждый шаг к цели здесь требует борьбы. От полярника постоянно требуется нравственное и физическое напряжение.

Быстро проскочив несколько километров, мы попадаем на широкую полосу сухого рыхлого снега. Словно пух, он покрывает лед слоем от 20 до 30 сантиметров. Поверхность его искрится под лучами яркого солнца, кажется необычайно красивой. Но ведь нам надо не любоваться, а идти через него. Как только моя упряжка попадает на этот мягкий снег, собаки проваливаются по брюхо и еле волочат погрузившиеся сани. Такой рыхлый, несмерзшийся снег в Арктике называется «убродным». Не найдется ни одного полярника, который, попав в «уброд», не проклинал бы его. Моя упряжка еле пробивает путь. Собаки одна за другой начинают выдыхаться. Скоро я уже впрягаюсь сам. Даже товарищи, идущие по пробитой дороге, должны впрячься в лямку.

Как легко мы вздохнули, пройдя полосу «уброда». И тут же попали на совершенно голый лед. Это работа последней метели. Ветер начисто подмел снег на одном участке и завалил другой. Там, из-за отсутствия сильных морозов, снег не успел смерзнуться, а здесь обнажилась колючая, как гигантская терка, поверхность льда. Одно не лучше другого. Правда, полозья скользят по льду хорошо, собаки снова оживают, движение ускоряется, но через час на поверхности льда появляются капельки крови. Собаки режут о колючую поверхность еще не огрубевшие в работе лапы. Чем дальше, тем больше рубиновых пятен. Собака с разбитыми лапами не работник. А путь еще далек. Но ничего не поделаешь — надо идти. Единственно, что в наших возможностях,— сдерживать собак. Это совсем не совпадает с нашим желанием скорее попасть на неизвестный берег.

Он все отчетливее выступает на голубом фоне неба. В бинокль уже можно рассмотреть отдельные камни. Осталось не более 12—15 километров. И снег пошел крепкий, смерзшийся, отполированный ветром.

Но... если бы перед походом мы нарочно стали придумывать трудности пути и препятствия, которые сумеет поставить перед нами Арктика, то и тогда наша фантазия не изобрела бы того, что встретили на последнем десятке километров перед Северной Землей.

Что это за красные пятна появились на снегу? Чем дальше, тем их становится больше. Площадь их увеличивается. Сначала мы принимаем их за «красный снег». Это явление

знакомо каждому полярнику. Оно вызывается присутствием одноклеточных водорослей пурпурного цвета, в большом количестве размножающихся на поверхности снега. Только почему же сани, попав на красное пятно, перестают скользить? Словно выезжаешь на песок. Собаки сразу останавливаются. Они уже утомлены трудностями пути — метелью, убродом и колючим льдом. Теперь новое неожиданное препятствие окончательно выматывает их силы.

Как только останавливаются сани, собаки тут же свертываются клубками и ложатся. Поднять их с каждым разом становится труднее. Они так жалобно смотрят в глаза, что занесенная с кнутом рука повисает в воздухе. Не хватает

сил ударить. Лучше пройти вдоль упряжки, поднять каждую руками и приласкать. Тогда животные, словно поняв необходимость двигаться дальше, натягивают постромки и, напрягая оставшиеся силы, снова волочат тяжелые сани.

В моей упряжке, пожалуй, самые сильные псы, но они больше всех измучены, так как им пришлось пробивать путь. Прекрасно работают Полюс и Варнак. Не плох Мишка. Выделяется Юлай. Белые глаза Юлая говорят о том, что если и не он сам, то его предки родились на далекой Колыме. Юлай горд и добросовестен. Держится он с достоинством и редко ласкается. В эту поездку он идет рядом с передовиком Мишкой. Прижав острые уши и быстро перебирая сильными лапами, он, как струну, натягивает свою постромку и, несмотря на всю тяжесть пути, работает превосходно. Неплохо держатся и другие.

Но что мне делать с Ошкуем? Он хуже всех. Свою кличку он получил за внешний вид. Ошкуем поморы называют белого медведя. Первое время этот пес своей флегматичностью, спокойствием, кажущейся неповоротливостью действительно напоминал медведя. Теперь же, разжиревший, с густой скатанной шерстью и с обрубком хвоста, он больше похож на курдючную овцу. Во время кормежки Ошкуй теряет свою флегматичность. Он успевает съесть не только свой кусок, но еще отбить порции у одного-двух соседей. Поэтому он так и отъелся. Последнее время его пробовали сажать на цепь и заставлять поститься по нескольку дней. Однако и это мало помогало. По характеру он неплохой пес. Хочет работать, но... не может. Утром Ошкуй подхватывает сани и несется сломя голову, не отставая от других. Но скоро наступает перелом. Начинает одолевать одышка. Язык Ошкуя высовывается изо рта и треплется сбоку. Кажется, вот-вот он его потеряет. Бока тяжело вздымаются, глаза мутнеют, и постромка виснет в воздухе. Через час Ошкуй еле тащится. Сегодня мне надоело с ним возиться. Я выбро-

сил его из упряжки, и он в одиночестве плетется вслед за караваном.

Вообще наши собаки требуют большой тренировки. Этот поход, не будь он первым, был бы значительно легче. Я уверен, что в будущем мы сможем доходить от нашей базы до Северной Земли за один перегон. Но это в будущем. Сейчас же очень тяжело и собакам и людям.

Как бы то ни было, мы идем вперед, одну за другой преодолевая широкие загадочные и все ярче и ярче выраженные полосы красного снега. С каждым шагом ближе Земля. Несмотря на усталость, настроение приподнятое. Чем больше приближаемся мы к Земле, тем скорее хочется почувствовать ее под ногами. Чтобы приблизить этот момент, мы работаем в упряжках наравне с собаками. В нескольких километрах от Земли проходим полосу глубоких, твердых, как сахар, снежных застругов. Какой же здесь бывает ветер, если он успел создать эти гряды в самом начале зимы?

Наконец, в наступающих сумерках мои собаки перелезли через последнюю снежную гряду и остановились перед крутым берегом.

Усталости как не бывало. Хочется смеяться, петь, обниматься.

Мечта сбылась. Мы первые ступили на эти берега, так манившие людей. Суровая природа Арктики долгие годы не допускала сюда человека. Но сегодня Советская страна может записать новую победу. Ее люди добились цели, поставленной перед ними.

Сумерки сгущаются. Загорается полярное сияние. Волны призрачного света, скользя между появившимися облаками, смутно освещают суровую картину. Высокий берег образует здесь широкую террасу, километрах в двух от моря круто переходит в невысокую столообразную возвышенность. Все покрыто снегом. По широкой террасе, над белой пеленой снега, разбросаны крупные обломки красных песчаников. Вечером они черны, и самые высокие из них кажутся таинственными существами. Полная тишина. Безмолвие здесь кажется физически ощутимым. Оно подчиняет настроение, заставляет подтянуться, сосредоточиться.

Этот берег еще не знает ни человеческих голосов, ни шумной песни, ни веселого смеха. Ему знакомо только чередование мертвого безмолвия с диким воем полярной метели.

Ничего! Теперь он услышит и смех и песни. Я уже слышу, как Журавлев, расправляя палатку, поет:

Никто пути пройденного
У нас не отберет...

Урванцев распаковывает груз на санях и подтягивает своим баском Журавлеву.

Понятны и смысл песни и настроение. Мысленно окинув пройденный нами путь, я пытаюсь тверже поставить ногу, чтобы еще раз как следует почувствовать под ней Северную Землю. Потом включаюсь в хлопоты по устройству палатки.

Небо быстро заволакивает облаками.

Собакам выдаем удвоенную порцию. Они заслужили ее. Сами забираемся в палатку на отдых. Мы тоже его заслужили.

Когда Арктика кажется теплее

4 октября 1930 г.

Вчера, достигнув желанных берегов Северной Земли, мы в волнении даже не взглянули на показания одометров. Оказывается, за весь тяжелый день мы осилили только 17 километров. От дома прошли 69 километров. Если исключить объезд Среднего острова в группе островов Седова, то получается, что от нашей базы нас отделяет расстояние в 60 километров. Это хороший показатель для наших будущих планов. Зимой морозы и ветры безусловно улучшат снежный покров, и на собаках, втянувшихся в работу, мы значительно легче будем проходить это относительно небольшое расстояние.

В этом районе мы создадим наш базисный продовольственный склад для работ на Северной Земле. Сюда нужно будет забросить много собачьего корма, продуктов и керосина, и поэтому придется не один раз повторить только что пройденный нами путь. Он станет нашей столбовой дорогой на Северную Землю.

Сегодня с утра пасмурно. Дует восточный ветер. Поземка. Днем ветер усиливается. Над льдами, к западу от лагеря, встает сплошная серая стена. По-видимому, там метель бушует в полную силу. Нас несколько защищают горы, но, несмотря на такую защиту, с полудня и здесь разгуливается настоящая метель. Она мешает нам как следует осмотреть район.

Кое-где поверхность земли совершенно обнажена, но бо́льшая площадь покрыта тонким слоем снега, лишь иногда достигающим глубины 10—15 сантиметров. Только на самом склоне берега и в ручьях снег лежит мощным слоем. Это работа ветра. На заносах уже образовались большие заструги. Их очертания говорят о преобладании береговых ветров.

Благоприятный снежный покров облегчает обследование берега. Хорошо развитая, сравнительно ровная береговая терраса расположена на небольшой высоте. Ее поверхность покрыта кирпично-красными суглинками с рассеянными по ним валунами из красных и серых песчаников. На поверхности террасы много мелких раковин, говорящих о том, что здесь когда-то плескалось море.

Теперь нам становится понятным происхождение красного снега, который мы встретили вчера на своем пути. Оказывается, это пыль, принесенная с Северной Земли. Поэтому-то так тяжело шли сани. Но какой же силы тогда достигают здесь ветры, если они способны выветрившуюся глину унести на 15 километров,— именно на таком расстоянии от Земли мы встретили первые красные пятна.

Из-за усилившейся метели мы отказались от подъема на гору, круто вздымающуюся над террасой. На обратном пути, порой разрывая снег, мы были приятно поражены сравнительно богатой здешней растительностью. В то время как на островах Седова, сложенных известняками, цветковые растения почти отсутствуют, здесь, кроме большого количества лишайников, покрывающих камни, и помимо мхов, мы нашли более десятка цветковых. Среди них — камнеломки, вездесущий в Арктике альпийский мак, щавелек, два вида мятликов и даже миниатюрные побеги полярной ивы, прячущей среди мхов свое тонкое тельце. По-видимому, в этом году снег покрыл землю раньше обычного и застал растительность в период цветения. Многие экземпляры мака и камнеломок мы выкопали из-под снега с замерзшими, но вполне сохранившимися цветами и даже с нераспустившимися бутонами.

Такие же отрадные находки сделали и по фауне. Нашли помет полярной совы. Значит, эта птица посещает суровые берега Северной Земли. В помете кости и когти лемминга. Встретили след песца. Не такая уж безжизненная эта земля. Летом, по-видимому, достаточно оживленно.

Пока мы с Урванцевым обследовали берег, Журавлев побывал у полыньи километрах в шести от лагеря и видел на воде двух нерп. Стрелять не стал, так как из-за отсутствия лодки все равно не достал бы убитого зверя. На пути он нашел два хорошей сохранности бревна плавника. По его определению — ель. Отсюда вывод — значит, и здесь море вскрывается и бывает открытая вода, иначе не занесло бы сюда плавник.

Следов песца и медведя охотник не видел, поэтому считает день потерянным. Он не в духе, и когда я, подытоживая результаты дня, развиваю предположения ученых о по-

теплении Арктики и смягчении климата, Журавлев иронически просит меня зарегистрировать его заявку на покос и огород. Пока же он, довольный своей шуткой и повеселевший, «идет в огород», уже принесший урожай, другими словами — лезет в мешок с сухими овощами и начинает готовить ужин.

Смеркается. Метель, испортившая нам день, кончилась. Наступил полный штиль. Пламя примуса, установленного на открытом воздухе, не колеблется. Растопив в котелке снег, Журавлев, не глядя, кладет в воду несколько горстей сушеных овощей и заправляет мясными консервами. Вскипевший борщ выглядит очень аппетитно. «Повар» вооружается ложкой и, наперед похваливая блюдо, «снимает пробу». Я вижу, как его глаза закрываются, а рот... остается открытым. Долгонько он сидит в таком положении, словно не в силах перевести дыхания. Наконец, крякнув, как после хорошего глотка спирта, разражается бранью и начинает энергично что-то выискивать в котелке. Скоро оттуда извлекается большой стручок красного перца, потом второй и третий. Журавлев далеко швыряет свои находки. Потом, порывшись в мешке с сухими овощами, находит там еще несколько стручков и, размахнувшись, бросает их на берег.

— Может, вырастет, когда потеплеет Арктика! Пригодится тресту «Плодоовощь» для приготовления борща полярным экспедициям.

Все же он снимает кастрюлю и торжественно вносит в палатку. После трехсуточного питания сухими консервами мы приходим к заключению, что если перец в излишнем количестве положен в сухой борщ, то, значит, ему там и полагалось быть. Кому-кому, а тресту «Плодоовощь» известен рецепт сухого борща. Смех и жгучее от перца варево захватывает дыхание, но мы все-таки опорожнили кастрюлю.

5 октября 1930 г.

С утра тихо. Вверху небо ясно. Горизонт обложен облаками. Низкое полярное солнце не показывается из-за них.

Двинулись вдоль идущего на восток берега. Местами он достигает высоты 7—8 метров. Скоро встретили речку. Долина ее, по-видимому, недавно была ложем ледника. Остатки его сохранились до сих пор в виде ледяного языка мощностью до 10 метров. Породы все те же. Валунные суглинки и красные песчаники. Однако в русле речки много зеленых галек. Речка течет с соседней горы, и выше по течению есть ущелье с отвесными стенами в 30—40 метров.

Высокий выступ берега, почти чистый от снега, показался нам очень удобным для продовольственной базы, и мы ре-

шили заложить здесь наш опорный пункт на Северной Земле. Около большого, издалека заметного валуна сложили двести четыре килограмма пеммикана, один бидон керосина, ящик галет. Не забыли положить и шестьсот штук винтовочных патронов. В хороших руках — это тоже продовольствие.

Развязывая сани, мы услышали какое-то попискивание. Собаки насторожились. Мы осматривались вокруг, но ничего не видели. А писк повторялся то с одной, то с другой стороны. Наконец, я увидел маленький комочек, мелькнувший в воздухе, за ним второй. Это оказались пуночки. Первые живые существа, встреченные нами на Северной Земле. Но почему же они не улетели до сих пор на юг? По-видимому, заблудились. Какими маленькими, жалкими и беззащитными они кажутся!

Глядя на пуночек, я подумал, что и люди в этой бесконечной ледяной пустыне могут быть не более заметны, чем эти пичуги. Ледяной простор давит своей беспредельностью, суровостью и неподвижностью. Нужно много воли к жизни и целеустремленности, чтобы противостоять этому давлению.

Ровно в полдень подняли наш советский флаг. Красное полотнище колыхнулось пламенем, затрепетало на фоне серого полярного неба. Сильней застучало сердце. Теплей и приветливей показалась Арктика. В воображении пробежали города нашей страны, ее села, заводы, фабрики, нивы, Москва. Над всем этим развевается красный флаг. Как крепко он объединяет людей нашей родины!

Флаг шелестит и над нами! Исчезают тысячи километров непроходимых льдов. Уходит ощущение одиночества. За нами родина. От ее имени и во имя ее мы пришли сюда и поднимаем знамя жизни над этими пустынными берегами.

Я объявляю о принадлежности открытых берегов к территории СССР и призываю сделать все, что в человеческих силах, чтобы с честью выполнить взятые нами обязательства. Салютом из винтовок заканчиваются мои слова.

В честь эмблемы, вышитой на нашем флаге, мы назвали эту точку Земли мысом Серпа и Молота.

В праздничном настроении двинулись дальше вдоль берега. Продовольствия и корма для собак взяли с собой только на четыре дня в расчете, что на обратный путь до базы пополним свои запасы на вновь созданном депо. Теперь сани значительно легче, и отдохнувшие за вчерашний день собаки повеселели. Быстро полетело и время и расстояние.

Часа через два выяснили, что находимся в большой бухте. Она легла на чистый лист планшета под именем Советской.

Перед сумерками снова налетел ветер. Начал порошить снег, потом накрыл густой молочно-белый туман. Лагерь разбили в глубине бухты. Палатку прочно закрепили на кольях. Накормив собак, еще раз проверили прочность кольев, глубоко забитых в твердый снежный пласт, и, наконец, забрались в спальные мешки. Сила ветра нарастает. Его вой переходит на высокие ноты. Туго натянутая палатка гудит, как моржовый пузырь на шаманском бубне.

6 октября 1930 г.

Если меня когда-нибудь спросят: «Что самое трудное в полярном путешествии?», я, не задумываясь, отвечу: «Отсиживание в палатке». Как ни странно, но это так. Мучительная борьба за каждый шаг в торошенных льдах, продвижение через метель в мороз, пронизывающий до костей, вызывают у исследователя гордое чувство. Обостряется мысль, напрягаются нервы, а мышцы превращаются в пружины. Тяжело, но и несказанно хорошо! Борьба с препятствиями радует. Чувствуешь себя настоящим человеком. А вынужденное сидение в палатке очень нудно. Кроме раздражения, оно не вызывает никаких чувств.

Время тянется медленнее уставшей собаки. Вот окончен ваш завтрак. Вы починили собачьи лямки. Осмотрели сани. Проверили снаряжение. Заглянули в журнал — все в порядке. Чем бы еще заняться? Осматриваете обувь, одежду и с разочарованием находите все исправным. Хоть бери нож да режь, чтобы было что зашить. Кстати — нож! Почему бы его не поточить? Но вот и он безукоризненно остр. Спать? Одуреешь. Читать? Но в санных путешествиях, когда взвешивается и учитывается каждый килограмм, библиотеку обычно составляют только два тома — астрономический альманах и логарифмы. От чтения таких увлекательных книг отупеешь еще скорее, чем от сна. Разговоры тоже не вяжутся — спутники не менее раздражены вынужденной задержкой. Остается сидеть и рассматривать парусину палатки. Нудно, скучно, тяжело.

Не выдержав, вылезаешь из палатки. Вокруг без перемен. Все бело. Ни одного темного пятна, ни одной тени. Небо, берег, снег, лед — все укутано, поглощено плотным белым туманом. Чувствуешь себя сидящим под колпаком из белого матового стекла. Разнообразие вносят только временами налетающие шквалы ветра и метели.

Такова сегодня погода, таковы наше времяпрепровождение и настроение. Так с раннего утра. Ни о какой съемке и думать было нечего. Конечно, отказавшись от съемки, мы бы могли двигаться в любую сторону. Но мы приехали сюда

не кататься. Поэтому сидим и успокаиваем себя мыслью, что выдержка — одна из лучших добродетелей полярника.

После полудня я все же не выдерживаю. Подвязываю лыжи, вооружаюсь палками, карабином, компасом и беру курс на предполагаемую вершину бухты. Несколько десятков шагов — и лагерь теряется в молочном тумане. Впереди тоже ничего не видно. Я один. Дальше и дальше в белую мглу. Какой-то новый мир — весь молочный.

Вот и берег. Туман здесь как будто реже. Временами видимость увеличивается до 150—200 метров. В самой глубине бухты русло речки. Ширина его около 100 метров. Осенью здесь, должно быть, сочился маленький ручей. Сейчас он скован льдом.

Весной, в период таяния снега, здесь, наверное, шумит бурный поток. Ил, вынесенный им, почти на километр коркой покрывает лед бухты. Значит, бухта в этом году не вскрывалась. На коричнево-красной корке ила многочисленные следы гусиных и куличковых лап. И они бывают здесь. Больше часа я скольжу на лыжах в глубь Земли. Кругом пологие возвышенности. На южных и западных склонах холмов пятнистая тундра с теми же растениями, что и на мысе Серпа и Молота. Северные и восточные склоны совершенно голы.

Пересекаю совсем свежий след песца. Опять появляются две пуночки — вероятно, те же самые. Попискивая, они долго сопровождают меня в молочной мгле.

Осмотрев еще километра два северного берега бухты, я пересекаю ее, нахожу наш вчерашний след и по нему добираюсь до лагеря.

Вечером опять заголосила метель. Неужели и завтра мы не сдвинемся с места?

7 октября 1930 г.

Прошли 25,9 километра. Лагерь раскинули у высокого мыса, сложенного известняками. Вчера, соответственно этому месту, на карте лежало белое пятно, а с сегодняшнего дня на ней появился мыс. Называется он Октябрьским.

Вечер удивительно хорош. Тихо. Тепло. Всего лишь 10 градусов. Шутим: «Летний вечер в деревне». В палатку не спешим. Долго сидим «на завалинке», или, точнее, на санях, стоящих рядом с палаткой, в одних рубашках (они у нас из тонкого оленьего меха) и ужинаем прямо на снегу около шипящего примуса.

Журавлев вспоминает, что сегодня день его рождения, и огорчается, что юбилей получился «сухой». Ему тридцать восемь лет. Из них тринадцать проведено за Полярным кру-

гом. Первый раз он выехал на Новую Землю четырнадцатилетним мальчиком. Потом по два-три года жил на этой земле безвыездно. Попадая на материк, он уже не мог там засиживаться и снова возвращался в Арктику. Она его тянула обратно, как весной тянет птиц. Многие из его товарищей не сроднились с Арктикой, даже невзлюбили ее, а энергичная, деятельная и независимая натура Журавлева подошла здесь, как нельзя лучше. В тринадцатилетней борьбе с природой, той борьбе, в которой нередко неудачный выстрел, неосторожное движение в вертлявом промысловом «тузике» или лишний упущенный день в промысле угрожают голодом, цингой, а может быть, и гибелью, наш товарищ получил «высшее образование» полярного охотника. Он отличный промысловик. Сотни моржей и белух, тысячи тюленей и белоснежных песцов добыты им за многолетнюю охоту. Он доволен и горд своей профессией, своим умением, опытом и знанием повадок зверя.

Упрямство в борьбе с суровой природой, осознанный риск и даже своеобразное полярное ухарство — все эти черты играли решающую роль в согласии охотника пойти в нашу экспедицию.

Погода сегодня нас баловала целый день. С утра мы закончили съемку Советской бухты. Она почти на 10 километров вдается в глубь берега. Ее ширина колеблется от 5 до 15 километров. Правильнее, пожалуй, ее было бы назвать заливом.

Миновав бухту, двинулись дальше вдоль берега, круто повернувшего на север. Здесь берег тоже известняковый, крутой, а в некоторых местах образует небольшие обрывы.

Перед мысом Октябрьским увидели несколько айсбергов. За мысом их больше. Где-то близко еще живет большой ледник, от которого они отрываются. Между айсбергами молодой лед. Он очень недавнего происхождения, местами еще темный и покрыт вымерзшей солью. Скорее всего это бывшие полыньи, промытые снизу течениями, а сверху пресной водой в период таяния снега.

На западе хорошо был виден ледниковый щит, замеченный нами еще во время пути на Северную Землю. Мы все больше склоняемся к мысли, что это отдельный остров. Но пока что это только догадки. Отсюда до щита километров 15. На северо-западе от лагеря видны два каменистых островка с обрывистыми берегами и круглыми вершинами. На востоке, в глубине Земли, вырисовывается несколько обособленных возвышенностей.

8 октября 1930 г.

Вчера мы оставили собак в упряжке, надеясь, что в такую теплую погоду они будут спать спокойно. Утром Журавлев разбудил меня печальным сообщением. Собаки съели потяг — моржовый ремень, к которому в цуговой упряжке попарно прикрепляются лямки. Выйдя из палатки, я увидел, как Ошкуй дожевывает кусок ремня. Этот обжора всегда голоден.

Пока готовился завтрак, я починил сбрую, а Урванцев обследовал ближайшие обнажения.

Небо пасмурно, но видимость неплохая. Поднявшись на возвышенность, образующую мыс, мы увидели небольшой заливчик. Дальше берег уходил в северо-восточном направлении и просматривался километров на пятнадцать. Это лишнее доказательство, что мы находимся на самой Северной Земле.

Здесь решили повернуть обратно. Мы обещали Ходову вернуться на базу 10-го. Наша главная задача — достижение Северной Земли — выполнена. Продолжать топографические работы сейчас невозможно. День короток, близится полярная ночь, погода плохая, да и дорога еще не установилась. Кроме того, нам хочется успеть побывать к югу от мыса Серпа и Молота.

На обратном пути с мыса Октябрьского прошли несколько километров в глубь Земли. Поднялись на одну из прибрежных гор. Анероид показал высоту 188 метров. Гора сложена известняками. Вершина усыпана их обломками и почти лишена снежного покрова. Растительность отсутствует. Лишь изредка можно заметить лишайники, покрывающие некоторые камни. С вершины горы в глубине Земли видна округлая возвышенность, за которой вновь вырисовывается плоская горная вершина.

Потянул южный ветер. Время от времени налетали заряды снега. Он падал крупными хлопьями, что в высоких широтах можно наблюдать сравнительно редко. Видимость сильно ухудшилась.

Повернули на юго-восток и скоро попали на небольшой мертвый ледник. Вода промыла в нем широкое ложе глубиной до 10—12 метров, получился красивый голубой коридор с отвесными ледяными стенками.

Дальше идти берегом стало невозможно. Ранее выпавший снег был сметен ветрами, а сегодняшний еще не прикрыл камней. Собаки не в силах тащить по голым камням сани, снабженные стальными подполозками. Поворачиваем в Советскую бухту. К сумеркам выходим на мыс Серпа и Молота.

9 октября 1930 г.

С утра слабый восточный ветер. Порошит мелкий снег. Выходим на юг. Берег низкий, сложенный суглинками. С утра в глубине Земли видим небольшие возвышенности. Позже — видимость все хуже и хуже. Наползает густой и сырой туман. Временами мы уже ничего не можем разглядеть даже в 25—30 метрах. Придерживаемся берега. Вдоль него местами возвышаются валы ила. Это работа льдов. Сейчас льды здесь неподвижны. Незаметно, чтобы они часто вскрывались. Летом ветер иногда прижимает их к берегу, и они вспахивают прибрежные отмели. Плавника почти нет. Только иногда видим полусгнившие мелкие обломки. Дерево в Арктике разрушается очень медленно. Значит, гнилушки эти пролежали здесь сотни лет.

Туман инеем оседает на одежде, снаряжении и собаках. К вечеру все собаки стали белыми, да и сами мы напоминаем сказочных новогодних дедов. Это забавно, но еще более — неприятно. Туман все время досаждает нам. Меховая одежда отсырела. В палатке иней. Спальные мешки влажны. Если бы сейчас ударил сильный мороз, было бы совсем нехорошо. К счастью, за все наше путешествие температура не падала ниже —16°.

Весь день мы идем вдоль берега, в основном на юго-запад. Только на сороковом километре пути берег круто поворачивает на юго-восток и образует острый мыс. Здесь решили прекратить съемку. На конечной точке поставили веху из гнилого плавника и разбили лагерь.

10 октября 1930 г.

Пишу дома, сидя за столом. Тепло, сухо, комнату заливает электрический свет.

Утром, снявшись с бивуака, пошли на запад, рассчитывая выйти на острова Седова в районе нашей базы. Шли в густом тумане. Юго-западный ветер часто поднимал метель. Никаких ориентиров не было. Продвигались буквально ощупью, часто останавливаясь и сверяясь с компасом. Пережидать погоду не хотелось. Да и кто знает, сколько продержится этот туман! По показаниям одометра, мы были где-то близко от дома. Короткий день кончился. Накрыла темнота. Вместе с туманом она образовала непроницаемую черную стену, но мы шли вперед, стараясь не потерять друг друга. В результате отклонились к северу и впотьмах наткнулись на гряду старых торосов. Зная по прежним наблюдениям, что гряда идет на север, повернули вдоль нее на юг. В темноте несколько раз вновь забирались в торосы.

Среди них и днем-то еле-еле пролезешь, а ночью тем более. Ежеминутно то упирались в отвесные стены, то сваливались в ямы. Когда в темноте падаешь в такую яму, она кажется бездонной. Наконец, выбравшись из торосов, ткнулись в знакомую западную оконечность Среднего острова. Отсюда мы могли добраться до базы даже с завязанными глазами.

В 22 часа подкатили к домику. Нас встретил радостный Ходов. Из окон яркими снопами бил электрический свет. За сегодняшний переход сделали 66,8 километра.

Сейчас Ходов пытается передать телеграмму в Москву о результатах нашего похода.

Вот они:

1. Западные берега Северной Земли найдены.

2. Заснято сто сорок пять километров побережья.

3. Расстояние от нашей базы до Северной Земли и состояние льдов не являются непреодолимым препятствием для выполнения работ по исследованию и съемке Земли.

4. Зная местонахождение берегов Северной Земли и условия достижения их, мы с половины зимы, еще в темную пору, сможем начать заброску продуктов на продовольственное депо. Основу его мы уже заложили, перебросив на Землю первую партию продуктов.

5. Укрепилась уверенность, что с нашими скромными силами мы выполним взятые на себя обязательства, хотя это и потребует много упорства, труда и, может быть, лишений.

Полярная ночь

В глубину полярной ночи

«...Видели солнце. Тусклым багрово-красным пятном оно просвечивало сквозь облака.

Здесь, почти на 80° широты, появление в эти дни солнца, даже в виде расплывающегося за облаками пятна, целое событие.

Впереди четырехмесячная полярная ночь. И поэтому смотришь на затуманенный багровый диск с жадностью, как бы стараясь сохранить его как можно дольше в памяти, в глубине сердца. В Арктике отчетливее, чем где бы то ни было, человек чувствует всю мощь солнца, всю его живительную силу. Кроме того, солнце кажется связывающим звеном с миром, лежащим где-то далеко на юге. С уходом светила наш мир станет непохожим на мир остальных людей также, как полярная ночь непохожа на яркий южный день».

Это страница из дневника за 18 октября. Она отражала наши настроения накануне полярной ночи.

Мы, за исключением Васи, были знакомы с такой ночью, хотя и с менее долгой, чем предстояло пережить на этот раз. Никого из нас она не пугала, и мы встречали ее как должное. Но человеческая привычка жить под солнцем, ежедневно видеть его над головой или хотя бы чувствовать, что оно где-то за облаками, была крепка и в нас. Мы знали, что полярная ночь раскинет перед нами незабываемые по красоте картины полярного сияния; знали, что в периоды полной луны льды будут казаться отлитыми из серебра; что в самом мраке полярной ночи, бушующем метелью, много величественной и грозной поэзии; наконец, мы точно знали, в какой день и час через четыре месяца снова увидим солнце. Но все это не могло изменить нашего настроения. Мы то и дело возвращались к солнцу в своих беседах. Нам хотелось его видеть. Словно прощаясь с любимым существом, мы хотели насмотреться на него, запечатлеть каждую черточку лица, запомнить последний взгляд...

Но и это желание осуществить было трудно. Почти беспрерывно все небо покрывала сплошная плотная облачность. Зато, когда солнцу удавалось пробить сплошную стену туч, оно творило чудеса. Самый гениальный художник не мог бы дать такого обилия и такой игры красок, таких необычных и неожиданных их сочетаний.

2 октября, в дни нашего похода на Северную Землю, солнце, разорвав пелену облаков, показало нам незабываемую картину заката. Но на следующий день надвинулись облака и молочно-белые туманы захлестнули землю. До 12 октября солнце не могло пробиться сквозь них. И только в этот день мы вновь увидели его. Увидели в сказочном, фантастическом виде. Вот отрывок записи за этот день:

«Солнце! Солнце! Даже два! Нет, три! Четыре! Целых пять!.. Какая щедрость, какое необычайное зрелище!

Десять дней мы не видели солнца, да и до этого оно было редким гостем. Зато сегодня оно вознаградило нас.

Утром тучи приподнялись над горизонтом. Все более и более разгораясь, огнем запылала заря. Наконец, появилось само солнце. Огромный, сильно увеличенный и сплющенный рефракцией диск оторвался от линии горизонта и торжественно, медленно поплыл на запад. Его разорванные края напоминали не то бахрому сказочной огненной шали, не то гигантские языки застывшего пламени.

Проходит час. Солнце уже склоняется к закату. Сильная рефракция еще больше преображает диск. Он начинает напоминать огненную восьмерку. Ее перехват делается все тоньше и тоньше. Наконец, восьмерка разрывается пополам. Теперь два солнца, одно над другим, плывут над горизонтом. Но и это не все! Вот на некотором расстоянии от них, справа и слева, зарождаются какие-то светлые пятна. Это ложные солнца. Они светятся все ярче и ярче и движутся на одной линии с разрезанным диском настоящего солнца. А над ним появляется еще более яркое третье ложное солнце.

На юге льды окрасились в лилово-фиолетовый цвет. Местами они кажутся совсем черными, местами горят ярким красным пламенем и лишь кое-где окрашены в нежные розовые и лиловые оттенки. Тучи тоже кажутся черными. Только нижний край их охвачен пожаром. Они не уходят. Опускаются ниже. Висят, как занавес, готовый каждую минуту закрыть необычную сцену.

А разрезанное пополам солнце совсем уже близко к горизонту. Ослепительная свита из трех ложных солнц по-прежнему сопровождает уходящее светило.

Весь ландшафт мрачноват, но величествен и торжествен.

Вот диск вытягивается в один огромный эллипс. По краям опять появляется бахрома. Солнце коснулось линии льдов и начинает медленно погружаться за горизонт. Боковые ложные солнца тухнут. На верхнее надвигается туча. Вся свита исчезает. В одиночестве тонет светило. Остается лишь узкая полоса багряной зари. Через час и она гаснет. Тучи тяжело ложатся на горизонт».

И вот запись 21 октября:

«Ясный морозный день. Ртуть в термометре опустилась до —26°. Показалось солнце. Около часа оно двигалось по линии горизонта и, точно обессилев, скрылось, так и не оторвавшись от этой линии. Мы видели солнце в последний

раз. Высокий, резко очерченный огненный столб вырос над тем местом, где оно только что было. Постепенно бледнея, столб долго двигался к западу вслед за невидимым светилом.

Только через четыре месяца мы снова увидим солнце. С его появлением миллиарды разноцветных искр брызнут на снежные поля, густые синие тени лягут на льды, вернутся розовые туманы. Потом криком птиц наполнится воздух, и на обнаженной из-под снега земле торопливо, боясь упустить хотя бы один теплый день, раскроют свои разноцветные чашечки миниатюрные полярные цветы.

А сейчас... Еще некоторое время в ясную погоду мы будем видеть зарю. Полуденные сумерки все больше и больше будут сгущаться, и, наконец, дней через двадцать наползающая темнота закроет все вокруг. После этого два месяца полдень не будет отличаться от полуночи, пока снова не появятся признаки зари. В это время солнце заменят нам хронометры. Они будут отмечать наступление «дня». Арктика заснет. Птицы давно уже покинули ее. Последнюю из них — моевку — мы видели 10 октября. Все живое, оставшееся здесь, будет вести борьбу за существование во мраке наступившей полярной ночи. Эскимосы называют ее «большой ночью». Это верно передает ощущение и настроение человека».

Следующий день был таким же ясным, но солнце уже не показывалось. Только над тем местом, где оно вчера скрылось, как и накануне, возник огненный столб, словно последний прощальный привет друга.

Наш маленький коллектив вступил в полярную ночь.

Тридцатиградусные морозы, нагрянувшие в самом начале большой ночи, проверили нашу готовность к зимовке. Особенно тщательную проверку испытал наш домик. Морозы шарили своими холодными руками по стенам, дышали в

подпол, забирались на чердак, пытались разрисовать узорами окна или найти щелочку в дверях. Стены потрескивали, и невольно напрашивалось сравнение: так в морозную ночь покрякивает тепло одетый сторож. Крыша домика курчавилась изморозью, труба покрылась инеем и стала похожа на гриб, сени заблестели ледяными кристаллами, но жилище наше надежно сохраняло тепло. Домик по-прежнему смотрел ясным взглядом своих четырех окон.

Налетела метель. Она подняла невероятный шум. Морозный ветер полез в пазы стен, застучал в окна, наполнил своим леденящим дыханием чердак. И опять домик выдержал жестокие испытания, оправдал наши надежды.

Еще на материке мы много внимания уделяли типу нашего будущего жилья. Для нас это был очень серьезный вопрос. Однако наши требования были скромны. Мы сознательно не мечтали об отдельных комнатах, «кают-компании» и т. п. Надо было считаться с трудностями, могущими возникнуть при выгрузке экспедиции на берег, и с минимальными сроками на сборку домика, даже при условии, что нам поможет в этом команда корабля. Строительные планы ограничивались и финансовыми возможностями.

В то же время мы решительно отказались и от «хижины», а заодно и от предложений некоторых строителей, проявлявших большую заботу о нашем коллективе и советовавших самые разнообразные конструкции жилья. Здесь вместо стен были и щиты с засыпкой, и щиты с пробковой прокладкой или воздушной прослойкой; фанера с металлической бумагой или со стеклянной ватой; дома гренландские, канадские, финские, аляскинские и т. п. Все советы свидетельствовали о заботе о нас, но предлагаемые конструкции показались нам излишне сложными, и мы остановились на проверенном жилье.

Нам нужен был дом для защиты от морозов, бешеных полярных ветров и непогод. Он нужен был для отдыха после тяжелых санных походов и для работ в темную пору года. Дом должен быть прочным, теплым, сухим и удобным.

Проще говоря, жилище наше должно было походить на русскую крестьянскую избу, по возможности приспособленную к арктическим условиям. Это «изобретение» нам было больше всего по душе. На общем совете мы решили насколько возможно облегчить и утеплить это веками проверенное жилье и заблаговременно построить его на материке, чтобы в Арктике, в крайнем случае, можно было собрать домик только силами участников экспедиции.

На исключительный случай, если бы по создавшимся условиям нам не удалось выгрузить с корабля дом, мы взяли

запас легких строительных материалов — брусков, фанеры и пр. В этом случае мы были бы вынуждены на месте спроектировать и построить «хижину».

В Архангельске по проекту Н. Н. Урванцева был построен домик размером 6×6 метров. Для облегчения веса постройки стены были сделаны не из кругляка, а из опиленных брусьев сечением 25×20 сантиметров. Чтобы легче произвести сборку и чтобы стены меньше продувались, венцы сруба клались не в паз, а в шпунт. Пол и потолок были двойными, пустоты засыпались опилками. Стены домика решили обшить изнутри войлоком, а поверх него фанерой; пол — войлоком и сверху линолеумом.

Мой первый дом в Арктике на острове Врангеля по совету «знающих» людей был покрыт волнистым оцинкованным железом. Какими недобрыми словами в течение трех лет я поминал этих «знатоков»! Спастись от снежных заносов на чердаке при такой крыше было абсолютно невозможно. Этот горький опыт пригодился теперь. Наш дом мы покрыли двойной тесовой крышей.

Рамы были тоже двойные, и каждая в свою очередь имела двойное застекление. Таким образом, в окне была тройная воздушная прослойка, что не только уменьшало теплопроводность, но и предохраняло окна от обмерзания.

Все было сделано из сухого соснового леса. Каждую деталь домика пометили номером. Это должно было сильно облегчить сборку постройки на месте.

Внутри наше жилье разделялось на жилую комнату размером около 21 квадратного метра, небольшую, но достаточно удобную кухню и радиорубку площадью в 4 квадратных метра.

К домику были пристроены обширные холодные сени из шпунтовых досок, чтобы защищать вход в жилье от снежных заносов и от выдувания тепла при прямом ветре; сени служили также складом для повседневного продовольствия, топлива и некоторого снаряжения. На чердаке мы могли хранить запас мехов и резервную одежду, не загромождая ими жилого помещения.

После ухода «Седова» мы обили стены домика войлоком и фанерой, настелили на пол линолеум, подбили вагонкой потолок, вставили рамы; в жилой комнате сделали полки для библиотеки, приборов и аптечки и установили койки. Последние, в целях экономии площади, расположили по типу судовых — в два яруса, вдоль противоположных стенок. В жилой комнате поставили обеденный стол, а под книжными полками — два небольших письменных стола. В шутку эти уголки стали называть кабинетами. Первое

время в этой же комнате помещался и верстак, потом его вынесли в сени. В кухне разместили стол, бак для воды, умывальник и навесили полки для посуды, хлеба и продуктов.

Времени было в обрез, работы много, а рабочих рук мало, да и те уже покрылись ссадинами и мозолями. Всем нам то и дело приходилось менять свои профессии. Мы охотились и заготовляли мясо, готовили к пуску радиостанцию, превращались в плотников: строгали, пилили... В дни непогоды я участвовал в меблировке домика, потом преобразился в конопатчика и полез на чердак, после чего пришлось стать не то штукатуром, не то шпаклевщиком и замазать глиной все щели в крыше.

Здесь эта операция абсолютно необходима. Во время зимних метелей ветер несет мельчайшую снежную пыль. Она проникает в щели, иногда даже не заметные для глаза. А уж если образуется отверстие от выпавшего гвоздя, то через него за одни метельные сутки на чердак нанесет метровый сугроб. А нам так важно было сохранить чердачное помещение сухим и чистым.

В сентябре, используя непогоду, пристроили к северной стороне дома тесовый склад для хранения мяса. К тому же склад прикрывал нас от северных ветров. Продовольственный склад из фанеры поставили в стороне от дома и сложили в нем наш трехлетний запас.

Освещались первое время керосиновой лампой, но ни на минуту не переставали мечтать об электричестве. Ходов заблаговременно сделал внутреннюю проводку и подготовил аккумуляторную батарею. Дело было за электростанцией. В середине месяца руки дошли и до нее. Разыскали ящики с нужными материалами и принялись за сборку агрегата. Это был ветряной двигатель мощностью в один киловатт. Он состоял из динамомашины постоянного тока в 110 вольт, коробки передач, трехметрового двухлопастного пропеллера и хвостового пера. Вся установка отличалась необычайной компактностью. Регулировка оборотов винта была автоматизирована. Специальное реле в случае ослабления ветра замыкало аккумуляторную батарею и препятствовало утечке тока из нее в динамо.

Николаю Николаевичу, превратившемуся в механика, пришлось немало потрудиться, чтобы собрать установку. Оказалось, что отверстия для болтов в установочной металлической башне просверлены неправильно. Надо было сверлить их заново. Привезенные сверла были меньшего диаметра, но зато нашлись круглые напильники, которые помогли в беде.

Вообще наше хозяйство напоминало небольшой универмаг. По ходу работ часто возникала необходимость в самых разнообразных инструментах и материалах, и мы почти всегда находили нужное. Живя дальше чем за тридевять земель от всяких магазинов, мы обладали всеми нужными материалами и инструментами.

Ветряк желательно было установить повыше. Возле нашей базы берег был низким. Дом стоял всего лишь на полуметровой высоте над уровнем моря, а ближайший мысок достигал высоты 8 метров. На этом «пике» мы и решили воздвигнуть свою электростанцию. Разбивая под сооружение растрескавшуюся мерзлую породу, мы углубились всего лишь на 70 сантиметров. Дальше шла сплошная скала. Для оттяжек забили в скалу четыре прочных железных кола. Во время этой работы мы так отбили руки, и без того уже покрытые ссадинами, что на охоте первые двое суток не могли взять верного прицела. Наш охотник, обладавший недюжинной физической силой, был необычайно смущен этим обстоятельством и начал искать причину охотничьих неудач в мушке карабина. Однако мушка была ни при чем, и когда боли в руках прошли, пули снова начали ложиться точно.

Несколько дней ветер не давал закончить работу по установке ветряка. Боясь разбить весь агрегат, мы не решались с нашими силами поднимать тяжелую башню, не хотели рисковать остаться без электроэнергии. Наконец, воспользовавшись кратковременным затишьем, установили и прочно закрепили свою электростанцию. Вскоре вновь подул ветер, и пропеллер загудел. Ходов подключил лампочку. Она вспыхнула ярким светом. Лица наши засияли от удовольствия, как бы соперничая с первой лампочкой, загоревшейся в глубине Арктики, в районе Северной Земли. Оставалось поставить столбы, провести линию от ветряка к аккумуляторной батарее и приступить к ее зарядке.

Электрическое освещение в Арктике имеет особое значение. Долгой полярной ночью, когда необходимо держать в помещении свет минимум шестнадцать часов в сутки, керосиновые лампы пожирают много кислорода и насыщают воздух углекислотой. Частое проветривание помещения не всегда возможно из-за условий погоды и экономии топлива. Поэтому электрическое освещение здесь — один из важнейших факторов сохранения здоровья людей.

Кроме того, надо было помнить, что где керосин, там и опасность пожара. А пожар в нашем положении грозил верной гибелью. Здесь не переедешь на другую квартиру, не приобретешь новой одежды, не запасешь еще раз продоволь-

ствия. Опасность пожара до установки электростанции постоянно висела над нами. Несколько огнетушителей всегда были готовы к действию. Но даже профессиональные пожарники знают, что предотвратить пожар легче, чем потушить его. Поэтому электроэнергия для освещения была для нас не менее важна, чем для питания радиостанции. Без связи жить и работать в экспедиции можно. На острове Врангеля я жил и работал в таких условиях три года. Очень тяжело, но возможно. Это временный отрыв от внешнего мира, неизвестность, но не гибель. Без жилья, продовольствия и одежды погибнешь. Поэтому понятна была наша радость при виде первой вспыхнувшей электролампочки.

Когда домик привели в порядок, расставили мебель, распаковали и установили необходимую аппаратуру, заполнили полки книгами и осветили электричеством, наше жилище приобрело культурный и даже уютный вид. Правда, уют был чисто мужским, несколько суровым, в нем не чувствовалось женской руки, но он вполне соответствовал нашему образу жизни. Неплохо выглядело жилье и снаружи. Маленький домик из желто-розовой сосны, окруженный белым снегом и льдом, походил на только что вылупившегося гусенка в пуховом гнезде и своим чистеньким веселым видом вызывал невольную улыбку.

Проверка свирепыми метелями и 30-градусными морозами показала, что мы добились своей цели. Наш домик был сухим, словно палехская шкатулка, и теплым, как эскимосская одежда. Такому жилищу могли бы позавидовать очень многие экспедиции, зимовавшие в полярных странах и сильно страдавшие от сырости и холода в помещениях. Ничуть не кривя душой, без какой бы то ни было натяжки, мы считали наш домик наиболее целесообразным типом жилой постройки в условиях Арктики.

С каждым днем все более и более погружаясь во мрак полярной ночи, мы могли спокойно ждать любых морозов и бурь. Домик был надежной защитой. Мы были довольны своим жильем и скоро по-настоящему полюбили его.

У радиоприемника

Через две недели после ухода «Седова» наш радиопередатчик уже был готов к работе и поблескивал никелированными частями в маленькой радиорубке. Гудение натянутой антенны еще раньше ворвалось новым звуком в тихий домик. Аккумуляторная батарея была залита. Оставалось зарядить ее и выйти с нашими позывными в просторы эфира

для связи с Большой Землей. Однако до установки ветряного двигателя это оказалось непростым делом.

Как-то, вернувшись с промысла, я увидел страшную картину. Из сеней домика клубами валил густой черный дым. Первой мыслью было — пожар! Я бросился к помещению. Здесь все было заполнено черной копотью. Что-либо рассмотреть было невозможно. В нос бил запах неперегоревшего бензина. Раздавалось чихание мотора. Изредка слышались человеческие голоса. Вся эта мрачная картина в переводе на язык техники называлась зарядкой аккумуляторов. Запущенный бензиновый мотор то шипел, как гадюка, то жужжал, точно шмель, а еще больше чихал, поминутно останавливался, нещадно дымил и коптил. Когда мои глаза пригляделись, я увидел людей.

Урванцев и Ходов, задыхаясь в парах бензина, на четвереньках ползали около мотора и безрезультатно пытались отрегулировать его.

— Мы заставим тебя работать! — ворчал один.

— Проклятая машина! На такие пустяки не способна! — отзывался другой.

Немедленно общими силами мы выволокли мотор из помещения. До полуночи безуспешно возились около капризной машины. Лишь на следующий день мотор заработал более или менее сносно, и тогда началась зарядка батареи. Позднее, с установкой ветряка, мотор мы поставили в склад и в течение двух лет только два или три раза воспользовались им в период продолжительных штилей.

Первым мы услышали «Коминтерн». Голоса из далекого родного мира заполнили наш домик. Потом поймали передачу Ленинграда, случайно очень нужную для нас. Узнали, что «Седов» благополучно вернулся на Большую Землю. После нашей высадки, воспользовавшись открытой водой, он пошел на север. Здесь был открыт остров Шмидта. Но Северной Земли седовцы не видели.

Однако нам нужно было не только самим слушать Большую Землю. Надо, чтобы и нас тоже услышали. Вася Ходов засел в радиорубке. Сутками он не выходил из нее и редко выпускал из рук телеграфный ключ. Он звал, звал и звал. Но эфир молчал. На короткий момент удалось связаться с Землей Франца-Иосифа и передать несколько слов о том, что все мы живы и здоровы. После этого Земля Франца-Иосифа почему-то исчезла из эфира, и вновь Ходов слал наш зов:

— Всем, всем, всем... Говорит радио Североземельской экспедиции... Наше местонахождение — остров Домашний. Широта... долгота... Прошу связи. Мои позывные... Слушаю на волне...

Проходил час за часом. Ключ выбивал одно и то же. Ходов слышал работу коротковолновых станций Ленинграда, Москвы, Хабаровска... Австралии, Европы, Японии, Новой Зеландии... Но самого его никто не слышал. И вновь рука радиста слала в эфир точки и тире:

— Всем, всем, всем...

Потом в эфир неслись позывные отдельных станций — тоже безрезультатно. И снова без адреса:

— Всем, всем, всем...

И опять молчание.

«Радиоволнение» охватило нашу маленькую семью. Все напряженно ждали. Терзались сомнениями в мощности нашей станции. Гадали, где и кто впервые услышит наш голос.

Вася Ходов внутренне волновался, может быть, больше, чем каждый из нас. Но самообладание у этого юноши было поразительное, и внешне он выглядел совершенно спокойным и даже безразличным. Он подолгу просиживал, нагнувшись над столом и подперев щеку левой рукой, а правой, казалось, небрежно играл телеграфным ключом. Глядя в это время на Васю, можно было подумать, что он о чем-то замечтался, забыл о своих обязанностях и пальцами правой руки бессознательно выстукивает какой-то мотив.

В перерывах между работой на наши вопросы — не услышали! молчат? — он отвечал спокойно и немногословно:

«Нет», «не отвечают» или «не слышат».

Но мы знали, что наш Вася волнуется. Его поза почти всегда менялась, когда он с передачи переходил на прием. Переключив рубильники, он садился на спинку стула, а ноги ставил на сиденье. Мы уже успели заметить, что в таком неудобном положении Вася часто монтировал какой-либо сложный прибор, разрабатывал новую схему или, не отрываясь, читал понравившуюся книгу. Такая поза всегда говорила о том, что наш юный товарищ чем-то взволнован, решает какую-то трудную задачу.

Взгляд радиста был сосредоточен, а руки плавно и нежно скользили по регуляторам приемника, точно Вася ощупывал эфир. Иногда руки замирали. Тогда Вася весь превращался в слух...

Слушать эфир, выловить из него нужное, поймать еле слышимую волну слабенького самодельного передатчика какого-нибудь радиолюбителя — вот что было настоящей работой Васи. Любовь к радио пробудилась у него еще в детстве. Постепенно он стал мастером своего дела. Сидя у аппарата, он больше всего любил слушать.

Мало того. Эта черта, пожалуй, была самой важной в характере Васи; и в быту он очень любил слушать. Слушает

внимательно, сосредоточенно и неподвижно. Только пальцы мягко, то в одну, то в другую сторону, плавно поворачивают первый попавшийся под руки предмет, будто Вася и в эти минуты настраивает свой приемник.

Сам он говорил очень мало. За все время пребывания на острове вряд ли сказал в среднем по фразе в день и ни разу не повысил голоса.

И вот однажды он изменил своему характеру. Произошло это так.

Поздней ночью 23 сентября из радиорубки раздался громкий крик Ходова:

— Тихо!

Нужды в этом требовании совсем не было. Я сидел за книгой. Урванцев и Журавлев спали. В домике стояла абсолютная тишина.

Я бросился в радиорубку.

— Есть связь! — шепотом сообщил Ходов.

Я понял, что минуту назад в ненужном громком окрике разрядилось его многосуточное нервное напряжение.

Приемник отчетливо передавал позывные нашей станции. С нами говорил любитель-коротковолновик из города... Кологрива!

Где же этот славный Кологрив?

Никто из нас не мог ответить на этот вопрос. Все только разводили руками.

Тем временем беседа между радистами продолжалась и волей обстоятельств приняла интригующий характер. Радиоснайпер из Кологрива просил повторить наши координаты, так как острова, названного Ходовым, он не нашел на карте. Его сомнение для нас было понятным. Ни на одной карте в мире наш остров еще не был обозначен. Мы проявили не меньшее любопытство, чем наш радиособеседник, и узнали, что славный город Кологрив находится в Костромской области.

Как бы то ни было, Кологрив, первым услышавший голос Северной Земли, принял наши телеграммы и сообщил об этом Ленинграду.

На следующий день Ходов без труда связался с ленинградской станцией.

Так наладилась наша связь, и мы, находясь далеко в просторах Арктики, включились в темп жизни советской родины. Радио стало нашим информатором, концертным залом, театром, газетой и другом. Чего-чего только оно не приносило нам! Оно и вдохновляло, и смешило нас; приносило много радостей, а иногда и огорчений; говорило о нашей

близости к людям, к отчизне и одновременно все-таки напоминало об оторванности.

Особенно хорошо слышны передачи Харькова. Даже в дни очень плохой слышимости голоса Харькова доносятся к нам. Его концерты пользуются у нас большой популярностью. Буквально все население Северной Земли и прилегающих к ней островов жадно слушает музыку и пение. Не беда, что это население так мало. Главное в том, что никто не отказывается от концертов. Мы очень внимательные и не менее восприимчивые слушатели. Особенно любим пение.

После ужина мы сидим в помещении и продолжаем работать. Я подсчитываю месячную таблицу метеонаблюдений, Урванцев что-то пишет за своим столом, а Журавлев, сидя посредине комнаты, поближе к свету, чинит свои меховые штаны.

Полярная ночь уже вступила в свои права. С улицы доносится посвистывание ветра. Разыгрывается метель. Медвежья шкура, повешенная близко к домику, раскачиваемая ветром, время от времени колотит в стенку когтистыми лапами.

Из радиорубки раздается то хрип, то резкий свист приемника, то недовольное ворчание Васи Ходова. Ему заказан концерт, и он, скользя с волны на волну, упорно, но пока безрезультатно исследует эфир. Наконец, начинает звучать музыка. Ее передает голландская станция Хюйзен. Вася выходит в комнату и молча, как бы прося извинения, разводит руками — дескать, больше ничего нет.

Хюйзен передает грустные, унылые мотивы. Совсем не то нам хотелось бы услышать. Но что делать? Сидим, слушаем в надежде, что Хюйзен когда-нибудь выплачет свою грусть.

Журавлев не выдерживает, соскакивает со стула, хлопает штанами об пол и, обратившись к репродуктору, начинает отчитывать голландских певцов и музыкантов. Заканчивает он словами: «Довольно за душу тянуть! Даешь «Кирпичики»! И мы смеемся над пристрастием нашего охотника к «Кирпичикам», давно переставшим звучать на материке. Пристрастие это понятно: песенка только в начале этого года докатилась до Журавлева, обитавшего в то время на Новой Земле.

— Крикни громче, а то Хюйзен не услышит! — подзадоривает Николай Николаевич.

— Небось, не глухой! — ворчливо отзывается Журавлев, снова принимаясь за починку штанов.

Через минуту репродуктор, прохрипев на последней высокой ноте, заканчивает слезоточивый мотив. Потом из него

летят непонятные для нас слова и, наконец, диктор объявляет:

— Руссише романс!

Это мы поняли. Моментально превращаемся в слух. Сначала невольно ловим слова на чужом языке, но они не доходят до сознания. Внимание переключается на мотив.

— Сергей, а ведь это «Кирпичики», черт возьми!

И действительно, уже давно набивший оскомину и забытый мотив периода нэпа слышится из репродуктора. Оказывается, до голландцев этот «руссише романс» дошел еще позже, чем до Журавлева на Новой Земле. Но эффект радиозаявки охотника и ее выполнения получился исключитель-

ный. Мы смеемся до слез, а Журавлев, сначала опешивший от неожиданности, быстро оправляется и важно говорит:

— Что, небось, услышали! Заказывать надо уметь. Я знаю, как с ними разговаривать!

Развеселившийся Вася просит:

— Сергей, закажи «Конную Буденного»! Ну, пожалуйста! Поговори с ними как следует!

Журавлев подмигивает, свертывает брюки и, подойдя к постели, серьезно заявляет:

— Нет, Вася, на сегодня довольно. Пора ложиться в дрейф. Да и станции этой далеко еще до «Конной Буденного».

Васина просьба не случайна. Оторванные от непосредственного участия в жизни страны, мы жадно следим за всеми новостями, не хотим отставать от товарищей на Большой Земле, хотим знать все о борьбе советского народа за построение социализма, о крепнущем могуществе нашей Родины. Нам нужны и ее песни и короткие сообщения ТАСС о вступлении в строй новых фабрик и заводов. Изложенные лаконическим радиотелеграфным языком, эти сообщения звучат тоже как песни.

Большую часть полярной ночи слышимость мощных широковещательных станций отличная и не меняется в течение суток. При желании мы можем слушать радиопередачи всего мира ежедневно в течение всех двадцати четырех часов. Для этого достаточно поворотом ручки радиоприемника, по мере вращения земного шара, переключиться с одной страны, отходящей на покой, на другую, более западную, продолжающую бодрствовать.

Но, конечно, мы больше всего радуемся голосам Родины.

Страна твердо и уверенно идет вперед. Народ с небывалым в истории пафосом строит свое новое хозяйство. Радиоприемник ежедневно рассказывает нам о блестящем выполнении первой пятилетки, о вводе в строй новых заводов-ги-

гантов и фабрик, о могучей волне коллективизации, о победах знамени Ленина.

Так радио — великое изобретение русского гения — связывает нас с миром, со своей страной. Время, когда путешественник, отправляясь в неизвестные страны, терял всякую связь с миром, с развитием радио кануло в вечность... Эфир доносит до нас уверенный и ободряющий голос друзей. Мы не можем видеть их, но чувствуем их очень ясно. Находясь далеко от большого советского коллектива, мы все же остаемся в нем.

Сегодня 7 ноября — тринадцатая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Радио доносит до нас голос Москвы — ясный, празднично-торжественный, одинаково уверенный и в завтрашнем дне и в далеком будущем.

Мы слышим Красную площадь. Кажется, что находишься на улицах Москвы, смотришь на московское небо, на башни Кремля, на демонстрацию, залившую улицы и площади, на море знамен, и кажется, что видишь улыбки людей, чувствуешь под ногами асфальт, ощущаешь плечом товарища по колонне.

Мы горячо верим в будущее Арктики. Наш народ, поднявшийся на строительство новой жизни, справится и с трудностями освоения полярных стран. Скоро и Арктика перестанет быть неведомой частью земного шара. Самые далекие северные берега СССР станут нужными, полезными и полноправными территориями нашей страны. И сбудутся слова великого гения русского народа Михайлы Ломоносова:

«...Северный океан есть пространное поле, где усугубиться может Российская слава, соединенная с беспримерною пользою чрез изобретение восточно-северного мореплавания...»

Скоро поднято будет славное наследство русских исследователей — отважных моряков и неутомимых землепроходцев, исследовавших полярные страны. Труды Дежнева, Беринга, Чирикова, Лаптева, Челюскина, Минина, Малыгина, Прончищевых, Пахтусова, Цивольки, Розмыслова, Русанова, дерзания Седова и еще многих и многих русских людей, как сохраненных историей, так и ушедших в вечность, не пропадут даром. Советские исследователи, еще более отважные, чем их предки, вооружившись самой совершенной техникой, осуществят «с беспримерною пользою» и «изобретение восточно-северного мореплавания».

Начало этому уже давно положено. В 1921 году за подписью В. И. Ленина вышел декрет, требующий «всесторон-

него и планомерного исследования Северных морей, их островов, побережий, имеющих в настоящее время государственно важное значение...»

В период короткой северной навигации советские корабли уже заходят в устья Оби и Енисея. Полные сибирским лесом и зерном суда отправляются отсюда в любой порт мира. За Полярным кругом закладываются первые полярные порты. Достижимой стала Земля Франца-Иосифа. Дальневосточные моряки упорно трудятся над освоением Чукотского и Восточно-Сибирского морей...

Но то ли еще будет! Наступит время и на безмолвных сегодня берегах вырастут города, поселения, промышленные предприятия; электричество проникнет во тьму полярной ночи; советские воздушные корабли сделают доступной любую точку Арктики... И тогда в Арктике 7 ноября также можно будет видеть праздничные демонстрации.

Это будущее. Четкое, ясное, безусловное, но все же будущее.

Сегодня 7 ноября 1930 года в глубокой Арктике существует только несколько маленьких, примерно таких же, как наш, коллективов, разделенных между собой тысячами километров ледяных пространств. И у них и у нас сейчас полностью царит полярная ночь; только вой ветра нарушает безмолвие пустынных берегов.

Путешественник, отправляющийся сейчас в Арктику, должен принимать условия здешней жизни такими, как они есть. Один на один он должен выдерживать нередко тяжелый, предостерегающий, а иногда и леденящий взгляд Арктики. На все время работы экспедиции он лишается живой связи с близкими и друзьями. Это сейчас самое тяжелое в жизни полярника. Все трудности, связанные с работой, кажутся пустяками перед фактом длительной разлуки с большим советским коллективом.

Напряженный труд, постоянная борьба с природой, чувство ответственности за дело незаметно сокращают время и заставляют забывать о всяких болезненных переживаниях. Радио постепенно устраняет ощущение оторванности, включает в общий темп жизни.

Но есть в каждом году дни, которые нельзя заполнить только работой или борьбой с метелью. Это годовщина Великого Октября!.. Это Первое мая!

...Тяжелые черные тучи распластались по всему небу. Они точно придавили землю. А вокруг бесконечные ледяные поля, окрашенные в какой-то грязновато-бурый цвет.

Только в полдень тучи приподнялись над южной частью

горизонта. На полчаса вспыхнула узкая полоска зари. Нависшие над ней рваные клочья туч окрасились в багрово-красный цвет.

Напряженно, до боли в глазах смотришь на эту узенькую полоску. И чудится, что видишь десятки тысяч знамен многомиллионной армии строителей социализма, вышедших сегодня на улицу, там, на Большой Земле нашей родины.

Там, под солнцем... А здесь?

Заря потухла. Тучи закрыли горизонт. Снова тьма. Понемногу разгуливается ветер.

Я с усилием отрываюсь от своих мыслей и гляжу на товарищей. Они накрывают наш праздничный стол, громко разговаривают, смеются. Я как-то физически чувствую их настроение. Работа, которую и сегодня нельзя было прерывать, не клеилась весь день. Пойманный на днях песец, сжавшийся белым пушистым комочком под столом и сверлящий нас бойкими черными глазками, не привлекает сейчас ничьего внимания. Мысли всех — «там», на юге, под солнцем, на улицах родных городов, под красными знаменами. И с каждым часом чувствуется, как растет напряжение.

Четыре часа дня. Радио передает торжественную музыку. В Москве сейчас полдень. На Красной площади кончился парад. Колонны бурным потоком хлынули мимо Мавзолея Ленина.

Пора и нам. Я приглашаю товарищей на улицу. Берем приготовленные ракеты, магниевые факелы, карабины, наш флаг и выходим в ночь.

Один за другим вспыхивают огни. Вот, разбрасывая фонтан искр, пылает десяток факелов. Два из них Вася прикрепляет к пропеллеру ветряка. Они чертят ослепительный огненный круг. Ракеты режут темное небо, рассыпаются каскадом разноцветных звезд. Освещенный факелами, плывет вверх наш флаг — живой, как пламя.

— Да здравствует Великий социалистический Октябрь! Да здравствует Советский Союз!

Залп из карабинов отвечает на мои слова. Треск выстрелов и шипение ракет будят тишину. Ночь оживает. Горит яркое пятно нашей праздничной иллюминации. В центре освещенного круга только четыре человека да возбужденно мечущиеся собаки. Вокруг них тысячемильная чернильная темнота и льды. Не беда...

В Москве гудят улицы. Там Красная площадь. Площадь заполнена народом. Мы с ним! Душой мы там! Вместе с миллионами, а миллионы здесь, с нами!

Во тьме и метели

День начинается быстрым, привычным и почти автоматическим движением — ровно в 6 часов 45 минут я сую под подушку будильник, только что подавший свой голос. Легче было бы просто нажать стопорную кнопку, но я приучил себя не делать этого, так как, выключив звонок, можно тут же вновь погрузиться в прерванный сон. Под подушкой будильник продолжает ворчать недовольно и глухо, но, как и всякая машина, непрерывно, настойчиво. Это окончательно прогоняет дрему.

Точно в 7 часов мне надо быть на метеорологической площадке. Наскоро одевшись, успеваю записать показания барометра, заглянуть на предыдущую страницу наблюдательской книжки и сравнить цифры. За ночь давление упало на 11 миллиметров.

На улице еще вчера разгулялась сильная метель, налетевшая с юго-востока. Она всю ночь куролесила вокруг домика. Сейчас слышен свист, вой в трубе и характерное гудение антенны. По силе и по тембру этих давно знакомых звуков я, не покидая комнаты, могу судить об усилении метели.

Беру полушубок, но тут же снова вешаю его. Сегодня он не годится, лучше надеть кухлянку. Правильность такого решения сейчас же подтверждается. В сенях уже не слышно ни завывания в трубе, ни гудения антенны — все заглушает рев метели. Ветер то свистит пронзительно, как Соловей-разбойник, то шумит, гудит и фыркает, точно сотня автомобилей, неожиданно задержанных светофором, то заводит заунывную песню голодного волка. Стены вздрагивают от яростного напора бури. С крыши осыпается иней. Его нежные кристаллы при свете электрической лампы играют и переливаются в воздухе. Вокруг лампы большое радужное кольцо, напоминающее лунное гало [1]. На полу серебристый ковер из алмазной пыли.

Около выхода два выключателя, тоже сплошь запорошенные снежной пылью. Повернув один из них, я включаю лампочку под флюгером, а с помощью другого освещаю психрометрические будки. С фонарем в левой руке и с наганом в правом рукаве кухлянки, на случай встречи с медведем, распахиваю двери и сразу точно ныряю в ревущий мрак.

Бешено несется снежный вихрь. Ветер крутит подол кухлянки, рвет из рук фонарь, валит с ног. Я совершенно ослеплен, ничего не вижу в снежном потоке. Кругом густая, бес-

[1] Гало — светлые или радужные кольца вокруг луны и солнца, образующиеся при преломлении и отражении световых лучей в ледяных кристалликах, рассеянных в воздухе.

конечная черная тьма. Она гудит, стонет, слепит, захватывает дыхание.

Свет электрического фонаря освещает только мои ноги да на полметра проникает в бушующую тьму. С большим усилием удерживаясь на ногах, делаю несколько шагов. Чтобы не сбил ветер, приходится сильно откидываться назад. Впечатление такое, словно опираешься спиной на упругий, пружинящий стог сена. Сильный порыв ветра бросает меня вперед. Чтобы не упасть, пробегаю несколько шагов.

Вдруг под ногами в свете фонаря я скорее угадываю, чем вижу, тень животного. Инстинктивно выдвигаю из рукава наган. Но в тот же момент в мою грудь с размаху упирается пара тяжелых лап и теплый шершавый язык касается моего лица. Так приветствовать может только друг. Это мой Варнак! Единственная собака, которую не держат ни цепь, ни ошейник, ни загородка из колючей проволоки. Его обычный соперник в этом утреннем ритуале — Полюс — не умеет выбираться из-за колючей проволоки, поэтому Варнак сегодня один. Ветер и метель, во время которых собаки неохотно покидают належанное место, не удержали его от изъявления преданности и дружеских чувств.

Дальше мы продолжаем путь вдвоем. До психрометрических будок около 50 метров. Ветер, подталкивая в спину, быстро доносит нас.

Однако сделать отсчет приборов и записать показания в такую погоду совсем не просто. Снег бьет в глаза, засыпает книжку, а ветер рвет ее листки, мешает мне дышать. Записав показания одного прибора, отворачиваюсь от ветра и снега, делаю передышку, потом приступаю к другому. Минимальный термометр показывает —23,4°, максимальный —14,8°. Так температура менялась ночью. Сейчас —16,3°. Неба не видно. Вообще ничего не видно, кроме будки, за которую я держусь руками, да Варнака, сидящего у моих ног и ожидающего конца непонятных для него манипуляций человека. Наконец, наблюдения проведены. Я очищаю будки от налипшего снега, и мы пускаемся в обратный путь.

Теперь надо идти против ветра и снежного вихря. Чтобы противостоять им, сильно нагибаюсь вперед. Варнак, пригнув голову к самой земле, идет передо мной. Каждый шаг кажется не меньше километра. Сделав несколько шагов вперед, поворачиваюсь к ветру спиной, чтобы перевести дыхание. Варнак тоже останавливается и ждет. Моментами меня разворачивают порывы ветра. Тогда лучше переждать, пока потоки воздуха не перейдут на «нормальную» скорость. Так, шаг за шагом, мы пробиваемся к нашему домику. Ух, какие длинные эти 50 метров! Варнак мог бы проскочить это рас-

стояние значительно быстрее, но он не хочет оставлять меня одного. Когда порывы метели особенно сильны, пес тычется мордой в мои ноги, будто хочет сказать, что он здесь, рядом, что я не один.

Заблудиться в снежном вихре и гудящем мраке мы не можем — у Варнака есть чутье, а я знаю направление ветра. Кроме того, метрах в 15—20 от домика я могу уже рассмотреть слабое светлое пятно. Сначала оно то появляется, то исчезает в несущемся снеге. По мере приближения пятно становится заметнее. В центре его свет сильнее. Это 100-ваттная лампа, освещающая флюгер на мачте, установленной над коньком крыши. На этот маяк, как моряки, мы и держим путь.

Наконец наше путешествие кончается. Стоя с подветренной стороны домика, я наблюдаю за флюгером. Он показывает, что ветер достиг степени «крепкого шторма». При такой скорости он способен вырывать с корнем деревья.

— Пустяки, бывает хуже! — говорю я Варнаку и на прощание треплю его по круглому гладкому боку. На этом мы расстаемся. Варнак считает свои обязанности оконченными, в последний раз прижимает голову к моим ногам и ныряет в темноту, а я иду в домик.

Через полчаса бужу Ходова, и результаты наблюдений летят в эфир. Наши сигналы в одно мгновение пробегают тысячи километров. Это не то, что мое путешествие на расстояние 50 метров. Однако эти 50 метров были обязательным звеном, обеспечивающим передачу наблюдений в Москву. Там их ждут в Центральном бюро погоды. Они нужны, как и наблюдения тысяч других точек, для анализа движения воздушных масс и предсказания погоды. Если сведения попадут в Москву своевременно, то наше трудное путешествие с Варнаком будет полностью оправдано.

Мы вступили во вторую половину ноября. В нашем районе исчезли последние признаки полуденной зари. До этого в ясную погоду хоть по узенькой лимонно-желтой полоске, появлявшейся на короткое время над горизонтом, да по почти неуловимому рассеянному свету мы чувствовали, что где-то есть солнце. Теперь полдень перестал отличаться от полуночи. Небо на юге такое же черное, как и на севере. В полдень видны все звезды, до шестой величины включительно. При ясном небе они то горят спокойным холодным пламенем, то искрятся и мерцают и кажутся необычайно большими и яркими. Звезды нисколько не делают ночь светлее, но взгляд невольно тянется к ним, как к единственным светлым точкам.

Когда небо затягивается облаками, исчезают и звезды. Тогда все окутывает непроглядный, черный мрак. Темнота в такие дни ощущается, как физическое тело. Кажется, что ее можно ощупывать руками, мять и формовать, словно глину или тесто, а сознание того, что ощущаешь это в полдень, еще больше усиливает впечатление. Так идет день за днем. Нам кажется, что мрак сгущается все больше и больше. Часто кто-либо из товарищей, возвратившись с улицы в домик, заявляет:

— Ну и темнота же сегодня! Такой еще не было!

Но это уже самообман. Мрак не может больше усилиться. Сегодня темно, как вчера, а завтра будет так же темно, как сегодня.

Нагрянувшие в начале полярной ночи тридцатиградусные морозы продержались недолго. Юго-западные и южные ветры принесли резкое потепление, облачность и туманы. Почти месяц удерживается теплая пасмурная погода. В отдельные дни температура воздуха поднимается почти до нуля.

Если нет ветра, антенна, провода, мачты, ветряк, столбы, крыша домика обрастают толстым слоем изморози, а при ветре их покрывает ожеледь. Однажды она превратила антенну в огромную нитку ледяных бус. Лед нарастал на канатике двое суток. Сначала антенна была похожа на толстый ледяной жгут. Потом, по мере дальнейшего обрастания льдом и провисания канатика, этот жгут начал дробиться на отдельные цилиндры длиной от 10—15 сантиметров до одного метра. Когда диаметр ледяных цилиндров достиг 5 сантиметров, бронзовый канатик не выдержал и антенна обрушилась на землю. Не меньше досаждает и изморозь. На улице ни к чему нельзя прислониться. Изморозь пристает к одежде, точно масляная краска.

Наш ветряной двигатель прекрасно работает при скоростях ветра не меньше 5 метров в секунду. Поэтому в последние недели с преобладанием легких южных потоков воздуха он часто бездействует. Когда начинается метель, наша первая забота — запустить ветряк, чтобы пополнить запасы электроэнергии. Но после передышки ветряк начинает капризничать даже при скорости ветра в 7—9 метров. Пропеллер еле поворачивается, точно не в состоянии сразу пробудиться после многодневного сна. Причиной этого всегда является иней, слоем в 3—4 сантиметра осевший на пропеллере и мешающий его обтекаемости. Надо забраться наверх, счистить корку, и лишь после этой операции раздается характерный шум и лопасти винта сливаются в один трепещущий круг.

Теплая пасмурная погода лишает нас даже удовольствия прогулок. Липкий снег пристает к лыжам, когда мы пытаемся пробежаться в темноте. А при поездках на упряжках собаки с трудом волочат по такому снегу даже пустые сани. Снег набивается собакам в лапы, смерзается ледяными комками между пальцами и распирает их. Длинношерстные собаки тащат на себе все более и более увеличивающиеся куски намерзшего снега.

Нам совсем не нужны ни тепло, ни сплошная облачность, ни южные зефиры. Ноябрьское потепление и связанные с ним многочисленные неприятности всем осточертели. Мы мечтаем о морозах, ясном небе и негодуем.

— Ну что это за полярная ночь?! Просто темная ночь в Крыму...

Охотник называет такую погоду идиотской. В науке о климате нет такого термина. Но если бы ученые-метеорологи познакомились здесь на месте с такой погодой и хотя бы один день поездили при ней на собаках, то и они вряд ли бы подобрали другое выражение для ее характеристики. Термин охотника если и не дает достаточно конкретного представления о самой погоде, то ясно определяет отношение к ней человека.

Несколько метелей, пролетевших в первой половине ноября, не отличались ни продолжительностью, ни силой. Но все же по окончании их, как правило, перепадали день-два желанной погоды. Поэтому нет ничего удивительного в том, что все это время мы мечтали об улучшении погоды, понимая под улучшением добротную, свирепую полярную метель. Казалось, что только она может освободить небо от панциря застоявшихся туч, разметать их, показать нам звезды и привести вслед за собой морозы, полагающиеся в ноябре на 80° северной широты.

Сегодняшнее «улучшение» погоды заметно подняло наше настроение. Ветер постепенно переходит к востоку и усиливается с каждым часом. Разноголосо шумит мрак, свистят незримые крылья бури, с бешеной скоростью переносятся целые тучи снежной пыли. Все вокруг напоминает бушующее море. Наш домик время от времени вздрагивает, как корабль под ударами волн.

На тринадцатичасовые наблюдения мы выходим вдвоем с Ходовым. Та же картина, что и утром. Только свита на этот раз другая. Кроме Варнака нас сопровождает и Полюс. С полдюжины других собак то появляются у ног, то исчезают в снежном вихре. Метель намела сугроб вровень с проволочной загородкой собачника. Псы воспользовались этим,

выбрались на свободу и, несмотря на метель, чувствуют себя счастливыми.

Мы довольны кутерьмой на улице, так как по окончании ее ждем ясной, сухой погоды и усиления морозов. Общее настроение не меняется даже после того, как в конце дня буря валит столбы-треноги между ветряком, домиком и магнитной будкой, обрывает провода и, наконец, срывает антенну. Только у Журавлева портится настроение. Лазая в метели, он недосчитывает на вешалках одной медвежьей шкуры. Для него это чувствительный удар. Охотник неоднократно ныряет в бушующую темноту и каждый раз после безрезультатных поисков возвращается в домик мрачнее полярной ночи.

— Ну и сторонка, чтоб ее леший взял! — ворчит он.— Что сумеешь добыть, и то норовит взять обратно. Тьма кромешная! Просто ужас берет!

До ужаса, конечно, далеко. Просто жаль шкуры. Метель может совершенно завалить ее сугробом. Собаки не побрезгуют объесть лапы и нос. В том и другом случае шкура потеряет ценность. Зная, что наш товарищ не успокоится, мы, вооружившись магниевыми факелами, все выходим на улицу и после отчаянной почти часовой борьбы с метелью находим злополучную шкуру. Ветер унес ее метров на шестьдесят и уже наполовину засыпал снегом. К Журавлеву сразу возвращается прежнее добродушие.

Общее настроение восстанавливается.

Поздно вечером, когда Ходов заканчивает передачу последней метеосводки, мы слушаем радиоконцерт, принятый на комнатную антенну, разыгрываем очередные партии в домино. Доносящийся с улицы шум метели заглушает музыку, зато кости домино громко стучат по столу. Вдруг все мы, как по команде, превращаемся в слух. За стенками домика воцаряется тишина. Она подкралась так незаметно, что мы даже не уловили момента ее наступления. У всех на лицах один вопрос: что случилось?

Я подхожу к барометру. Давление падает. Казалось бы, что шторм должен усилиться. Однако, вопреки барометру, на улице тихо. Минут пять до нас не доносится ни одного звука. Неожиданно наступившая тишина давит. Когда опять раздается свист ветра, кто-то из товарищей облегченно вздыхает. Но через десять минут — снова тишина. Еще шквал — и опять тишина. Это говорит о том, что метель выдыхается.

Все мы высыпаем на улицу. Еще раз налетает шквал. Ветер точно вздыхает — глубоко и устало. И, наконец, все затихает. Воздух еле колеблется. Почти полный штиль. Ти-

шина и спокойствие воцаряются вокруг нашей базы. Жестокая двухсуточная метель кончилась. Только темнота остается прежней. Но и в ней, по-видимому, скоро будет просвет. Об этом свидетельствует усилившийся мороз.

Возвращаемся в домик. Я завожу будильник. В 6 часов 45 минут он подаст свой голос и откроет новый день. Этот день должен быть звездным.

Улыбка Арктики

«Весь день горели яркие звезды...» Так однажды вечером я начал очередную запись в дневнике. Начал и остановился. Перечитал фразу. Она звучала так же необычно, как если бы кто-нибудь сказал: всю ночь светило яркое солнце.

Только необычность страны, в которой мы находились, позволяла говорить о звездах, мерцающих днем. Это отвечало действительности. И если сейчас я мог написать о полуденных звездах, то через полгода, не отступая от истины, напишу: «Солнце светило всю ночь». Мы находились в Арктике. Она перевертывает привычные понятия, раскрывает необычные картины.

Мои мысли прервал стремительно влетевший с улицы Вася Ходов. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться — юноша возбужден. Это было необычно. Наш Вася отличался уравновешенным, спокойным, несколько флегматичным характером. А сейчас даже распахнутый полушубок свидетельствовал о волнении Васи.

— Скорей на улицу! Все горит!

— Что горит, где?

— Небо горит... все небо! Сияние! Да скорей же, Георгий Алексеевич, а то кончится.

Я схватил кухлянку. За мною поднялся Урванцев. На пороге услышали голос Журавлева:

— Подумаешь, сияние! Да у нас на Новой Земле...

Голос умолк. Оглянувшись, я увидел, что охотник влезает в свою длиннополую малицу.

...Небо пылало. Бесконечная прозрачная вуаль покрывала весь небосвод. Какая-то невидимая сила колебала ее. Вся она горела нежным лиловым светом. Кое-где показывались яркие вспышки и тут же бледнели, как будто лишь на мгновение рождались и рассеивались облака, сотканные из одного света. Сквозь вуаль ярко светились звезды. Вдруг вуаль исчезла. В нескольких местах еще раз вспыхнули лиловые облака. Какую-то долю секунды казалось, что сияние погасло. Но вот длинные лучи, местами собранные в яркие

пучки, затрепетали над нами бледно-зеленым светом. Вот они сорвались с места и со всех сторон, быстрые, как молнии, метнулись к зениту. На мгновение замерли в вышине, образовали огромный сплошной венец, затрепетали и потухли.

— Ух! — выдохнул Вася Ходов.

Никто из нас не заметил, когда и как на юге появился огромный широкий занавес. Крупные, четкие складки украшали его. Он был соткан из неисчислимой массы плотно сомкнутых лучей. Волны то красного, то зеленого света, чередуясь, проносились по нему от одного края до другого. Невозможно было разобраться, где они возникают, откуда бегут и где умирают. Отдельные полотнища занавеса ярко вспыхивали и тут же бледнели. Казалось, что занавес плавно колеблется.

На западе опять появились длинные лучи. Потом вновь малиновые облака закрыли полнеба. Снова нарастал световой хаос. Еще раз лучи устремились к зениту.

Картина менялась каждое мгновение. Время бежало незаметно. Уже час мы любовались сиянием. Наконец, Журавлев заявил, что на Новой Земле сияние бывает еще красивее, и ушел спать. Потом вернулся в домик Урванцев.

Вася с поднятой головой сидел на полузанесенной снегом шлюпке. Он словно застыл. Юноша впервые видел такую картину. Она захватила его.

Мне было понятно волнение юного друга.

...Двадцати пяти лет я попал в Арктику. Помню, с каким нетерпением ждал я ее «улыбки». Когда однажды мне сообщили о начавшемся сиянии, я выскочил из домика.

Резкий ветер ударил в лицо, инстинктивно обращенное к северу. Но там только звезды ярко блестели на темном небе.

Зато на западе я увидел два гигантских луча, поднимавшихся из-за горизонта и занимавших четверть небосвода. У основания цвет их был молочно-белый и резко выделялся на темном небосклоне. По мере удаления от горизонта свет постепенно бледнел и наконец рассеивался совершенно. Форма гигантских лучей напоминала старинные двуручные мечи. Сквозь них просвечивали звезды, и казалось, что какой-то искусный мастер затейливо украсил эти дорогие мечи алмазами. Как завороженный, наблюдал я за фантастическими мечами. Время от времени они то сближались, то вновь удалялись друг от друга, словно какой-то великан, скрывшийся за горизонтом, держал их в руках и сравнивал — который лучше...

Скоро мне показалось, что вокруг меня стало значительно светлее. Прямо на востоке, между темными облаками, ярким желтым светом горела узкая щель. Не успел я задержать здесь взгляда, как из-за облака, немного выше этой щели, неведомая сила выбросила целый сноп лучей, похожих на полураскрытый веер. Нежнейшие оттенки цветов — красного, малинового, желтого и зеленого — раскрашивали его. Лучи каждое мгновение тоже меняли свою окраску. Один какую-то долю секунды был малиновым, потом стал пурпуровым, вдруг окрасился в нежно-желтый цвет, сейчас же перешедший в фосфорически-зеленый. Уследить за сменой окраски было невозможно. Около четверти часа продолжалась эта непередаваемая по красоте игра света. Лучи много раз вытягивались, доходили почти до зенита, затем падали и снова росли. Наконец расцветка их стала бледнеть. Они приблизились друг к другу. Небесный веер закрылся и вдруг превратился в огромное белое страусовое перо, круто завернутое к югу. Вслед за этим из основания того же пера выросло еще одно такое же пышное перо и легло параллельно первому. Оба они слегка колебались, удлинялись и снова сокращались, но в течение получаса сохраняли свою форму.

В это время на западе мечи оторвались от горизонта и образовали три узкие бледные полосы, которые неподвижно повисли на небосклоне. Яркие краски, только что фантастически украшавшие небо, померкли. От прежней феерической картины остались лишь блеклые мазки.

Только тогда я почувствовал, что свежий норд насквозь пронизывает плотную суконную куртку. Продрогший, но радостный и возбужденный я вернулся в дом.

Но уютная комната теперь казалась скучной, тесной и душной. Раскрытые книги не тянули; самые захватывающие страницы я не мог сравнить с тем, что видел на небе. Как только прошел озноб, я, одевшись теплее, опять выбежал на улицу.

Новая картина развернулась передо мною. С востока на запад легла широкая светлая дуга. Она охватывала почти четверть горизонта. Концы дуги, не достигая горизонта, не то рассеивались, не то скрывались за облаками. В глубине дуги можно было заметить какое-то мерцание, словно проносилась тончайшая пелена светящегося тумана.

Но вот небо снова преобразилось. Теперь заиграл красками север. Сначала там, из-за горизонта, выплыло небольшое светлое облачко. Оно поднялось градусов на 25—30 и застыло. Прошла минута, две... пять, облачко оставалось без изменения, только иногда оно вспыхивало лиловым светом. И вдруг оно, сильно вытянувшись, покрылось яркими, трепе-

щущими лучами и превратилось в широкую ленту, захватившую почти весь северный сектор неба. Лента извивалась, точно змея, и наконец приняла форму вытянутой, горизонтально лежащей буквы S. Новая перемена: дальний конец буквы вспыхнул ярким малиновым светом. Свет пробежал по всей букве. Вслед за ним родились и пронеслись пурпурные, зеленые, желтые волны. Они исчезали и появлялись вновь.

Буква развернулась, мгновенно обросла бахромой и превратилась в грандиозный занавес. Он торжественно колебался. Мягкие складки то увеличивались, то уменьшались. Весь занавес горел, искрился, переливался, трепетал...

В то же время дуга, лежавшая на юге, сгустилась, слегка зарумянилась и, превратившись в широкую полосу, двинулась к занавесу. В какой-то момент своего движения она ярко вспыхнула и тоже развернулась в еще более эффектный занавес.

И вдруг в одно мгновение оба занавеса рассыпались на тысячи тысяч лучей. Лучи устремились к зениту, образовали корону и потухли; но тут же на их месте засияли другие. Корона горела, сверкала... И вот все исчезло. На темном небе вновь остались только яркие звезды.

Время летело. Взглянув на часы, я напомнил Ходову, что наступает час работы станции. Мы вместе вошли в домик. Через несколько минут я зашел в радиорубку. Ходов привычно взглянул на часы, сел на стул, надел наушники, уверенно включил ток и сейчас же невольным движением сдвинул наушники. Он попытался отрегулировать приемник, но безрезультатно. Помехи были настолько сильны и часты, что из телефона раздавался только сплошной треск. Выделить что-либо не было никакой возможности. Ходов был убежден, что помехи вызваны сиянием. Вася сдержанно чертыхался. Но и это средство не помогло. Работать было невозможно.

Мы вышли из домика посмотреть, не слабеет ли сияние. Но оно горело еще ярче. Вася, опять захваченный красотой развернувшейся картины, не мог оторвать зачарованного взгляда от полыхающего неба.

А Арктика, будто чувствуя, что сегодня приобрела нового ценителя ее красоты, все шире раскрывала свое лицо, озаренное полярным сиянием. Видевший «улыбку» Арктики, завороженный, будет любить ее лицо и тогда, когда оно хмурится в полярном тумане, и когда оно гневно во время метели, и когда оно сияет тихой радостью в лучах незаходящего полуночного солнца.

Полярное сияние — одно из самых красивых, самых захватывающих явлений природы. Люди никогда не устанут любоваться сказочной игрой его света, как никогда не перестанут складывать сказки и песни.

Естественно, что человек всегда пытался объяснить сущность и происхождение сияний. Вероятно, еще на заре человечества люди, видя над собой пылающее небо, задавали себе вопрос: что это такое? И ответ целиком зависел от уровня развития человеческого общества. Старики эскимосы и теперь еще говорят, что это «танцуют души усопших».

Но и наука не сразу правильно объяснила природу северных сияний. Так, по Декарту, сияния были «отраженным блеском полярных ледяных масс». А у Галлея — «магнитным истечением у Северного полюса».

Гениальный русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов первым высказал мысль об электромагнитной природе полярных сияний. Еще мальчиком, в родной Денисовке, Ломоносов не мог не задумываться над загадкой горевших над его головой «сполохов». Став выдающимся ученым и занявшись с 1743 года изучением электрических явлений, Ломоносов внимательно наблюдал, зарисовывал и описывал полярные сияния и измерял их высоту. В результате своих исследований Ломоносов пришел к выводу, что *«северные сияния рождаются от происшедшей на воздухе электрической силы»*. На некоторых опытах он показал происхождение полярных сияний и обосновал свои взгляды на их электрическую природу.

Несколько лет спустя современник Ломоносова В. Франклин первым из иностранцев также пришел к мысли об электрической природе полярных сияний, но не обосновал достаточно своих мыслей. Ломоносов писал по этому поводу:

«Франклинова догадка о северном сиянии, которого он в тех же письмах несколькими словами касается, от моей теории весьма разнится. Ибо он материю электрическую для произведения северного сияния от жаркого пояса привлечь старается; я довольную нахожу в самом том месте, то есть эфир везде присутствующий. Он места ее не определяет; я выше атмосферы полагаю. Он не объявляет, каким она способом производится; я изъясняю понятным образом. Он никакими не утверждает доводами; я сверх того истолкованием явлений подтверждаю».

Современная теория полярных сияний разделяет взгляд Ломоносова на электрическую природу полярных сияний и объясняет их происхождение проникновением в верхние слои газовой оболочки Земли электрически заряженных ча-

стичек, исходящих от солнца. Под влиянием магнитного поля Земли эти частички отклоняются от своего пути и вызывают свечение разреженных газов.

Ломоносов первый измерил высоту полярных сияний, и позднее его данные подтвердились. Его измерения 16 октября 1753 года дали «величину верхнего края дуги около 420 верст». Многочисленные современные измерения показывают, что полярные сияния в виде дуг, подобные измеренным Ломоносовым, происходят в среднем на высоте 400—500 километров и иногда на высотах, достигающих 700 километров. Только лучистые сияния наблюдаются в среднем на высоте 100 километров, а иногда и значительно ниже.

Полярные сияния присущи не только Арктике. Одинаково они наблюдаются и в Антарктиде. Изредка их можно наблюдать далеко от полярных стран. Известны случаи полярных сияний в тропических областях. Даже в самих полярных странах сияния не всюду наблюдаются одинаково часто.

База нашей экспедиции лежала близко к зоне наибольшей повторяемости полярных сияний или, возможно, в самой зоне, поскольку она определена только приближенно. Поэтому в зимний период, при ясном небе, у нас редко проходил день, чтобы мы не видели полярного сияния.

Сколько мы видели полярных сияний — подсчитать невозможно. Как правило, в один и тот же день, даже в одно и то же мгновение, на небе вспыхивало сразу несколько сияний, различных по форме, по окраске и по высоте, чтобы в следующее мгновение замениться другими. Они наблюдались нами весь период полярной ночи, а также весной и осенью, когда чередуются дни и ночи.

В ясную погоду у нас были периоды, когда все небо горело беспрерывно на протяжении нескольких суток «днем» и ночью. Чего только мы не насмотрелись! Каких форм сияния не видели! Здесь были и дуги — то неподвижные, то медленно сжимающиеся, то растягивающиеся; были и спокойные светящиеся полосы, напоминающие Млечный Путь; возникали и грандиозные, торжественно колеблющиеся занавесы, охватывающие сразу половину небосвода; вспыхивали тысячи и тысячи лучей, напоминающих по форме копья; они то загорались и гасли, то быстрыми молниями летели к какой-то одной точке около зенита, то шарили по небу, словно щупальца прожекторов; видели мы и неуловимые по форме световые облака, и несущиеся по небу волны света.

Неисчислимые, горевшие сказочным светом сияния полыхали на небе, влекли к себе взгляд.

Ночной бросок на Северную Землю

Во второй половине ноября появилась молодая луна. Сначала всходила она поздно, робко пытаясь рассеять мрак полярной ночи, и, как бы смущенная своим бессилием, скоро пряталась за горизонтом. Но с каждым днем она поднималась выше и выше, дольше оставалась на небосводе и полнее наливалась светом. К декабрю — самому темному месяцу за Северным полярным кругом — луна была полной, не заходила за горизонт и круглые сутки оставалась на небе.

В первых числах декабря установилась ясная, тихая морозная погода. Теперь в полночь стало светлее, чем в полдень, так как ночью луна стояла выше над горизонтом. Льды, залитые лунным светом, заблестели. От отдельных вздыбленных льдин и снежных заструг легли пепельно-серые тени. Весь мир, окружающий нас, окрасился только в две краски — в блестяще-белую и пепельно-серую. Они отделялись друг от друга резкими линиями. Никаких переходов, никаких полутеней не было, точно на четкой фотографии лунной поверхности. Наш домик, склад, мачты и весь остров, покрытые ожеледью и полузасыпанные снегом, никогда не были так красивы, как теперь. Они казались отлитыми из старого потускневшего серебра. Почти ежедневно над ними и днем и ночью горели полярные сияния. Ничем не нарушаемая тишина и полная неподвижность пейзажа делали его необычным, словно мы видели его в какой-то навеки заснувшей стране.

Мы давно ждали этого времени. Призрачный свет луны, дававший пепельные тени, достаточно освещает льды, чтобы можно было по ним передвигаться, не натыкаясь на торчащие льдины, заструги и снежные холмы. Мы ждали появления незаходящей луны, чтобы начать заброску продовольствия на Северную Землю. Надо было использовать полярную ночь и сократить работу, приходящуюся на раннюю весну, когда время будет дорого.

А работа нам предстояла большая. Весной мы надеялись охватить полевыми исследованиями весь северный и центральный районы Земли, то есть от залива (может быть, пролива) Шокальского, лежащего на 79° с. ш., и до северной оконечности Земли, лежащей неизвестно где. Насколько далеко простирается Земля к северу, никто еще не знал. Установить это предстояло нам. Во всяком случае, по нашим расчетам, Земля вряд ли могла простираться на север далее 82°, как не могла она оканчиваться и южнее 81°; именно почти

до этой широты были прослежены ее восточные берега Гидрографической экспедицией. Следовательно, в плане надо было предусматривать поход примерно до широты 81°30′. Западных берегов Земли также никто не видел. Но, судя по дошедшим до нас сообщениям, экспедиция на «Седове» после нашей высадки, так и не увидев Земли, прошла дальше на север примерно по 89-му меридиану. Значит, здесь 90-й меридиан мог быть границей планируемых нами маршрутов.

Эти данные, а также предположение, что Земля представляет собой крупный массив с мало расчлененной береговой линией, позволяли надеяться, что намечаемые на весну маршруты не превысят в общей сложности 1500—1600 километров. Для прохождения такого расстояния с топографическими работами в условиях полярной весны мы должны были затратить не менее семидесяти пяти — восьмидесяти суток. Желание обеспечить себя страховым резервом времени на случай непредвиденных задержек подсказывало нам необходимость увеличить планируемое на проведение весенних работ время до девяноста суток. Естественно, что мы не могли весной взять с собой продовольствия для себя, корма для собак и топлива сразу на девяносто суток и двинуться в поход. Загрузка научной аппаратурой и экспедиционным снаряжением позволяла нам взять продовольствие, топливо и корм для собак максимально на полтора месяца.

Располагай мы бóльшим количеством людей и несколькими лишними упряжками собак, можно было бы организовать вспомогательные продовольственные партии, как это обычно делали другие полярные экспедиции. Это значительно упростило бы наше положение и облегчило работу. Но наш план исследования Земли тем и отличался от других, что предусматривал проведение всей работы силами нескольких человек при резко ограниченном количестве собак, а следовательно, требовал минимальных затрат. Благодаря этому план был быстро принят и утвержден.

Каждый опытный полярный исследователь согласится с тем, что появление света после полярной ночи еще не означает наступления полевых работ. Вести их, конечно, можно, но точность наблюдений, полученных в самый суровый период полярной зимы, будет сомнительной. А таким периодом и являются первые месяц-полтора после появления солнца. Наш проект имел в виду частичное использование полярной ночи и неблагоприятного периода зимы для заброски продовольствия и организации складов на будущих маршрутах экспедиции. Приближенный подсчет показывал, что при этих подготовительных работах надо будет пройти примерно тоже 1500 километров, причем в самых суровых ус-

ловиях. От заблаговременной переброски продовольствия полностью зависел весь успех нашей экспедиции.

К первой ночной поездке мы были готовы. При нормальном движении она могла занять четыре-пять суток. Это нас не устраивало. Рассчитывать на пять суток хорошей погоды было трудно. Луна могла скрыться за тучами, могла налететь многосуточная метель. А что значит метель в темноте, мы хорошо себе представляли. Поэтому решили нажимать на быстроту переходов, чтобы потом отдыхать дома.

Обувь, одежда и спальные мешки были просушены; продовольствие упаковано, сани проверены, сбруя упряжек в исправности. Оставалось только... побриться.

Перед всякой поездкой в холодное время года мы тщательно брились. Эта традиция и позднее всегда была обязательной при подготовке к дальним поездкам. Отросшая борода причиняет в Арктике много неприятностей. Выйдет бородач в зимний санный поход, и можно быть уверенным, что уже через несколько суток он готов последовать примеру эскимосов, выщипывающих по одному волоску и без того редкую растительность на своем лице. Даже в тихую погоду борода обмерзает от влаги, выделяемой человеком при дыхании, а во время метелей превращается буквально в ледяные клещи, стискивающие лицо. И если мы мало обращали внимания на свои бороды в теплое время года и иногда в достаточной степени обрастали, то в холодный период тщательно брились перед каждой поездкой, а выходя на долгий срок, обычно брали ножницы, чтобы в дороге как можно лучше выстригать усы и бороду.

4 декабря, в 19 часов 30 минут, мы с Журавлевым, напутствуемые добрыми пожеланиями товарищей, пустились в путь. Не прошло и десяти минут, как мы уже потеряли из виду наш домик.

Дул еле заметный, часто переходящий в штиль юго-восточный ветерок. Термометр показывал только 25° ниже нуля. Луна, точно играя в прятки, то показывалась, то скрывалась за быстро бегущими облаками. Наши упряжки то погружались во тьму, то вылетали на площадки, освещенные луной и блестевшие, как полированный металл.

Через час приблизились к северо-западной оконечности Среднего острова. Сюда еще месяц назад мы завезли пеммикан. Догрузив им сани, мы взяли курс на Северную Землю. Теперь движение несколько замедлилось. На моих санях, включая мой собственный вес, было четыреста килограммов. В упряжке шло шестнадцать собак, на каждую собаку приходилось двадцать пять килограммов груза. В упряжке Журавлева было двенадцать собак, а на санях соответствен-

4 сентября 1913 года
на восточном берегу Северной
Земли был поднят русский флаг

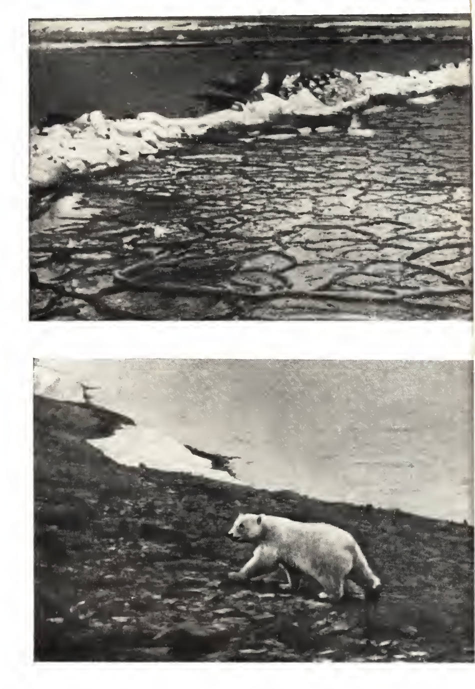

На отдыхе

◄
Лежбище моржей

◄
Наши четвероногие помощники
готовы в путь

Море покрывалось молодым льдом

Недалеко от дома увидели двух медведей

На беспредельном ледяном поле лагерь выглядит маленькой точкой

Лучшая собака в нашей стае

Эта собака доставляла нам немало хлопот

Урванцев за работой

►

Волны вымыли в айсберге огромную пещеру

►

Охотник Журавлев провел за полярным кругом 13 лет

Вася Ходов засел в радиорубке

В пути

◄

За проливом высились скалы мыса Ворошилова

◄

Среди айсбергов преобладали льдины высотою до 20 метров над уровнем моря

Среди торосов

◄

В русле горной речки

◄

Обрыв ледника

Собаки старались ступать как можно осторожнее

Причудливые складки образовывали необычайно эффектные скалы

Рядом со столбиками Гидрографической экспедиции мы поставили палатку, водрузили наш советский флаг

На северо-востоке вырисовывались берега Северной Земли

Лагерь давно устроен, собаки накормлены, все заботы кончились, покой охватывает стоянку

но меньший груз. К весне мы надеялись приучить собак к нагрузке до сорока пяти — пятидесяти килограммов. Сейчас же и этого было довольно. Снег лежал сухой, сыпучий, не каткий. Собакам то и дело приходилось делать усилия, чтобы выдернуть груженые сани на вершину заструга или очередной снежный бугор. Все же продвигались мы достаточно быстро, делая в среднем шесть километров в час.

Вскоре погода начала было нас беспокоить. Небо сплошь покрылось облаками. Два часа мы шли в полной темноте. Один раз я потерял товарища. На мой оклик из мрака не донеслось ответа. Я выстрелил из карабина. Через минуту глухо донесся ответный выстрел. Но определить точно, откуда он исходил, было невозможно. Тогда я зажег магне-вый факел. Ослепительный свет выхватил из темноты мою упряжку, но еще больше сгустил мрак вокруг нее. Через четверть часа послышался скрип полозьев, голос Журавлева, и, наконец, показалась его упряжка. Дальше уже старались не отрываться друг от друга.

После полуночи вновь показалась луна. Облачка начали рваться, и через час небо очистилось. Мороз заметно усилился. Теперь луна заливала своим серебристым светом снежные поля. Поверхность их блестела и искрилась. Однако свет был обманчивый. Хорошо различались только ближайшие неровности. Наш горизонт был очень маленьким. Это создавало впечатление, что снежные поля поднимались со всех сторон от нас. Казалось, что мы находимся на дне невиданно огромной серебряной чаши. Собаки старательно карабкались по ее вогнутому боку, но безрезультатно. Край блестевшей чаши все время отодвигался и оставался недосягаемым. Это было очень красиво и первое время забавно, но потом начало сильно утомлять, точно бесцельное топтание на одном месте. Время тянулось бесконечно медленно. Таким же казался и путь.

Только счетчик одометра, не останавливаясь, отмечал каждый шаг пройденного пути. В четыре часа (5 декабря) он показывал, что мы прошли от базы 45 километров. Это хороший перегон.

Пора было дать передышку собакам. Они пока не сбавляли бега и последний час шли с такой же скоростью, как и раньше. Но небольшой отдых все же не мог помешать.

Решили остановиться только часа на четыре. Собакам дали по небольшой порции пеммикана. Если их накормить досыта — надо простоять не менее восьми — десяти часов, иначе пища не пойдет впрок, да и работать они будут хуже, чем полуголодные. А терять драгоценные часы нам было

нельзя. Сколько могла продержаться ясная и тихая погода, мы не знали. По небу опять уже летели облака.

В 9 часов двинулись дальше. Обстановка опять изменилась. Небо сплошь покрылось облаками. Непроглядный мрак окутал нас. Собаки виднелись только как силуэты. Идти в такой темноте было еще утомительнее. Время тянулось еще медленнее. Все вокруг было обманчиво. Показывающиеся из темноты снежные заструги высотой всего лишь в 20—30 сантиметров казались скалистыми берегами; мелкие, изредка попадающиеся на пути обломки айсбергов выглядели гигантскими вершинами, а маленькие снежные бугры — высокими горами. Когда собаки взбегали на неровности или огибали их, становилось понятным, что перед глазами нет ни гор, ни скал. Это так утомляло внимание и надоедало, что мы старались не смотреть вокруг себя. Тогда невольно закрывались глаза. Мерный бег собак, поскрипывание снега под полозьями и покачивание саней начинали действовать на утомляющийся организм как хорошее снотворное. Надо было делать над собой усилие, чтобы не смыкались веки. Подстегивали мысли: «спать нельзя, надо идти вперед; как бы не налетела метель; не сбиться бы с курса».

А выдержать курс было действительно нелегко. Приходилось часто останавливаться и вглядываться в компас. Сани были снабжены стальными подполозками, среди багажа лежал карабин и другие предметы, которые могли оказать влияние на показание магнитной стрелки. Поэтому в каждом случае проверки курса надо было отойти от саней и осветить компас. Но так как никаких ориентиров вокруг не было, даже воздух как бы застыл, то все же в темноте мы незаметно могли свернуть с курса и зайти неизвестно куда. Уже через десять минут после остановки нельзя было быть уверенным, что идешь по правильному курсу. Наконец мы нашли выход. В одну из очередных остановок я положил компас на снег и, осветив его, заметил, что стрелка остановилась под определенным углом к ближайшему застругу. Вот он, ориентир! Заструги — невысокие снежные борозды, почти сплошь покрывающие с середины зимы снежные поля. Господствующие ветры делают их строго направленными. Я заметил угол, под которым заструги лежали к направлению нашего пути, и после небольшой тренировки уже мог в полной темноте проверять этот угол с достаточной точностью, чтобы выдержать наш курс. После этого не было необходимости в частых сверках с компасом, мы останавливались не чаще двух раз в течение часа и довольно быстро продвигались вперед.

А темнота продолжала сгущаться. К полудню надвинулся туман. Стало так темно, что, по меткому выражению моего спутника, отпала какая бы то ни было необходимость в глазах. К 14 часам одометр отсчитал 27 километров, пройденных нами после отдыха, и 72 — от дома.

Где-то очень близко лежала Северная Земля. Но где? Нам надо было найти не только Землю, но и мыс Серпа и Молота, ведь на нем был наш продовольственный склад, заложенный в октябре. Но как отыскать мыс в такой темноте? Хоть глаз коли — ничего не видно. Уж не отклонились ли мы от курса? Судя по пройденному расстоянию, мы должны были бы упереться в мыс Серпа и Молота. Хоть бы на минуту выглянула луна!..

Собаки сильно устали. Они заметно сбавили ход. Искать в непроглядной тьме мыс и склад означало только еще больше мучить их. Решили остановиться, как следует накормить собак и дать им настоящий отдых. Надежда на то, что за это время выглянет луна и осветит нам нашу цель, подкрепила решение.

Разбили лагерь. Собаки съели заслуженную ими двойную порцию пеммикана и быстро успокоились, свернувшись в ряд шерстяных клубков. В палатке было сравнительно тепло, так как с наступлением облачности вообще заметно потеплело. Термометр показывал только —26°. Через час был готов суп, и мы поели. Что это было — завтрак, обед или ужин, мы и сами не знали. Было 16 часов. Судя по времени, мы обедали, но как-то думалось, что все-таки это был ужин. Так казалось потому, что нам очень хотелось спать и мы торопились поскорее забраться в спальные мешки.

К 23 часам мы уже свернули лагерь, увязали сани, запрягли собак и готовы были к дальнейшему пути. Туман рассеялся, стало как будто немного светлее, но все же вокруг ничего не было видно. Обсуждая дальнейший путь, мы уже совсем было поверили, что уклонились от курса, и решали только вопрос о том, насколько нам надо взять вправо или влево, чтобы попасть на мыс Серпа и Молота. В это время в облаках начали появляться просветы. Кое-где заблестели звезды. Это вселило надежду на появление луны. Не двигаясь с места, мы сидели на нагруженных санях и наблюдали за бегущими облаками. Прошло полчаса, час... Собаки сначала беспокойно крутились в лямках, потом, убедившись, что мы не собираемся двигаться с места, успокоились. Разрывы между облаками становились все шире. Наконец, в один из просветов хлынул лунный свет, и мы прямо на своем прежнем курсе увидели на фоне неба знакомый силуэт мыса Серпа и Молота.

Отдохнувшие собаки бойко тронулись с места. Через час мы разыскали продовольственный склад. Продукты, оставленные здесь осенью, были в целости. Нетронутой осталась даже буханка хлеба, лежавшая поверх банок с пеммиканом. Сюда не заходил ни один медведь, не забегал ни один песец, не было видно ни одного следа.

К нашему выходу на мыс небо совершенно очистилось от туч. А ведь только три часа назад не было ни одного просвета, господствовала полная тьма. Сейчас не было и следа облачка. Ярко светила луна. Трепетали бесчисленные звезды. Пейзаж снова казался отлитым из серебра. Воздух был недвижим. Погода как-то совсем выправилась. Но частая и

резкая смена облачности, трепет звезд не обещали ничего хорошего. В атмосфере было неспокойно. Там что-то происходило. Это тревожило нас. Мы совсем не хотели, чтобы ветер, так быстро очистивший над нами небосвод, забушевал и в нижних слоях атмосферы. Это сулило бы жестокую метель. Беспокойство заставляло поторапливаться.

Не устанавливая палатки, мы разогрели консервы, позавтракали на вольном воздухе, угостили собак галетами и в 4 часа 30 минут (6 декабря) снялись в обратный путь. Предполагали, если удержится погода, пройти километров двадцать пять к дому и тогда уже остановиться на настоящий отдых.

Через двадцать километров, пройденных в юго-западном направлении, случайно напали на свой вчерашний след. Обычно в таких случаях собаки сразу прибавляют скорость и несутся по следу. Сейчас ничего похожего не случилось. Это являлось верным признаком утомления собак. Особенно оно было видно по моей упряжке. Мои четвероногие помощники были меньше натренированы, чем у спутника, который последние полтора месяца часто гонял своих собак по островам Седова для осмотра расставленных там капканов на песцов. Его собаки уже втянулись в работу. Лапы их огрубели.

Возле самой земли простиралась полоса льдов шириной около десяти километров, с которой ветры снесли снежный покров. Пройдя ее в двух направлениях, мои собаки изранили лапы о колючую поверхность льда, образовавшуюся еще летом. В общем все говорило за то, что нужно было остановиться на отдых. Но стоило лишь оглянуться назад, как отпадала всякая мысль о возможности остановки.

Часа через полтора-два после того, как мы оставили Северную Землю, в спину нам потянул ветерок. Он постепенно усиливался, свежел и делал чувствительным 28-градусный мороз. По-прежнему ярко светила луна. В ее свете на фоне

неба мы долго видели силуэт мыса Серпа и Молота и заметили, как он закрылся белой пеленой. Нам не надо было рассказывать, что это такое. Мы знали, что там уже ревет метель. Остановимся на отдых — значит, дождемся метели; продолжим путь — возможно, уйдем от нее.

Метель — самое мощное, захватывающее и самое опасное для путешественника проявление природы Арктики. Нередко метель продолжается беспрерывно несколько суток, неделю, а иногда и больше. Но и одних суток достаточно, чтобы погубить путника, если ему негде укрыться и переждать погоду или же он не сумеет этого сделать. При сильной встречной метели продвижение на собаках почти невозможно, но и попутная вьюга для неопытного человека не менее опасна. Сани и собаки в этом случае несутся вместе с ветром. Движение головокружительное, оно захватывает неискушенного ездока; ему кажется, что он не едет, а летит к своей цели. Он радуется и готов благодарить метель за помощь. Час за часом продолжается такая скачка, пока, совершенно неожиданно, не упадет мертвой одна из собак, а испуганный путник не убедится, что остальных должна постигнуть такая же участь.

Сильный попутный ветер заворачивает шерсть собак и набивает снежную пыль вплотную к коже. Здесь снег начинает подтаивать, потом превращается во все более и более утолщающуюся ледяную корку на теле животного. Если вовремя не заметить этого и не остановиться, собака погибнет. Лучшее и самое верное средство против метели при любых условиях — переждать ее. Укрыться в палатке, сугробе или где бы то ни было и по возможности найти защиту для собак. Даже без всякого укрытия любая метель не так страшна собакам на свободе, как в лямке.

Сколько может продолжаться непогода, мы не могли предугадать, а чем она угрожает в темноте полярной ночи — хорошо знали. Если мы не сможем дождаться ее окончания и будем вынуждены продолжать путь, для собак это может быть хуже, чем пробежать сейчас последние 40 километров. Поэтому, несмотря на усталость, мы отказались от отдыха. Каждый час приближал нас к дому. Следом двигалась и росла в лунном свете сплошная белая стена.

До дому оставалось уже менее 20 километров, когда усиливающийся ветер начал соединять отдельные курящиеся ручейки поземки в сплошную несущуюся массу и поднимать ее над снежными полями. Собаки начали отказываться от работы. Особенно плохо дело было у Гиены. Это была маленькая, трудолюбивая, но малосильная собака. Свою кличку она получила за постоянно ощетиненную, короткую и

жесткую шерсть. Это было у нее совсем не от злости или трусости, свойственных гиене, наоборот, она отличалась прекрасным характером, всегда была веселой, ласковой и добродушной. Ее маленькие глаза горели умом, а работала она с упоением. Ей всегда казалось, что другие бегут тихо, и время от времени она подзадоривала их визгом. Во время недолгих остановок в пути она редко ложилась: крутилась, рвала лямку, повизгивала и нетерпеливо ждала минуты подъема. Поэтому она и уставала раньше других. А сейчас, при такой работе, бедняга еще ободрала себе лапы. От усталости она начала падать. Я вытащил ее из лямки и посадил рядом с собой на сани. Пес прижался ко мне, и, когда я гладил его, он лизал мне руки.

Мороз на ветру стал сильно чувствоваться. Снежная пыль то поднималась, то прижималась ко льду. Мы влезли в совики. Собаки выдыхались с каждым часом. На моих санях, рядом с Гиеной, уже сидел Штурман. Луна по-прежнему лила свой свет. В его серебристом потоке мы, наконец, увидели впереди барьер Среднего острова. Бой был выигран. Отсюда мы могли выйти к нашему домику в любую метель. Это позволило нам, несмотря на усиливающуюся метель, сделать часовую остановку и скормить собакам остатки галет. После остановки связали общим ремнем обе упряжки, чтобы не потерять друг друга в поднявшейся снежной пыли, и, сделав последнее усилие, в 3 часа 30 минут (7 декабря) подошли к базе.

Этот рейс буквально был вырван у полярной ночи. Всего мы находились в пути пятьдесят шесть часов, спали за это время только семь часов, а за последние двадцать три часа прошли 98 километров. Пока мы распрягали и кормили собак, а потом сами, засыпая за столом, ели яичницу, метель уже разыгралась по-настоящему. За стенками домика, будто злясь, что упустил свои жертвы, выл и метался ветер. Нам он теперь был уже не страшен, собакам тоже.

На исходе полярной ночи

Небо было ясно, воздух недвижим. И все же, несмотря на полный штиль, 38-градусный мороз пробирал до костей. Он обжигал лицо, хватал за руки, едва их вынешь из рукавиц. Суставы пальцев сначала как бы попадали в раскаленное железо, а через несколько минут начинали белеть. И после пальцы, даже спрятанные в рукавицы, некоторое время оставались негибкими и плохо держали предметы. Опушки ме-

ховых капюшонов быстро покрывались изморозью, она оседала на ресницах и бровях. Поэтому они казались седыми, а мы начинали походить на насупившихся стариков.

Таким было утро 28 января, в которое мы вышли в свой очередной рейс на Северную Землю. Такой была погода, все время сопровождавшая нас в этой поездке. Мерзли мы изрядно, но все же это казалось только маленьким неудобством по сравнению с яркими впечатлениями нескольких дней путешествия.

Миновав пролив и перевалив через Средний остров, мы вышли на ровный многолетний лед, ведущий к мысу Серпа и Молота. Дорога благодаря пронесшимся метелям и сильным морозам была прекрасной. Перемолотый и утрамбованный ветром снег смерзся в такую плотную массу, что на его поверхности было очень трудно заметить след тяжело груженных саней. Собаки, тоже поседевшие от инея, бежали быстро. Не надо было ни помогать им, ни понукать. Сани скользили легко, и у нас не было нужды соскакивать даже при подъемах на встречавшиеся иногда снежные бугры. Нам оставалось только сидеть на санях, следить за курсом, посасывать трубки да еще отогревать пальцы, успевшие закоченеть при раскуривании трубок.

Когда мороз забирался под меха, мы, чтобы согреться, бежали рядом с собаками. Но они, почувствовав облегчение груза, пускались вскачь, и мы, не выдерживая состязания, вновь прыгали на сани.

Впереди темнел северный сектор неба. На нем горели звезды и плыла полная луна... Обернувшись назад, мы видели яркую зарю. На северной стороне лившийся лунный свет освещал льды. Они поблескивали и казались значительно светлее небосвода, расстилавшегося над ними. На юге льды были окрашены в густо-фиолетовый, почти черный цвет, хотя небо там горело ярко-красной зарей. В прошлый рейс мы ездили при полной темноте, когда нельзя было разглядеть под ногами белый снег, а теперь перед нами лежал черный снег под относительно светлым небом. Картина была необычной даже для нас.

Мы нередко оглядывались назад. На фиолетово-черном снежном фоне мы могли видеть необычный след своего маленького каравана. Тянулся он на несколько километров в виде сплошной, резко очерченной полосы белесовато-серого тумана, четко выделявшегося на темном фоне. Температура воздуха в это время приближалась к —40°. Капельки влаги, выделяемой при дыхании разгоряченными собаками, тут же замерзали и превращались в густое облачко, висевшее над упряжками. При нашей остановке оно не

двигалось, но как только мы направлялись вперед, начинало вытягиваться и образовывать след в виде узкой туманной полосы. В воздухе — ни малейшего колебания. Туманная линия не рассеивалась, не поднималась и не оседала. На высоте 2—3 метров за нами тянулся длиннейший непрерывный шлейф. Он напоминал облако оседающей пыли над большаком, поднятой стадом в знойную засушливую пору. Только когда позади нас потухла заря и исчезла фиолетово-черная расцветка снежных полей, когда они вновь заблестели под лунным светом, мы перестали видеть свой шлейф сколько-нибудь далеко.

Вечером в 43 километрах от базы остановились на отдых.

Каждой собаке вырезали в твердом снегу лунку, и наши помощники, поужинав пеммиканом, устроились на ночь.

В палатке в этот вечер было холоднее обычного. Намерзнувшись за рабочий день, мы долго не могли согреться. Стыли ноги; сдвинешь с головы надоевший капюшон, сейчас же начинают зябнуть уши. Примус яростно шипел, но теплее от него не становилось.

Разогрели консервы, поели и всячески старались растянуть чаепитие, чтобы насладиться ощущением тепла. В палатке было тесно. Из-за холода мы не снимали совиков, а эти меховые балахоны делали нас объемистыми. Кристаллизовавшиеся пары от горячего чая и влаги от нашего дыхания серебристым слоем уже покрывали внутреннюю сторону палатки.

Свеча сгорала медленно. Температуры ее пламени едва хватало на то, чтобы растопить охлажденный стеарин только вокруг фитиля. Поэтому по мере сгорания фитиля основание пламени медленно погружалось вниз, а края свечи по окружности оставались нерастопившимися и образовывали тускло просвечивающийся цилиндр. Колеблющийся от наших движений язычок огня лизал верхние края цилиндра, растапливал их. Стеарин стекал с края цилиндра в сторону пламени и не образовывал, как обычно, подтеков снаружи свечи. По мере углубления пламени свет постепенно уменьшался, и внутренность палатки погружалась в сумерки. Тогда мы снимали нерастаявший стеарин, и свеча загоралась ярче.

Наша беседа, естественно, велась о полярной ночи. Мы вспоминали приключения минувших лет и сравнивали нашу четырехмесячную ночь с двухмесячной на острове Врангеля. Мой спутник заявил, что он переживает уже четырнадцатую полярную ночь, а так до сего времени и не знает, почему она происходит, или, как он выразился, не понимает «этой механики».

Я ответил ему, что понять механику нетрудно, если он не поленится сделать из снега небольшой шар.

Охотник сейчас же вылез наружу и, повозившись минут пятнадцать, вкатил в палатку почти правильный снежный шар сантиметров сорок в диаметре. Манипулировать таким шаром в тесной палатке было невозможно. Пришлось «землю» урезать. Заработал нож охотника, шар уменьшился наполовину и мог подойти к орбите, вырезанной мною на снежном полу палатки. Когда мы тем же ножом нанесли на «земном шаре» экватор, тропики, полярные круги и соединили полюсы меридианами, я заявил:

— Теперь не хватает только земной оси.

— А какая она?

— Воображаемая, конечно.

— Тогда вообразите, что я вам уже дал ее,— парировал Журавлев.

Я объяснил, что наш опыт будет нагляднее, если мы материализуем земную ось. Охотник согласился подыскать «что-нибудь покрепче». Через минуту раздумья он вынул шомпол карабина, проткнул им через полюсы снежный шар, и наша «земля» закрутилась на своей оси.

— Хорошо? — спросил охотник.

— Нет!

— А что же еще? Ведь вертится!

— Опущено самое главное,— начал я объяснение,— земная ось стоит у тебя перпендикулярно, а на самом деле она наклонена к плоскости орбиты под углом 66°33′. И летом, и зимой, и осенью, и весной, и вообще в любой момент годового бега Земли по ее орбите вокруг Солнца этот наклон оси является постоянным и служит причиной изменения продолжительности дня и ночи. Земля не стеклянный шар — она не просвечивает. Солнце может освещать только одну половину ее. Другая половина остается в это время в тени, то есть там тянется ночь. Если бы земная ось была перпендикулярна к плоскости орбиты, как она стоит сейчас, то всегда освещалась бы последовательно какая-либо половина земли от Северного полюса и до Южного. На всех широтах земного шара день всегда был бы равен ночи, и нам с тобой не надо было бы путешествовать в темноте и играть в жмурки среди льдов, так как не было бы никакой полярной ночи.

— Давай проверять. Вот тебе солнце,— продолжал я, поставив в центр орбиты выгоревшую цилиндром свечу.— Эта свеча совсем похожа на полярное солнце, когда оно еле просвечивает сквозь туман. Сейчас мы сделаем наше солнце поярче.

Я смял стеариновый цилиндр. Пламя стало ярким. Далее, отмечая точки на орбите, я показывал, где находится Земля по отношению к Солнцу весной, летом, осенью и зимой, а мой слушатель поочередно втыкал вертикально земную ось в эти точки и крутил земной шар. Свеча, изображавшая солнце, четко освещала обращенную к ней половину снежного шара от полюса до полюса. Никаких признаков ни полярной ночи, ни полярного дня не было.

— Теперь поставим земную ось под нужным углом к плоскости орбиты и посмотрим, что случится.

Мы установили нашу землю на точку весны. Журавлев, растерев замерзающие руки, привел землю в движение.

Картина не изменилась. Свеча по-прежнему освещала половину шара от полюса до полюса. Слушатель подозрительно взглянул на лектора. Я напомнил ему о дне весеннего равноденствия (21 марта), когда на всей земле день равен ночи, а он вспомнил о таком же дне осеннего равноденствия (23 сентября) и переставил земной шар в точку осени. Эффект получился замечательный: свеча опять освещала половину шара, на другой стороне которого лежала четкая тень.

Пора было продемонстрировать полярную ночь и полярный день. Наш земной шар стал на точку зимнего солнцестояния (22 декабря). Северный полюс оказался обращенным в противоположную сторону от солнца. Густая тень легла на все пространство внутри Полярного круга. О, как она была понятна для нас! Сколько переживаний и приключений было связано с ней! Я заметил, что рука Журавлева начала задерживаться. Земля под ней крутилась медленнее. Охотник вновь переживал свои четырнадцать полярных ночей... Я взял из его рук шар и переставил его в точку летнего солнцестояния (22 июля). Северный полюс повернулся к солнцу. Свет залил Полярный круг. Полярная ночь передвинулась к Южному полюсу. При вращении шара приполярные пространства все время оставались освещенными. На севере воцарился полярный день. Это было наше будущее. К нему мы шли. Полярная ночь еще господствовала, могла принести нам еще много испытаний, но впереди был день! Да еще какой: целых четыре месяца солнце не будет прятаться за горизонт!

Мы не спешили убрать свою землю из этого положения, словно в действительности видели над Арктикой солнце и старались насладиться его светом...

Потом, передвигая шар по орбите против хода часовой стрелки, мы проследили, как освещенный внутри Полярного круга район все более и более суживался, как в местах, ра-

нее освещенных круглые сутки, день начал чередоваться с ночью, как они сравнялись, как вслед за этим Северный полюс перестал освещаться и на нем наступила полярная ночь, как увеличивалась, равномерно расползаясь от полюса, неосвещенная зона, а потом после прохождения точки зимнего солнцестояния тень снова начала сужаться. Мой слушатель наяву увидел, что наступление полярной ночи начинается на полюсе и что здесь она тянется полгода. Столько же продолжается на полюсе и полярный день. Чем дальше к югу от полюса расположена точка, тем короче будут и полярная ночь и полярный день, пока, наконец, полярная ночь и полярный день не будут равняться только одним суткам. Граница этого района и называется Полярным кругом. Она проходит на широте 66°33′. На этой широте один день в году солнце не показывается из-за горизонта и один день в году не заходит. Вблизи Полярного круга полной полярной ночи фактически не бывает, так как свет скрытого за горизонтом солнца рассеивается атмосферой, и поэтому в середине дня здесь наблюдаются более или менее слабые сумерки. Да и в высоких широтах благодаря свойству атмосферы рассеивать свет настоящая ночь наступает не сразу. Почти в течение месяца после захода солнца, пока оно еще сравнительно недалеко за горизонтом, в полуденные часы на юге горит заря. Она появляется вновь в последний месяц полярной ночи, когда солнце начинает приближаться к горизонту, точно так же как в средних широтах мы наблюдаем вечернюю и утреннюю зарю.

Наша беседа продолжалась несколько часов. Журавлев еще много раз оживлял «солнце», переставлял снежный шар в различные точки орбиты, рассматривал рисунок, сделанный мной на листке дневника, и проверял мои объяснения.

Наконец, он заявил:

— Теперь все ясно. Механика не столь уж хитрая. Все понимаю и, если понадобится, сам сумею объяснить даже моржу.

— Конечно, сумеешь, если он успеет задать вопрос, пока ты берешь его на прицел.

— Ну, уж это будет зависеть от его расторопности.

— В таком случае он никогда не узнает о причине полярной ночи,— заключил я.

Мы выпили еще по кружке почти кипящего чая и полезли в спальные мешки.

На следующий день, в 7 часов, опять в пути. Впереди еле уловимым пятном виднелся мыс Серпа и Молота. Собаки работали старательно. Дорога, как и накануне, была хо-

роша. Только при подходе к самой Земле на нашем пути, как и в тот рейс, легла полоса голого льда; но сейчас она сильно сузилась.

Около полудня дошли до склада. На этот раз, без обхода Среднего острова и почти не отклонившись от курса, все расстояние от базы до склада мы уложили в 76 километров.

На складе все было по-прежнему. Ни одного следа — ни медвежьего, ни песцового. Сложили груз, вскипятили чай и после двухчасовой передышки направились обратно. Сначала попытались пустить собак по проложенному следу, но, немного покрутив, пришли к заключению, что придерживаться его бесполезный труд. На твердом снегу следа совсем не было видно. Только посмотрев против луны, можно было разглядеть узкие блестящие полоски отполированного снега — это и был след наших саней. Против света зари нельзя было обнаружить и этого признака. В южной стороне, как и накануне, по контрасту с ярко-красной зарей, все тонуло в фиолетово-черном цвете. Он был настолько густым, что создавалось полное впечатление погружения в ночь. Однако стоило повернуться назад и взглянуть против светящей луны, как уже не было и признаков темноты.

По черно-фиолетовому льду мы шли, точно слепые. Едва передние сани уходили на расстояние 300—400 метров, как терялись из виду. Один раз, выпустив спутника вперед, я совершенно потерял его и решил было двигаться самостоятельно. Но поскольку он был южнее и для него видимость была лучше, он разглядел меня и повернул навстречу. Потом повторилось явление, наблюдавшееся накануне. Опять над упряжками появилось облако пара. Оно вытягивалось в шлейф. Однако время от времени то с одной стороны, то с другой начинал тянуть ветерок. Он рвал наш шлейф и относил от линии пути.

Термометр показывал 41° ниже нуля. Донимал мороз. Хотелось проглотить что-нибудь горячее. Но ставить палатку и терять время нам не хотелось, и мы ограничились холодной закуской. Еда была у каждого за пазухой. Еще утром каждый из нас на всякий случай взял из саней по банке замерзших мясных консервов и сунул под меховую рубаху. Теперь мы могли закусить, не оттаивая консервы на примусе и не теряя времени.

Заря постепенно угасала. Прозрачный, как кристалл, свет луны сгонял со льдов черно-фиолетовую тень. Темное поле исчезло. Погода по-прежнему стояла прекрасная. В таких случаях обычно говорят: «погода благоприятствовала». Это протокольное выражение мало что говорит. На этот раз она просто баловала нас. Это не шутка: 40-градусный мороз в

тихую погоду действительно всего лишь баловство по сравнению с 20-градусным при сильном ветре.

Мы даже забавлялись морозом. Вынешь из рукавицы руку — мороз обожжет ее, точно кипятком. Возмешься за что-либо — мороз, как электрический ток, пронизает до костей. Утянешь закоченевшие пальцы за пазуху, отогреешь и опять пробуешь «щупать» леденящий воздух.

Сани были легкими. Собаки отмеривали километр за километром. Впереди шел Журавлев, я пустил свою упряжку по следу, а сам лег на сани и засмотрелся на небо. С востока на запад перекинулся фантастический частокол полярного сияния. Разноцветные лучи вспыхивали, гасли или молнией уносились куда-то в бесконечность. Иногда они замирали на месте, развертывались в ленты, образовывали гигантские световые занавесы, потом вновь рассыпались и замирали, чтобы через минуту вспыхнуть еще ярче. Мне вспомнилось, что старики эскимосы говорят, будто это танцуют души усопших. И сейчас мне показалось, что полярное сияние красивее самой мечты о бессмертии.

Как ни красиво полыхало сияние, все же на этот раз владычицей неба была луна. Она точно решила залить землю своим светом. Необычайно яркая, она выглядела такой близкой, что казалось, можно дотянуться до нее рукой. Беспрерывным, сплошным потоком лились ее лучи и как тончайшие серебряные струны соединялись с блестевшими ледяными полями.

На отдых мы остановились только в 34 километрах от мыса Серпа и Молота. Мороз забирался в спальные мешки и несколько раз будил нас. К утру он превратил в замерзшие комки отсыревшие рукавицы и капюшоны. Прежде чем надеть их, надо было оттаять их около примуса и размять. Для нас это было уже обычным занятием, маленькой бытовой деталью в санном путешествии. День был таким же ясным. Мороз удерживался. Шли опять против зари. Снова теряли и разыскивали друг друга. Это заметно удлинило путь. На 46-м километре от ночлега прибыли на базу, проделав, таким образом, 156 километров за сорок восемь часов.

Запасы нашего склада на Северной Земле увеличились еще на триста пятьдесят килограммов пеммикана. А память запечатлела три чудесных перехода, еще более приблизивших нас к выполнению задач экспедиции.

Захват исходных позиций

Горе товарища

Февраль был на удивление теплым. Его среднемесячная температура оказалась значительно выше январской. Почти весь месяц преобладала пасмурная погода. Сплошная облачность тушила нарастающие полуденные сумерки, и в феврале мы меньше видели света, чем в январе. Темнота и несколько сильных метелей весь месяц продержали нас на базе. Только с появлением солнца, которое из-за пасмурной погоды мы увидели вместо 20-го 24 февраля, вновь установилась ясная и холодная погода. Очередной бросок на Северную Землю мы с Журавлевым сделали 24—26 февраля при морозе, достигшем 45°. А 2—4 марта мы завезли на мыс Серпа и Молота пятую партию продуктов.

С последней поездкой на нашем североземельском складе мы сосредоточили около тысячи семисот килограммов продовольственных запасов и топлива. Здесь было полторы тонны собачьего пеммикана, шестьдесят литров керосина, мясные консервы, галеты, пеммикан для людей и винтовочные патроны. Это был солидный запас, почти обеспечивающий план маршрутных работ, намеченных на весну 1931 года.

Теперь надо было перебросить часть продовольствия километров на 100—150 к северу от мыса Серпа и Молота и оборудовать дополнительное депо на будущем северном маршруте экспедиции. После этого мы предполагали заложить депо для работ в центральной части Земли. Чтобы завезти туда продукты, необходимо было найти путь через Северную Землю на широте, близкой к широте главной базы экспедиции, и выйти на восточный берег Земли.

В половине апреля незаходящее солнце должно было подняться достаточно высоко, что обеспечивало необходимую точность астрономических наблюдений; морозы к тому времени уменьшатся и не будут затруднять полевых работ.

Таким образом, для окончания оборудования продовольственных депо оставалось еще пять недель. Но из них не меньше недели надо было сбросить на отдых собак.

За остающееся время предстояло закончить все подготовительные работы.

Четырех недель как будто было вполне достаточно для этого. Однако необходимо было помнить о метелях, туманах и возможных трудностях неизвестного пути как к северу, так и к востоку при пересечении Земли. Непогода могла задержать нас и сильно сократить количество рабочих дней. Поэтому, не считаясь с трудностями, надо было спешить с окончанием подготовительных работ, от которых зависел успех съемки и исследования Земли.

7 марта мы с Журавлевым вышли в новый поход с целью пройти к северу от мыса Серпа и Молота. Отправляясь с базы, мы погрузили в сани сто двадцать пять трехкилограммовых банок пеммикана, один ящик мясных консервов и бидон керосина. Включая снаряжение, расходное продовольствие и топливо на пятнадцать суток, на каждые сани приходилось по двести пятьдесят килограммов. На североземельском складе мы должны были довести загрузку саней до трехсот тридцати — трехсот пятидесяти килограммов.

Но на этот раз не груз беспокоил меня и не метели, не мороз, не трудности пути. Наоборот, хотелось, чтобы трудностей встретилось побольше. У меня лежал тяжелый груз на душе. Его нельзя было ни взвесить, ни измерить. И предстоящие трудности могли только помочь развеять этот груз в ледяных пространствах.

Наши поездки с охотником, всегда напряженные из-за темноты полярной ночи, сильных морозов и метелей, из-за опасности потерять друг друга в темноте или погубить собак, действовали на нас возбуждающе, вызывали спортивное чувство. Ледяное раздолье веселило нас, опасность обостряла вкус приключений, а борьба пьянила своим азартом.

Мой товарищ, выросший и закалившийся в такой обстановке, привык противопоставлять силам природы свои собственные силы, упорство и дерзость. На промысле, а еще больше в наших поездках он буквально преображался, становился еще более сильным и выносливым. Для него это была настоящая работа, в которой проявлялись лучшие черты его характера. Журавлева как бы покидала присущая ему внешняя грубоватость, иногда делавшая его тяжеловатым в общежитии. В дороге он был весь устремлен вперед и напряжен, точно стальная пружина. Это почему-то пробуждало в нем чувства, не проявлявшиеся в нормальной обстановке. На базе он, как правило, был совершенно равнодушен к мощным проявлениям полярной природы. Другое дело в пути. Здесь надо было бороться с разгулом стихии. Здесь она была настоящим врагом — мощным, жестоким и

упорным. И эту силу Журавлев чувствовал в походах, оценивал и нередко восхищался ею. Иногда, прислушиваясь к вою ветра, он кричал мне:

— Вот лешой! Ну и свистит! Силища-то какая! — Неподдельный восторг слышался в его голосе.

Или в жгучий мороз он бросал свою упряжку, подбегал ко мне, обнажал руку и, сжав кулак, говорил:

— Смотри, как белеют суставы. Не успеешь спичку зажечь и прикурить, а они уже побелели! Вот здорово!

Самым приятным для него ответом на это было следующее: я молча вынимал трубку, набивал ее табаком, зажигал спичку, и мои суставы тоже успевали побелеть. Тогда он восхищенно говорил:

— Вот видишь! Это не Крым! Не дома на печке! Смотри в оба!

И ему нравилось смотреть в оба.

Часто его старинные поморские песни — о море, о ветре, о волнах, об одиноком моряке и ожидающей морячке — слышались над льдами. Ветер подхватывал их и уносил в бесконечные просторы.

Чем напряженнее складывалась обстановка, тем собраннее и вместе с тем оживленнее становились мы. Оба мы умели ценить борьбу и крепко верили друг в друга. В самые тяжелые минуты были уверены в одном: «Выйдем!» И выходили. Это придавало нам гордости. Шутка, смех и песня были обычны в такие минуты. И наше настроение не было искусственным. Просто так проявлялась радость жизни и убеждение, что человек сильнее слепой стихии.

Совместные поездки были для нас почти праздником. Я невольно любовался своим спутником, а он, чувствуя это, вкладывал в нашу общую работу все свои силы, способности и опыт.

Ему давно хотелось, как он говорил, «промахнуть» мимо мыса Серпа и Молота. Приходилось сдерживать его пыл, пока на североземельском складе не накопилось достаточно запасов. Теперь, зная, что начатая нами поездка приведет к новым неизвестным берегам и сулит много приключений, он был оживлен, пел и шутил. Я всегда старался находить ответы на эти шутки и умел поддерживать его боевое настроение. Но теперь вынужден был для этого делать над собой усилия. Мой товарищ еще не знал о постигшем его несчастье. И мне предстояло сообщить ему об этом.

...Случилось это еще в январе. Однажды вечером я заметил, что обычно спокойный Вася Ходов вышел из радиорубки чем-то сильно встревоженный. Он шагнул было ко мне, но резко повернулся, надел полушубок и покинул

домик. Я вышел на улицу. Несколько собак, вынырнув из мрака, бросились ко мне ласкаться. Радиста не было видно. На мой окрик Вася не ответил. Решив, что он хочет побыть один, я вернулся к работе. Но встревоженное лицо юноши стояло перед глазами. Что-то случилось. Я снова решил пойти и разыскать Ходова, но в дверях столкнулся с ним.

— Вася! Что случилось? — тихо спросил я.

Вместо ответа он указал на жилую комнату и еще тише осведомился:

— Спят?

Я утвердительно кивнул головой. Ходов провел меня в радиорубку, вытащил из папки листок бумаги и, подавая его, с тревогой проговорил:

— Что делать?

Я прочитал:

Северная Земля Журавлеву
Шурик и Валя безнадежно больны.

Мария

Закружились мысли: «Телеграмма от жены... Маленький Шурик — совсем ребенок... Пятнадцатилетняя Валя — дочь Сергея, светловолосая, голубоглазая девочка... Оба больны... Как крепко обнимала девочка отца при прощании. С какой любовью он смотрел в наполненные слезами глаза дочери... Но что значит безнадежно больны? Откуда мать знает, что безнадежно? Разве может она терять надежду? Что заставило ее так написать? По-видимому, смерть, только смерть! Мать не скажет «безнадежно», не испытав все средства спасения. Значит, уже нет ни маленького Шурика, ни голубоглазой Вали...»

Но что же делать? Ведь Журавлев так тоскует по детям, так часто вспоминает о них. Что делать?

Мы недавно вступили в середину полярной ночи. На нашей широте она плотно окутывала Арктику своим темным покрывалом. Признаков света еще не было. Полдень не отличался от полуночи. Только луна при ясном небе окрашивала в пепельно-серебристый цвет ледяные просторы. При ее прозрачном свете мы сделали с Журавлевым первый запомнившийся рейс на Северную Землю, ездили на соседние острова — то для осмотра капканов, то просто для моциона и тренировки. Потом одна за другой налетали метели. Непогода и темнота держали нас в домике или около него. Тогда мы работали дома, много читали, играли в домино или слушали радиопередачи.

В половине января ждали появления первых признаков зари, а в двадцатых числах февраля должны были увидеть

солнце. Ждать оставалось недолго. Но пока что полярная ночь все еще накладывала сильный отпечаток на наше настроение.

Все тосковали по свету, по солнцу и еще больше по Большой Земле, по родным и по привычным бытовым условиям. Мечтали о весне и о походах на Северную Землю. Это было тоже нашим общим, сближало нас, хотя мы и отличались друг от друга характерами.

Чувство ответственности за товарищей, за дело, которое мы только что начали, обязывало меня не поддаваться настроениям полярной ночи и следить за самочувствием товарищей. Надо было вовремя развеселить загрустившего, разрядить почему-либо наступившее тяжелое молчание, предупредить чье-нибудь неуместное колкое выражение, уметь выслушать каждого — так или иначе ослабить создавшееся за время полярной ночи нервное напряжение. Я угадывал почти все изгибы и зигзаги в их настроениях, не упускал из виду подъема и упадка духа.

...Полученная радиотелеграмма, кроме беспокойства за Журавлева, уже ставшего для нас близким человеком, естественно, наводила и на другие мысли. Надо было учитывать, как скажется на нем это сообщение. Не могло быть сомнения, что жена Журавлева словами «безнадежно больны» хотела подготовить мужа к более страшному — известию о смерти детей. Поступившая телеграмма — еще не самая катастрофа. Отец не поверит в безнадежность положения, пока не получит рокового, но точного подтверждения. Когда оно придет? Сколько человеку предстоит мучиться? И найдет ли он в себе силы пережить вторую печальную телеграмму, если ей суждено поступить? Сильная, но резкая и своенравная натура Журавлева так же резко проявится и в горе. Во что превратится тогда наш маленький коллектив, затерянный во льдах Арктики и в темноте полярной ночи?

Вертелась в голове и еще одна мысль. Может быть, мои рассуждения неправильны. Может быть, слово «безнадежно» вырвалось у женщины только под влиянием испуга в силу материнской мнительности! Может быть, уже завтра придет сообщение, что опасность миновала, что дети поправляются!..

Многое передумалось. Мысли крутились, точно снег в метель. Надо было принимать решение. Ходов ждал моего слова.

— Такую телеграмму Журавлеву показывать нельзя,— сказал я.— Разговор с ним возьму на себя. Вероятно, завтра-послезавтра будет еще сообщение. Какое бы оно ни было, дашь мне.

— Понятно,— ответил Ходов и пожал мне руку.

Телеграмму я положил в свой стол и запер ящик. О случившемся рассказал Урванцеву. Он согласился с моим решением.

«Беда не приходит одна»,— говорит пословица. Так случилось и здесь. На следующий день, в установленные сроки, Вася Ходов тщетно ждал ответа на свои вызовы. Эфир молчал. Прошел день, и по-прежнему никто не отозвался на зов нашей станции. Еще день, еще и еще. Какие-то атмосферные явления создали зону непрохождения радиоволн. Наша радиосвязь совсем расстроилась. Шли недели. Однажды удалось связаться с Ленинградом и молниеносно получить ответ на телеграмму Урванцева. Его жена жила в Ленинграде, и связь с нею радиостанция поддерживала по телефону. Но для Журавлева не было ни слова. Два или три раза состоялся короткий случайный разговор с якутскими и дальневосточными станциями. Они приняли наши метеосводки, но для нас передач, естественно, не имели.

Телеграмма жены Журавлева продолжала лежать в моем столе.

На следующее утро после получения телеграммы Журавлев, сев за завтрак на свое обычное место рядом со мной, рассказывал свой сон. Он видел во сне дочку. Она была в розовом платье, собиралась в школу и просила купить ей новые валенки... Ходов быстро встал из-за стола и выбежал на кухню. Урванцев низко наклонился над тарелкой. С тех пор редко проходил день, чтобы Журавлев не делился с нами воспоминаниями о своих детях, чаще всего о Вале.

Подавляя душевную боль, я внимательно слушал его рассказы. Перед глазами стояла светловолосая, голубоглазая стройная девочка, оставшаяся на молу в Архангельске. По рассказам отца я знал все мелочи ее маленькой жизни; мне казалось, что я полюбил ее не меньше отца. Как я хотел, чтобы дети остались жить! Иногда я думал, что не выдержу этого испытания и крикну Сергею: «Замолчи! Вали нет!» Но брал себя в руки и снова слушал. Я не мог допустить, чтобы горе или ожидание его на неопределенное время захлестнуло наш маленький коллектив в полярную ночь. Дети для Журавлева оставались живыми.

Наконец, связь восстановилась. Все были счастливы тем, что теперь можно ждать известий от семей. И вот Вася передал мне новую телеграмму от жены Журавлева. Она была послана на следующий день после первой, но из-за отсутствия связи все это время пролежала на Земле Франца-Иосифа. В телеграмме было только два слова:

«Дети умерли»...

Я объявил Журавлеву о предстоящем походе и решил сообщить ему тяжелую весть в пути. Мне казалось, что ему будет легче пережить горе вдали от базы, наедине со мной. А главное, думалось, что тяжести похода не дадут ему сосредоточиться на своем горе, а физическое утомление скорее притупит душевную боль.

...Первую ночь мы провели на льду, в 40 километрах от базы. Утром меня разбудил мороз. Было еще рано. Я выбрался из палатки, чтобы провести наблюдения. Термометр показал 32° ниже нуля. Небо было ясным. Стоял штиль. На северо-востоке виднелся мыс Серпа и Молота. Вершина горы четко рисовалась на зеленоватом небосводе. Только ее

подошву скрывала подозрительная белая полоса. Чтобы получше рассмотреть ее, вооружился биноклем. Вдруг резкий порыв ветра ударил мне в глаза. Он кипятком ожег лицо, вырвал несколько искр из трубки, взвизгнул, точно испытав удовольствие от своей проказы, и стих. На ледяной равнине кое-где закрутились маленькие снежные вихри, но и они скоро исчезли. Минут двадцать стояла полная тишина.

Я услышал, как проснувшийся Сергей разжег примус. Несколько собак, поднявшись с належанных мест, покрутились на одном месте и легли спиной к северо-востоку. Местами опять закрутилась поземка. Вскоре выросло несколько снежных вихрей. Очередной шквал ветра заставил меня отвернуть лицо. В воздух взметнулся снег. Точно в испуге, вокруг лагеря засуетились сухие, как песок пустыни, снежные кристаллы.

Шквалы ветра налетали все чаще и чаще. Мыс Серпа и Молота выше и выше занавешивала белая мгла. Начинался снежный шторм. Он должен был ударить нам прямо в лоб...

Вернувшись в палатку, я рассказал Журавлеву о постигшем его несчастье... Кто любит детей, тот поймет его горе, а кто знает настоящую дружбу, почувствует мою боль за товарища...

Ветер усиливался. Его свист уже переходил в сплошной печальный вой. В другое время я бы не снялся с бивуака. Сейчас же надо было идти. Я вылез из палатки, быстро заложил обе упряжки и закрепил на санях груз. Оставалось снять палатку и свернуть постели.

Журавлев неподвижно сидел над примусом. По суровому лицу охотника одна за другой катились слезы. Широкие плечи сгорбились, словно придавленные горем. Казалось, не позови его, он так здесь и останется.

— Пойдем, Сергей!

— Как пойдем? Куда? — очнувшись, переспросил Журавлев.

— Пойдем вперед. Мы всегда должны идти вперед!

Я потушил примус, собрал постели и снял палатку. Журавлев машинально надел поданный мной совик. Моя упряжка тронулась навстречу шторму. Следом рванулись собаки охотника. Вместе с нами пошло и горе.

Вдвоем

Ветер быстро нарастал. Впереди поднималась белая стена метели. Вскоре она скрыла столообразную вершину мыса Серпа и Молота. Снежные ручьи поземки слились в мощные курящиеся потоки. Потом соединились и они. Образовалось сплошное кипящее море. Но вот взошло огромное солнце. Ледяные поля словно вспыхнули. Красным светом загорелся снег, зарделась снежная пыль. Казалось, что льды превратились в расплавленный металл, который, курясь красным паром, бурным потоком устремился нам навстречу.

Метель усиливалась беспрерывно. Ветер то визжал, то переходил на низкий вой, то обрывал, то снова начинал свою дикую песню. Иногда мне казалось, что в реве метели слышится человеческий голос. Оглянувшись, я видел, как шевелятся губы Сергея. Кричал ли он на собак, стонал или разговаривал сам с собой — я не мог понять.

Небо скрылось за снежной пылью. Солнце уже еле просвечивало и казалось бесформенным слабым пятном. В одну из передышек я вынул анемометр. Скорость ветра достигала 18 метров в секунду. Это при 32° мороза! Сидеть на санях было уже нельзя — мороз пронизывал двойную меховую одежду. Идти против ветра тоже невозможно. На лице образовывалась ледяная маска. Ветер захватывал дыхание, валил с ног. Но... идти было нужно. А когда нужно — значит, можно.

Останавливались собаки. Они тыкались мордами в снег и старались отвернуться от ветра. Одну из них, с низкой, редкой шерстью, боясь заморозить, я освободил от лямки. Она минут пять пыталась бежать рядом, потом остановилась, повернула по ветру и исчезла в ревущем хаосе. Остальных я гнал вперед. Им еще никогда не было так тяжело. Но человек страдал сильнее, и единственной помощью ему было продвижение вперед. Собаки должны были идти.

Так — километр за километром, час за часом. Меня самого оставляли силы. Оглядываясь, я видел за собой упряжку Журавлева и его самого, борющегося с метелью. Один раз я заметил, как, подбегая к упряжке, он упал. Собаки остановились. Через минуту их силуэты растаяли в снежном

вихре. Я остановился. Скоро тени человека и собак появились вновь. Я снова поднял свою упряжку.

«Не слишком ли жестокое лечение? Не бесчеловечна ли моя помощь? Мой товарищ физически всегда был сильнее меня. Но сейчас он падает. Горе надломило его. Сейчас я сильнее. Значит, должен помочь. Значит, любыми средствами отвлечь его от тяжелых мыслей. Буду гнать собак, пока есть силы. Надо дойти до такой усталости, чтобы хотелось только спать».

И снова — километры мучительного пути. Лицо теряло чувствительность. Коченели руки. Растирал их снегом и шел дальше.

На 19-м километре, обернувшись, я увидел, что Журавлев ничком лежит на санях. Упряжка его остановилась. Собаки подняли морды и завыли. Заунывный вой смешался с ревом метели. Я повернул свою упряжку и молча принялся разбивать лагерь.

Одному справиться с палаткой при таком ветре очень трудно. Сначала я крепко вбил колья, полуразвернул палатку и придавил ее снежной глыбой, потом привязал к кольям и уже тогда подполз под парусину и быстро поднял ее на стойки. Рискованный маневр удался — палатка осталась цела.

Журавлев, не раздеваясь, свалился на разостланный мной спальный мешок. Я нарезал снежных глыб и с наветренной стороны палатки выложил стену. За ней образовалось затишье. Ветер перестал трепать парусину. В палатке стало теплее. Точнее, внутри ее был тот же 32-градусный мороз, но только без ветра.

Накормив собак, я разжег примус и взялся за приготовление ужина. Сергей метался в тяжелом сне...

Метель бушевала всю ночь. Только перед утром ветер начал спадать, и скоро заштилело. Зато мороз достиг 34°. Правда, без ветра он был менее чувствителен. Поэтому погода казалась хорошей.

Когда проснулся Журавлев, у меня готов был завтрак, а собаки ожидали в упряжках. Скоро они уже мчали нас к мысу Серпа и Молота. На 11-м километре мы вышли к продовольственному складу. К этому времени термометр показывал уже —36,3°.

Не разбивая палатки, я сварил суп. Во время обеда наши металлические ложки настолько обмерзали, что порой походили на небольшие ручные гранаты. Чтобы оттаять их, приходилось поглубже погружать в кастрюльку с горячим супом и некоторое время держать там.

Мои попытки сфотографировать район ни к чему не при-

вели: «Лейка», вынутая из-за пазухи, превращалась на морозе в бесполезный кусок металла.

Здесь догрузили сани. Теперь общая нагрузка на каждую собаку равнялась пятидесяти килограммам. После полудня оставили мыс Серпа и Молота и взяли курс на север.

Дорога была сносной. Только местами наметенный снег еще не успел смерзнуться. На таких участках приходилось идти пешком и иногда помогать собакам. Остальное время сидели на санях и сходили с них только для того, чтобы согреться.

В 17 километрах от склада разбили бивуак. Рядом стоял большой айсберг. Настоящий дворец! Метров на 20 возвышался он над морскими льдами. С одной стороны волны вымыли в нем огромную пещеру. Образовался целый зал с причудливым потолком, несколькими колоннами, тремя высоко расположенными окнами и широкой дверью. Занесенная сюда снежная пыль толстым пушистым ковром покрывала пол. Незадолго до нас здесь побывал песец. Он даже лежал за одной из колонн.

Журавлев по-прежнему был молчалив. На мои обращения он отвечал односложными «да» или «нет», а чаще кивал головой. Горе продолжало сопровождать нас...

В ночь на 10 марта мороз еще более усилился. Мы часто просыпались и старались потеплее закутаться в меха. От холода ломило ноги. Только когда натянули на спальные мешки совики, удалось заснуть по-настоящему.

С утра, снявшись с бивуака, направились к лежащему впереди не то заливу, не то проливу, который вдали все более и более сужался. Справа виднелся берег, знакомый нам еще с прошлой осени, а слева блестел ледниковый щит, покрывавший какой-то остров.

Дорога заметно ухудшилась. Айсберги стали попадаться чаще и становились крупнее. Между ними часто лежал рыхлый снег, не державший саней. Продвижение замедлилось. После полудня раз пять приходила с северо-востока густая белая мгла. Когда она широкой волной накрывала наш караван, мороз казался еще сильнее. Даже теплые меха не спасали от него. Казалось, что при дыхании глотаешь куски холода и чувствуешь, как внутри будто все застывает.

За день осилили только 16 километров. Дошли до крайней точки прошлогоднего осеннего маршрута — мыса Октябрьского. Далее лежала неизвестность. Берега здесь еще не видели человека, и куда они должны были привести нас — оставалось тайной.

Ширина пролива или залива здесь, от мыса Октябрьского до неизвестного острова, покрытого ледниковым щитом, не

более 7 километров. Посредине (условно скажем) пролива лежит несколько мелких островков с высокими обрывистыми берегами. Один из них мне удалось осмотреть. Сложен он известняками с очень богатой ископаемой фауной.

Вернувшись в палатку, я до отказа накачал примус и начал кропотливую работу — сушить рукавицы и капюшон кухлянки.

Это сложное занятие. Но чему не научит нужда. Нас она научила извлекать максимум полезного из примуса. Мы пользовались обыкновенным примусом с двухлитровым резервуаром. При полном и беспрерывном горении двух литров керосина нам хватало на шесть часов. Когда особенно донимал мороз и не было необходимости экономить керосин, мы накачивали примус до отказа, ставили его посредине палатки, садились как можно ближе и наслаждались теплом. В такие минуты примус создавал в палатке все известные человечеству климатические зоны. Тропики располагались вокруг шипящей, раскаленной горелки и заканчивались около наших лиц. Дальше узенькой полоской шел умеренный климат. И, наконец, всеобъемлющей зоной нас окружали полярные страны.

Чтобы просушить отсыревшие меховые рукавицы или чулки, надо вывернуть их мездрой наружу, держать над горелкой, беспрерывно мять руками и зорко следить, чтобы они не попали «в тропики». Здесь кожа моментально свернется, сделается ломкой и негодной для носки. Чтобы высушить одни рукавицы, надо потратить час-полтора времени, примерно пол-литра керосина и очень много терпения.

При умеренном морозе (20—25°) и безветрии примус дает ощутимое тепло в палатке. Тогда можно сидеть в ней без рукавиц и капюшона и даже без верхней одежды, которую можно для просушки развесить над примусом под матицей палатки. Когда надо было экономить керосин и не представлялось возможности просушить одежду, примус особенно благодетельную роль играл по утрам. Отсыревшие рукавицы и капюшон за ночь смерзались в комок. Надеть их в таком виде было невозможно. Во время приготовления завтрака они оттаивали и надевались, впрочем сейчас же снова замерзали, но уже приняв нужную форму. Требовать большего было нельзя.

Журавлев делал все что нужно. Держался следа моей упряжки, подгонял своих собак, подхватывал сани, когда они готовы были перевернуться, вытаскивал их из убродного рыхлого снега. Но все это он делал автоматически. Не было видно энергии, живости и задора, обычных для него в другое время. К концу дневного перехода он выглядел со-

всем разбитым, молча валился на постель и тут же засыпал. Я кормил собак, готовил пищу и будил его самого, чтобы накормить.

Мне было понятно состояние товарища, хотелось вдохнуть в него жизнь, вернуть прежние упорство и энергию. В палатке, когда он не спал, я всячески пытался отвлечь его от дум и заставить чем-нибудь заняться. В этот день, просушивая свою одежду, я подвинул Журавлеву его малицу. Он понял и молча занялся ею.

На следующий день, 11 марта, с утра и до вечера держался сильный мороз с туманом. В середине перехода мы вынуждены были раскинуть палатку, чтобы вскипятить чай и хоть немного обогреться кипятком.

Берег почти все время шел на северо-восток, несмотря на мое сильное желание, чтобы он повернул на северо-запад или хотя бы на север. Туман временами редел. К западу от своего пути мы видели три куполообразные пологие вершины, кажется покрытые льдом. Определить, соединены ли они в один большой остров, или это отдельные острова, вытянутые вдоль нашего берега, из-за плохой видимости было невозможно. Можно было только предполагать, что наш путь ведет в глубь узкого, длинного залива.

Уже перед концом 24-километрового перехода из тумана, километрах в пяти-шести, вновь показался купол. Все пространство между нами и этим куполом, насколько представлялась возможность рассмотреть, было забито многочисленными айсбергами.

Эти грандиозные ледяные «кристаллы» все больше и больше стали досаждать нам. Последние 6 километров мы шли то по узенькой полоске, отделявшей обрывистый известняковый берег от выстроившихся вдоль него айсбергов, то коридорами между айсбергами, то, наконец, взбираясь на некоторые из них. Встречались айсберги с совершенно ровной, плоской поверхностью, поднимавшейся над морскими льдами всего лишь на 3—4 метра. На них можно было без особого труда подняться по снежным забоям. По одному такому айсбергу мы прошли 1200 метров и благополучно спустились на морской лед. Однако это было редкостью. Преобладали ледяные махины, хотя и с плоской вершиной, но с прямыми, отвесными стенами, высотой в 12, 16 и даже 20 метров. На такие не заберешься. Здесь наш путь извивался по узким коридорам, точно по улочкам беспорядочного средневекового городка. Сани чаще и чаще погружались в сугробы рыхлого снега. Вытаскивать их оттуда становилось все труднее. Не чувствуя мороза, мы обливались потом и готовы были сбросить верхнюю одежду. Но надобность в этом не-

ожиданно отпала. Обстоятельства настолько резко изменились, что поставили нас в тупик.

Мыс, к которому мы пробрались между айсбергами, в действительности оказался небольшим островком, отделенным от берега языком ледника, лежащего на суше. Выйдя сюда, мы невольно остановились. Берег неожиданно повернул на юго-юго-восток. Туман сильно сгустился. Рассмотреть что-либо к северу было невозможно. Оставив товарища с собаками, я полез на возвышенность. Но и отсюда увидел не больше. Ясно было одно, что здесь берег минимально на полтора-два километра уходил в указанном направлении. Далее все скрывала стена тумана. Что это — залив, бухта или око-

нечность острова, вдоль которого мы шли?

Наступили сумерки.

Чтобы ориентироваться, я решил остановиться и ждать улучшения видимости. Не хотелось гнать собак с тяжелым грузом почти в обратном направлении или в лучшем случае выписывать все извилины берега.

Спустились на лед и оказались под отвесной стеной высокого айсберга. Под ногами лежал крепкий снежный забой. Выбрали место для палатки. С противоположной стороны стена айсберга была наклонной, а неровности ее позволяли забраться наверх. Я попросил Журавлева веревкой измерить высоту. Оказалось, что вершина айсберга поднимается на 21 метр. Это высота семиэтажного дома. Такова была наша новая «гостиница».

Собак для защиты от возможного ветра расположили между двумя высокими застругами. Сильный мороз и тяжелая работа заметно сказывались на наших помощниках. В этом походе я ежедневно давал им двойные порции, но, несмотря на это, животные сильно похудели. В этот вечер они были неспокойны и после кормежки никак не могли устроиться на ночь. Каждая собака хотела сделать себе ямку, в которой было бы удобнее и теплее провести холодную ночь. Возможно, что они предчувствовали новую метель.

Я долго наблюдал, как собаки скребли когтями снег, утрамбованный морозами и ветрами почти до плотности мрамора. Особенно старался Лис — небольшой рыжий пес. Он кружился на месте, повизгивал, пытался разгрести снег то с одной, то с другой стороны. Все старания его оставались безрезультатными. На снегу оставались только еле заметные царапины. Наконец, Лис бросил безнадежный труд, посмотрел на меня и вдруг, высоко подняв морду, завыл. Вся стая, точно по команде, присоединилась к запевале. Печальный вой огласил сумерки над окружающим нас ледяным хаосом.

— Уйми их, уйми! Душу вывернут! — закричал Журавлев, выскакивая из палатки и зажимая уши.

Я схватил кнут, щелкнул им, и вой оборвался на какой-то недосягаемо высокой ноте. Но собаки не ложились. Они ждали помощи. Я попробовал снег лопатой. Но и это орудие оказалось не лучше собачьих когтей. Только ножовкой мне удалось выпилить круглую глыбу. Лис немедленно залез в образовавшуюся ямку, плотно составил все четыре лапы, сделал в таком положении несколько оборотов и лег, свернувшись пушистым клубком. Все четыре лапы так и остались вместе, словно связанный пучок. Нос собака прижала к этому пучку и хвостом покрыла сверху и нос и лапы. Вся поза пса, казалось, говорила: вот так будет потеплее. Остальные собаки стояли и тоже ждали помощи. Пришлось вырезать ямки для всех. Псы забрались в них и успокоились.

Сами мы в течение дня намаялись не меньше собак. На остановке отсыревшая одежда, казалось, совсем перестала греть. Даже сидя в палатке, около примуса, мы все еще стучали зубами, пока не съели горячий ужин и не забрались в спальные мешки.

...Полотнище палатки судорожно бьется под ударами ветра. Иней, осевший сантиметровым слоем на внутреннюю сторону парусины, отваливается кусками, падает на спальный мешок, на лицо. Струйки воды, стекая с лица, вновь застывают, волосы примерзают к меху спального мешка.

Я нащупываю головой сухое место и делаю попытку заснуть. Последней мыслью было: хорошо бы утром увидеть солнце, пусть даже холодное. Но ни утро, ни день не принесли ничего утешительного. Завывал ветер, к тучам снежной пыли порой присоединялась муть тумана. Ни солнца, ни неба, ни льдов, ни берега. О поисках пути среди скоплений айсбергов в такую погоду нечего было и думать. Весь день просидели в палатке.

В следующую ночь ветер еще больше усилился. Я начал опасаться за палатку. Вытащил Журавлева из спального мешка. Впотьмах вылезли наружу и, ползая среди метели, нарезали ножовкой огромных снежных кирпичей, защитили стену палатки с наветренной стороны. Обогревшись в палатке, вновь вылезли наружу и соорудили длинную стену, за которой укрыли собак.

Журавлев начал приходить в себя. У него снова появился интерес к окружающему. В этот день он собрал собачью сбрую и починил ее. Потом сушил обувь и рукавицы. Пытаясь отвлечь его от горьких мыслей, я рассказывал о гражданской войне и партизанском движении на Дальнем Востоке. О том, что были у нас тогда и радости побед и горечь

поражений. Иногда теряли лучших друзей, и уже казалось, что других таких не наживешь. Но время и борьба залечивали тяжелые душевные раны. Появлялись новые товарищи, с которыми крепко связывали общие цели и стремления.

Журавлев слушал и молчал.

К вечеру метель начала было стихать. Немного прояснилось. Но вскоре мы убедились, что это только временно. Сплошные низкие облака разорвались на юго-западе. Их края закруглились и сделались почти черными. Где-то за облаками было солнце. Отверстие в черной раме горело багровым светом. Мрачная картина не обещала улучшения погоды. И действительно, скоро густой туман сузил наш горизонт до 50 метров, а вслед за ним опять ударил шальной ветер с юго-востока. Он задержал нас на месте еще на сутки.

Сильно потеплело. Термометр показывал только —23°, зато метель бушевала в полную силу. Скорость ветра достигла степени сильного шторма.

Невольно возникал вопрос: «Сколько же мы еще просидим здесь?» Терпения у нас хватало. А вот с продуктами и керосином дело обстояло хуже. Утром 14-го истекало семь суток, как мы покинули нашу базу, а от намеченной цели были еще далеки. Если бы перепало несколько дней ясной погоды и нашлась хорошая дорога! Погода, конечно, должна выправиться. Но когда?

Пока что мы сидели в палатке, точно в мышеловке. Чтобы чем-нибудь отвлечь Журавлева от его мыслей, я охотничьим ножом выстругал из доски от консервного ящика домино и навязал Журавлеву игру. Но как я ни старался посильнее хлопать импровизированными костями по крышке ящика, не мог заразить партнера обычным азартом. Игра шла вяло. Сергей невпопад ставил кости и проигрывал. Мысли его по-прежнему были далеко.

Тогда я решил попытаться занять его другим. На этот раз, отправляясь в поход, мы захватили с собой по книжке. Журавлев взял «Анну Каренину», но за весь поход так и не раскрыл ее. У меня была книжка, рассказывающая о теплых странах. Описания были слишком контрастны с окружающей обстановкой и потому занимательны. Одно место я прочел вслух:

«Горы закрывают Рио-де-Жанейро от здоровых ветров, лишают его вентиляции. Жители Рио очень ценят сквозняки...»

А в это время за тонкой парусиной нашей палатки трещал мороз и выла метель. Мы только что потушили примус, но палатка уже более чем достаточно провентилировалась. Журавлев не вытерпел:

— Уступим бразильцам немного ветра. Так — недель-

ный запас,— проговорил он, натягивая на голову меховой капюшон.

Книжка заинтересовала Журавлева, он попросил ее и, забравшись в мешок, начал читать. Я был рад уже и этому.

В хаосе айсбергов

Только 15 марта мы вновь получили возможность двинуться дальше. Ночью метель стихла. К утру лишь в северном и северо-восточном направлениях по-прежнему стояла сплошная стена тумана. Есть там земля или нет, определить было невозможно. На северо-западе хорошо просматривались ледниковый щит и отвесная стена глетчера. Решили держать курс на них, зацепиться за ледниковый барьер и вдоль него пробиваться к северу.

Тронулись в путь с надеждой, что туман, наконец, рассеется. Наличие его здесь в марте было необычным. По-видимому, где-то недалеко были вскрыты льды. Только этим и можно было объяснить его происхождение.

Вскоре после выступления из лагеря поднялись на низкий, плоский айсберг и проехали по нему более двух километров. Максимальная высота его не превышала шести метров. В прошлом, очевидно, это был язык какого-то ледника, сползший в воду по отлогому склону и целиком оторвавшийся от своей основы. Наш курс счастливо совпал с его протяжением в длину, хотя и ширина его была огромна, не менее 800 метров. Спуститься с айсберга оказалось несколько труднее, но все же мы в конце концов нашли забой, только на два метра не доходивший до кромки обрыва, сбросили собак и на руках спустили сани.

С этой минуты началась дорога, которую вряд ли могла бы нарисовать самая горячая фантазия. Айсберги все теснее и теснее окружали нас. Среди них уже не было ни одного пологого. Они, как башни, высились со всех сторон. Многие достигали высоты 20—22 метров.

Часто коридоры между ними суживались настолько, что через них с трудом можно было провести сани. Бо́льшая часть проходов была забита мягким, как пух, снегом. В нем мы начали тонуть по пояс. Собаки беспомощно барахтались и, не находя опоры, погружались в снег с головой. Приходилось самим вытаскивать не только сани, но и собак. Мы сбросили малицы, работали в одних меховых рубашках и не чувствовали 27-градусного мороза. Но это было не самое худшее. По сравнению с дальнейшим можно было сказать, что мы до сих пор шли легко. Чем больше мы приближа-

лись к ледниковому щиту, тем хуже становилась дорога. В морском льду между скоплениями айсбергов появились трещины. Одни из них были совсем свежими, и в них вода казалась черной, как смоль, по контрасту с рядом лежавшим снегом. Другие успело затянуть молодым ледком и засыпать рыхлым снегом. Эти были наиболее опасными.

В полукилометре от стены глетчера, взобравшись на одну из ледяных гор, я увидел, что дальше не пройти даже с пустыми санями. Ледник, вдоль которого мы шли, по всем признакам находился в интенсивном движении и продолжал «телиться». Вблизи самой ледяной стены многие из ледяных гор были окружены чистой водой. Что-то надолго задержало

здесь айсберги, не давая уплыть им в океан, и они огромным стадом сгрудились возле ледяной стены. Здесь, насколько можно было рассмотреть, царил бесконечный хаос, настоящие ледяные дебри.

Решили двигаться в некотором отдалении от ледниковой стены. Я тронул свою упряжку. Не прошли сани и 15 метров, как снег под ними с шумом, напоминавшим глубокий вздох, осел и быстро начал темнеть от пропитывающей его воды. Желая облегчить воз, я быстро спрыгнул с саней и тут же начал погружаться. К счастью, удалось упасть на живот, опереться на сравнительно большую площадь и выползти на крепкий снег. Журавлева словно кто подстегнул кнутом. Бросив свою упряжку, он подскочил к моим погружавшимся саням, упал на снег и руками вцепился в задок. Общими силами мы выволокли их из трещины.

— Куда несет? Жизнь недорога, что ли? Давай, я пойду вперед.

— Твоя жизнь не дешевле моей,— ответил я, радуясь, что снова услышал прежний голос товарища. В нем проснулась обычная для него энергия.

Скоро накрыл туман. Более трех часов, не видя далее 30—40 метров, мы пробивались среди огромных айсбергов. Несколько раз попадали в настоящие ледяные мешки. Из них нелегко было выбраться даже в обратном направлении. Путь стал мучительным и для нас и для собак. Одна из них, не выдержав напряжения, упала мертвой в лямке.

С каким облегчением мы вздохнули, когда, наконец, выбрались на сравнительно ровную площадку. Под прикрытием саней вскипятили чай, утолили мучившую нас жажду и двинулись дальше.

Но наши испытания в этот день еще не кончились. Около 17 часов неожиданно налетела новая метель с юго-востока. В надежде добраться до ближайшего клочка земли мы гнали собак дальше и скоро в снежном вихре наткнулись на

гряду совсем свежих торосов. Чудовищная сила ледника здесь мяла, крошила и передвигала двухметровый морской лед. Мы нашли в гряде проход, но тут же были остановлены трещиной, далеко превосходившей длину наших саней. Молодой, еще темный лед покрывал ее поверхность. Бросаться на него было рискованно. Но что делать? Надо пробовать. Развели метров на двадцать друг от друга упряжки, подвели собак вплотную к затянутой трещине, подкатили сани с таким расчетом, что, когда они достигнут середины трещины, собаки уже успеют выскочить на крепкий лед с другой стороны и в случае аварии удержат сани от быстрого погружения. К каждым саням прикрепили по длинной веревке. Журавлев гикнул на свою упряжку. Под полозьями раздался треск. По молодому льду побежали волны. Но сани уже вылетели на крепкий лед с противоположной стороны. Мои собаки, не дожидаясь команды, рванули вслед и также вынесли воз. Позади саней сейчас же появилась вода.

— Не удержишь, лешой! Все равно пройдем! Ничто не удержит! — кричал Журавлев, стоя в решительной позе с широко развернутыми плечами.

Трудности пути и опасность вернули моему товарищу прежний задор и расчетливую смелость. Теперь он справился с горем.

Метель усиливалась. Но продвигаться еще было возможно, и мы продолжали путь.

Но вот впереди опять показалась какая-то новая грозная преграда. Оставив собак, прошли вперед и взобрались на айсберг. Наверху ветер сбивал с ног. Снег здесь был давно сметен, а снизу снежную пыль так высоко еще не подняло. Окружающий ландшафт был виден нам точно с птичьего полета.

Однако что же здесь такое? Целые горы льда. Все, что мы видели до сих пор, было мелочью. Здесь все было скорчено, вздыблено, пересыпано осколками и изрезано трещинами. В пределах видимости айсберги занимали не менее 70—75 процентов всей площади. Многие стояли вплотную друг к другу, другие раскололись под чудовищным напором соседей и вдребезги искрошили встреченные на пути морские льды. Мурашки пробегали по спине при одном взгляде на узкие расселины между отвесными ледяными стенами. На дне их темнела вода.

Приближались сумерки. Идти дальше, по выражению Сергея, означало «искать безголовья». Нашли в одном из ледяных коридоров заветренный уголок и поставили палатку.

Здесь было настолько тихо, что горела незащищенная спичка. А сверху доносился свист и озлобленный вой метели.

Я пытался подсушить одежду, подмоченную при погружении в трещину, но пришлось ограничиться одними рукавицами. Приходилось экономить керосин. Да и одежда и обувь намокли только сверху. К счастью, я был одет так, что вода могла бы попасть внутрь мехового одеяния только через ворот. Но до этого дело не дошло.

За день мы все-таки прошли почти 20 километров, хотя по прямой вряд ли набиралась и половина этого расстояния. Однако устали так, точно прошли сотни километров. Все тело болело, словно изломанное...

Ночью ветер прекратился. С утра 16 марта стояла тихая пасмурная погода. Волнами шел туман. Мы вновь забрались на айсберг. На западе была видна стена глетчера, вдоль которой мы пробирались накануне, а километрах в пятишести к северо-востоку маячил довольно высокий мысок. Это означало, что справа от нашего пути остался какой-то залив. На северо-востоке виднелись айсберги, которые остановили нас вчера вечером. Сейчас, при лучшей видимости, не могло быть сомнений, что они недоступны для езды на собаках, да еще с нагруженными санями. Достаточно четкая граница скопления айсбергов в виде высокой, редко прерывающейся гряды шла к востоку и недалеко от объявившегося мыска поворачивала на юг, где как будто становилась более разреженной и не столь высокой.

Решили пробиться к мыску. Быстро свернули лагерь, запрягли собак и тронулись в путь. Почти три километра шли вдоль полосы айсбергов. Морской лед здесь лежал высокими валами, словно бушевавшее море замерзло в одно мгновение. В действительности же это была работа все тех же ледников. Сползая с берегов и напирая на морские льды, они сжимают их в гармошку, пока гребни складок выдерживают напряжение.

Туман редел. Его проносящиеся клочья становились меньше. Облачка рассеивались. Начало просвечивать солнце. Мы легко лавировали между ледяными волнами и уже готовы были торжествовать победу и над айсбергами и над хаосом искромсанных льдов. Но торжество наше было преждевременным. Ледяные валы, по мере приближения к берегу, становились все выше и круче. На некоторых из них по самому гребню начали попадаться трещины. Другие валы вздымались непроходимыми высокими торосами. Наконец, опять все превратилось в хаотические нагромождения, и льды встали на нашем пути сплошной высокой стеной. След саней начал извиваться змеей и делать все более крутые зигзаги.

Собаки все чаще стали теснить друг друга, чтобы пройти узкими щелями меж ледяных громад. Мы, еле переводя дыхание, прыгали с одной стороны саней на другую, чтобы вовремя развернуть их, предупредить удар или удержать в устойчивом положении. Вдруг ледяной коридор замкнулся. Мы оказались перед отвесной стеной в 15 метров высоты.

Долго лазали по льдам, забирались на айсберги и искали прохода. Но все безрезультатно. На пути стояла сплошная, точно крепостная стена, усеянная трещинами и зубцами. В одном месте под Журавлевым рухнул снежный мост, и мой спутник полетел вниз. Но трещина оказалась узкой, и он, расставив руки, удержался на ее краях, пока я не подоспел на помощь. Будь она на полметра шире, я, пожалуй, мог бы остаться один.

Ледяная гряда была неширокой — не более 300—350 метров. За ней лежал ровный прибрежный лед. Но как добраться до него? Решили взять барьер приступом.

Что было дальше — трудно рассказать. Человек, не знакомый с такими льдами и ездой на собаках, мог бы, пожалуй, принять мое описание за преувеличение, а для того, кто имеет представление об этих вещах, будет все понятно, если я только скажу, что пару саней и семьсот килограммов груза мы поднимали наверх два с половиной часа. Подъем шел под углом около 50°, по узкому карнизу, над трещиной в 18 метров глубины. Надо было напрячь все наши силы, чтобы не только поднимать сани, но и удерживать их на ледяном карнизе. В противном случае они неминуемо полетели бы в расселину и разбились вдребезги. Закончив подъем, мы уже были не способны к какой-либо работе и расположились отдохнуть. Отдышавшись и выкурив по нескольку трубок, через час начали спуск. Для уменьшения скольжения полозья саней обмотали цепями и веревками, потом вырубили топором ступеньки на склоне, отпрягли бесполезных собак и в несколько приемов, используя промежуточные площадки, спустили сани на руках.

Зато прибрежный лед, покрытый высокими снежными застругами, теперь показался нам паркетом. Мы скоро дошли до берега, успели рассмотреть, что здесь он уходил на востоко-северо-восток и в этом направлении терялся в тумане. Через полчаса туман опять окутал нас. Но теперь, уцепившись за берег, мы шли до полной темноты, не отрываясь от приливно-отливной трещины. Не встречая на своем пути особых препятствий, мы уже не обращали внимания и на туман.

За весь день прошли не менее 30 километров. Определять расстояние теперь мы могли только приближенно — по ча-

сам и по ходу собак. Одометр я разбил на последней ледяной гряде.

В ночь на 17 марта разыгрался сильный мороз. Он донимал нас в спальных мешках, заставлял часто просыпаться и поплотнее закутываться в мех. Утром, не вылезая из мешков, мы разожгли примус, вырезали посредине палатки глыбу снега, натопили воды и приготовили завтрак.

Пора было одеваться. Брюки и малицы, заменявшие ночью подушки, превратились в замерзшие комки. При одной мысли, что все это надо надевать на себя, хотелось снова поглубже нырнуть в спальный мешок, укрыться с головой и не думать ни о чем. Но мы знали, что это не выход. Сидя в мешках, мы сначала осторожно, чтобы не сломать замерзшие меха, постепенно размяли их руками и расправили, а уже потом быстро надернули на себя. Впечатление было такое, словно ныряешь в ледяную воду. Теперь, чтобы согреться, а заодно согреть и меховую одежду, надо было двигаться.

Журавлев расстегнул полы палатки, наполовину высунулся наружу и замер. Через мгновение я услышал:

— Ой, лешой, куда приехали!

«Лешой» у него было универсальным словом. В зависимости от интонации оно могло обозначать огорчение и радость, неприязнь и ласку. На этот раз я почувствовал, что Журавлев чем-то обрадован.

— Вот это земля! Настоящая! А погода-то! Ну и красота! — продолжал он восторгаться.

Я вытолкнул его наружу и выскочил сам. На мгновение невольно закрыл глаза.

Неделю мы не видели куска чистого неба. Часто только по часам могли определить, в какой стороне находится солнце. Редко, и то на короткие моменты, оно просвечивало сквозь облака и туман тусклым, желтым, как лимон, пятном. А сейчас! Небо точно сапфир. Ни клочка тумана, ни облачка. А впереди — гигантская скала, почти отвесно спускающаяся в море! Над ней, уходя в глубь страны, блестят ледники. Километрах в 10—12 к северо-западу от этой скалы видна новая высокая гора. Лучи солнца бьют прямо в ее крутой склон, и кажется, что она горит невиданным белым пламенем. Пролив дальше расширяется. Совершенно ровный лед упирается в горизонт. Только изредка огромное белое поле прерывается не то мелкими островками, не то айсбергами. Вся панорама, пронизанная лучами солнца, так и брызжет светом. Забыв про мороз и пережитые невзгоды, мы долго не можем оторваться от этой картины.

Нетрудно понять наше состояние! Десять дней мучительного пути. Мороз, метели, туманы, льды, айсберги, сопровождавшие нас на всем тяжелом пути. И вот — все это позади.

Быстрее обычного свернули лагерь. Намерзшиеся собаки подхватили сани, и мы понеслись навстречу гигантскому утесу. До него было еще километров 20—25. Чем ближе мы подходили, тем мощнее, выше и грандиознее он казался. В пролете между ним и горой, лежащей к северо-западу, отчетливо вырисовывалась полоса морских торошенных льдов. Стало окончательно ясно, что мы прошли каким-то неизвестным до этого проливом.

И погода и дорога были прекрасными. Лед на всем протяжении от нашего лагеря до гряды торосов на выходе из пролива был совершенно ровным. Не дойдя до скалы, мы пересекли язык ледника, спускавшийся с южного острова. Он был около пяти километров шириной и не испорчен ни одной трещиной. То, что ледник спокойно вмерз в морские льды и нисколько не деформировал их, свидетельствовало о его смерти. В противоположность активным ледникам северного острова он, по-видимому, совсем не двигался. Теперь становилась понятной картина, виденная нами в самой узкой части пролива со вскрытыми морскими льдами и большим скоплением айсбергов. Как юго-западный, так и северо-восточный выход из пролива были заперты морскими льдами, не вскрывавшимися в минувшее лето, а возможно и несколько лет. Они препятствовали выносу в открытое море айсбергов, которые тысячами скопились в центральной, узкой части пролива.

Поставщиком айсбергов безусловно являлся северный остров, покрытый, словно шапкой, ледниковым щитом. Интересно отметить, что на южном острове, более высоком, на пройденном участке не было ни одного активного ледника. Только в глубине, километрах в 15—20, виднелись покатые склоны, по-видимому, мертвых ледников. Это нас удивило. Казалось бы, южный высокий остров должен был подвергнуться более мощному оледенению. Здесь же получилось наоборот.

Активный ледник северного острова и образовывал большое количество айсбергов, ломал и местами даже торосил своим напором морские льды в центральной части пролива.

Нечто новое, интересное встретило нас в непосредственной близости от скалы. Здесь, на протяжении пяти-шести километров, лед был совершенно чист от снега и отполирован, словно хорошее зеркало. Идти по нему и тем более бежать за санями было совершенно невозможно. Ноги раскатыва-

лись, и мы то и дело растягивались на гладкой блестящей поверхности. Даже собаки часто падали. Сани гуляли из стороны в сторону.

— Хороший здесь дворник! Ни одной соринки не оставляет,— заявил Журавлев, поднимаясь после очередного падения.

Этим дворником был ветер. Работал он исправно и, по-видимому, обладал более чем достаточной силой.

Наконец, мы добрались до обрыва. Сложенный древними осадочными породами, он, иногда уступами, местами почти отвесно, поднимался прямо из моря на несколько сот метров. Его громада была необычайно внушительной. И нам,

еще не видевшим на Северной Земле ничего похожего, он показался прямо-таки величественным.

— Вот это земля! Настоящая! — как и утром, продолжал восторгаться Журавлев.

Мы прошли вдоль скалы и увидели, что за ней берег поворачивал на юго-восток. Вдоль берега шла широкая терраса, а за ней тянулась к югу гряда новых, крутых и скалистых обрывов высотой в сотни метров. Кое-где видны были долины, по которым спускались языки ледников, но нигде в пределах видимости они не достигали моря. Неподалеку на 35—40 метров возвышалась стена одного из ледников, доходившая только до террасы. Поверхность террасы покрывал щебень, чередующийся с совершенно гладкими площадками. Это были следы отступившего внутрь Земли ледника. На север, восток и юго-восток лежали морские торошенные льды. Только на северо-западе, километрах в семи, виднелось несколько маленьких скалистых островков, а за ними высилась гора, замеченная нами еще утром. Севернее ее лежала белая дымка тумана, и определить, куда дальше уходил берег, было невозможно.

Доехав до ближайшего из островков, мы под его обрывистым берегом разбили свой лагерь. Здесь я решил оставить продовольствие и вернуться на базу. От нее мы прошли за одиннадцать дней километров 170—180 и, следовательно, на это расстояние выдвинули исходную точку наших будущих маршрутных работ.

Пора было подумать о возвращении. Керосина оставалось на трое суток. Мы знали, что если не помешает непогода и мы сумеем благополучно миновать скопление айсбергов, то с пустыми санями сможем без особого труда за трое суток пройти расстояние до главной базы. В крайнем случае примерно в 100—120 километрах от нас находился склад на мысе Серпа и Молота.

Погода весь день баловала нас. Возбужденные своим от-

крытием, мы и из лагеря еще долго любовались возвышающейся из моря грандиозной скалой.

Солнце зашло в седьмом часу вечера. Близился полярный день. Солнце было где-то близко за горизонтом. Поэтому северный сектор неба полыхал оранжево-красной зарей, а на юге в это время расстилалось темное небо с яркими звездами. Странная картина! Но ведь мы находились за 80° северной широты. А здесь бывает много необычного. Разве не странно, что сегодня нас не тянуло ни в палатку, ни к примусу, ни к теплу спальных мешков, хотя термометр показывал —37,8°.

К ужину по случаю торжественного дня я вынул заветную фляжку. Она лежала на санях в закрытом ящике. В ней был коньяк. Журавлев, мечтавший «согреться», обрадованный неожиданной возможностью осуществить мечту, осторожно нагнул горлышко фляги над кружкой. Но, к удивлению, он увидел, что осторожность была излишней. Из фляги не вытекло ни капли. Подозрительно взглянув на меня (не обман ли?), он начал энергично трясти посудину. Только после этого из горлышка фляги показалась густая, тягучая масса. Это и был 60-градусный коньяк. От мороза он превратился в вязкую кашицу.

После хорошей дозы коньяку, вполне удовлетворенные походом, мы залезли в спальные мешки, забыли о морозе и крепко заснули.

И все же ночью нас несколько раз будил треск льда. Время от времени, как отдаленный гром, слышались глухие раскаты. Под палаткой во льду пробегала дрожь. Потом раздавались скрип и шипение. Что это? Поднимает лед приливом или давит на него ледник с северо-запада, а возможно, нажимают с моря плавучие льды? Все это мало беспокоило нас, и мы вновь засыпали.

Утром 18 марта мы, как и накануне, видели солнце и голубое небо. Только к северу по-прежнему лежала мгла и мешала рассмотреть там берег. Мороз достиг 39°. Вскоре после нашего выхода потянул северо-восточный ветерок и сделал мороз еще более чувствительным. Воздух наполнился бесчисленными мельчайшими ледяными иголками. Они кружились, летали и горели в лучах яркого солнца.

Собаки с пустыми санями, подгоняемые морозом и попутным ветерком, бежали играючи. Нам оставалось только править да время от времени спрыгивать с саней и греться. Благодаря хорошей видимости мы могли смело пересекать заливчики, срезать мысы и, прижимаясь к берегу, обходить айсберги. Теперь, глядя на узкие переулки, отвесные стены

и нагромождения льдов, мы только удивлялись, как вообще могли пройти здесь с гружеными санями.

К вечеру, сделав километров 80, остановились на ночлег у мыса Октябрьского. Долго в палатке горел примус. Мы уже не экономили керосин, зная, что в 25 километрах находится продовольственный склад, и на знакомой дороге, с пустыми санями, нас не могла удержать никакая непогода.

На следующий день сделали рекордный переход. Видя, что хорошая погода удержится, мы решили не заходить на мыс Серпа и Молота и от мыса Октябрьского взяли курс на юго-запад, прямо на нашу базу.

Прошли 90 километров и к полуночи 20 марта были уже

дома: жмурились от яркого электрического света в комнате, потягивались от тепла и рассказывали товарищам о наших приключениях.

Пролив, открытый нами и давшийся с таким трудом, назвали проливом Красной Армии. Пусть он носит ее имя, являющееся символом упорства, настойчивости, отваги и доблести. Мыс, привлекший нас своей красотой, замыкающий пролив с северо-востока, получил имя Климента Ефремовича Ворошилова.

Наши жертвы

После похода 7—20 марта и создания продовольственного депо на северо-восточном выходе из пролива Красной Армии на севере мы стояли крепко. Намечавшийся маршрут для выяснения простирания Земли к северу и западу и исследования всего северного района, таким образом, был обеспечен, тем более что в нашем непосредственном тылу, на мысе Серпа и Молота, хранились большие запасы собачьего корма и продовольствия.

Теперь наступила очередь создать примерно такие же условия в центральной части Земли. Для осуществления этой задачи мы решили выдвинуть еще одно продовольственное депо на восточную сторону Земли. Значительно легче это было сделать на западном берегу Северной Земли, со стороны Карского моря, то есть следуя вдоль берега Земли к югу от мыса Серпа и Молота. В таком случае, при маршруте вокруг центральной части Северной Земли, мы вышли бы на депо уже в последней четверти пути и нам не пришлось бы везти с собой все запасы. Это имело большой смысл и вместе с тем значительно облегчало создание депо, так как нам не приходилось бы при этом варианте пересекать Землю.

Но этот путь мог поставить нас в будущем перед большим риском. Вторичное пересечение Земли в обратном направлении, с востока на запад, мы намеревались при съемочных работах начать на широте залива Шокальского. Но наметить хотя бы приблизительную точку выхода на сторону Карского моря не представлялось возможным. Направление пути при пересечении Земли на собаках целиком зависело от рельефа местности. А каков этот рельеф и куда он мог вывести нас на западном берегу — предугадать было нельзя. Выйди мы далеко к югу или северу от продовольственного депо, и тогда, даже при наличии продовольствия в этом районе, нам мог бы все равно угрожать голод.

Правда, по мере постепенного ознакомления с Землей у нас все больше и больше крепло убеждение в том, что вместо отмеченного Гидрографической экспедицией на карте залива Шокальского в действительности мы найдем пролив. Но все же это было только предположение, и планировать место оборудования продовольственного депо только на этом предположении было бы слишком неосмотрительно. Именно от правильного расположения этого продовольственного склада зависел не только успех работы, но и сама наша жизнь.

Все это заставило нас остановиться на варианте заброски продовольствия на восточную сторону Земли, а самую точку закладки депо должна была определить доступность пути через Землю. Положительной стороной осуществления такого варианта было и то, что мы впервые проникали во внутренние области страны, выявляли их доступность и вместе с этим перспективы намечаемого на весну маршрута.

Перед новой большой поездкой надо было дать передышку собакам и хорошенько подкормить их. Запасы мяса, как мы и рассчитывали осенью, к светлому времени начали истощаться и теперь пришли к концу. Мясной склад опустел и стоял открытым. После нашего возвращения с мыса Ворошилова мы вынуждены были даже дома кормить собак пеммиканом. Он был не столь питателен в сравнении с мясом, а кроме того, как и прежде, мы по возможности старались экономить этот портативный и удобный в походных условиях продукт для неизвестного будущего.

Надо было возобновить запасы свежего мяса. И мы решили несколько дней посвятить охоте.

У острова Голомянного — крайнего западного в группе островов Седова, держались вскрытые льды. Здесь, на разводьях, мы надеялись увидеть нерп. А где есть нерпы, там должны бродить и медведи.

23 марта было чудесным солнечным днем. Мороз держался около 40°. Журавлев погрузил на свои сани «Люрик» — маленькую фанерную лодочку, сделанную им зимой, мы с Урванцевым разместились на других санях и оставили базу. Через два часа были уже на месте. Пристанище здесь имелось. Еще в начале зимы на западной оконечности острова нами была установлена брезентовая охотничья палатка.

Море оказалось плотно закрытым льдом. Вдоль берега лежала узкая ровная полоса припая. За ней шла полоса сильно торошенных льдов — последствия нажимных ветров. Некоторые торосы, особенно ближние к берегу, достигали высоты 8—9 метров. Дальше в море, вплоть до горизонта, виден был слегка торошенный лед с перемычками из больших обломков ровных полей. Местами темнели небольшие участки пайды — молодого, еще не окрепшего льда.

Воды не было видно. На первый взгляд условия для охоты были малообещающими. Но стоило выйти на границу торосов, как можно было услышать потрескивание и писк льдин, трущихся друг о друга. Это означало, что лежащие перед нами льды были разломаны и сейчас их сжимало только приливное течение. При отливе они должны были разойтись.

И действительно, когда мы терпеливо дождались отлива, льды на наших глазах начало разводить. Сначала появились узкие кривые щели, потом небольшие разводья и, наконец, полынья до 400—500 метров шириной.

Сильный мороз, ясное небо и штиль дали нам возможность наблюдать интересное явление. На наших глазах рождались облака. В то время как температура воздуха была —40°, температура морской воды не достигала —2°. Теплая по сравнению с воздухом вода начала испаряться. Словно огромную кастрюлю с горячей водой вынесли на мороз. Пары воды, попадая в холодный воздух, тут же конденсировались, и над поверхностью полыньи собирался туман. Он быстро рос, и скоро над полыньями поднялись огромные столбы. По контрасту с покрытыми снегом льдами и белесоватым зимним небом пары воды казались темными, почти бурыми и напоминали дым фабричных труб. Только на высоте 250—300 метров слабый поток воздуха обрывал концы столбов, сматывал туман в клубки и в виде небольших облачков медленно уносил на юго-запад. Через два-три часа такие облака четкой шеренгой вытянулись до пределов видимости. А «фабрика» все еще продолжала работать. Полынья дымилась и давала новое «сырье» для образования облаков.

Морская охота на этот раз выдалась не особенно удачная.

Тюлен[illegible] ыло мало. Одна нерпа допустила неосторожность и высунула голову против Журавлева. Через три мунуты она уже была вытащена на лед. Следующую нерпу, убитую мною, течение затянуло под лед: Журавлев не успел подъехать на своем вертлявом «Люрике». После этого в продолжение целого часа зверь не появлялся над водой.

Нам надоело «сидеть у моря и ждать погоды», да еще при 40-градусном морозе. В такую погоду мы всегда предпочитали охотиться не выходя из палатки, сидя у примуса и попивая горячий чаек или даже лежа в спальном мешке. При этом, если я напоминал Журавлеву известную пословицу о том, что под лежачий камень вода не течет, охотник, как правило, твердо отвечал:

— А все-таки просачивается!

Правда, для того чтобы «все-таки просачивалась», надо было провести кое-какие мероприятия. Обычно, ложась в спальные мешки, если в палатке была печурка, мы бросали в огонь хороший кусок звериного жира и спокойно засыпали. Аромат горящего жира уносился ветром далеко во льды, там перехватывался медведем, притягивал его к лагерю, а наши собаки встречали гостя и подымали нас на охоту.

На этот раз был применен другой метод.

Я освежевал тушку нерпы, сняв с нее, как обычно, вместе со шкурой и толстый слой сала. Журавлев в это время сходил к палатке и вернулся оттуда с упряжкой собак. Шкуру нерпы привязали позади саней, перевернули сальной мездрой на снег, и упряжка, оставляя за собой кровавый след, понеслась вдоль кромки неподвижных льдов. Через два часа Журавлев вернулся в лагерь. Мы поели и легли спать. Если где-либо поблизости бродил медведь, он должен был сам прийти к нам. Запах нерпичьего сала и крови привлечет его, как пчелу аромат цветов.

...Меня разбудил толчок в бок. Журавлев и Урванцев пригнувшись, с карабинами в руках, уже сидели перед выходом из палатки. Тявкали собаки. Их лай бывает далеко не одинаков. Они по-разному лают — на человека, на сорвавшуюся с цепи и свободно разгуливающую собаку, на беспокойного, не дающего отдыхать соседа, на кусок мяса, до которого не дает дотянуться цепь, и на зверя. Медведя они встречают сначала нерешительным, но тревожным, раздельным и негромким гавканьем, будто желая только обратить внимание хозяина и в то же время не испугать зверя. Если медведь, не обращая на это внимания, подходит ближе, лай переходит в более громкий, возбужденный и полный злобы.

Когда меня разбудили, лай собак был еще сдержанным. Выглянув наружу, я увидел, что по окровавленному следу идет крупный медведь. От нас его отделяло не более 100—120 метров. На мой шепот: «Почему не стреляете?» — охотник уверенно ответил: «Далеко мясо таскать. Пусть подойдет ближе».

Зверь приближался с опаской. Он уже заметил собак. Пройдя десять — пятнадцать метров, он останавливался, поднимался на задние лапы, втягивал носом воздух, рассматривал лагерь и встревоженных собак. А они, не видя нас, по мере приближения зверя лаяли все тревожнее. Медведь останавливался в нерешительности, но след от протащенной нерпичьей шкуры притягивал его, точно магнит.

Журавлев ждал. Ему все еще казалось, что «далеко будет таскать мясо», хотя зверь подошел уже на 45—50 метров. В дело вмешался сорвавшийся с цепи Ошкуй. В этом увальне, как всегда, при виде медведя проснулась удаль. Вихрем он понесся навстречу зверю. Остальные собаки подняли оглушительный содом. Медведь остановился. Пора было стрелять. Первая же пуля уложила его наповал.

Скоро зверь был освежеван. Собаки проглотили огромные куски мяса и успокоились. Мы в ожидании, пока на сковороде поджарится свежина, баловались чаем и обсуждали характер и привычки медведей. Подзадоривая охотника, Урванцев говорил, что медведь все же подошел к нам случайно, а Журавлев убежденно доказывал, что зверь далеко почувствовал запах нерпичьего сала, напал на след от шкуры и уже не мог от него оторваться. Оставив их обсуждать этот вопрос, я вылез из палатки и тут увидел, что по следу к нашему лагерю идет второй медведь.

Наевшиеся собаки крепко спали. Тихий лагерь не вызывал у зверя никаких опасений. Он спокойно обнюхивал след, подходя к нам все ближе. Иногда даже бежал рысью — торопился, очевидно был очень голоден.

Мы, скрывшись за палаткой, ожидали гостя. Подойдя к шкуре освежеванного медведя, он принялся сдирать с нее оставшееся сало. Журавлев торопливым выстрелом только ранил его. Медведь бросился наутек. Еще несколько пуль, как обычно в таких случаях, просвистели мимо. Очень близко лежали торошенные льды. Добыча могла уйти. Спущенные собаки бросились вдогонку, но по дороге наткнулись на тушу первого медведя и, должно быть, следуя поговорке «лучше синицу в руки, чем журавля в небе», занялись готовым мясом, тем более что этой «синицы» могло хватить на всю свору. Но и зверь повел себя необычно. Несмотря на рану, он остановился на границе торосов, за которыми

его ждало верное спасение. И вдруг бросился обратно. Добежав до собак, он с рычанием начал рассыпать затрещины; раскидал в разные стороны соперников и сам занялся мясом своего собрата. Собаки оправились от тумаков и перешли в контратаку. Дело принимало нежелательный оборот. Голодный, рассвирепевший зверь мог искалечить наших собак.

Несколькими выстрелами мы прекратили эту борьбу. Зверь оказался крупным. На безмене, лежавшем в палатке, мы частями взвесили тушу. Вес ее был около четырехсот килограммов. Домой вернулись с санями, до отказа нагруженными мясом и двумя шкурами.

Мяса было достаточно, и можно бы спокойно заняться подготовкой к новому походу, не думая пока об охоте. Но совсем неожиданно мы убили третьего медведя, чему и сами были не рады — достался он нам слишком дорогой ценой.

Случилось это через день после возвращения с Голомянного. Утром Вася Ходов вышел из домика и скоро вернулся с сообщением, что собаки вылезли из загородки и всей сворой держат в торосах медведя. Мы бросились на лай, доносившийся из льдов.

Собаки окружили небольшого медведя в ледяной яме между двумя торосами. Молодой, сильный зверь крутился как волчок. При его наскоках собакам некуда было отступать в тесном проходе, тем более, что в яме собралась вся стая. Вместе с отъявленными медвежатниками на зверя наседали и те собаки, которые никогда не отличались охотничьим азартом, предпочитая охоте нарубленную медвежатину. Даже четырехмесячные щенки неумело ввязались в дело, создавая еще бóльшую тесноту и суматоху.

Медведь пользовался этим и наносил удар за ударом. К нашему приходу Козел уже прыгал на трех лапах, а Гиена, скорчившись, скулила на гребне тороса. Увидев нас, стая с еще бóльшим остервенением бросилась на зверя. С трудом я выбрал момент для выстрела. Раненый зверь, облепленный собаками, свалился в агонии. После следующего выстрела он окончательно затих. И тогда перед нами раскрылась печальная картина побоища.

Рядом с тушей медведя ползал с парализованным задом один из наших лучших медвежатников — Тяглый. Не имея сил встать на ноги, он все еще пытался вцепиться во врага. А по другую сторону туши лежал с разбитым черепом мой Мишка. Не то разрывная пуля моего карабина, прошедшая сквозь зверя, не то лапа медведя прервали жизнь лучшего передовика в упряжке.

Тяглому зверь нанес тяжелое повреждение, и собака не могла подняться. Когда оторвали собаку от убитого медведя и взяли на руки, чтобы отнести домой, у нее что-то хрустнуло в спине, и только после этого пес, хотя и с трудом, начал вставать на ноги. Гиене медведь распорол бок, а Козлу прокусил лапу. В общем три собаки на какой-то срок вышли из строя, а Мишка погиб безвозвратно.

Собаки были нашими верными помощниками и друзьями. Мы знали их индивидуальные особенности, характеры, наклонности и привычки, умели различать их настроения. Поощряли трудолюбивых, наказывали лодырей. Каждый из нас наедине даже разговаривал с ними, а они отвечали умным, понимающим взглядом. Часто на их долю выпадала очень тяжелая работа; но в таких случаях и самим нам едва ли было легче. Мы делили с ними тяготы пути, работали бок о бок, а на стоянках лаской и заботой старались вознаградить их за лишения. Порою исключительная обстановка вынуждала нас быть суровыми с ними. Но вообще-то мы берегли их и ценили, а многих из них по-настоящему любили и болели душой при несчастьях с ними, а тем более при их гибели. А гибли, как правило, лучшие, наиболее активные и преданные нам.

Первую собаку мы потеряли еще осенью, вскоре после ухода «Седова». Мы еще мало знали ее и не успели по-настоящему оценить. Надо полагать, что это был наиболее азартный пес. Он вместе с другими умчался за медведем на плавучие льды, да так и не вернулся.

Новый чувствительный удар постиг нас в середине полярной ночи. Как-то с улицы донесся лай собак. Выскочивший из домика Журавлев увидел в десяти метрах от дверей ворочающуюся в темноте кучу. Сквозь лай собак послышался рев медведя. После трех выстрелов схватка кончилась. Подходя к добыче, охотник обо что-то споткнулся. Нагнувшись, он нащупал под ногами пораженную собаку. Это был Рябчик — один из наших лучших работников. По другую сторону зверя лежал мертвый Полюс. Все три пули попали в медведя, но одна из них в темноте по пути прошила Рябчика, а вторая прошла через зверя и прихватила Полюса.

На исходе полярной ночи неизвестная болезнь погубила нашего любимца Варнака; а в последнем походе погиб в лямке прекрасный пес из упряжки Журавлева.

Теперь прибавилась новая жертва — Мишка.

Каждый день, отмеченный гибелью собаки, был для нас черным днем. Помимо того, что по-настоящему было жалко четвероногих друзей, гибель каждого из них делала все на-

пряженнее нашу работу. Но на войне — как на войне. Без жертв не обойдешься. А наша работа была почти беспрерывной войной за Северную Землю, борьбой с полярной природой. Надо было смотреть вперед. Готовиться к новым переходам и новым боям.

В день гибели Мишки я начал тренировать в качестве передовика Юлая. Тренировка теперь была значительно облегчена. Все собаки хорошо втянулись в работу, а Юлай последнее время ходил рядом с Мишкой и уже кое-что понимал. Облегчало тренировку и то, что в конце полярной ночи я перешел на веерную упряжку, в которой вожжа во многом помогает сообразительности передовика.

Залив Сталина

2 апреля мы снова могли выйти в поход. У меня уже был новый передовик. Гибель Мишки и ранение медведем еще трех собак заметно ослабили наши упряжки. Однако нагрузка оставалась прежней. На каждых санях лежало по триста килограммов чистого груза.

Покинув базу, мы пересекли центральный остров в группе островов Седова и на этот раз без захода на мыс Серпа и Молота взяли курс прямо на восток. Затвердевшие снежные поля были присыпаны пылевидной порошей. Груженые сани шли по ней тяжело. Мы медленно продвигались вперед, пока собаки не отказались работать. Все же за день осилили 32 километра. Лагерем встали около полуночи.

День был ясный, с сильной рефракцией. Приподнятые миражем льды плавали в воздухе. Белые стены, башни, какие-то волшебные дворцы то и дело возникали, росли и исчезали на горизонте.

Днем температура держалась около —30°, к вечеру мороз покрепчал и достиг —35°. В тихую ясную погоду, какая была в этот день, такой мороз не страшен. Он только бодрит, заставляет энергичнее обычного двигаться и во время пути здоровому, сильному человеку, пожалуй, доставляет только удовольствие. Менее приятен мороз на стоянке и особенно во время сна. Даже в теплом спальном мешке холод чувствителен и не дает как следует отдохнуть. Поэтому в тот день мы не спешили залезать в спальные мешки.

Да и ночь была хороша. Ясная, тихая, светлая, совсем не похожая на прежние темные и непроглядные, еще так недавно царившие над Арктикой. День теперь очень быстро прибавлялся. В полночь солнце было где-то совсем недалеко

за горизонтом. Его близость была заметна по очень слабым ночным сумеркам, напоминавшим белые ленинградские ночи с их удивительно мягким освещением.

Мы долго сидели около палатки, обо многом говорили — о том, что нами сделано и что еще предстоит сделать; мечтали о поездке в будущем на теплый зеленый юг и одновременно о том, чтобы сейчас подольше продержались 30-градусный мороз и тихая ясная погода. Ясное небо и сильный мороз были очень нужны нам: в метелях и туманах найти путь через Землю было бы нелегко.

Карта Северной Земли все еще оставалась однобокой. На ней, как и раньше, частично сплошной линией, частично пунктиром были обозначены лишь южные и восточные берега. На западе появилась непрерывная линия только на небольшом участке, заснятом нами в минувшем октябре. Правда, мы уже немало знали о Земле. Нам стал известен пролив Красной Армии, неизвестный остров, лежащий к северу от него, и острова Седова. Но они еще не были положены на карту. Поэтому весь предстоящий нам путь от Карского моря до моря Лаптевых представлял собой белое пятно. Мы не знали, с чем встретимся на этом пути; а чтобы знать, куда он нас выведет на восточной стороне Земли, должны были идти со съемкой. И для поисков проходимого пути через Землю и для съемки нужна была хорошая погода и хотя бы сносная видимость. А хорошая погода здесь неотделима от крепкого мороза. Поэтому-то рядом с мечтой о далеком юге у нас естественно и легко возникло желание, чтобы завтра мороз был не меньше 30°.

Следующий день полностью оправдал наши надежды — воздух был морозным, небо голубым. Только на вершинах видневшихся впереди гор время от времени собиралась белая мгла — не то туман, не то метель. С северо-востока тянул почти незаметный ветерок.

В течение всего перехода мы держали курс на одну из приметных североземельских вершин. Она была крайней к югу в цепи невысоких гор, заканчивающихся на севере хорошо видимым мысом Серпа и Молота. Южнее этой гряды, вслед за широкой впадиной, виднелся впервые замеченный нами новый большой ледниковый купол. Примерно на середине перехода в глубине Земли почти на нашем курсе вырисовалась еще одна столовая возвышенность. Стало ясно, что выбранное нами направление оказалось удачным. По широкой долине, между цепью столовых гор на севере и ледниковым щитом на юге, нам был обеспечен доступный путь к внутренним областям Земли минимально на 50—60 километров.

На половине перехода миновали район нашей прошлогодней осенней съемки. От вехи, поставленной в ее конечной точке, я начал новую съемку и предполагал, что дальше мы пойдем уже по самой Земле. В действительности картина оказалась иной. Осенью, проходя здесь в густом тумане, мы видели только береговую черту и предполагали, что далее к востоку и юго-востоку Земля лежит сплошным массивом. Теперь выяснилось, что берег в этом месте образует узкий полуостров, за которым лежит большая бухта, а далее врезается в берег широкий залив. Только на 60-м километре мы вышли на западный берег этого залива и здесь остановились лагерем.

Перед концом пути температура упала до —35°. Начав- 175
шийся резкий встречный ветер поднимал поземку и жег лицо. Но на этот раз он не вызывал обычных и заслуженных в таких случаях нареканий. Переход был удачным — ознаменовался открытием нового залива. Назвали его заливом Сталина [ныне — Залив панфиловцев — *ред.*].

Мы начали наш новый тяжелый переход.

Ветер усиливался. Мороз обжигал точно пламя. Палатку обложили снежными кирпичами. Собак тоже защитили снежной стенкой, и они скоро успокоились. Наш лагерь погрузился в тишину. Ее нарушали только посвистывание ветра да шорох переносимого им снега.

Утром 4 апреля распрощались с заливом Сталина и с Карским морем. Где-то впереди лежало море Лаптевых. Началось первое пересечение Земли.

Какова-то она в центральной части? Что мы там увидим? Найдем ли доступный путь? Эти вопросы мы постоянно задавали себе.

Сначала наш путь шел на востоко-северо-восток. К югу лежал ледниковый щит, а к северу толпились столовые горы. Они имели характерную форму сильно вытянутой трапеции с ровной плоской вершиной. Их высота на глаз не превышала 300—350 метров, и если бы не крутые склоны, резко очерчивающие отдельные вершины, их вернее было бы назвать возвышенностями.

Между горами на севере и ледниковым щитом на юге отлого поднималась к востоку широкая долина. Вдоль нее, ближе к гряде столовых гор, на запад стекала речка. Она промыла глубокое русло с крутым, часто отвесным правым берегом и отлогим левым. Во время короткого полярного лета речка, по-видимому, превращается в глубокий и бурный поток, а к концу лета, с прекращением таяния, почти пересыхает. Сейчас в ее русле лед был виден только местами, и то на небольших участках. Из-под рыхлого снежного

покрова, иногда на большом протяжении, обнажались глыбы красноцветных песчаников.

Рельеф местности подсказывал направление нашего пути. Долина облегчала проникновение в центральную часть Земли. Шаг за шагом, идя правым берегом речки и преодолевая подъем, мы продвигались на восток.

Путь был тяжелым. Глубина снежного покрова редко достигала 10 сантиметров. Сверху его покрывала тонкая ледяная корка, а под ней снег лежал мягким пухом.

Собаки старались ступать как можно осторожнее, но это нисколько им не помогало. Ледяная корка проламывалась, ее острые, как стекло, края ранили собакам лапы. Скоро на-

чали показываться капли крови. А некоторые собаки стали прихрамывать.

Полозья саней в тонком слое рыхлого снега то и дело попадали на отдельные камни; тогда упряжка, точно по команде, останавливалась и без помощи человека уже не могла сдвинуться с места. Но другого пути в глубь Земли у нас не было. Мы работали вместе с собаками и, несмотря на сильный мороз, обливались пóтом.

Дальше стало еще хуже. По мере продвижения в глубь Земли снежный покров уменьшался. Начали попадаться участки, почти полностью оголенные от снега. Здесь собаки не в состоянии были тащить тяжело груженные сани. Работу за них выполняли мы. Когда полозья выходили на снег, псы, радостно повизгивая, подхватывали сани, быстро пробегали заснеженное место и, попав на обнаженную землю, останавливались, поворачивали морды и мотали хвостами, будто призывая нас тоже взяться за работу. И мы брались за постромки до следующей полосы снега.

Как бы то ни было, мы шли вперед. Одометр уже отсчитал 17 километров. Каждый новый километр приближал нас к центральной части Земли, и мы не собирались останавливаться. Но погода рассудила за нас.

На 18-м километре совершенно неожиданно на смену полному штилю поднялся встречный ветер. Он, как лавина, свалился с возвышенности и сразу ударил с такой силой, что мы еле могли удержаться на ногах.

Картина даже для нас была непривычная. Ветер ревел, рвал и метал, а метели не было. Ледяная корка, покрывавшая снег, не давала поднять снежную пыль. Словно сердясь на эту помеху, ветер свирепел с каждой минутой. Двигаться против него не было никакой возможности. Наш караван вынужден был остановиться. И тут мы увидели, что ветер все-таки добился своего. Он сдирал ледяную корку. Тонкие ледяные пластинки, величиной в ладонь и больше, как не-

виданные бабочки, начали фантастический танец в воздухе. Ветер мял их, крошил, превращал в целые рои мелких осколков и с ревом гнал дальше. В лучах низкого солнца неисчислимые мелкие льдинки то окрашивались в розовый цвет, то казались оранжево-красными, то высоко взвивались вверх, то массой падали вниз.

Вскоре ветер поднял обнажившийся снег, и снежная пыль закрыла небо и солнце. Колючие иглы жалили лицо. Опушка мехового капюшона превратилась в ледяное кольцо.

Мы повернули упряжки к речке и вместе с ветром в снежном вихре скатились под откос. Здесь поток воздуха, зажатый крутыми берегами, мчался еще неудержимее. Снег несло сплошной стеной. Казалось, что не ветер гонит снег, а наоборот, снег, мчащийся в узком русле речки, как поршень в цилиндре, с невероятной силой выжимает из ущелья воздух. Останавливаться было нельзя. Не прошло бы и часа, как наш лагерь был бы похоронен под снегом. Надо было найти резкий выступ берега. Под ним мы могли бы укрыться от метели.

Через полчаса мучительного пути впереди вырисовался утес. Он-то нам и был нужен. Выбрались к его западному обрыву и сразу попали точно в другой мир. Рядом, в нескольких десятках метров, бушевала страшная метель, а здесь стояла почти полная тишина. Только иногда сюда забрасывало вихрем снежную пыль, и она медленно оседала вниз. О лучшем месте для лагеря нельзя было и мечтать. Метель больше не беспокоила нас, а вой ветра только вносил разнообразие. Собаки, отпущенные на волю, быстро нашли под обрывом уютные уголки и успокоились. Мы не спеша раскинули палатку.

Ночью ветер начал было стихать. Просыпаясь, мы слышали, как он пел свою песню уже на низких нотах, а временами слабел настолько, что звуки переходили в шуршание, напоминавшее шорох осенних листьев. Успокоенные мыслью, что метель кончается и с утра можно будет продолжить путь, мы засыпали, кутаясь в меха. Но перед утром метель разгулялась с новой силой. Ветер опять со свистом и визгом понесся над нашим утесом. Пришлось остаться на месте. Около полудня ветер отклонился к югу, потом к юго-западу и, наконец, обрушился на наш лагерь. Не стало тишины и уюта и под нашим спасительным обрывом. Сначала мы вынуждены были закрепить колья палатки и потуже натянуть парусину, а потом выложить снежную стену. 25-градусный мороз при таком ветре пробирал до костей. Но в палатке, за снежной стеной, мы его почти не чувствовали. Некоторые собаки дали занести себя снегом и не вылезали из своих нор.

Другие, повизгивая, искали новых мест и скоро тоже успокаивались под защитой снежной стены.

Я вычертил пройденный путь. Журавлев внимательно следил за тем, как я откладывал на бумаге азимуты, наносил отрезки пути, обозначал русло речки и зарисовывал прилегающие горы. Он узнавал на планшете отдельные участки и был необычайно доволен этим. Когда, поставив последнюю точку, я показал местонахождение нашего лагеря, охотник задумчиво проговорил:

— Эх, если бы я умел делать съемку! Какую карту Новой Земли составил бы! Сколько лет колесил по ней, а путь остался только в голове. Помню горы, речки и ледники, которых, пожалуй, не найдешь ни на одной карте.

Я стал говорить о том, что его работа в нашей экспедиции так же ценна, как и труд топографа. Вот мы колесим по ледяным просторам Северной Земли, боремся с морозами и метелями и прокладываем след саней там, где никогда еще не ступал человек. Все это вольется каплей в сокровищницу культуры нашей страны, будет содействовать ее росту и славе. И он, Журавлев, вложил в это дело свою немалую долю. Сергей слушал и оживлялся. В нем обострилось сознание общественной ценности его работы в экспедиции.

Перед вечером метель уменьшилась. Мы выбрались на высокий берег, набрали камней и сложили гурий [1], а под ним из мелких камешков выложили надпись: «У. и Ж. 1931 г.».

К утру 6 апреля метель окончательно улеглась. Термометр показывал —27°. Мороз сдабривался легким восточным ветром. Метель почти начисто подмела снег и обнажила большие участки берегов речки. Зато в самое русло ее намело много снега. Истертый в пыль, спрессованный силой ветра и смерзшийся, он лежал плотной, сплошной массой и представлял идеальный путь.

Случилось то, что представляет обычное явление в Арктике. Здесь часто достаточно одних суток, чтобы условия пути изменились неузнаваемо. Вчера мы вынуждены были идти тяжелым путем по берегу речки и даже не рисковали спуститься в ее русло, заваленное глубокими и рыхлыми сугробами. Теперь здесь была чудесная дорога. Мы без труда прошли 8 километров к востоку и почти вплотную приблизились к подошве столовой горы, которую впервые увидели три дня назад. Оставили собак и поднялись на плоскую вершину. Анероид показал 345 метров высоты. По всем признакам, мы приблизились вплотную к водоразделу.

---

[1] **Гурий — каменный знак, выкладываемый в форме пирамиды.**

К югу лежал все тот же ледниковый щит. На юго-восток и восток тянулась широкая равнина, прерывавшаяся несколькими куполообразными вершинами. Определить доступность пути в этом направлении не представлялось возможным. Полоса тумана закрывала даль.

Интересная, возбуждающая любопытство картина открывалась на северо-востоке. В этом направлении, над пеленой тумана, скрывавшего плоскогорье, были видны какие-то высокие острые пики. К югу они переходили в возвышенности с мягкими очертаниями, а к северу обрывались крутой стеной. Очертаниями они несколько напоминали открытый нами мыс Ворошилова. А это позволяло предполагать, что они расположены на берегу моря.

На карте в этом направлении, на восточном берегу Земли, лежал мыс Берга. Но ни о каких скалах в районе этого мыса в описаниях участников Гидрографической экспедиции даже не упоминалось. Кроме того, от нашего местонахождения до мыса Берга по прямой линии должно было быть не менее 80 километров, а до этих скал вряд ли могло набраться более 40. Если нас не обманывали очертания скал, мог напроситься предположительный вывод: море здесь должно глубоко врезаться в массив земли, и тот небольшой заливчик, который на прежней карте значится под наименованием фиорда Матусевича, в действительности простирается гораздо дальше на запад.

Решили идти к этим пикам. Близость загадочных скал, предположение найти около них желанный морской лед и надежда, что на берегах глубокого морского залива можно обнаружить какую-нибудь долину или речку, впадающую в этот залив, удобные для передвижения, окончательно укрепили нас в своем решении.

Я взял азимут на скалы. Их острые вершины скрылись точно видение, едва я успел засечь их. Ветер стих. Молочно-белая пелена тумана быстро сгущалась, укутывала перевал. Пока мы спускались к собакам, туман залил всю окрестность.

Некоторое расстояние мы все еще шли по руслу речки, пока оно не разделилось на несколько мелких ручьев и не исчезло. Теперь мы вышли на плато.

Ориентироваться и выдерживать взятый курс в густом молочном тумане стало трудно. Впереди пошел Журавлев, я следовал сзади на таком расстоянии, чтобы только не потерять его в тумане из виду, и старался не потерять след передних саней. Заметив, что дорожка от полозьев начинает изгибаться, я выправлял товарища и снова все свое внимание отдавал наблюдению за следом. Время от времени мы

останавливались и проверяли курс по компасу. Без таких предосторожностей, не видя в тумане абсолютно никаких ориентиров, можно вдоволь наездиться по кругу и не заметить этого, пока не попадешь на свой собственный след.

Плато казалось ровным. Плотный снежный покров делал его поверхность совсем похожей на гигантский стол, покрытый белейшей скатертью. Ни уклона, ни подъема. Даже ручьи не попадались. Действительность, конечно, была иной. Перед этим с горы мы видели, что равнина слегка всхолмлена. Но сейчас все нивелировал туман. Вероятно, были вокруг и холмы и ручьи, но мы ничего этого не видели. Туман окружал нас плотной стеной. Журавлев, обманутый кажущейся ровностью пути, решил, что мы идем по озеру. Он остановился, взял лопату и начал копать снег в надежде найти под ним лед. Но там по-прежнему были буро-красные суглинки. Время тянулось медленно. Напряженное старание не сбиться с курса сильно утомляло.

Только на 21-м километре перехода по убыстряющемуся скольжению саней мы поняли, что вышли на заметно крутой склон. Уже спускались полуночные сумерки. Туман стал совершенно непроглядным. Чтобы не свалиться с какого-нибудь обрыва, решили остановиться.

Утром следующего дня увидели, насколько благоразумной и своевременной была наша остановка. Туман исчез. Низкая облачность закрывала весь небосвод, но видимость была хорошей. Слева, на расстоянии около километра от лагеря, виднелась речка. Несколько далее к востоку она пересекала наш курс. Замеченный нами накануне вечером уклон вел в ее долину, достигавшую 80—90 метров глубины по отношению к плато. Самое русло речки в районе лагеря и выше по течению представляло узкую щель 5—8-метровой ширины с отвесными берегами высотой в 25—30 метров. Дальше на восток можно было видеть, что русло речки несколько расширялось, но зато еще глубже врезалось в свое ложе. Здесь обрывы достигали уже 45—50 метров. Продолжая путь в сумерках и сплошном тумане, мы легко могли не заметить обрыва и свалиться вниз.

Река текла на восток и должна была стать нашей путеводной нитью к морю Лаптевых. Надо было попасть в ее русло, чтобы оно вывело нас на восточную сторону Земли.

Обследование показало, что сделать это вблизи нашего лагеря совершенно невозможно. Сплошь скалистый берег с многочисленными снежными наддувами делал спуск в русло речки недоступным. А если бы мы здесь все же сумели

спуститься, только затруднили бы себе путь. Ясно, что в узкую извилистую щель русла не проникал никакой ветер, пласт снега там оставался неутрамбованным. Во время метелей, несущихся поверх ущелья, снег спокойно оседал на его дно. Все оно было завалено пушистым белым слоем. Камень, брошенный сверху, погружался легко, словно в воду. Местами из-под снега выступали огромные валуны, полностью преграждавшие дно каньона и образующие водопады до 4—5 метров высотой. Русло было здесь не только недоступным, но и непроходимым. Путь надо было искать дальше к востоку, где речка расширялась. Необходимо было найти какой-нибудь боковой приток с отлогим берегом или подходящий склон, чтобы спуститься вниз.

Около двух часов мы шли и тщетно искали такой спуск. Казалось, что его так и не будет. Сплошная скальная стена тянулась на всем протяжении. Речка была словно врезана ножом. Точно назло, на противоположном берегу мы часто видели удобные склоны. Местность там выглядела странно. Насколько хватал взгляд, все было усеяно мелкими, лишенными снежного покрова холмиками, напоминавшими большие муравейники. Они были сложены из какой-то темной, почти черной породы.

Наконец, мы нашли небольшой поток, впадающий в речку с южной стороны. Он разрезал береговую скалу. Выносы потока и продукты разрушения самой скалы образовывали конусообразную осыпь высотой в 40—45 метров, с углом падения до 45°. В нижнем конце конуса лежал почти метровый, по всем признакам снежный уступ. Русло речки достигало здесь 80—90 метров ширины, было ровным, обещая удобный путь.

Но было очевидно, что удержать сани в 400 килограммов весом при спуске по такому крутому склону — дело почти невыполнимое. Особенно страшил нижний уступ. Перед ним надо было до отказа затормозить сани, иначе они могли налететь на собак и перекалечить их. И все же выбора не было.

Чтобы уменьшить скольжение, мы один полоз на каждых санях обмотали собачьими цепями. В остальном надеялись только на прочность тормозов да на собственные силы, ловкость и умение управлять собаками. Немного помочь нам должен был и снег, покрывавший склон толстым и плотным слоем.

Спуск был головокружительным. В вихре поднятого снега, со всей силой налегая на тормоза, мы понеслись вниз...

У меня все сошло благополучно. Перед уступом удалось несколько затормозить бег саней. Собаки, вовремя подстегнутые криком, мгновенно проскочили вперед и в момент прыжка саней с уступа были одернуты вожжой в сторону.

Хуже получилось у Журавлева. На его беду посредине склона под тормоз попал скрытый снегом камень. Сильный удар передался на бедро. Снег показался огненным, рассказывал потом Журавлев.

Несмотря на страшную боль, он не выпустил из рук тормоза, но удержать сани уже не мог и лишь в последний момент также успел одернуть собак в сторону от несущегося воза. Сани, как с трамплина, низверглись с уступа и, увлекая за собой собак, свалились набок. Ездок благополучно упал на спину.

— Всякое видел, а вот летающих собак увидел впервые,— изрек охотник, поднимаясь и морщась от боли.

Охотник шутил — значит, все сошло благополучно. У меня отлегло от сердца. По всегдашней привычке Журавлев прикрыл шуткой смущение, чтобы не выдать свое ущемленное самолюбие профессионального охотника и ездока на собаках. Только вечером, сидя в палатке, мы признались друг другу, что перед спуском в речку у обоих было желание отпрячь собак и скатиться на санях, как это делают ребятишки при катании с гор, или просто спустить сани на веревках. Эта мысль осталась невысказанной ни тем, ни другим. Почему промолчали, каждому было понятно. Помешало самолюбие, нежелание уступить перед опасностью.

Речка повела нас на северо-восток. По своему характеру она не отличалась от той, по которой мы поднимались на водораздел. По существу это был хотя и значительно мощнее, но такой же сезонный горный поток, бурный в период таяния снега, мелеющий по мере исчезновения снежных запасов и, наконец, к осени пересыхающий или превращающийся в небольшой ручей.

Необычайно интересными были обрывы берегов. Спокойное залегание красноцветных песчаников, характерных для западной части Земли, кончилось. Их заменили известняки и другие породы. Причудливые складки образовывали необычайно эффектные скалы. Рядом с ними лежало беспорядочное месиво, где отличить одну породу от другой было почти невозможно. Здесь складки были раздроблены, а самые породы искромсаны и перетерты. Все это говорило о

каких-то мощных геологических процессах, некогда протекавших здесь. Для нашего геолога мы нашли интересные места. Николай Николаевич будет доволен, когда в будущем мы приведем его сюда.

Русло речки, постепенно расширяясь, достигло 100 метров. Снег лежал плотным слоем. Путь был хорош, и мы, довольные, шли вперед, любуясь редкостными по сложению скалами. Но вдруг русло, приняв справа большой приток, сузилось сразу до 20 метров, а скалистые берега поднялись еще выше.

Мы невольно остановились перед этими мрачными воротами. Темная, почти черная 80-метровая скала нависла над ущельем. Наверху с нее свешивался многометровый снежный козырек. Как затаившийся, готовый к прыжку огромный хищник, скала охраняла вход в ущелье. Казалось, что многие тысячелетия она поджидала жертву и каждое мгновение была готова сбросить сотни тысяч тонн камня и тысячи тонн снега на первого смельчака, попытавшегося проникнуть в глубь дикого прохода. Мертвая тишина, царившая вокруг, еще больше усиливала тягостное впечатление.

Решили сделать разведку. Стали лагерем, освободили одни сани и, оставив половину собак на месте, на пустых санях нырнули под нависшую скалу.

Мрачный каменный коридор тянулся почти шесть километров. Местами стены его немного понижались, русло расширялось, но потом стены вновь росли ввысь, достигая 100 метров, и угрожающе сближались. Самое неприятное впечатление вызывали висевшие над головой огромные снежные надувы. Несколько из них не так давно обрушились и теперь лежали беспорядочными глыбами на дне ущелья. Глядя на другие надувы, можно было только удивляться, как они еще до сих пор удерживаются. Под некоторыми из них мы не решались проскочить с ходу. Останавливались, стреляли из карабина, чтобы вызвать воздушную волну. Когда замолкал гул выстрелов, повторяемый эхом, и снова воцарялась тишина, гнали собак дальше.

Обследовав ущелье, мы убедились в его проходимости, хотя и с опасностью для жизни. Но те или иные опасности мы встречали в каждой своей поездке и как бы сжились с ними. Здесь, в ущелье, возможность попасть под снежный обвал и быть заживо похороненным была очень наглядной. Однако уклониться было нельзя.

Назавтра, 8 апреля, весь день стояла пасмурная погода, а вечером надвинулся туман. За день прошли 34 километра. Первые шесть шли по ущелью. Накануне оно было тщатель-

но осмотрено. Путь как будто знаком. И все же, надо признаться, мы по-настоящему боялись. Опасность была новая, непривычная и особенная. Мы не могли уклониться от нее, и в то же время у нас не было никаких средств для борьбы с ней. Единственно, что мы могли сделать,— это по возможности быстрее миновать грозные места. На всякий случай шли на расстоянии 250—300 метров друг от друга, чтобы одновременно не попасть под обвал. Снежные козырьки в тысячи тонн, висевшие над головой, как бы гипнотизировали. Когда они свалятся вниз? Через час, через одну минуту или продержатся еще месяцы? Случись самая невероятная вещь — повстречайся нам здесь человек, и то, вероятно, мы бы сказали:

— Давай минуем это место, а потом уже будем знакомиться.

В середине ущелья, в самом узком месте, увидели картину, которая никак не могла изменить к лучшему нашего настроения. Громадный кусок снежного козырька протяжением свыше ста метров, который еще накануне свисал с выдвинувшейся скалы (мы это видели вчера своими глазами!), прошедшей ночью свалился вниз. Сплошной четырехметровый сугроб из огромных глыб крепко смерзшегося снега перегородил ущелье и похоронил наш вчерашний след. «Наш час еще не наступил»,— невольно думали мы, глядя на обвал. Смешались радость и страх. Радовались мы тому, что обвал произошел несколькими часами раньше, а боялись таких же снежных надувов впереди. Пропустят или похоронят?.. Перебравшись через завал, погнали собак дальше. В одном месте, где козырек особенно угрожающе обвис, мы, как и накануне, не решились проскочить с ходу. Остановили собак и, не доходя до опасного участка, выпустили по обойме патронов. Сотрясение воздуха не вызвало обвала. Это вселило в нас некоторую уверенность, что громада, висевшая над нами, достаточно прочна. Вновь пустились в путь. Взгляды невольно тянулись вверх, словно они могли подпереть тысячетонную массу.

Наконец, ущелье осталось позади. Река, вырвавшаяся из каменных тисков, тоже точно обрадовалась простору. Она залила долину и образовала озеро. По ровному льду, почти не меняя курса, покатили на северо-восток.

Только перед концом перехода нам стала ясна причина образования озера. Долину сначала перегородила гряда небольших островков — по форме ярко выраженных «бараньих лбов», обращенных крутой стороной к северо-востоку. Тут же за островками с северной стороны долины сползал широкий язык ледника. Он перегородил долину и русло речки.

На 26-м километре пути, на границе ледника, я остановился, чтобы взять очередной азимут, и тут же услышал потрескивание льда. Скоро оно повторилось и перешло в замирающий скрип, потом в тоненький звук, который напоминал писк удаляющегося комара. Это характерные звуки для поднимающегося или опускающегося льда вблизи берега под влиянием приливно-отливной волны. Ошибиться невозможно. Значит, лед на плаву! Значит, мы достигли моря! Бросились искать приливно-отливную трещину и тут же обнаружили ее. Сомнений быть не могло: мы вышли к глубокому морскому заливу — по всем признакам, попали в вершину фиорда Матусевича. Он почти в три раза глубже врезается в землю, чем показано на карте Гидрографической экспедиции. Островерхие пики, замеченные нами с водораздела, не обманули. Они действительно оказались на берегу моря. Теперь до них оставалось лишь несколько километров. Они сплошной стеной стояли впереди, точно вырастая из ледяных волн глетчера.

Дальше путь шел по узкому коридору, между крутым берегом и ледником, заполнившим весь залив. Поверхность ледника была изборождена высокими ледяными валами, а порой широкими трещинами. Узкие трещины скрывались под снегом. Мы предпочли идти коридором вдоль берега. Его, очевидно, промыли летние воды, спадавшие с южного берега залива.

Чем дальше мы шли, тем коридор становился у́же и скоро стал похож на щель, одна стена которой была сложена из льда, а другая из камня. Слева — голубой лед, справа — зеленый камень. Берег быстро повышался и, наконец, перешел в скалы. Большинство их почти отвесно вздымалось над морем на сотни метров.

Процессы эрозии создали между отдельными пиками расселины и проходы, а на стенах скал — тысячи выступов, карнизов и ниш. Отдельные скалы напоминали сильно увеличенные индийские храмы. Слагающие их горные породы во многих местах поросли оранжево-красными лишайниками. На фоне белого снега и голубых изломов льда скалы выглядели необычайно живописно.

Во многих местах коридор был завален камнями. Кое-где они уже вмерзли в лед — значит, лежат здесь давно, а некоторые возвышаются на снегу — эти оторвались от скал совсем недавно. Как ни странно, мы спокойно, шаг за шагом пробирались вперед, прижимаясь вплотную к скалам. Опасность попасть под обвал совсем не тревожила нас. Все же это были скалы, а не снежные надувы. Несмотря на следы недавних обвалов, мы, по установившейся привычке, вос-

принимали скалы как символ устойчивости и прочности. А по существу опасность была не меньше и обвалы каменных глыб с выветрившихся скал не менее возможны, чем обвалы снежных масс.

Тут же нас ждал интересный и радостный сюрприз. Время от времени мы слышали посвистывание, напоминавшее свист чистиков. Было еще только 8 апреля, и мы не ожидали на такой широте встретить птиц. Вначале, слушая посвистывание, я полагал, что это мой спутник бодрит своих собак, а он в свою очередь то же самое думал обо мне. Из заблуждения вывели собаки. Услышав новые звуки, они повеселели, несколько раз без понуканий пускались в галоп, потом начали задирать головы и зорко следить за скалами. Я остановил упряжку. Свист слышался со стороны скал. Все еще не веря в возможность встретить птиц, я выстрелил из карабина. В тот же момент с ближайшей скалы сорвалось штук пятнадцать чистиков. Стайка в стремительном полете закружилась над нами. С соседнего обрыва поднялась вторая такая же стайка. Потом откуда-то взялись несколько суетливых, как воробьи, люриков. И, наконец, высоко над одной из вершин медленно проплыл бургомистр.

Появление птиц сильно взбудоражило нас, словно мы встретились со старинными друзьями. Птицы были вестниками юга. Их прилет говорил о приближающемся конце полярной зимы.

Удивляло только, что они так рано явились сюда. Правда, по календарю шел второй месяц весны, но разве можно здесь жить по календарю? Не только птицы, но и человек не проживет по нему в этой стране. Таяние снега начнется не ранее как через два — два с половиной месяца. Только после этого появятся забереги, промоины и полыньи в морском льду. Там птицы найдут себе пищу. Чем же они питаются сейчас? Должно быть, где-то сравнительно недалеко есть вскрытые морские льды с достаточным количеством разводьев.

Внимательно оглядев скалу, я убедился, что птицы здесь не случайные гости. На карнизах скалы было много старого птичьего помета. Летом здесь, без сомнения, размещается оживленный птичий базар. Сейчас сюда прибыл только немногочисленный передовой отряд разведчиков.

Наличия птичьих базаров на Северной Земле, кажется, никто не предполагал. Участники Гидрографической экспедиции упоминали только о какой-то одной неизвестной чайке. Мы минувшей осенью тоже видели птиц, но они могли быть пролетными. Теперь можно было считать установленным, что на Северной Земле есть птичьи базары и гнездовья.

Скалы, где впервые были замечены птицы, мы начали называть Базарными.

Дальше несколько километров пробирались между скалами и ледником, пока берег не повернул круто к югу, а залив, начиная с этого места, сильно расширился. На противоположном, северном берегу громоздились такие же высокие скалы. Хотя день подходил к концу, мы решили осмотреть их. Выбрали подходящую дорогу и без приключений пересекли ледник.

Здесь скалы были сложены теми же горными породами, но, обращенные обрывами к югу и юго-востоку, они еще больше поросли оранжево-красными лишайниками. Кое-где этот нарост сплошь покрывал обрывы скал. Скалы казались ярко-красными и еще более эффектными рядом с каскадами льда, спадавшими с висячих ледниковых долин, расположенных на высоте 100—150 метров. Тысячи трещин, избороздивших ледяные каскады, переливались самыми разнообразными оттенками синего цвета. Взгляд не знал, на чем остановиться — на зелено-красных скалах или на застывших ледяных потоках.

Опять увидели чистиков. Их посвистывание часто доносилось и в нашу палатку, поставленную вблизи скал.

Рабочий день кончился. Он был богат переживаниями и хорош по результатам. 36 километров остались позади. После часового отдыха накормили собак и приступили к приготовлению ужина.

За водой мы ходили не с ведром, как это делается в нормальных условиях, а с лопатой, с пилой, с ножом или, наконец, с топором. Обычно тут же, около палатки, вырезался большой кирпич твердого снега, вносился внутрь и растапливался в чайнике или в кастрюле. Но если была возможность получить воду из глетчерного льда, мы никогда не отказывались. «Доадамова вода», как мы называли воду, вытопленную из льда, образовавшегося много тысячелетий назад, нам приходилась больше по вкусу, чем другая. В этот день глыба льда, отколотая топором от ледникового каскада, восхитила нас. Лед был чист и прозрачен, как огромный кристалл хрусталя. Свежие изломы лучились, искрились и переливались невиданным голубым перламутром. Казалось, этот кусок льда пропитался лучами полярных сияний, долгие тысячелетия горевших над ледником. Под ударом ножа лед легко кололся, и мы любовались новыми полированными поверхностями. Наконец, жажда взяла свое. Замечательный лед был опущен в чайник. Скоро мы пили кристально чистую воду. Лучшего напитка после дневного утомительного перехода нельзя было пожелать.

Весь следующий день стоял густой туман. Взгляд не мог проникнуть дальше чем на 25—30 метров. Не лучше, чем в самую темную ночь. Идти со съемкой не было никакого смысла. День просидели на месте. Я вычертил пройденный путь. Результаты со всей убедительностью показали, что мы вышли, как и предполагали, в фиорд Матусевича и что он значительно больше, чем показывает карта. Ошибка понятна и естественна. Моряки со своих кораблей не могли как следует разглядеть этих мест.

Наша задача полностью определилась. Надо было идти на мыс Берга. Его мы могли определить точно, по знакам, оставленным моряками. Здесь и будет оборудовано наше

вспомогательное продовольственное депо. До мыса, если он правильно нанесен на карту, оставалось около 46 километров по прямой. Естественно, что на собаках мы должны были пройти несколько большее расстояние, но все же надеялись через два перехода достичь цели.

Голоса прошлого

10 апреля пустились в дальнейший путь.

Переправа через ледник едва не кончилась несчастьем. Моя упряжка, как обычно, шла впереди. Снег, покрывавший ледник, лежал плотной массой и не вызывал никаких подозрений. Вершины ледяных валов и отдельные бугры были совершенно оголены. Лавируя между ними, мы спокойно продвигались вперед. Тишину нарушало только поскрипывание снега под полозьями да еле уловимый топот собачьих лап, слышимый в сильный мороз. Вдруг снег зашуршал, будто глубоко вздохнуло какое-то огромное животное. Еще мгновение — и рядом с моими санями разверзлась широкая темная пасть трещины. Две крайние в упряжке собаки полетели вниз вместе со снежным мостом и повисли на лямках. Остальные судорожно уперлись лапами, стараясь удержаться на месте. Отдернув сани от зияющей пропасти, я бросился к собакам. Сзади бежал на помощь Журавлев. Он ухватился за сани, а я, лежа на животе, выдернул повисших над пропастью собак. Все это приключение заняло одну-две минуты, а показалось бесконечно длинным. Окажись сани только на шаг левее, и мне, очевидно, уже не пришлось бы описывать это происшествие.

Дальше пошли с большей осторожностью. Предпочитали двигаться по оголенным ледяным валам и по возможности избегать привлекательного снега, так предательски маскирующего трещины.

Достигнув южной стороны фиорда, мы взяли курс вдоль берега на северо-восток. Граница горного плато, прорезанная ледниками и обозначенная пройденными нами скалами, повернула на юг почти по прямой линии. Справа от нашего пути лежала холмистая равнина, почти полностью залитая ледниками. Вдоль северного берега фиорда тянулись уже привычные нашему глазу скалы, между которыми виднелись висячие ледниковые долины.

Через три часа сошли с глетчерного льда на морской. Рассеянные по нему невысокие айсберги с округлыми, обтаявшими вершинами делали ландшафт похожим на степь с курганами. По берегу все еще тянулся ледник.

Начали попадаться свежие следы песцов и леммингов. Это предвещало близость земли, свободной от льда. И действительно, на 24-м километре пути мы выбрались на настоящий берег, изрезанный ручьями и речками. Здесь песцовых и лемминговых следов было еще больше.

Недавно выпавший снег лежал мягким, пушистым ковром. Движение наше замедлилось. Собаки, да и сами мы предпочли бы обойтись без этого ковра. Сани передвигались тяжело. Все же нам удалось преодолеть еще 8 километров, и на 32-м километре мы разбили свой лагерь.

Пока Журавлев занимался приготовлением пищи, я вычертил дневной маршрут. До мыса Берга по карте оставалось 13 километров, если идти по прямой линии. Сергей говорил, что придется сделать не меньше 25. И он был прав. Нам надо было найти среди снега и льдов маленький столбик, оставленный моряками на астрономическом пункте восемнадцать лет назад. А если он уже не сохранился в целости, то отыскать его следы, что было еще труднее. Для этого надо было кружить вдоль береговой черты, заходить на каждый мысок и пройти, конечно, гораздо больше, чем 13 километров, тем более что путь по прямой линии нам преграждали ручьи русла потоков, груды обнаженных камней и мягкий убродный снег.

11 апреля стало для нас большим днем — днем достижения цели. С утра стоял густой туман. В нем можно было проехать и не заметить большую башню, а не только маленький столбик. Мы уже опасались, что безрезультатно потеряем день, как вдруг туман начал быстро редеть, и к полудню разгулялся сияющий солнечный день. Мороз, как и полагалось при ясном небе, усилился. Нас он не беспокоил, тем более что дорога оказалась очень тяжелой и возможностей погреться предоставлялось вдоволь.

На 20-м километре пути перед нами открылось море Лаптевых. Мы вышли на небольшой мысок, потом повернули

к югу и увидели перед собой узкую бухточку. В ней нетрудно было опознать бухту Новопашенного. Мыс, видимый километрах в четырех к югу, мог быть только мысом Берга. До боли мы напрягали глаза, исследуя взглядом высокий берег в надежде увидеть знак, оставленный моряками. Шаг за шагом выдыхающиеся собаки пробивали путь в рыхлом снегу. Наш маленький караван медленно продвигался к берегу. Уже видны были отдельные камни.

Наконец, зоркие глаза Журавлева заметили то, что нам было нужно. В бинокль и я отчетливо увидел прямо по курсу небольшой холмик, а посредине него тонкий низенький столбик. Скоро недалеко от него рассмотрел и второй столбик, еще пониже, но потолще. С каким нетерпением мы устремились к ним! Даже собакам передалось наше настроение. Они взволновались, начали всматриваться в берег, наконец, увидели столбики и, забыв об усталости, с визгом устремились вперед.

Мы так много видели нехоженых мест, так много колесили по берегам, где не ступала человеческая нога, так истосковались по людям и по человеческому следу!

Теперь маленький холмик и два столбика показались нам целым городком.

Пустынный мыс, окруженный с трех сторон льдами, но отличавшийся от других мест двумя столбиками, поставленными человеком, казался нам обжитым. Здесь казалось даже теплее, чем где бы то ни было на всей Северной Земле. Руки невольно тянулись погладить эти столбики — первые и единственные следы человека, которые мы встретили на нашей Земле.

Для нас это была также живая память о первооткрывателях Земли, свидетельство славы русских моряков, ознаменовавших начало двадцатого столетия крупнейшим географическим открытием. Воображение рисовало стоящие вблизи берега корабли и толпу людей в черных бушлатах, устанавливающих эти знаки. Хотелось даже уловить их голоса. Но кругом стояла мертвая тишина. Даже наш возбужденный разговор, казалось, заглушался, точно ковром, мягким пушистым снегом. Море Лаптевых, насколько охватывал взгляд, было сковано льдом.

Первый замеченный нами столбик оказался обломком бамбуковой мачты, на которой когда-то реял русский флаг. Конечно, мачта была поставлена целой, но теперь она едва достигала высоты человеческого роста. Это работа бурь. Им, безусловно, помогали медведи. Глубокие следы зубов и когтей покрывали оставшееся основание мачты, а верх его был буквально изгрызен. Второй столбик — знак на астрономиче-

ском пункте. И над этой отметкой медведи потрудились не меньше. На столбике вырезана надпись: «1913 г. 29 августа... СЛО». Последнее надлежало читать: ГЭСЛО (Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана). Две первые буквы исчезли. Их содрали медведи.

Интересна эта привычка белых медведей. Ни один из них не может равнодушно пройти мимо вертикально стоящего предмета. Каждый считает долгом попробовать на нем прочность своих когтей и клыков. Если не может повалить, то начинает грызть и драть когтями. Мои спутники на острове Врангеля, эскимосы, зная эту повадку полярных бродяг, например, оставляя байдарку, никогда не ставили вертикально весел, а борта перевернутой лодки всегда засыпали галькой или песком, чтобы она в таком виде походила на обычный бугор. Не приняв мер предосторожности, охотник всегда рисковал остаться без весел или байдарки.

Летом на острове мы собирали плавник и, чтобы его не заносило снегом, ставили бревна в так называемый «костер». Приехав зимой, всегда находили «костры» разваленными. Надо думать, что медведей привлекает любопытство к незнакомым возвышающимся предметам.

Рядом со столбиками мы поставили палатку, водрузили наш советский флаг. Он зардел как пламя, как символ вековой русской настойчивости, воли и любознательности. Мы, большевики, люди нового поколения, пришедшие сюда через восемнадцать лет после первооткрывателей, закрепляли за собой их наследство, чтобы приумножить его во славу великой родины.

Так была достигнута наша очередная цель.

Привезенное продовольствие сложили около астрономического пункта. Все оно было в цинковых запаянных ящиках и банках, чтобы не учуяли и не растащили медведи. Запах издавал только керосин, но он вряд ли мог привлечь бродяг. Предстоящие полевые маршрутные работы в центральной части Земли в продовольственном отношении теперь были обеспечены.

Новое продовольственное депо лежало в 200 километрах от нашей основной базы.

Теперь предстояло эти 200 километров покрыть в обратном направлении. Дорога была знакомая, сани легки, и, казалось бы, наш обратный путь должен быть веселой прогулкой. Действительность оказалась несколько иной. Во-первых, начало сказываться утомление собак. Метели, тяжелая работа и особенно беспрерывный мороз сильно их вымотали. У многих были поранены и разбиты лапы. Раны на морозе

заживают медленно. Сами мы тоже чувствовали сильную усталость. Сказывался тот же мороз. По нескольку раз каждую ночь он будил нас в спальных мешках, заставлял постукивать замерзающими ногами и поплотнее кутаться в меха — мешал сну и отдыху. А отдых был так необходим нам после тяжелой работы днем. Метели бушевали одна за другой. Они свистели над нами, точно кнут, и преследовали с настойчивостью хищника. И конца им не было видно.

В ночь на 12 апреля на мысе Берга мы, только успев задремать, были разбужены воем ветра. Массы рыхлого снега дали ветру возможность поднять жестокую юго-восточную метель.

Перед утром я опять проснулся и не обнаружил моего товарища в палатке. Сквозь вой ветра я услышал его голос:

— Дуй, дуй, черт возьми! Еще прибавь, анафема! Еще! А палатку у меня не сорвешь!

Навалив на колья палатки тяжелые камни, натянув парусину и все еще продолжая ворчать, Журавлев вернулся, залепленный снегом с головы до ног. Пока он очищал себя от снега, раздевался и укладывался в мешок, ветер, несколько раз сильно взвизгнув, вдруг смолк. Наступила полная тишина. Она была так неожиданна, казалась такой напряженной, что мы, не вылезая из мешков, невольно приподнялись, сели и вопросительно взглянули друг на друга. Охотник не то обрадованно, не то с обидой на то, что ветер заставил его вылезти из мешка, а потом так неожиданно стих, проговорил:

— Вот ушкуйник, вот разбойник! Ведь все понимает! Трепал палатку, как медведь. Я думал — вот-вот сорвет. А теперь я укрепил палатку — он понял, что ничего не сделает. Затих, не хочет зря работать. Вот умница-то!

Но затишье было обманчивым. Не успели мы вновь заснуть, как услышали глухой гул. Он нарастал с каждым мгновением, перешел в вой, и ветер с размаху с невероятной силой ударил в другую сторону нашей палатки — уже с северо-востока. Сергея это так рассмешило, что он не скоро смог выговорить:

— И с этой стороны ничего не получится! Здесь такие же тяжелые камни. Моя взяла!

И действительно, «его взяла». Хорошо натянутая палатка только гудела, точно кожа на барабане. Ни одной слабины, ни одного хлопка парусины. Значит, опасаться за судьбу палатки не было основания. Сколько ветер ни свирепствуй, она выдержит.

Журавлев еще долго издевался над ветром, словно над живым и понимающим существом. Он называл его то безно-

гим уродом, то шумливой бабой, то безмозглым дураком и продолжал смеяться. Я уже месяц не слышал от него ни смеха, ни песен и теперь был очень доволен, что ветер — этот «безногий урод», «умница» и «ушкуйник» — так развеселил моего товарища.

Ветер выл, бешено гнал тучи снежной пыли, свистел по-разбойничьи, а нам, защищенным от расходившейся стихии только тонкой парусиновой стенкой, было хорошо и весело. Мы еще долго не спали, пока усталость не взяла свое и метель не убаюкала нас своей бесконечной песней.

Утром вьюга продолжалась с еще большей силой. Она была низовой — без снегопада. Вверху, сквозь вихри поднятого снега, иногда голубело безоблачное небо и виднелся огромный красный шар солнца. А внизу был настоящий ад. Ветер несся с северо-востока. По-видимому, здесь преобладали ветры этого румба. Северо-восточная сторона столбика на астрономическом пункте за восемнадцать лет была выбелена и отполирована ими, точно хорошим краснодеревщиком.

Еле справляясь с ветром и несущейся снежной пылью, мы набрали камней и на высоком бугре выложили большой гурий. Это будет примета, которую всегда можно легко найти.

К полудню метель ослабла. Видимость улучшилась. Мы забрались в палатку и разожгли примус, собираясь поесть и двинуться в обратный путь. Но не успели еще растопить снег, как снова пришлось вылезать наружу.

Сначала послышался гул, покрывший и вой ветра и шум рядом стоящего примуса, словно поблизости с грохотом проходили сотни танков. Потом раздался далекий, приглушенный взрыв, за ним второй, третий... Не понимая, что случилось, мы потушили примус и выскочили из палатки.

Гудело море. Мы выбежали на берег и остановились в изумлении. Насколько можно было рассмотреть в стихающей низовой метели, весь прибрежный лед ожил. Старые торосы вздыхали, шевелились и раскачивались. На наших глазах некоторые из них с шумом развалились. Потом раздался новый взрыв. Ровная полукилометровая площадка льда между двух прибрежных гряд торосов лопнула. На месте трещины оказался свежий излом льда. Невероятная сила, давящая с моря, выжимала метровый лед и со скрипом и шипением толкала целые поля на прибрежный припай. Кромка надвигающегося льда обламывалась, упиралась в льдины, уже вытолкнутые наверх, волочила их, ставила на ребро, кружила, переворачивала и громоздила друг на друга. Местами поставленные на ребро льдины высились,

точно стены двух-трехэтажных домов. Потом они рушились и рассыпались на десятки кусков, словно это было хрупкое стекло, а не метровый лед.

Движение льдов не соответствовало направлению ветра. Ветер несся с северо-востока, а лед двигался прямо с востока. Никаких признаков открытой воды не было видно. Основная сила, приведшая в движение льды, таилась где-то далеко в море. Весь прибрежный лед сплошным монолитом двигался на запад, и только в непосредственной близости к берегу, препятствующему напору, шло торошение.

Около двух часов мы наблюдали эту картину. Мы видели, как то справа, то слева образуются и растут торосы. Некоторые из них достигли высоты 10—12 метров. На наших глазах они слились в одну сплошную гряду. Словно крепостная стена с боевыми башнями и бойницами вытянулась вдоль берега и, казалось, остановила напор льдов. Только время от времени отдельные льдины скатывались с гребня и раздавались скрип и шипение, говорившие о том, что ледяные поля в море все еще не успокоились.

Метель снова начала усиливаться и не давала нам возможности видеть, что происходит вдали от берега. Но и то, что мы наблюдали, было поистине грандиозным. Вряд ли такую мощь торошения можно наблюдать в открытом море, где нет берега и не возникает препятствий для передвигающихся льдов.

Когда мы, наконец, вернулись в палатку, пообедали, потом снова вышли наружу, движения льда уже не было заметно. Только подойдя вплотную к образовавшейся гряде торосов, можно было услышать приглушенное скрипение льдин.

Нам очень не хотелось поднимать собак и гнать их в такую метель. Но конца ей не было видно; приходилось трогаться в путь.

В 22 часа мы покинули мыс Берга и с попутной метелью понеслись на юго-запад. В 5 часов 13 апреля разбили лагерь у знакомых нам Базарных скал. Когда мы проходили первый раз между Базарными скалами и мысом Берга, занимаясь съемкой берега, то сделали 55 километров. А теперь, срезав мыс и идя прямо на скалу, уложились в 44 километра.

Устали хуже собак. Метель бушевала беспрерывно. Особенно сильной она была вблизи гор. Здесь же можно было легко определить, на какую высоту ветер поднимал с земли снежную пыль. Она мела по стенам скал на уровне 25—30 метров и выше не поднималась. Но сам ветер свирепст-

вовал много выше. В 450—500 метрах над нами, с вершин Базарных скал, он срывал снег и вихрем поднимал его на еще бо́льшую высоту. Острые вершины, освещенные красными лучами солнца и курящиеся снежным дымом, напоминали извергающиеся вулканы.

Внизу, в беспрерывном снежном потоке, трудно было дышать. Мы захлебывались, словно при погружении в воду. Это и измучило нас. Ведь мы начали борьбу с метелью сейчас же после постройки гурия на мысе Берга, не менее двадцати трех часов назад.

Палатку поставили в расселине скалы, под нависшими каменными глыбами. Здесь было тихо, как в пещере. Мы обрадовались этому уголку и, не думая об опасности обвала, забрались в палатку; забыв о пище, не раздеваясь, свалились поверх спальных мешков и заснули мертвым сном.

Проснулись после полудня. Ветер продолжал бушевать. Из-за скал, куда нам надо было держать путь, доносился сплошной вой. Решили посмотреть, что там делается. Идти было невозможно. Ползком вылезли на глетчер. Ошкуя, увязавшегося за нами, порывом ветра сбило с ног и снесло вперед по гладкому ледяному склону. Пес скулил, пытался вернуться к нам, но ветер вновь и вновь сносил его вниз, пока он не догадался пробраться под скалу и окольным путем вернуться в лагерь.

Перед вечером метель стихла. Не теряя ни минуты мы подняли собак. Скоро миновали Базарные скалы и через семь часов, проделав свыше 39 километров, прошли памятное нам мрачное ущелье. Здесь была та же картина, что и первый раз, если не считать того, что еще одна снежная громада рухнула с высоты и похоронила наш старый след на протяжении около 300 метров. По-видимому, последняя метель добавила недостающие тонны снега, которые, наконец, нарушили устойчивость пласта, и многометровый снежный надув оборвался вниз.

Отдохнув на месте старого бивуака около западного выхода из ущелья, после полудня 14 апреля мы покинули русло речки и вышли на плато. Чтобы выбраться на него, пришлось на снежном склоне, по которому мы несколько дней тому назад спускались вниз, теперь вырубить лестницу в 40 метров высотой.

На подходе к водоразделу нас захватила новая сильная метель. На этот раз ветер налетел со стороны юго-западного ледникового щита и опять оказался встречным. Корма для собак у нас оставалось на два дня. Поэтому решили, не останавливаясь, бороться с метелью и пробиваться вперед. Несущийся снег слепил глаза. Шли ощупью, ориентируясь по

ветру. Все же надо было давать отдых лицу, горевшему от мороза и уколов снежных игл; собакам также необходимы были передышки, чтобы содрать с морд ледяные маски и почистить глаза. Время от времени мы делали десятиминутные остановки. Потом снова гнали вперед, и так много часов подряд. Около полуночи стали лагерем уже на речке, впадающей в залив Сталина. За переход преодолели более 40 километров. До дому оставалось 85.

На следующее утро, 15 апреля, взглянув друг на друга, мы увидели, что наши щеки почернели. Оказывается, идя против метели, мы впервые за все поездки обморозились. К счастью, морозом была прихвачена только самая поверхность кожи.

В этот день небо было ясно, стоял сильный мороз. Вышли с намерением покрыть все расстояние до базы за один переход.

Перед выходом на морские льды натолкнулись на след медведицы с медвежонком. Они здесь прошли в конце метели. Следы были полузанесены и успели смерзнуться. Охотник готов был пуститься в погоню, но я удержал его. За восемь-девять часов звери могли уйти далеко, а наши собаки были достаточно утомлены. Кроме того, след медведей часто терялся.

Миновали полуостров Парижской Коммуны и вышли на восточный остров из группы островов Седова. Метель, бушевавшая накануне, как оказалось, была чисто местной. По-видимому, ветер был вызван разницей температур воздуха над южным ледниковым щитом и над землей и захватил сравнительно небольшой район. Во всяком случае над морскими льдами метели не было.

На всем пути лед был покрыт тонким слоем не тронутой ветром снежной пудры. Читатель уже знает, что это самый тяжелый снежный покров для путешествия. Наши собаки с усилием тянули даже пустые сани,— сами мы большую часть пути шли пешком. Мы уже собирались остановиться, чтобы дать собакам отдохнуть. Но вдруг они нашли силы — причиной послужили свежие медвежьи следы. По-видимому, это была та же медведица с малышом, следы которой мы видели еще на Земле. Я разглядел зверей в бинокль километрах в 7—8. Они уходили через пролив Красной Армии к северному ледниковому щиту. В собаках заговорил инстинкт. Они рвались в упряжках и неслись по следу. Но тяжелая дорога давала себя знать — только через два часа мы настигли зверей.

Медведица свалилась от наших выстрелов, а звереныш бросился было наутек, но в сотне метров остановился. Когда

я подошел к нему, он вытянул трубочкой губы и начал ворчать и фыркать, совсем как взрослый медведь, хотя и был не выше 25 сантиметров. Но скоро он не выдержал характера и начал сосать мой палец; не сопротивлялся, когда я взял его на руки и потащил к нашим упряжкам.

Вечером, проголодавшись, «владыка Арктики» поднял было крик, но, наевшись сгущенного молока, масла и сала, успокоился; вместе с нами проспал до утра в палатке, а весь следующий день мирно сидел на санях, пока мы не добрались до дому.

Так, мы снова провели в пути пятнадцать суток и прошли более 450 километров.

Последнее из намеченных продовольственных депо было создано.

В наступление на неведомое

Солнце не заходит

Наступил полярный день. Солнце не заходит. Щедро льет оно свои лучи на заснеженную, скованную льдами, окоченевшую от морозов Арктику. Теперь при ясном небе мы будем видеть его в полночь на протяжении целых четырех месяцев. Где еще можно наблюдать такие чудеса? Четыре месяца ночь и четыре месяца день! Сказочная, волшебная страна!

Морозы медленно спадают. Но даже когда температура держится ниже —20°, солнце берет свое. Темные предметы, обращенные к солнцу, нагреваются. Снег на них подтаивает, превращается в крупные ледяные кристаллы, а местами просто испаряется. Все мы пользуемся каждой свободной минутой, чтобы побыть на солнышке. Настроение у всех хорошее. Минуло самое суровое, самое тяжелое время года.

Организация продовольственных депо закончена. Для заброски продовольствия на Северную Землю и продвижения его дальше по пути предполагаемых маршрутов мы сделали почти 2000 километров. В темноте полярной ночи и призрачном свете луны, в жгучие морозы, при бешеных метелях, преодолев все трудности пути и ночевок в этих условиях, мы провели намеченную работу. Теперь все это было позади.

Мы с удовлетворением и заслуженной гордостью могли оглянуться назад. Для обеспечения весенних маршрутов по исследованию Земли и конечного успеха экспедиции было сделано все, что в человеческих силах. Будущий успех экспедиции целиком обеспечен.

Мы были крайне удовлетворены и тем, что выдвинутый нами принцип создания продовольственных баз силами исследовательской партии в непригодный для полевых работ период года и без участия вспомогательных партий вполне оправдался. Правда, это был тяжелый труд, но все же он оказался выполнимым. А это главное. Кто ищет легкой работы в Арктике, тому здесь нечего делать.

Однако нельзя было забывать, что вся проведенная работа не являлась самоцелью. Она только давала нам прочную базу для следующего этапа экспедиции. Выражаясь военным языком, все сделанное можно было назвать разведкой боем, захватом боевых плацдармов и организацией исходных пунктов для нашего генерального наступления на Северную Землю. Предстоящий этап был основным.

Мы приступали к съемке Земли. Только при осуществлении этой задачи все выполненное в столь тяжелых условиях приобретало настоящую ценность.

Выход в маршрут намечался на 10 апреля. Сильные метели, свирепствовавшие в феврале, задержали поездки по заброске продовольствия и оттянули этот срок. Надо было дать хотя бы недельную передышку собакам, изнуренным морозами и тяжелой работой. После проведенного «генерального совета» назначили выход на 23 апреля.

К походу все было готово. Пока мы с Журавлевым колесили по ледяным полям, Урванцев и Ходов не сидели сложа руки. Они хорошо поработали дома. Продовольствие и снаряжение для похода было рассортировано, взвешено и для удобства упаковано небольшими частями. Николай Николаевич уделил исключительное внимание научному оборудованию, приборам и снаряжению. Вся аппаратура была тщательно выверена и для приборов приготовлены необходимая тара и упаковка. Все это было необходимо для окончательного успеха экспедиции, как и полевая подготовка.

В дни, когда отдыхали и набирались сил собаки, мы вновь проверили, починили и частично перешили меховую одежду, обувь, спальные мешки и палатки; привели в порядок собачью сбрую, перетянули сани, еще раз проверили оружие, походное снаряжение и лыжи; проверили предполагаемую нагрузку саней; снова обсудили тысячи мелочей, кое-что из намеченного ранее снаряжения решили не брать, другое дополнили. И, наконец, к вечеру 22 апреля могли запрягать собак и пускаться в путь.

Ходов снова оставался один. На этот раз на значительно более долгий срок, чем во время первого похода на Северную Землю в октябре минувшего года. Нас заботило не только будущее пути, но и предстоящая юноше жизнь в одиночестве. Правда, он заметно возмужал и по-прежнему был спокойным, выдержанным и уравновешенным. Обращаясь к нему, все чаще и чаще мы называли его уже не Васей, а Василием Васильевичем. Душевное равновесие и физическое здоровье его надежны. Арктика пришлась ему по душе. Все

это — положительные черты нашего молодого товарища. На него можно было надеяться.

Но все же он оставался один. Мы уходили почти в неизвестность. Всякая связь с нами прекращалась. Далеко на юге была родина. С ней соединял только эфирный мост. Лед, снег, неминуемые еще метели, несколько щенков да сидящий на цепи около дверей дома медвежонок — вот обстановка и общество, в котором должен был жить наш Вася. Отшельники, удалявшиеся в пустыню, были в лучших условиях. Да и психология отшельника для Васи была чуждой. Он, конечно, хотел другого — принять участие в походе, пережить все его трудности, радости и приключения. Но мы не могли пойти навстречу его желаниям. Наша база требовала присутствия человека. Надо было следить за имуществом, вести регулярные метеорологические наблюдения и держать связь с материком.

Мы знали, что тревога о нас будет беспокоить товарища, что многое он передумает в наше отсутствие. Чтобы сделать его хотя бы заочным участником похода, вселить уверенность, что его доля работы не менее важна, чем наша, чтобы избавить его от тревоги на случай нашей длительной задержки, от которой мы не могли быть застрахованы, и, наконец, чтобы на прощание сказать Васе теплое слово, я накануне выхода вручил ему пространное письмо.

Дорогой Василий Васильевич!

Завтра экспедиция выходит на маршрутные полевые работы по съемке и исследованию Северной Земли. На некоторое время мы должны разлучиться. Считаю для себя обязательным рассказать вам о намеченном нами пути, обрисовать ваши обязанности на время нашего отсутствия и дать несколько советов.

В своем продвижении мы будем опираться на продовольственные депо, созданные полярной ночью и во второй половине зимы на мысе Серпа и Молота, у мыса Ворошилова — на северо-восточном выходе из открытого пролива Красной Армии и на мысе Берга — на восточной стороне Земли.

Достигнув продовольственного депо на мысе Серпа и Молота, мы с полной загрузкой саней двинемся по проливу Красной Армии, придерживаясь его юго-восточного берега, а пройдя пролив, возможно, сделаем облегченный рейс к мысу Берга.

От мыса Ворошилова мы пойдем на север, вдоль предполагаемого берега Земли, пока не достигнем ее северной оконечности. Обогнув последнюю, мы положим на карту западный берег северной части Земли и снова выйдем на мыс Серпа и Молота.

Протяженность этого маршрута не может превысить 700—800 километров, так как вся северная часть Земли должна вписаться в неправильный четырехугольник, очерченный на юге и юго-западе открытым проливом Красной Армии; на востоке — линией прохождения судов Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, открывшей Землю в 1913 году; на севере — широтой приблизительно 81°30′, а на западе — курсом экспедиции О. Ю. Шмидта, проследовавшей в про-

шлом году на ледокольном пароходе «Г. Седов» приблизительно по 89-му меридиану и открывшей остров Шмидта.

Протяженность нашего маршрута может увеличиться только в том случае, если береговая линия Земли будет сильно изрезанной или Земля в этой части окажется расчлененной на отдельные острова и перед нами встанет необходимость съемки глубоких заливов или проливов. Но и в этом случае надо полагать, что наш северный маршрут не превысит 1000 километров.

Поэтому я предполагаю, что для его осуществления при нормальных для Арктики условиях нам потребуется время от одного до полутора месяцев.

Закончив исследование северной части Земли и пополнив запасы на продовольственном депо на мысе Серпа и Молота, мы немедленно приступим к работам в центральном районе Земли. Для этого будет проведено новое пересечение Земли с запада на восток, на линии залив Сталина — фиорд Матусевича, по знакомому уже пути, пройденному мной с Журавлевым при заброске продовольствия. Вновь пополнив продовольственные запасы на мысе Берга, экспедиция двинется на юг, дойдет восточным берегом до залива Шокальского, пересечет Землю в обратном направлении с востока на запад и западным берегом вернется, в зависимости от условий, или прямо на главную базу, или с предварительным заходом на продовольственное депо на мысе Серпа и Молота.

Есть основания предполагать, что залив Шокальского в действительности окажется проливом, а намеченный нами новый маршрут не превысит по протяжению 800—900 километров и потребует на свое осуществление, так же как и северный маршрут, от одного до полутора месяцев.

Экспедиция будет располагать необходимым на намеченный срок работ продовольствием, топливом и кормом для собак, а также научным оборудованием, экспедиционным снаряжением и теплой одеждой.

На вас во время полевых работ экспедиции возлагаются важные и ответственные обязанности:

1. Внимательно следить за сохранностью базы экспедиции со всем ее имуществом, снаряжением и продовольствием и помнить о том, что экспедиция еще в течение минимально одного года не может рассчитывать на пополнение своих ресурсов в случае их порчи или уничтожения. Особенно вам надлежит следить за хозяйством базы в период таяния снега, охранять имущество от возможного подтопления водой и никогда не забывать об опасности пожара.

2. Систематически продолжать в установленные сроки метеорологические наблюдения.

3. Отмечать все обратившие ваше внимание явления природы (усиленное таяние снега, вскрытие льдов, появление птиц, залежка на льду морского зверя и т. д.).

4. Передавать в Бюро погоды метеорологические сводки.

5. Поддерживать связь с материком и извещать Арктический институт, минимум раз в две недели, о положении на главной базе экспедиции.

6. Последней по порядку, но не менее важной вашей задачей является обязанность беречь себя. Учитывайте, что вы делаете такую же важную работу, как и члены экспедиции, отправляющиеся в маршрут. Какое-либо несчастье с вами будет непоправимым ударом по работам всей экспедиции. Какой бы то ни было неоправданный риск своим здоровьем, и тем более жизнью, должен быть совершенно исключен из ваших поступков. В период вскрытия льдов (зная по личному опыту все опасности этого периода) я категорически запрещаю вам морскую охоту или прогулку на лодке в плавучих льдах.

Зная, что ваша жизнь в одиночестве не будет легкой, надеюсь, что все трудности вы перенесете бодро и справитесь с ними, а возможные испытаиия встретите мужественно, как настоящий советский поляриик. Вы имеете все данные для этого. Для сохранения вашего здоровья советую как можно больше времени проводить в работах или прогулках вне помещения, одновремеиио не отказывая себе ни в чем из продовольствия, имеющегося в запасах экспедиции.

Срок нашего возвращення точно определить нельзя. Вам известно, что мы будем располагать продовольствием и кормом для собак на тричетыре месяца; однако это ие дает право думать, что наше отсутствие по истечении этого срока будет озиачать нашу гибель. Необходимо помнить, что мы располагаем охотничьим снаряжением, будем пользоваться продуктами охоты н что, возможно, создадутся условия, не предусмотрениые планом, которые могут задержать нас на значительно более долгий срок. В этом случае у вас не должно быть оснований

терять надежду на хорошее окончанне нашего предприятия и добрую встречу.

Не имея возможности предусмотреть всех случайностей вашей будущей жизни в мое отсутствие, прошу вас каждый раз руководствоваться создавшимися условиямн н приобретенным вамн опытом, учнтывая ваше здоровье и ннтерес экспедиции.

В надежде на счастливую встречу

База экспедиции,
22 апреля 1931 года

Г. Ушаков
начальник экспедицнн

Во второй половине дня 23 апреля мы распрощались с Ходовым и пустились в поход. Через час, пересекая Средний остров, мы еще видели наш домик. Вася взобрался на мачту флюгера и махал нам на прощание, по-видимому, своей шапкой. Мы ответили на его прощальное приветствие и пустили упряжки. База скрылась за возвышенностью острова...

Около полуночи разбили лагерь в 25 километрах от дома.

Острова Седова давно потерялись из виду. Ледяное поле только на севере замыкалось куполообразной возвышенностью да на северо-востоке упиралось в силуэт мыса Серпа и Молота. По всем остальным направлениям ничего не нарушало ровной линии горизонта. На безоблачном синем небе ярко светило полуночное солнце. Рафинадом голубел снег. Метались сине-фиолетовые тени собак. Ширь казалась бесконечной. Дышалось удивительно легко.

Лагерь разбили у подошвы одинокого айсберга. Приливно-отливная трещина, опоясавшая ледяную глыбу, показала, что айсберг стоит на мели, а его очертания говорили о том, что остановился он здесь много лет назад. За это время он успел расколоться пополам и кромки трещины обтаяли и округлились. Сугроб у его подножия напоминал толстое одеяло на ногах зябнущего старика. Но и в старости айсберг оставался величественным. Наша палатка рядом с ледяной

махиной казалась не больше собачьей конуры перед многоэтажным домом.

На этот раз после распряжки собаки не спешат свернуться в мохнатые клубки и прикрыть пушистыми хвостами сложенные в пучок лапы и нос. Некоторые лежат на животе, положив головы на передние лапы, а большинство отдыхает на боку, вытянув все четыре лапы. Мороз не тревожит их, хотя он довольно сильный. Да и нас мороз теперь уже мало беспокоит.

Удивительно, как неодинаково воспринимается одна и та же температура в различное время года и при разных сопутствующих условиях погоды.

Москвич греется на солнышке и радуется теплу, когда весной термометр показывает 7—8° выше нуля. При той же самой температуре осенью он зябнет, кутается и ворчит.

Накануне полярной ночи, в пору туманов и сырости, мы изрядно мерзли уже при 15-градусном холоде, а 25° считали крепким морозом. Прошло несколько недель. Начались зимние поездки. Столбик спирта в термометре чаще и чаще пробирался к 40. Теперь мы сухой 25-градусный мороз воспринимали уже как благодать, как ласку Арктики. Это при штиле. Во время метелей хуже: мы одинаково мерзли и при 25- и при 35-градусных морозах. Взглянув на термометр, мы нередко мечтали, чтобы 40-градусный мороз, но только без ветра, пришел на смену 20-градусному с метелью.

Повышенная влажность, туман и особенно ветер способствуют усиленной теплоотдаче тела, делают более ощутительным мороз. Немалую роль играет и длительность пребывания на морозе. Одно дело пробыть на нем час или день и вернуться в теплое помещение, и другое — переносить его в течение недель, изо дня в день, из часа в час, и при этом спать на снегу, раздеваться и одеваться на холоде, только два-три раза в сутки иметь возможность погреть у примуса руки во время приготовления пищи.

Привыкнуть к сильному морозу нельзя. Можно только научиться стойко переносить его, уметь сопротивляться, воспринимать его как нормальное, обязательное и длительное, но все же преходящее явление. Часто это трудно, иногда мучительно, но всегда, как и всякая борьба, это развивает волю, чувство сопротивления и сознание собственной силы.

Иногда казалось, что мороз достиг мыслимого предела — замерзла земля, застыл воздух, окоченело все живое. Но ты идешь и идешь вперед, все ближе к цели, и все силы природы не в состоянии остановить тебя. И тогда из груди сам собой вырывается возглас: «Ух, хорошо!»

Таких морозов мы теперь не увидим до следующей зимы. Однако одеты мы пока что, как и прежде, по-зимнему. Поверх бумажного белья — меховые пыжиковые брюки мехом внутрь; далее — фланелевая рубашка, толстый шерстяной свитер и меховая рубашка, последняя — тоже внутрь мехом. Брюки и рубашки покрыты шелковой прорезиненной материей, которая хорошо защищает от ветра и сырости. Верхней одеждой Урванцеву и Журавлеву служат длинные ненецкие малицы, а у меня — эскимосская кухлянка, доходящая до колен. На ногах у нас — шерстяные носки, меховые оленьи чулки и пимы из оленьих лап, с подошвой из медвежьей шкуры и толстой, но мягкой войлочной стелькой. Голову закрывает меховой капюшон, а на руках — рукавицы из оленьих лап, мехом наружу. В этой последней детали одежды отступил от других только Николай Николаевич. У него на шнуре, перекинутом через шею, висят огромные, как унты летчиков, рукавицы из двойного собачьего меха с широкими крагами. Такое сложное сооружение оправдает себя при будущих манипуляциях на сильном морозе с точными приборами, когда потребуется быстро отогревать коченеющие руки и от гибкости пальцев во многом будет зависеть точность наблюдений.

Надо заметить, что обычно меньше всего мерзнет голова. В безветренную погоду мы, как правило, ездим без капюшонов в самые сильные морозы. Руки чувствуют мороз сильнее, но их легко отогреть, усилив кровообращение движением или просто растерев снегом. Сильнее всего страдают ноги, и согреть их труднее, так как долго бежать за собаками, особенно по рыхлому снегу, невозможно. На обувь и ее сохранность мы больше всего обращаем внимание. Вообще одеты мы тепло.

Перечень нашей одежды может даже создать впечатление о громоздкости ее. Но надо знать качество оленьего меха, из которого сшита наша одежда. Он мягок, легок и совершенно не стесняет движений. О его теплоте и говорить нечего — более теплого меха в мире не существует.

В оленьих мехах мы спасались от самых лютых морозов. А теперешние весенние морозы совсем не страшны. Сегодня я и Урванцев часть пути шли в одних меховых рубашках. Только Журавлев ехал в малице, но без пояса, как ездит в теплую погоду ненец.

Незаходящее яркое солнце, несмотря на сильный мороз, создает впечатление весны. В полночь оно приблизилось к горизонту, еще более покраснело и, не коснувшись горизонта, начало снова подниматься.

Когда надо пойти на риск

Следующий день неожиданно оказался мрачным. И в первую очередь для меня. Началось это утром. Проснувшись, я хотел быстро подняться, но со стоном повалился в спальном мешке.

Попытка повернуться вызвала в пояснице такую резкую боль, от которой захватило дыхание. Стараясь не шевелиться, я пытался угадать, что же со мной случилось. Предположения были самые неутешительные. Мысль, помимо воли, унесла меня на несколько лет назад...

Шла зима 1926 года. Советское поселение, только что созданное на необитаемом острове Врангеля, вступило в первую полярную ночь. Работы по устройству на новом месте, неблагоприятная ледовая обстановка, полное незнание районов скопления зверя и отсутствие опыта охоты в новых условиях не только мне, но и моим спутникам-эскимосам помешали осенью заготовить достаточное количество мяса. Ни хлеб, ни крупа, ни сушеные и консервированные овощи, в изобилии имевшиеся в поселке, не могли заменить людям привычного продукта.

Наши сто пятьдесят ездовых лаек выли на цепях и требовали мяса.

Полярная ночь на широте острова Врангеля продолжается только два месяца. В полуденные часы при ясном небе полной темноты не бывает. В эти часы можно с успехом охотиться. Значит, добывать мясо мы могли.

Но суровая зима, почти беспрерывные метели и сильные морозы даже для не избалованных природой эскимосов казались необычными и неестественными. На этой почве обострились создавшиеся веками и тогда еще сохранившиеся среди них суеверия. Мыслями эскимосов завладел тугнагак — злой дух земли, черт. Они решили, что тугнагак не доволен появлением людей на острове, где до этого, по их мнению, он был единственным и полновластным владыкой. Бороться со злым духом слабому эскимосу, считали они, не по силам. Всемогущий дух закрутит в метели, похоронит под сугробами снега, унесет со льдами в открытое море, заведет в темноте в неизвестность, нашлет болезнь, найдет бесчисленные возможности погубить охотника, его жену и детей.

Одно не укладывалось в мыслях эскимосов. Издалека приплывший к ним на «большой железной байдаре» начальник, или, как они говорят, умилек, не боится злого духа. Умилек

называет себя новым, малознакомым словом — большевик, и говорит, что злого духа нет. И хотя умилек еще ни разу и ни в чем не обманул их, им все же трудно поверить в его слова. Умилек, наверное, ошибается. Тугнагак есть. Только он не может справиться с большевиком, не властен над ним. И в метель и в темноте начальник ездит на охоту на северную сторону острова, где много зверя и где живет сам черт, и каждый раз привозит много мяса.

Эскимосы только со мной покидают юрты и выезжают на охоту. Но и это делают с оглядкой и опаской. На охоте стараются не терять меня из виду, не отходят без меня от палатки. От этого страдает наш промысел. Положение с мясом

делается все напряженнее. Легкие заболевания нескольких охотников точно подливают масла в огонь суеверий. Все с меньшей охотой эскимосы покидают жилища даже со мной.

Только один старый Иерок не отставал от начальника. Одна за другой следуют наши многодневные поездки на охоту. Изредка мы вытаскиваем с собой еще одного-двух охотников и не приезжаем домой без свежего мяса. Нашего возвращения ожидают дети. Матери встречают благодарными улыбками. В юртах в такие дни не умолкают женская болтовня и веселый смех сытых ребятишек.

— Умилек и Иерок не боятся злого духа!

Растет надежда, что первая зимовка на острове окончится благополучно.

Но с кем не случается беды?

...Третьи сутки мы с Иероком проводим на северной стороне острова. Один медведь, убитый в первый день охоты, нас не удовлетворяет. Хочется добыть еще. Зверя достаточно, только на нашу беду он держится поближе к открытой воде, вдали от берега. Проникнуть туда нам мешает неокрепший молодой лед, только что образовавшийся на месте унесенных бурей старых льдов. Но мы не теряем надежды. Как только забрезжит полуденный рассвет, покидаем палатку и идем искать добычу.

Так начинается и третий день. Выходя из лагеря, мы мысленно поглаживаем руками и оцениваем золотисто-белые шкуры, которые еще должны добыть; смакуем свежее мясо, еще гуляющее среди льдов; прислушиваемся к смеху радостных ребятишек, которые, знаем, встретят нас дома. Грех вполне простительный. Кто же выходит на охоту, заранее не взвешивая своей добычи?

Через час находим свежий след медведя и начинаем преследование. Иерок, как всегда, просит меня не ступать на свежий след — «медведь узнает о погоне и уйдет». Я делаю вид, что озабочен тем же самым, и, чтобы не расстраивать

друга, действительно избегаю ступать на след. Однако эта «предосторожность» не помогает. Мы подходим к месту, где зверь повернул в море на молодой лед и тут же начал проваливаться. Через каждые двадцать-тридцать метров лед разломан, а самого зверя уже не видно. Древко гарпуна легко пробивает неокрепшую ледяную корку. Путь отрезан.

Еще два раза мы находим свежий след и вновь упираемся в недоступный для нас молодой лед. Настроение падает. Молча сидим на берегу, посасываем трубки и с грустью смотрим на предательские льды.

Вдруг нам кажется, что стоящая на мели старая торошенная льдина меняет свои очертания. Бледно-желтое пятно у ее края вытягивается и поднимается. Появляются еще два пятна поменьше. Они отделяются от льдины, потом снова сливаются с ней. Это медведица с двумя пестунами. Сунув за пазухи трубки и подхватив карабины, мы бросаемся прямо к зверям.

Через десять минут... я чувствую, как жгуче холодная вода заполняет мой меховой костюм. Сильное течение уже положило меня горизонтально и тянет под лед. Пальцы судорожно цепляются за ледяную кромку. Мороз жжет мокрые руки.

— Нож, умилек! Нож! — кричит Иерок, поспешно сдирая с плеча длинный гарпунный ремень.

Я вспоминаю советы старика о пользовании охотничьим ножом. Удерживаясь на левой руке, погружаю правую в воду, нащупываю на поясе нож и, вырвав его, со всей силой по рукоятку всаживаю в рыхлый лед. Сразу становится легче. Рукоятка ножа, точно большой гвоздь, торчит изо льда. За нее удобно держаться.

Иерок перестал торопиться. Он внимательно проверяет, не спутался ли тонкий ремень, потом один конец его обвивает вокруг себя, к другому привязывает снятый с пояса точильный брусок, делает петлю и, сильно размахнувшись, бросает свернутый ремень в мою сторону. Спираль лассо развертывается в воздухе, конец ее пролетает разделяющее нас расстояние, и петля обвивается вокруг моей шеи.

Удерживаясь то на одной, то на другой руке, я подвожу ремень под мышки. Товарищ вытягивает меня из воды. Но подмытый течением молодой лед не выдерживает напряжения под Иероком. Лежа на льду, я вижу только голову своего друга. Он держится на ноже точно так же, как только что делал это я.

Вытягиваю его за ремень на поверхность, но вновь проваливаюсь сам. Потом еще раз меняемся ролями. Каждая попытка встать на ноги оканчивается новой ледяной ванной.

Распластавшись на льду, стараясь захватить как можно большую площадь, ползем к небольшой старой льдине, вмерзшей несколько в стороне, на ней переводим дыхание и также ползком выбираемся в безопасное место.

В мире немногие знают, что означает пройти на собаках семьдесят километров в темноте, в полярный декабрьский мороз, в одежде, наполненной водой. Представить это невозможно. Рассказать тоже. Когда через десять часов мы добрались домой, то были больше похожи на движущиеся льдины, чем на людей. Меха на нас разрезали и сняли, точно кору с деревьев.

Несмотря на принятые меры, оба свалились. У Иерока

началось воспаление легких, а его опухший умилек слег с острым воспалением почек...

С тех пор почки стали уязвимым местом в моем здоровье. Профессор — московская знаменитость по почечным заболеваниям — рекомендовал поехать на несколько лет на юг, в теплый климат, советовал погреться на солнышке, застраховать себя от рецидивов. Профессор знал свое дело, но не ведал, что такое Арктика, не мог понять, как можно любить ее. Выслушав советы профессора, вместо теплого юга я вновь оказался на севере.

Теперь, лежа на снегу в спальном мешке, естественно, я подумал: неужели снова почки? Ведь это конец. Второй раз в условиях полярной экспедиции такое заболевание не перенести даже при железном организме.

Тяжелое заболевание любого из нас сулило бы неудачный исход всей нашей экспедиции. Даже возвращение на базу и сколько-либо длительная задержка могли принести непоправимые последствия.

Что же делать? Возвращаться домой или продолжать путь в таком состоянии?

Мысль снова воскрешает былое.

...Иерок умер. Больного умилека, опухшего, с высокой температурой, на санях возили провожать его друга в последний путь. После этого болезнь обострилась. Больше месяца почти беспрерывно начальник был без сознания. Наконец, болезнь начала отступать. Медленно возвращались силы.

Мрачные вести дошли до слуха выздоравливающего. Эскимосы в одиночку совсем не выходили из юрт. Ни одна упряжка не покидала поселка. Мяса не было. У многих людей появились признаки цинги. Начали дохнуть собаки. Смерть Иерока эскимосы расценили как месть тугнагака. Паника охватила людей. Эскимосы решили покинуть остров и вместе с семьями на собаках уйти на материк. Они ждали

только некоторого потепления. А между тем самих их при переходе на материк ожидала верная гибель в морских льдах. Дело создания на острове постоянного советского поселения оказалось накануне полного краха...

Собранные эскимосы плотным кружком сидели у моей кровати. Я начал беседу.

— Почему вы не едете на охоту?

— Боимся.

— Чего?

— Тугнагака! Он не желает, чтобы мы жили и охотились на его земле! Он не дает нам зверя! Он всех нас заберет! — сыпались ответы.

— Почему вы так думаете?

— Как почему? Разве ты не понимаешь? Етуи поехал — заболел. Тагью поехал — заболел. Иерок умер! Злой дух посылает болезни. Мы боимся его! Он недоволен, что мы приехали на его землю!

— Но ездили же вы со мной, не боялись?

— Да ведь ты — большевик!

— Ну так что же?

— Как что? Сам знаешь! Большевика дух боится!

После минутного колебания я заявил:

— Хорошо! Я встану, мы поедем вместе.

Собеседники не нашлись что ответить. Наступила пауза. Потом они отошли от постели, тихо обсудили мое предложение, и старший из них объявил приговор.

— Нет, умилек! Теперь мы с тобой не поедем. Злой дух боялся тебя, когда ты был здоровый и сильный. Теперь ты слаб. Мы видели, как ты выходил на улицу. Ты ходишь с палкой, шатаешься, когда нет ветра, не можешь согнуться. Ты, умилек, очень слаб! Теперь тугнагак не испугается тебя. Он убьет тебя и нас.

Уговаривать было бесполезно. Для убеждения времени не было. Решение надо было найти немедленно. Пойти на большой риск. Он оправдывался положением.

Я приказал запрячь моих собак. Когда все необходимое для дороги лежало на санях, оделся, взял карабин, патроны и вышел к упряжке. Эскимосы оторопевшей кучкой стояли поблизости.

— Ты куда, умилек?

— Поеду драться с вашим тугнагаком.

— Ты слаб. Он убьет тебя!

— Неправда! Его не существует, поэтому он не может причинить мне вреда. Даже больной я привезу мясо. Вам будет стыдно! Женщины будут смеяться над вами.

Видя, что меня не остановить, они, опустив головы, не

сказав больше ни слова, разошлись по юртам. Там воцарилась гробовая тишина.

Поселок скрылся из виду. Я остался один среди снежных просторов. Не то от лучей медленно ползущего над самым горизонтом солнца, не то от слабости рябило в глазах. Мучительная боль грызла поясницу. Усталость охватывала все тело. Тянуло лечь на сани.

Когда же я найду зверя? Неужели придется пересечь весь остров? Ведь это значит несколько суток. Хватит ли сил?

Но на ловца и зверь бежит. Через четыре часа пути собаки подхватили легкие сани, распаляясь охотничьим азартом, как стая волков, понесли по свежему медвежьему следу, а еще через час огромный зверь лежал у моих ног.

Победа? Нет, только наполовину! Торжествовать было рано. Наступил самый тяжелый момент. Надо было освежевать зверя. Лежа на снегу, корчась от боли, кусая губы, чтобы удержать стон, обливаясь холодным пóтом и поминутно вытягиваясь на снегу для отдыха, я освежевал уже коченеющего на морозе медведя, втянул на сани шкуру и немного мяса. Но на большее был уже не способен. Кружилась голова. Оставляли силы. Направив собак на пройденный след, лег на сани и привязал себя ремнями. Последняя мысль была о том, чтобы собаки не встретили нового медведя и не потеряли след...

Очнулся я на третий день в своей постели. В комнате сидели эскимосы. По-видимому, они были здесь уже давно, так как были без кухлянок и обнажены до пояса.

Заметив, что я пришел в сознание, охотники сгрудились около меня. Радость и ласка разгладили их суровые лица. Они заговорили об охоте и стали высчитывать, сколько надо заготовить мяса и жира, чтобы их хватило... на следующую зиму. Появились женщины и ребятишки. Мальхлютай — восьмилетний сынишка Кивьяна — притащил своего любимого трехмесячного щенка и под одобрительный смех присутствующих преподнес подарок, положив его прямо на мою грудь...

Через неделю на нескольких упряжках мы неслись на охоту на северную сторону острова. Я все еще чувствовал слабость, но теперь уже не боялся остаться один, а эскимосы со мной не боялись духа. Кризис миновал. Советское поселение на острове начало укрепляться. Мой риск оправдался...

И теперь опять такие же боли. Нет, еще сильнее! Что же делать?..

— Ну, что же, надо идти! — промолвил я.

— Куда?

— До Северной Земли осталось километров сорок. Сегодня мы должны их осилить... Дорога хорошая.

Журавлев помог мне обуться, Урванцев вывел меня из палатки.

Сияло солнце. Арктика, как и накануне, была прекрасной, искрилась и радовалась приближающейся весне. Далеко на северо-востоке рисовались берега Северной Земли. Как всегда, они звали к себе.

Вновь, как за четыре года до этого, надо было рисковать. Мы должны были пойти на риск, он оправдывался нашими задачами.

В пути

Начались сборы. Товарищи запрягли и моих собак, увязали воз. Урванцев достал нашу походную аптечку. Она была небольшая. На случай ранений, травм и переломов в ней было немного перевязочных материалов, йод, кровоостанавливающая вата, набор хирургических игл с иглодержателем, хирургический шелк, пинцет, скальпель и небольшое количество скобок Мишо. При возможном заболевании снежной слепотой мы могли воспользоваться имевшимся раствором кокаина и алюминиевым карандашом. Не были забыты и зубные капли. Имелся хинин на случай приступов, возможно, привезенной с материка малярии. И, конечно, танальбин с опием и английская соль.

Я и раньше время от времени испытывал короткие острые боли в области поясницы, и единственным средством лечения был уротропин. Казалось, что он помогает. Это лекарство тоже было включено в нашу аптечку.

Доктора, как уже известно, среди нас не было. Его обязанности в случае надобности охотно выполнял Николай Николаевич: иногда выдать пирамидон от головной боли, в частности мне — уротропин, а Журавлеву — растереть скипидаром спину, которую у него временами «ломило к непогоде».

Основным принципом лечения была у нас строгая, почти гомеопатическая дозировка. Этим мы отличались от всякого другого оказавшегося бы на нашем месте дилетанта. В этот день я впервые отступил от нашего принципа и, совершенно обезумев от боли, не замедлил в несколько приемов покончить с доброй половиной лекарства.

Выступили мы только около полудня и все-таки дошли до Северной Земли, проделав полные 40 километров. Память о них сохранится на всю жизнь!

Журавлев шел впереди. За ним следовала моя упряжка. Урванцев замыкал караван, но больше занимался мною, чем своей упряжкой. Спальные мешки и свободные меха превратили мои сани в мягкое ложе. Мне это мало помогало, хотя на коротких остановках я и расхваливал свою постель, а также хорошую дорогу.

Ровная дорога, или даже «ровная, как стол», в нашем понимании означала только то, что на пути не встречалось торосов. Невзломанный морской лед действительно ровен, как стол. Но на нем лежит снег. А снежный покров в высоких широтах Арктики зимой почти никогда не бывает ровным. Господствующие ветры покрывают его сплошными бороздами и гребнями — так называемыми застругами. Особенно ярко это заметно вблизи берегов. Поверхность снега здесь уже вскоре после начала зимы, установления периода метелей и сильных морозов напоминает глубоко вспаханное поле. Иногда гребни застругов достигают всего лишь нескольких сантиметров, а порой они возвышаются до полуметра. В первом случае на протяжении метра их можно насчитать до пяти-шести, а во втором — подошва только одного заструга занимает до метра. Если смотреть издали, заструги в перспективе сливаются, и поверхность снежных полей кажется совершенно ровной. Острые гребни застругов почти всегда настолько крепки, что груженые сани, кроме поблескивающей ленты, не оставляют на них никакого следа. Мелкие заструги, особенно если идешь поперек их простирания, почти не мешают движению. Длинные полозья саней, только постукивая, скользят с одного твердого гребешка на другой. Потому мы такую дорогу и называем ровной: не надо путаться среди хаоса торосов, взбираться на ледяные нагромождения и спускаться с них вниз.

Такая «ровная» дорога вела к Северной Земле. Сани, ударяясь о заструги, постукивали полозьями. И малейший удар, каждый толчок отзывались у меня в пояснице. А таких ударов было самое меньшее по одному на каждом метре на протяжении всего 40-километрового пути. Они следовали друг за другом, сливались, и жестокая боль была беспрерывной. Когда становилось невмоготу, я давал сигнал к остановке и просил... дать передышку собакам.

Товарищи, конечно, понимали, что вызывало мою повышенную заботливость о собаках, но не высказывались на этот счет и старались казаться спокойными.

Наконец, мы добрались до мыса Серпа и Молота. Я был вдвойне счастлив и оттого, что мы шли вперед, и оттого, что кончился этот мучительный день.

На мысе Серпа и Молота нам предстояло определить астрономический пункт. На это требовались сутки. Заниматься этим должен был Урванцев.

В действительности одни сутки выросли втрое. Еще перед нашим подходом к Земле погода начала меняться. Сначала появились обычные предвестники метели — перистые облака, потом низкая слоистая облачность закрыла небо, посыпался мелкий снег, а ночью разыгралась метель. К утру она стихла, но небо по-прежнему было пасмурным и без остановки порошил снег. Барометр падал, а температура воздуха поднялась до —12°. Определить астрономический пункт в этот день не удалось.

У меня температура была нормальной, но резкие боли все еще держались. Поэтому лишний день стоянки был как нельзя более кстати.

26 апреля небо несколько прояснилось. В облаках появились разрывы. Солнце то и дело прикрывалось бегущими облаками или в лучшем случае, просвечивая сквозь них, показывалось в объективе теодолита с сильно размытыми краями. Последнее не лучше первого. Никакие заклинания не помогли. Необходимый цикл наблюдений опять остался незаконченным.

Болезнь стала ослабевать. Днем я, хотя и скорчившись и опираясь на лыжную палку, все же бродил по лагерю. Он был расположен в русле речки, как раз под тем высоким местом, где в октябре минувшего года мы отмечали первое вступление на Северную Землю и поднимали советский флаг над ее берегами. Теперь наш лагерь напоминал маленький поселок. Стояли две палатки — одна для жилья, другая для приборов. Палатки по одну сторону и собаки, привязанные на цепи, по другую образовывали как бы улицу. Над парусиновым поселком поблескивал канатик натянутой антенны. Если не ошибаюсь, это вообще была первая антенна в практике санных экспедиций в глубокой Арктике. У нас она предназначалась для помощи в определениях точного времени.

Для наших бытовых целей распределения и учета рабочего времени нам в большинстве случаев достаточно было обычных часов. Их ошибка на десятки секунд или даже на несколько минут не имела особенного значения, тем более что рабочий день в походе в основном нормируется не часами, а состоянием погоды и дороги, выносливостью собак и собственным самочувствием. Но для закрепления топографической съемки на земной поверхности мы должны были через каждые 70—120 километров определять опорные точки в виде астрономических пунктов, или, другими словами

говоря, по возможности точно определять точку нашего местонахождения на планете. От качества астрономических наблюдений зависела точность будущей карты Северной Земли. Обычные часы для этих работ уже непригодны, так как здесь играют роль не только минуты, но и доли секунд. Например, при определении географической долготы на широте 80° ошибка на одну секунду сдвинет определенную точку к востоку или западу на 80,8 метра; а если часы отстанут или уйдут вперед на одну минуту, то точка будет нанесена на карту с ошибкой в ту или иную сторону уже на 4848,5 метра.

При астрономических наблюдениях употребляются более точные часы — так называемые хронометры. Но и среди них не существует ни одного экземпляра, который без создания для него особых режимных условий постоянно показывал бы точное время. Качество механизма, еле заметные толчки, тряска, изменение температуры прибора отражаются на точности его показаний, и хронометр (хотя и меньше, чем обычные часы) то отстает, то уходит вперед. У хорошего хронометра при внимательном отношении к нему такие изменения в ходе носят более или менее плавный характер и могут быть учтены, а ошибки в показаниях бывают незначительны. Но и маленькая погрешность хронометра ведет к заметной ошибке в нанесении на карту какой-либо точки земной поверхности.

Особенно важны показания хронометра в экспедиционных условиях. Несмотря на постоянную заботу путешественника о своих хронометрах, ошибки их беспрерывно накапливаются, и если исследователь лишен возможности сколь-либо часто проверять ход хронометра, его съемка «сползает» в ту или другую сторону. Раньше хронометры сличались с часами обсерватории перед отправлением в экспедицию и после возвращения из нее. По этим засечкам выводилась средняя погрешность в ходе часов, причем учесть неровности в накоплении ошибок возможности не представлялось. Это еще не так давно приводило к очень большим неточностям на картах, особенно в определении долгот. Нечего и говорить, что такие карты мало годились для практических целей, и моряки зачастую с недоумением водили свои корабли там, где на карте была показана суша, или терпели кораблекрушения, наталкиваясь в тумане и темноте на берега в тех местах, где значилось море.

В наше время имеется полная возможность избежать грубых ошибок в определении географических координат местности. В любой глуши путешественник располагает возможностью несколько раз в сутки сличать свои хронометры с

наиболее точными часами в мире, находящимися в подвалах крупнейших астрономических обсерваторий. Радио — это гениальное изобретение русского ученого — приходит на помощь в любой точке нашей планеты. Наиболее крупные радиостанции мира в определенные сроки автоматически включают главные часы обсерваторий и передают особые, так называемые «ритмические» сигналы времени. Располагая радиоприемником и сличая свои хронометры с этими сигналами, можно определить поправку с точностью до сотых долей секунды.

Наша экспедиция располагала двумя «настольными» и тремя «карманными» хронометрами. В поход были взяты только последние как наиболее удобные. Они были уложены в специальный термос, помещенный в деревянный ящик, выложенный внутри толстым, пружинящим слоем оленьего меха и обшитый снаружи таким же чехлом. Вода в термосе ежедневно подогревалась до определенной температуры. Такая упаковка предохраняла хронометры от низких температур и неизбежных в дороге толчков и тряски.

Для приема «ритмических» сигналов времени мы располагали четырехламповым регенеративным радиоприемником с вариометрами. Питание он получал от батареи накала емкостью в 35 ампер-часов и батареи анода, дававшей напряжение в 75 вольт, рассчитанной на работу в течение двух месяцев. Во избежание влияния мороза на работу батарей в воду, залитую в элементы, было добавлено 10 процентов глицерина, а для лучшей изоляции элементов пространства между ними были залиты машинным маслом. Обе батареи, как и хронометры, везлись в специальных термосах.

В походе все это хозяйство требовало немало забот и являлось чувствительным грузом в нашем снаряжении. Ящик с хронометрами весил четыре килограмма, радиоприемник вместе с батареями, термосами, антенной и мелкими принадлежностями — двадцать восемь килограммов. Но мы надеялись, что как заботы по сохранению аппаратуры, так и ее вес впоследствии полностью окупятся точностью наших астрономических пунктов.

Я выбрался из мешка как раз к моменту приема Урванцевым «ритмических» сигналов. Слышимость была прекрасной. В это время вернулся в лагерь Журавлев. Он ездил километров за 25—30, чтобы завезти вперед пеммикан. Охотник запряг четырнадцать лучших собак из нашей стаи, погрузил триста килограммов пеммикана и доставил его на мыс Октябрьский. Сведения о дороге были мало утешительными. Всюду лежал рыхлый снег, местами слабым ветром сметенный в сугробы. На санях Журавлева лежало бревно

более трех метров длиной и в очень хорошей сохранности. Журавлев нашел его вмерзшим в лед. Это была наша первая находка отлично сохранившегося плавника на Северной Земле, подтверждающая в данном случае, что льды даже в этом проливе недавно вскрывались.

К утру 27-го боли у меня почти исчезли. Я бросил палку, мог сгибаться и разгибаться и опять чувствовал себя вполне способным к походу.

Теперь, когда неприятность окончательно миновала, мы стали оживленно обсуждать причины приключившегося недуга и ставить диагноз задним числом. Один назвал мою болезнь люмбаго, а другой не менее авторитетно заявил:

— Ну, какое там люмбаго! Обыкновенный прострел!

Как настоящие члены консилиума заспорили:

— Типичное люмбаго,— упорствовал один.

— Обыкновенный прострел,— настаивал другой.

Только после ожесточенной схватки пришли к соглашению о равнозначности диагнозов, а то, что диагноз был поставлен после исхода болезни, еще более напоминало вполне авторитетный консилиум.

Но меня, по правде, уже не интересовал диагноз. «Замечательно, что не вернулись на базу. Еще лучше, что можно идти вперед, наносить на белое пятно карты четкую линию очертаний доселе неведомых берегов».

Так думал я. И жизнь была прекрасна. И еще прекраснее казалась Арктика.

После нескольких дней непогоды все вокруг опять выглядело празднично и нарядно. Облака еще накануне разогнало. Без отдыха светило золотое, незаходящее солнце. Ночью и днем над нами сияло бездонное, голубое небо. Свежий выпавший снег искрился и блестел. Темно-синие тени лежали у каждого камня, заструга, в каждом углублении. Следы наших ног вокруг палаток казались мазками индиго. Можно было подумать, что подошвы наших унтов вымазаны краской и с каждым шагом мы оставляем ее отпечатки. А следы собак выглядели настоящими синими строчками на белом атласе. Трудно было оторвать взгляд от этой картины. Любой художник позавидовал бы чистоте, блеску, яркости и глубине ее красок.

Мороз держался около 20°, но почти не ощущался. Солнце припекало. Темные предметы заметно нагревались. Даже камни с освещенной стороны на ощупь казались теплыми. Горсть снега, брошенная на такой камень, быстро исчезала, и вместо снега оставались, точно роса, капельки воды. Потом и они испарялись.

В 16 часов закончились астрономические наблюдения. В той точке, где стоял теодолит, установили приметный знак. Использовали для него привезенный Журавлевым ствол плавника. Основание столба укрепили пирамидой из камней. На затесанных сторонах знака вырезали фамилии членов экспедиции и буквы «С. С. З. А. Э.», что означало — Советская Североземельская арктическая экспедиция.

Так был определен наш первый астрономический пункт на самом массиве Северной Земли. Наша работа на этом участке закончилась.

В 20 часов мы распрощались с мысом Серпа и Молота и двинулись в глубь пролива Красной Армии. 28 апреля, в 2 часа, разбили лагерь почти в 30 километрах от прежней стоянки, под обрывом мыса Октябрьского. Весь путь прошли без съемки, по прямой, пересекая отдельные мыски и срезав Советскую бухту, так как этот участок был обследован и заснят нами еще во время первого похода на Северную Землю.

Заброска вперед пеммикана вновь позволила нам идти с относительно небольшим грузом. Это было как нельзя более кстати. Дорога оказалась отвратительной, хотя и была красивой благодаря искрящемуся снегу. Во многих местах рыхлый снег, сильно затрудняя продвижение, заставлял собак работать в полную силу. Я со своей упряжкой пробивал путь и очень скоро начал подумывать о хорошей метели. Она могла бы подмести рыхлый снег и выправить дорогу. Утешала мысль, что метели долго ожидать не придется. Погода, правда, держалась удивительно хорошая, но ведь мы входили в самое узкое место пролива. По мартовскому опыту я знал — вьюга здесь может разыграться совершенно неожиданно. Можно было надеяться, что и на этот раз пролив останется верным своему характеру. И если в марте метели досаждали нам, то теперь одна из них была бы желанной.

Пока же рыхлый снег лежал пушистым ковром на всем пути. Он горел в лучах солнца, переливался миллиардами цветных искр, утяжелял путь и сильно утомлял глаза даже в цветных очках. Но он же давал нам возможность вести некоторые наблюдения над жизнью животного мира.

По дороге то и дело попадались следы песцов. Как правило, они были парными. Видно было, что звери бежали или рядом, или друг за другом. Иногда один след шел по прямой, а другой рядом делал небольшие петли, и изредка, там, где зверьки играли, оба следа образовывали сложный рисунок. Двойные следы и игры зверьков указывали на то, что для песцов наступило время спаривания.

Беззвучно, но ярко повествовал снежный ковер и о борьбе, обычной между зверями в этот период. В одном месте наперерез двойному следу шел след песца-одиночки. Парный след разделился. Один зверек, очевидно самочка, отбежал в сторону и сел. След другого устремился навстречу пришельцу. Вот зверьки встретились и немедленно вступили в драку. Снег здесь истоптан и смят — видно, что сцепившиеся соперники катались клубком. Потом следы рассказывали о том, что один из бойцов сделал тактический ход: попытался обойти врага и по широкой дуге приблизиться к желанному объекту. Но второй боец срезал дугу по прямой и настиг противника. В этом месте следов борьбы особенно

много. Самочка, терпеливо сидевшая на первом этапе борьбы, теперь, по-видимому, потеряла самообладание. Может быть, ободряя друга, а может быть, и подзадоривая обоих соперников, она два раза подбегала к месту сражения, но, не достигнув бойцов, отскакивала в сторону. Между тем бой достиг максимального ожесточения — на снегу появились рубиновые капли крови. Наконец, один из бойцов не выдержал. Большими скачками он устремился в сторону морских льдов. Снег выдавал весь позор его бегства — между отпечатками лап виднелась отчетливая полоска: потерпевший поражение уходил с поджатым хвостом. Победитель начал было преследование противника, но через сотню метров повернул обратно.

Дальше пошел опять двойной след, причем один след шел почти по прямой линии, и на нем кое-где можно было найти капельки крови, а другой извивался около первого крутыми петлями. Первый безусловно принадлежал бойцу, а второй — его подруге, очевидно заигрыванием и грациозными прыжками вознаграждавшей победителя за разодранные уши или прокушенную лапу. Звери ушли к Земле, к семейным радостям.

Лишь одного мы не могли прочесть в снежной летописи: с которым из героев бурного романа ушла самочка по этому пути. Был ли это тот, который сопровождал ее раньше, или случайная встреча стала для него роковой? Сравнивая следы, мы пытались разрешить и этот вопрос, но — увы! — искрящийся ковер не желал выдавать тайны.

Еще чаще встречались следы леммингов. Их одинаково много было и на берегу и на льду. Следы беспорядочно петляли в различных направлениях и говорили о том, что пригревающее солнце вернуло к деятельности грызунов, проводивших зиму под снежным покровом. Вероятно, при тщательной расшифровке строчек, оставленных лапками зверьков, можно было бы прочесть не одну интересную историю,

но у нас не было времени для такого кропотливого занятия. Только случайно мы наткнулись на следы трагедии. След лемминга встретился со следом песца. Грызун бросился в сторону, сделал несколько зигзагов, но, конечно, не мог уйти от зубов быстроногого хищника. Однако песец не съел своей жертвы, а закопал ее в снег. Сомнительно, чтобы он собрался вернуться за своей добычей. Да и вряд ли в этом могла проявиться нужда. Леммингов достаточно было всюду. Скорее всего здесь сказался инстинкт песца. Как истый хищник, он, даже сытый, не мог пропустить встретившейся добычи.

Перед остановкой мы поймали на льду сначала одного, потом другого лемминга. Посадили зверюшек в банку из-под пеммикана и могли рассмотреть их во всех подробностях. Оба они были в зимних нарядах — брюшко светло-серое, спинка заметно темнее — чуть серебристая, с темно-коричневой, почти черной полоской по хребту. Один из леммингов достигал в длину пятнадцать сантиметров, другой — не более тринадцати. Толстые и широкие, на низеньких ножках, они похожи были на пушистые детские рукавички или, еще больше, на подушечки для булавок. Хвостики, длиной в полтора сантиметра, напоминали петельки, за которые подвешиваются такие подушечки. Когда кто-либо из нас протягивал руку, зверюшки принимали явно угрожающую позу и отчаянно пищали. Тогда во рту у них были видны длинные изогнутые резцы, а из шерсти на подошвах передних лапок высовывались длинные, но плоские и тупые когти, приспособленные к разгребанию снега, но никак не для защиты. Единственным оружием леммингов является угрожающий писк, но вряд ли он способен остановить песца, сову, бургомистра или поморника — извечных врагов маленького грызуна. Даже нора летом спасает его только от птиц, но никак не от песца.

В палатке мы угощали и наших пленников. Лемминги грызли замерзшее сливочное масло, потом охотно хрустели галетами и, наконец, к нашему удивлению, еще охотнее принялись за уничтожение спичек. Похоже было, что карельская осина пришлась грызунам по вкусу не менее, чем миниатюрные побеги полярной ивы и корешки трав.

Сами мы на этот раз совместили в одно и обед и ужин в четвертом часу, спать легли в шестом, а потом завтракали в 14. Круглосуточное солнце давало нам возможность работать, есть и отдыхать тогда, когда это было наиболее удобно.

Остаток дня заняло обследование трех небольших скалистых островов, лежавших грядой поперек пролива, против мыса Октябрьского. Еще в мартовскую поездку, на обрат-

ном пути от мыса Ворошилова, я посетил их и в береговых обрывах обнаружил богатую ископаемую фауну. Теперь их тщательно осмотрел наш геолог. Они оказались сложенными известняками с большим включением кораллов и брахиопод.

Под обрывами островков нашли следы недавнего пребывания птиц, но самих их не обнаружили. Возможно, они отлетели куда-то поближе к вскрытым льдам.

Вечером подул северо-восточный ветер, а ночью началась желанная метель. Ветер не превышал 10—12 метров в секунду, дул ровно. Сутки мы просидели в старом лагере и на этот раз нисколько не тяготились задержкой, так как знали, что метель с каждым часом улучшает дорогу.

И действительно, мы сразу убедились в этом, как только 30 апреля снова пустились в путь. Рыхлого снега на прибрежной полосе точно не бывало. Зато между лежащими грядой айсбергами он местами доходил до пояса. Запомнив на всю жизнь, в какую ловушку мы с охотником когда-то попали, забравшись в гущу ледяных гор, теперь я тщательно обводил наш караван мимо пагубного места и не отрывался от узенькой полоски ровного льда между берегом и айсбергами. Но и здесь работа ледников давала себя чувствовать. На последних пяти километрах перехода стали часто попадаться участки с выжатой на лед морской водой. Она превратила снежный покров в клейкую кашицу. Собаки шарахались в сторону, но деваться было некуда. Справа шел наполовину обнаженный из-под снега и поэтому непроходимый для саней берег, а слева возвышалась еще более непроходимая чаща айсбергов с огромными сугробами рыхлого снега между ними. Волей-неволей надо было преодолевать неприятные участки.

Весь день удерживалась пасмурная погода. Картина поблекла. Рассеянный свет не давал теней. Ледяные обрывы светились тусклым и холодным зеленовато-голубым светом. Но видимость была вполне удовлетворительной, и это дало нам возможность убедиться в том, что куполообразные возвышенности на противоположном берегу пролива связаны между собой и представляют один большой остров, сплошь покрытый ледниковым щитом. Только на одном небольшом участке этого берега между гигантскими ледяными потоками виднелся кусок обнаженного берега.

Весь переход проделали со съемкой, беспрерывно пеленгуя противоположный берег.

На ночлег остановились под высоким пирамидальным айсбергом. На вершине его укрепили наш флаг. В канун Первого мая нас больше чем когда-либо радовал его шелест.

В проливе Красной Армии

Наступило Первое мая. Поздравляя в это утро друг друга с праздником, мы словно видели родную Москву и Красную площадь. Здесь, на Северной Земле, мы сознавали себя членами огромного коллектива строителей социализма. И нам хотелось влиться в стройные ряды первомайского шествия. Наша «колонна» была самой маленькой, но полноправной частицей многомиллионной демонстрации трудящихся Советского Союза. Красный флаг мы сняли с высокого айсберга, закрепили его на моих передних санях и двинулись дальше по проливу Красной Армии.

Небо было пасмурным. Юго-западный ветер, слабый с утра, к полудню усилился, начал мести поземку. Дорога была хорошей, обнажения встречались редко. Задерживались мы только на тех точках, где брались очередные азимуты и зарисовывался видимый рельеф. Продвигались быстро.

Наш путь шел по узкой полоске прибрежного ровного льда. Справа от него тянулся угрюмый, засыпанный снегом, сглаженный и низкий берег, а слева возвышались тысячи плотно сдвинувшихся айсбергов, за которыми виднелась голубая стена ледника, обрамляющая неизвестный, покрытый льдом остров.

Не слышно было ни одного звука, кроме легкого посвистывания ветра, поднимавшего поземку, да редкого потрескивания льдов. Мы были здесь единственными нарушителями тишины. Но ощущение праздника по-прежнему владело нами. В шорохе поземки мы как бы слышали шелест шелковых знамен.

Пользуясь отсутствием тумана, мы и в этот день благополучно миновали неразбериху айсбергов и ледяных нагромождений. Сравнительно хорошая видимость позволяла на протяжении всего пути пеленговать противоположный берег пролива. Теперь уже не было никакого сомнения в том, что это берег большого острова, беспрерывно тянущегося на северо-восток.

Около полуночи, на 46-м километре перехода, мы подкатили к громаде мыса Ворошилова. Гигантские скалы его, как и в первый раз, произвели величественное впечатление. Как возбуждает праздник, так и эти скалы радуют и тянут к себе взгляд после низменного, сглаженного, скучного берега. В добавление к этому здесь нас встретили новые звуки и живые существа. На скалах было много птиц. Встрево-

женные выстрелом, из каменных расселин и с карнизов скал с криками снимались большие стаи чистиков и люриков. Сделав в воздухе несколько кругов, они снова возвращались на скалы и исчезали из виду. Птиц было много, но они или скрывались в неровностях, или сидели так высоко, что рассмотреть их снизу было нельзя. Мы несколько раз поднимали птиц ради одного лишь удовольствия видеть вокруг себя живые существа.

Когда очередной выстрел поднял особенно большую стаю, Журавлев, смотря на нее, начал было: «С ружьем здесь можно...», но остановился. Птицы скрылись на высокой скале. Охотник задумался; «...очень скоро помереть с голоду»,— закончил я его фразу. И Журавлев утвердительно кивнул головой. Действительно, добыть сейчас здесь птиц было невозможно. Вот летом — другое дело: на льду появятся озера воды, забереги или разводья, и птицы будут садиться на них для кормежки.

Ветер усиливался. Вблизи скал он уже проносился со свистом. Лед здесь был, как и раньше, точно отполированный. Палатку поставить было негде. Мы гикнули на собак и вместе с ветром пронеслись 6 километров к маленькому островку, где было наше продовольственное депо.

За день прошли 52 километра и на протяжении почти 50 километров засняли оба берега пролива Красной Армии. Это более чем хорошо. Можно бы со спокойной совестью перейти к отдыху. Но ветер все больше и больше разгонял облака. Голубой сектор неба быстро увеличивался. Открылось солнце. Оно-то и отвлекало нас от отдыха. Была надежда, что в 6 часов утра погода позволит провести утренние астрономические наблюдения. И мы решили дождаться этого часа.

Долго сидели за нашим праздничным ужином. Он не отличался ничем особенным, но был сытным, как всегда.

Горячую пищу мы принимаем, как правило, три раза в сутки. Только иногда, из-за погоды или увлекшись хорошей дорогой, отступаем от этого правила — едим перед выходом в путь и по окончании перехода, расположившись на ночлег. Я сознательно не употребляю слов: утром, в полдень, вечером. Солнце светит нам круглые сутки. Чередования наших переходов и отдыха в основном зависят не от наличия света, а от погоды. И хотя мы по инерции и стараемся придерживаться привычного распределения суток, все же нередко завтракаем вечером, а ужинаем утром; спим днем и работаем ночью. Очень часто ужин и обед у нас объединяются.

После пополнения запасов со склада на мысе Серпа и Молота и с учетом продуктов здешнего склада мы теперь рас-

полагали полуторамесячным резервом продовольствия. Наш суточный рацион определялся следующими данными:

Наименование продуктов	Суточная норма на человека в граммах	Калорийность
Галеты пшеничные	300	900
Печенье	30	90
Рис	70	245
Мясные консервы	338	660
Макароны	20	60
Пеммикан	100	390
Масло сливочное	100	760
Сахар	100	410
Молоко в порошке	20	106
Молоко сгущенное	70	540
Шоколад	50	214
Кофе	10	10
Какао	10	40
Овощи сушеные	10	24
Лук сушеный	5	12
Перец	1	—
Клюквенный экстракт	5	—
Соль	10	—
Коньяк	10	—
Чай	10	—
Всего	1269	4461

Таковы цифры. Они маловыразительны. Их необходимо расшифровать, чтобы сделать понятными не только объем и питательность наших блюд, но в какой-то степени и их вкус.

Во-первых, о калорийности нашего пайка. Она была несколько ниже, чем обычно принято в полярных экспедициях. Это снижение сделано нами сознательно. Ведь, кроме того, что было на санях, мы рассчитывали еще и на охоту. Если полярной ночью нельзя было сколько-нибудь твердо рассчитывать на добычу медведей, то теперь, весной, мы были уверены в удачливой охоте. И мы нисколько не стесняли себя ни в граммах, ни в калориях, в основном руководствуясь нашим аппетитом, но не суточными нормами. Да, кстати, нормы эти как будто вполне отвечали нашим потребностям.

Лучше всего описание установившегося у нас меню начать с ужина (он же и обед). Почти постоянным блюдом у нас

был суп «мечта». И лирическое название и рецепт этого блюда родились здесь, в походных условиях.

Еще в первом походе на Северную Землю мы везли с собой примерно тот же набор продуктов, что и сейчас. Среди них был особый сорт пеммикана, прославленный во многих описаниях полярных экспедиций, но нам совершенно незнакомый. По виду он представлял собой не то пшеничный хлеб, не то очень густую спрессованную кашу. Это была смесь мясного порошка, жиров, риса, сухарей и... шоколада. Бесспорно, такая смесь обладала хорошей питательностью, а для приготовления блюда достаточно было заварить ее кипятком. Это как нельзя лучше соответствовало походным

условиям. Однако первая проба пеммикана пришлась нам не по душе. Когда мы по всем правилам приготовили блюдо из этого продукта, то увидели перед собой жидкую коричневую кашицу. Один вид ее покоробил нас. Еще худшее впечатление произвел вкус этой кашицы. Если смесь мяса, жиров, риса и сухарей была естественной, то основной компонент — шоколад — был явно не к месту. После первого же глотка заморского продукта мы отложили ложки и стали обсуждать, что с ним делать. Выбрасывать — жалко, он действительно был питательным, а есть невозможно. И мы занялись опытом. Чтобы убить привкус шоколада, мы всыпали в кастрюлю побольше луку и других сушеных овощей, положили красноармейские консервы, долили воды и поставили на примус. Когда все это перекипело, мы принялись за еду и быстро опорожнили кастрюлю. Единогласно признали, что это не суп, а мечта. Так родилось название нашего излюбленного походного блюда.

Название закрепилось, а составные части «мечты» продолжают меняться и теперь. Вместо овощей мы часто кладем макароны или добавляем риса, мясные консервы заменяем свежей медвежатиной, а в сильные морозы добавляем еще солидный кусок сливочного масла. Это не перестает напоминать нам всем известный шуточный рассказ о бывалом солдате, сварившем похлебку из топора. В данном случае таким топором у нас служит пеммикан.

Во время коротких остановок на переходе мы обычно пьем какао, прибавляя в кружку пятьдесят-восемьдесят граммов сливочного масла. Кружка такого напитка, выпитая вприкуску с галетами, пять-шесть часов делает нас сытыми.

Таков наш стол в походе. И мы не испытываем никаких лишений от однообразия походного меню. Здоровье, беспрерывная физическая работа и сон на кристально чистом воздухе постоянно поддерживают у нас хороший аппетит.

По списку наших продуктов видно, что в нашем рационе был и коньяк, хотя суточная норма его равна десяти граммам. Мы не были принципиальными противниками этого напитка. Наше отношение к нему можно определить так: один к спиртному абсолютно равнодушен; другой не прочь выпить рюмку, но только по случаю праздника и довольно быстро пьянеет, а третий всегда готов выпить «для здоровья» стакан водки, а если есть возможность и спирта, и чувствовать себя прекрасно. Такая трехстепенность отношения к алкоголю не помешала нам прийти к общему мнению, что он отнюдь не обязателен в походе.

Поэтому-то спиртное и входило в наш рацион в виде коньяка в такой гомеопатической дозе. Ее вполне хватало, чтобы придать аромат и особый вкус кружке чаю. Даже при таком умеренном употреблении фляжка с коньяком обычно извлекалась в особо удачные дни или в случае крайней усталости.

Со дня выхода с базы мы еще ни разу не притрагивались к фляжке. Образовалась солидная экономия коньяка... по восемьдесят граммов на человека. Это уже не совсем гомеопатия, а вполне реальная рюмка. И сегодня, перед тем как приступить к «мечте», поданной на наш праздничный первомайский стол, мы разрешили себе не только ликвидировать экономию, но еще заавансироваться на целых двадцать граммов в счет будущего.

После ужина сидим за кофе, грызем промерзший шоколад, ожидаем момента утренних астрономических наблюдений и представляем себе картины первомайской Москвы. Ветер шелестит нашим флагом, поднятым над палаткой. На севере полуночное солнце катится над бесконечным ледяным полем, расцвеченным в розовые, синие и фиолетовые тона. На западе белым пламенем горит ледниковый щит, а на востоке, как беззвучный фейерверк, вспыхивают зеленые блики на хорошо видимых гордых скалах мыса Ворошилова.

На мысе Ворошилова

Днем 2 мая Урванцев закончил определение астрономического пункта. Наложив вычисленные координаты на съемку Гидрографической экспедиции, мы увидели, что видимый берег плохо соответствовал тому, что было изображено на старой карте.

Посоветовавшись, решили осуществить наше намерение, зародившееся еще раньше,— пройти от нашего астрономиче-

ского пункта восточным берегом Земли до астрономического пункта Гидрографической экспедиции на мысе Берга. Это давало нам возможность перезаснять на указанном участке очертания берега и прилегающих гор, исправить имеющиеся ошибки, выяснить геологическое строение района и увязать съемку с единственным имевшимся на Северной Земле астрономическим пунктом.

Днем я заснял наш и лежавший рядом небольшой островок. На их скалистых берегах я вновь увидел чистиков. Птицы держались парами и сидели на каменных карнизах на высоте лишь от 40 до 60 метров. Истратив несколько патронов, добыл двух птичек. Винтовочные пули попали удачно и не разнесли их. Желудки птичек оказались совершенно пустыми, зато наши наполнились вкусным супом. По-видимому, пока держатся птицы и есть патроны, с ружьем здесь все же можно прожить.

Перед вечером к чистикам присоединились хлопотливые маленькие люрики. Потом появилась огромная чайка-бургомистр. Она сделала над нами несколько высоких кругов и плавно унеслась к мысу Ворошилова. Там было безопаснее.

У островков недавно побывал медведь. Были тут и следы песцов. Этим пока и ограничивались здесь признаки жизни. Еще бедней была растительность. На вулканических породах, слагающих островок, нашлись лишь лишайники, в некоторых расселинах виднелся мох, и изредка можно было обнаружить замерзшие побеги полярного мака.

Погода весь день была чудесной — небольшой мороз, ясное небо и легкий ветерок сначала с северо-востока, потом с юга.

3 мая утром Журавлева направили обратно к Известняковым островам за пеммиканом, а мы с Урванцевым после полудня вышли к мысу Берга. Остаток «дня» и всю «ночь» были в пути и к 10 часам 4 мая, проделав 49 с лишним километров, прибыли к цели.

Съемка этого дня показала, что мыса Стрельцова, который указан на карте Гидрографической экспедиции, в действительности не существует. Если допустить, что под этим именем был нанесен на карту мыс, лежащий на несколько километров севернее нашего астрономического пункта, то надо признать, что вся линия восточного берега Земли к северу от мыса Берга была нанесена в 1913 году со значительными ошибками. На действительно существующий пролив Красной Армии карта не делала даже намека. Съемки производились с корабля, шедшего во льдах ломаными курсами и вдали от берега, да еще при наличии ледяного припая с айсбергами и торосами. При этих условиях ошибки

были понятны. Исследованный нами район свидетельствовал о значительном разнообразии пород, образующих Северную Землю, и о большой сложности ее геологического строения.

Пройденный берег был на три четверти занят ледниками. Их склоны гладки и лишены трещин. Очевидно, на этом участке ледники доживают свои дни. Все же они занимают все долины между острыми, обрывистыми с востока и севера вершинами. Под одним из ледников ярко выраженное зандровое поле [1], свидетельствующее о продолжающемся отступлении ледника.

Здесь снова обнаружили полярный мак и остатки какого-то злакового, определить которое мы не сумели. Как и всюду, встречались мхи и лишайники.

Непонятно было поведение птиц. Много крупных стай чистиков и люриков летело с севера. Перелет с этой стороны был необъясним. Оставалось предположить одно из двух: или где-то на севере есть открытая вода и птицы возвращались с кормежки на Базарные скалы в фиорде Матусевича, или еще севернее находились их гнездовки и они летят на юг в поисках пищи.

Две трети большого перехода сделали сравнительно легко. Дорога на всем протяжении была хорошей. Даже на подходе к мысу Берга, где прошлый раз после пересечения Земли мы шли сплошным убродом, теперь лежал крепкий, отполированный ветром снежный покров. Поэтому мы и осилили за один перегон такое расстояние. Да и сани были почти пустыми, так как, кроме палатки, спальных мешков, примуса с двумя литрами керосина, двухдневного запаса продовольствия, хронометров и оружия, весь остальной груз был оставлен на месте.

Зато Арктика показала себя на последней трети пути. Густой сухой туман накрыл наш караван, как только мы оторвались от берега, намереваясь пересечь широкое устье фиорда Матусевича. Свойство тумана — до неузнаваемости искажать отдельные предметы и весь пейзаж — удивительно. Низкий берег кажется горным хребтом, снежные заструги — высокими вершинами, а отдельные маленькие камни или даже помет песца представляются чуть ли не скалами.

Так фантастически туман преображает предметы и нередко ставит человека в трудное или комичное положение. При плавании на корабле небольшие грязные льдины принимаются за высокие острова, а в тундре песец выглядит оленем и неожиданно для себя возбуждает азарт охотников.

---

[1] Зандры — песчано-галечные поля, откладываемые впереди ледника вытекающими из-под него ручейками.

Меня с четырьмя спутниками эскимосами однажды накрыл туман в тундре. Мы долго брели в его молочной мути, не встречая на своем пути ни одного живого существа, кроме зазевавшихся пеструшек. Когда туман чуть поредел, нам показалось, что мы неожиданно набрели на удачу. Впереди показался крупный медведь. Он, очевидно, отдыхал на одном из небольших бугров. Эскимосы, немного поспорив, установили, кто первый увидел зверя. Это было абсолютно необходимо, так как, по обычаям моих спутников, шкура и голова медведя всегда принадлежат не тому, кто его убил, а тому, кто первый его увидел. После этого мы рассыпались в цепь и поползли к зверю по раскисшей после недавнего дождя глине. Вымокли и перемазались отчаянно, но цели достигли. Один из охотников выстрелил. Зверь подпрыгнул в воздух, упал и... уменьшился до неузнаваемости. В моих спутниках сразу заговорило суеверие. Они со страхом смотрели на так неожиданно уменьшившегося великана и не хотели даже подходить к добыче, а тот, кто выговорил себе право «увидевшего первым», теперь отвернулся в сторону и в паническом страхе готов был броситься бежать от наваждения. Я один пошел к добыче и вместо медведя увидел всего лишь белую полярную сову. За высокую честь быть принятой в тумане за медведя она поплатилась жизнью.

Туман одинаково осложняет путь и моряку, и охотнику, и путешественнику на собаках. Приходится часто останавливаться, проверять курс и быть особенно внимательным, чтобы не сбиться с него. Путь кажется бесконечным, и невольно начинаешь сомневаться в правильности его.

Близки к этому были и мы, уже совсем было решив, что нами пройдены не только устье фиорда Матусевича, но и мыс Берга с нашим продовольственным складом и всеми знаками. Противоречил этому только характер окружающих нас льдов. При первом посещении мыса Берга я запомнил, что вплотную к нему примыкали торошенные льды, причем линия торошения уходила от мыса в северо-восточном направлении, оставляя к северу, в устье фиорда Матусевича, огромное невзломанное поле. Поэтому, пока под ногами лежал ровный лед, можно было при сохранении генерального курса быть уверенным, что мы не проскочим намеченную точку. Продолжали гнать собак, и когда они уже готовы были выдохнуться, мы, наконец, наткнулись на мыс, лежащий несколько севернее нужной нам точки. Отсюда в сгустившемся тумане почти ощупью вышли на мыс Берга. Опознать местность прежде всего помог гурий.

Трехметровый каменный столб благодаря оптическим свойствам тумана казался огромной башней, упирающейся

в небо. Рядом с ним стояли обломанный флагшток и знак на астрономическом пункте, который и был конечной точкой нашего рейса.

Ужинали в тот день около полудня. Нельзя сказать, что мы ели с аппетитом: 49-километровый переход, напряженное движение в тумане на последней трети перехода так утомили нас, что мы не могли уже думать о чем бы то ни было, кроме сна.

Во второй половине дня 5 мая, проделав 46 километров в обратном направлении, вернулись в свой лагерь у Диабазовых островков на выходе из пролива Красной Армии. Половину пути опять шли в тумане и снегопаде и сильно устали. Весь наш груз лежал в полной сохранности.

Как только была поставлена палатка, нырнули в спальные мешки и моментально заснули. Потом я слышал лай собак, но никак не мог отогнать сон и сообразить, что происходит. Но лай собак делался все ожесточеннее и, наконец, прогнал сон. Высунувшись из палатки, я метрах в пяти-шести увидел медведя. Не обращая внимания на собак, он смело шел к продовольствию, сложенному рядом с палаткой. Мой карабин лежал в чехле на санях. Мелькнула мысль: куда побежит медведь, когда я брошусь за карабином? Но долго раздумывать было нельзя. Раздетый и босиком, я бросился к саням. Зверь в недоумении остановился. Это его и погубило. Он свалился после первой пули, а для верности получил вторую. Туша медведя навалилась на борт палатки. Разбуженный Урванцев выскочил в таком же виде, как и я, но с карабином в руках. Можно было только порадоваться, что зверь не явился в наше отсутствие. Он по-своему распорядился бы нашим имуществом и мог сильно навредить нам.

Освежевав добычу, мы, наконец, так заснули, что не слышали, как вернулся Журавлев. А проснувшись, обнаружили его рядом с собой в палатке. По его рассказам, он почти весь путь туда и обратно проделал в метели и тумане. Повидимому, такая погода в проливе Красной Армии — явление обычное и к тому же чисто местное.

Наутро у нас было намечено обследование и съемка массива мыса Ворошилова. Но нам не хотелось тревожить собак, отдыхающих после почти 100-километрового рейса и... уничтожения половины туши медведя. В этот день мы занимались осмотром и съемкой соседних островков. Один из них, лежащий на отшибе, километрах в двух к северу от лагеря, оказался сложенным вулканическими породами. Занимал он площадь немногим более трех квадратных километров и в самой высокой части поднимался на 110 метров

над уровнем моря. Со своими обрывистыми северо-восточными и отлогими юго-западными берегами он носил законченную форму «бараньего лба» и целиком укладывался в характерные формы всего окружающего пейзажа, в основном созданного деятельностью ледников в эпоху более мощного оледенения Северной Земли.

Ледники двигались здесь в северном направлении. Об этом говорили не только формы рельефа. На поверхности островков мы обнаружили валуны красных песчаников. Основные массивы их залегают южнее, и только оттуда они и могли быть занесены. В то же время на юге мы еще ни разу не обнаружили ни одного валуна из изверженных пород.

В полдень термометр показывал всего лишь — 12,7°. Яркое солнце, чистое бледно-голубое небо и полная тишина царили над льдами. С вершины островка открывалась широчайшая панорама. Четко рисовался восточный берег Земли к югу от мыса Ворошилова. К юго-западу открывалась бóльшая половина пролива Красной Армии. В бинокль, на расстоянии почти 50 километров, я различал отдельные айсберги и узнавал знакомые теперь участки берега. Километрах в двенадцати к северо-востоку и востоку виднелись сильно торошенные льды. Их выгнутая линия четко обозначала вход в пролив. Характер льдов говорил о том, что здесь они не вскрывались много лет.

Только к северу, куда по-прежнему больше всего хотелось проникнуть взглядом, берег тонул в белой мгле. На видимом пространстве он сильно понижался и заканчивался каким-то выступающим к востоку очень низким мысом. Взгляд невольно тянулся сквозь мглу, а мысль хотела угадать — что лежит за этим выступом? На карте Гидрографической экспедиции сплошная линия восточного берега Земли здесь переходила в неуверенный пунктир. В ближайшие дни нам предстояло или заменить его четкой линией, отведя к востоку или западу, или совершенно стереть с карты. Потому так и хотелось проникнуть как можно дальше на север.

Но в районе мыса Ворошилова было много неизученного, интересного и неясного. Вечером мы вышли на обследование мыса. К нашему приезду под скалами разгулялся сильный ветер. Пока осматривали обнажения обрывов, ветер еще больше окреп. Но метели не было, так как здесь совершенно отсутствовал снежный покров. Только в расселинах скал ветру удавалось отыскать небольшое количество снега. Тогда лицо кололо острыми снежными иглами и приходилось отворачиваться. Стоило же нам повернуть на юго-западную сторону скал, как мы попадали в полосу полного штиля.

Даже пороша, выпавшая накануне, лежала здесь нетронутой.

Соблазненные хорошей погодой, поднялись на ледниковый купол, распространяющийся с юга и частично захватывающий мыс Ворошилова. Высота его здесь достигала нескольких сот метров над уровнем моря. Поверхность ледника тоже была почти лишена снежного покрова. Над поверхностью льдов возвышались редкие нунатаки. Спуститься с купола оказалось более сложным делом, чем подняться. Тормозить ход саней на голом и крутом ледяном склоне было почти невозможно. Сани налетали на собак или оказывались даже вперед них. Из боязни покалечить животных или свалиться с какого-нибудь незамеченного обрыва обмотали полозья веревкой и тогда без особых приключений спустились в пролив.

Здесь нас встретил ветер еще более сильный, чем раньше. Теперь он несся с севера, бил нам в лицо и успел изрядно разукрасить нас, пока мы добирались до лагеря. На этом решили прекратить работы по ознакомлению с районом мыса Ворошилова.

На астрономические наблюдения, увязку своей съемки с астрономическим пунктом на мысе Берга и геологические работы в этом районе мы потратили более пяти суток. Правда, этот кусочек Земли был необычайно интересен во многих отношениях и заслуживал более тщательного изучения, но мы не имели времени заняться им более подробно.

Надо было спешить на север, чтобы потом не упустить возможностей на юге. Время шло. Приближалась весна. Количество птиц с каждым днем увеличивалось. У скал мыса Ворошилова стоял беспрерывный гомон. При выстреле слетали уже не сотни, а тысячи птиц. Пока по-прежнему больше всех было люриков, за ними шли чистики. Из чаек мы видели только бургомистров. Ни белой полярной чайки, ни розовой, ни поморника, ни крачки еще не замечалось. Но надо было ожидать и их появления.

Вечером 7 мая приступили к погрузке саней. При первом взгляде на все скопившееся здесь имущество трудно было поверить, что мы сможем увезти его.

В конце концов наша мечта сделать мыс Ворошилова исходной точкой для северного маршрута превратилась в действительность. Мы находились более чем в 150 километрах от нашей базы, проделали уже большую работу, а наши ресурсы не только не уменьшились, а, наоборот, увеличились. Не будь здесь у нас продовольственного депо и не подбрось мы сюда пеммикана с нашего основного склада на мысе Серпа и Молота, наши запасы были бы близки к истощению.

А теперь основной нашей заботой было, как бы увезти имевшиеся запасы.

После того как мы запрятали в камни медвежью шкуру, отложили немного продуктов и геологические образцы, решив оставить все это здесь до будущих времен, основной груз все еще значительно превышал обычную грузоподъемность всех саней экспедиции. Запасы продовольствия, собачьего корма и горючего позволяли нам рассчитывать на безбедное месячное путешествие, а при более строгом соблюдении рациона запасов могло хватить и на полтора месяца.

Мы надеялись, что через двадцать суток мы обойдем северную часть Земли и вновь окажемся на мысе Серпа и Молота. Однако я опасался, что хорошая дорога, которой мы до

сих пор пользовались, сильно ухудшится, как только наш караван окажется у берегов, прилегающих непосредственно к открытому морю с его торошенными льдами. Но выдержать срок было совершенно необходимо. Если мы не сумеем в первых числах июня выйти на мыс Серпа и Молота, то таяние снега может захватить нас в центре Земли, сделает невозможным пересечение ее и, таким образом, сорвет план исследования центральной части.

Эта была забота о будущем, не столь уж отдаленном. Нельзя было без крайней необходимости задерживаться на севере, надо было по возможности убыстрять свое продвижение.

За пределами карты

В два часа 8 мая мы оставили обжитой лагерь и тронулись на север, в неизвестность. Сани были загружены до отказа. Полозья выгибались, все крепления жалобно скрипели. Сначала мы с минуты на минуту ждали, что какие-нибудь сани не выдержат нагрузки и рассыплются. Однако дорога попрежнему была хорошей. Сани потрескивали, скрипели, но держались. Собаки бежали весело. Успеть за ними было невозможно. Для передышки мы пробовали вставать на полозья. Это не замедляло хода. И мы, осмелев, взгромоздились на сани — сначала с опаской, а потом уселись плотнее. Сани выдерживали. Собаки и теперь не замедлили бега, хотя нагрузка на каждую из них уже приближалась к 50 килограммам.

Мы сравнительно легко продвигались вперед. Посетили по дороге осмотренный мною 6 мая островок и через несколько часов вступили в область пунктира. Сплошная линия, хотя и неправильно, но показывавшая на карте очертания бере-

гов, кончилась. Высоты сразу понизились. Гора, лежавшая напротив мыса Ворошилова, оказалась последней. На всем видимом пространстве Землю покрывал ледниковый щит.

Весь день мы шли вдоль ледяной стены. Чаще и чаще попадались айсберги. Сначала они стояли одиночками, потом начали встречаться десятками и, наконец, стали насчитываться сотнями. По высоте они были небольшими и редко превышали 5—6 метров, зато в поперечнике часто достигали 200 метров. Продвигаться в непосредственной близости с ледником стало трудно. Часто попадались трещины. Не теряя из виду ледниковой стены, мы обходили скопления ледяных гор, занимавших прибрежную полосу шириной от 1 до 3 километров. Дальше в море тянулась совершенно ровная полоса льдов, а километрах в 5—8 к востоку виднелись значительные торосы.

Лед на земле, лед на море и белесоватое, холодное, тоже кажущееся ледяным небо. Настоящая ледяная страна. Часто проглядывало сквозь облака солнце. При его появлении обрывы ледника и стенки айсбергов светились чудесным нежно-голубым светом, а на ослепительно белый снег ложились ярко-синие тени.

За весь 15-часовой переход встретили только два клочка обнаженной земли: островок площадью около $^3/_4$ километра да выходивший из-под ледника небольшой обрыв берега. Оба они были сложены изверженными породами.

В конце перехода приблизились к большой группе очень крупных айсбергов. Каждый из них поднимался над уровнем морских льдов от 20 до 24 метров. В поперечнике они не превосходили 200 метров, а длина некоторых достигала 350—400 метров. В большинстве они имели совершенно ровную вершину и отвесные стены. Лишь у отдельных айсбергов поверхность была скошенной, и в профиль они представляли вытянутый треугольник. Полоса ледяных великанов далеко протянулась в море. Береговая черта повернула на северо-северо-восток. Впереди лежал какой-то новый неизвестный мыс.

Наш рабочий день кончился. Остановились на отдых. Пятнадцать часов пути сказывались. Одолевала усталость. Перед тем как разбить лагерь решили отдохнуть и выкурить по трубке. Журавлев решил, что покурить будет приятнее наверху соседнего айсберга. Он начал карабкаться по откосу, но, не осилив и половины, кубарем скатился вниз. Охотник сообщил, что недалеко от ледника идет медведь. Забыв об усталости, бросились в погоню. Зверь заметил нас и пустился наутек. Он ловко взбирался на обломки айсбергов, оглядывался на нас и быстро скатывался вниз. Мы пустили вдо-

гонку Ошкуя и Бурого. Скоро потеряли среди айсбергов и собак и медведя. Бежать было трудно: кругом — мелкие трещины, засыпанные снегом. Журавлев, увлеченный охотой, убежал вперед и затерялся среди айсбергов. Опасаясь, как бы с ним чего не случилось, я пошел по следу и только километра через полтора увидел у подошвы высокого айсберга пустую гильзу и кровь на льду. По другую сторону айсберга нашел Журавлева, уже наполовину освежевавшего медведя.

Здесь же мы впервые в этом году увидели белую полярную чайку.

Следующий день был неудачным. Лагерь мы покинули

около 17 часов, а через 6 часов оказались вновь на том же самом месте. Не продвинулись вперед ни на шаг. Встреченные препятствия были столь неодолимы, что мы буквально были отброшены назад.

Широкая полоса айсбергов и большое количество трещин в морском льду вблизи ледника уводили нас далеко от береговой черты. Нам не хотелось терять ее из виду. Мы решили попробовать идти по материковому льду. Ну и попробовали...

Уже через полчаса после выхода с бивуака, на пути к ледниковому щиту, пришлось остановиться и добрый километр пути, шаг за шагом, исследовать шестами. Трещины здесь попадались то и дело. Правда, они были неширокими. Но кто мог поручиться, что в одной из них не выкупаешься как следует или не потеряешь сани и собак.

Ощупывая шестами каждый метр снежного покрова, мы, наконец, дошли до склона ледника. Подъем на него в намеченном участке не представлял каких-либо трудностей, и наш караван вскоре оказался на высоте около 100 метров над уровнем морских льдов.

Первое время мы уверенно продвигались к северу, пеленгуя линию обрыва ледника, все время остававшуюся в поле нашего зрения. Потом Журавлев, шедший некоторое время впереди, начал жаловаться на боль в глазах. Я сменил его. Скоро под моими санями то и дело начал оседать снег, но я не придал этому особого значения, сидел на санях, курил и подбадривал собак. Все, казалось, обстояло благополучно, и можно было лишь радоваться, что нашли такой хороший путь.

Вдруг мои собаки остановились. После окрика они попытались отвернуться в сторону, а когда я поднял кнут, они повернулись ко мне, вопросительно посмотрели, наконец, подчинившись новому окрику, рванулись вперед... Послышался глухой шум. Задок саней на мгновение повис в про-

вале. Оглянувшись, я увидел между своими санями и следующей упряжкой темную зияющую пропасть. Ширина ее достигала полутора метров. К счастью, мои собаки, почувствовавшие опасность, успели проскочить сами и выдернуть сани в тот самый момент, как рушился снежный мост.

Снова началось осторожное прощупывание шестами каждого метра снежного покрова. Результаты оказались неутешительными. Шесты то и дело пробивали тонкую корку снега и уходили в пустоту. Местами снежные мосты рушились от одного удара. Впереди трещин было еще больше, ширина их увеличивалась, и, как правило, они простирались поперек нашего пути. Дальше к северу склон ледника становился круче, и трещин там должно было быть не меньше. Стало ясно, что поверхность ледника, казавшаяся снизу отполированной, жестоко нас обманула. Пути к северу здесь не было.

В глубине Земли ледник поднимался еще метров на сто и выглядел гладким. Возможно, что там он и был проходимым. Но мы уже не верили в это. Кроме того, уходя на ледниковый щит в поисках пути к северу, мы неминуемо должны были потерять из виду берег, и его очертания после нашей экспедиции, как и прежде, должны были остаться загадкой. Оставлять за собой на карте Земли пунктирную линию у нас не было никакого желания. Надо было вернуться на морской лед и там искать дальнейшего пути.

Выбраться из густой сети опасных трещин и спуститься с ледника тоже оказалось не простым делом. Это еще больше укрепило нас в решении искать путь в море между скоплениями айсбергов, хотя это и не сулило удовольствий. Около полуночи мы разбили лагерь под той же самой ледяной горой, где ночевали вчера. В довершение наших неудач у Журавлева не на шутку разболелись глаза. Были все признаки заболевания снежной слепотой. Предстояла неминуемая задержка.

До этого, если не считать моего заболевания в самом начале похода, мы продвигались и работали без особых помех. Иногда мешавшие нам легкие метели, туманы и большая облачность казались обычными будничными явлениями. Теперь Северная Земля как бы решила ставить нам преграды. Под влиянием неудач мы острее восприняли и резкую перемену погоды. Надвинулась низкая облачность, подул порывистый северо-восточный ветер и нахлынули полосы густого тумана. Правда, скоро опять заголубело небо, заштилело и в полночь с севера потоком хлынули солнечные лучи.

10 мая неудачи продолжались.

Полуослепший Журавлев лежал в палатке с завязанными глазами. Он всю ночь не спал от мучительных болей и не-

узнаваемо помрачнел. Как ни странно, за многие годы, проведенные в Арктике, он впервые болел снежной слепотой и теперь, по-видимому, всерьез боялся потерять зрение. Портила настроение охотнику и полная его беспомощность: он привык не бояться ни морозов, ни метелей. Уверенность в себе, в своей силе, в способности бороться с любыми трудностями была основной чертой его характера. А сейчас он превратился в беспомощного слепца.

Раствор кокаина, пущенный в воспаленные глаза, если бы и не ускорил выздоровление, то во всяком случае облегчил бы страдания. Но Журавлев категорически от него отказался. Он принадлежал к числу тех людей, которые не любят лечиться и верят в силы своего организма больше, чем во все лекарства.

Снежную слепоту я испытывал на себе, знал, что она вызывает мучительные боли и делает человека беспомощным, но также хорошо знал, что если не запустить болезнь, то она скоро проходит, не оставив никакого следа. И лечение ее проще простого. Самым надежным средством против нее, проверенным бесчисленное количество раз на практике, является темнота. Для полного излечения иногда бывает достаточно всего лишь одного-двух дней, проведенных в темном помещении или просто с завязанными глазами.

Каких-либо особых волнений за исход болезни Журавлева пока не было. Двух-трехдневная задержка не грозила нам катастрофическим нарушением планов, тем более что мы и без этого имели причину на некоторую задержку: при спуске с ледника я разбил передок своих саней, и нужен был день для их ремонта.

Более серьезная опасность пришла с другой стороны. Арктика дала очередной «концерт», доставивший нам куда больше хлопот и переживаний, чем вынужденная задержка.

Обсудив создавшееся положение, мы, наконец, крепко заснули. Но через несколько часов были разбужены ветром. Он был очень странным: каждую минуту менял направление, то спадал, то с силой обрушивался на палатку и, как бы ощупывая ее и проверяя прочность креплений, дергал то за одну стропу, то за другую. Парусина вздрагивала, трепетала и оглушительно хлопала под его напором.

Выглянув из палатки, я увидел необычную картину. Над морскими льдами, километрах в 5—7 от лагеря, крутилось несколько огромных снежных вихрей. Это были настоящие снежные смерчи. Внешне они напоминали вихри над степными дорогами в знойный летний день, только в сотни раз превосходили их по размерам. В своем бешеном круговороте они то приближались к лагерю, то отодвигались к морю.

Должно быть, поэтому ветер в районе лагеря то ослабевал, то несся с головокружительной скоростью. С каждой минутой сила ветра нарастала. Не было сомнения, что нам предстояло пережить нечто серьезное.

Накануне мы не нашли для лагеря ни одного хорошего снежного забоя. Вероятно, ветер гулял здесь частенько. Кругом лежал почти полностью обнаженный лед. Палатка была установлена на неглубоком забое. Колья строп могли быть вырванными, и тогда шторм неминуемо должен был порвать палатку в клочья или же просто унести ее, как листок бумаги. Некоторые колья уже расшатало, оттяжки ослабели, и парусина хлопала все сильнее. А ветер крепчал. Надо было спасать наше жилье.

Вдвоем с Урванцевым мы вылезли наружу. Вход в палатку был с наветренной стороны, и мы не рискнули им воспользоваться — выбрались из-под задней полы. Смерчей уже не было видно. Метель и не начиналась, так как на льду не было снега. Но ветер буйствовал с невероятной силой. Все попытки встать на ноги оканчивались неудачей: ветер сбивал с ног и на несколько метров отбрасывал от палатки.

Журавлев с завязанными глазами оставался внутри. Он вцепился в парусину и повис на ней, стараясь уменьшить образовавшуюся слабину и не давая полотнищу хлопать. А мы, оглушенные неистовым воем бури, задыхаясь, ползали по льду. С невероятным трудом удалось подтянуть груженые сани, привязать к ним палатку, собрать все имевшиеся ремни и веревки, укутать и туго стянуть палатку, точно тюк хлопка. Под веревки, на скатах палатки, подсунули лыжи и шесты. После этого парусина перестала надуваться и хлопать.

Не имея возможности подняться, мы лежали на льду и смотрели на наше убежище. Палатка съежилась, словно в страхе перед разъяренной стихией. Выглядела она жалко и смешно. Зато появилась надежда, что мы не останемся без жилья. Лыжные палки, использованные в качестве распорок внутри палатки, еще больше укрепили ее.

Все это было сделано вовремя. Буря неумолимо нарастала. С трудом разместившись в стянутой палатке, все еще не совсем уверенные в том, что даже в таком виде она устоит против урагана, мы, не раздеваясь, лежали поверх спальных мешков и напряженно ждали исхода событий. Снаружи доносился беспрерывный гул. Иногда сквозь него раздавался пронзительный визг ветра. Впечатление было такое, будто мы сидели под железнодорожным мостом и над нашими головами с грохотом, гулом и свистом несся бесконечно длинный поезд.

Утром, когда крепили палатку, под защитой айсберга скорость ветра равнялась 20 метрам в секунду, а на открытом месте она превышала 30 метров.

После полудня я вылез наружу. В море опять носились снежные вихри. Лежа около палатки, я поднял руку с анемометром. Он показал, что скорость ветра достигала 27 метров в секунду. Я отполз метров на сорок, выбрался из-за айсберга на открытое место и вновь поднял руку с прибором. Его крестовина с полушариями слилась в еле уловимый нимб. Отсчет показал, что здесь ветер несся со скоростью свыше 37 метров в секунду. И это над самой поверхностью льда. Что делалось в вышине и дальше в море — сказать невозможно. Дышать было трудно. Подняться я не мог. Пришлось возвращаться ползком.

Ветер такой силы на Северной Земле мы наблюдали впервые. Раньше мы переживали чуть ли не все ветры, имеющие наименования по шкале: слабые, свежие, резкие, сильные, очень сильные и штормовые; но в такой еще не попадали. Над нами неслась уже не буря, а настоящий ураган.

Во время вылазки я еще крепче стянул палатку. Теперь она совсем сплющилась, площадь парусности ее стала ничтожной. Уверенность в устойчивости нашего убежища укрепилась. Мы уже более спокойно ждали улучшения погоды.

Весь день буря пела свои дикие песни. А вечером неожиданно начала стихать. Через полчаса ветра точно не бывало. Наступил полный штиль. Тишина наступила внезапно, словно бурю мы видели только в кошмарном сне.

Лагерь сразу оживился. Начали кормить собак. Потом собрались было «распаковывать» палатку. И хорошо, что не начали с нее.

— Посмотри, опять начинается! — окликнул меня Урванцев.

Я взглянул в море. Там опять в бешеном хороводе неслись снежные вихри.

— Сейчас начнется у нас!

И действительно, не прошло и четверти часа, как ураган вновь обрушился на нас. Разница была лишь в том, что теперь ветер несся не с моря, как раньше, а с противоположной стороны — с ледникового щита.

Через час опять наступила полная тишина, которая очень скоро сменилась ревом ветра со стороны моря. И так до поздней ночи. Было похоже, что мы находимся в районе одного смерча, передвигающегося на небольшом пространстве, и направление ветра зависит от того, с какой стороны от нас бушует смерч.

Так под эту музыку мы и заснули, когда солнце стояло на

севере. Разбужены были ветром на следующий день, 11 мая; солнце было уже на востоке. Правда, буря уже кончилась. Только шквальный ветер все еще достигал иногда 12—13 метров в секунду.

Я починил свои сани. Потом мы измерили высоту надводной части нашего айсберга. Она оказалась равной 24,3 метра. Вершина ледяной горы была почти горизонтальной, и среднюю высоту ее можно было принять за 20 метров. Следовательно, общая толщина льдины колебалась где-то между 120 и 140 метрами. Надо отметить, что таких великанов мы встречали немного. Только в узкой части пролива Красной Армии, вблизи мощного ледника, их было достаточно.

К концу дня наш охотник без особых усилий уже мог смотреть через очень темные снежные очки. А на следующий день, 12 мая, мы снялись с лагеря.

Погода вновь закапризничала. Еще до того как мы тронулись в путь, повалил густой снег и на небе не осталось ни одного просвета. Весь день снегопад то прекращался, то возобновлялся, а небо долго оставалось покрытым сплошными облаками.

В такую погоду мы с Журавлевым обычно по очереди шли впереди. Это был совсем не легкий труд. Езда на собаках с гружеными санями сильно утомляет. То и дело приходится или отводить сани от встречного препятствия, или притормаживать их на склоне, или помогать собакам выдернуть тяжелый воз на подъем. К концу большого перехода путник чувствует себя очень усталым и мечтает об отдыхе.

Ведущему надо беспрерывно думать о курсе, выбирать проходимый путь, следить за дорогой и выдерживать по возможности постоянный темп движения. Теперь ко всему этому прибавилась еще опасность переутомить глаза и заболеть снежной слепотой. Солнечный свет, отраженный снежными полями и рассеянный атмосферой, сильно раздражает сетчатку глаза и вызывает острое воспаление ее. Это и есть снежная слепота.

Особенно опасны весенние дни с рассеянным светом, когда небо закрыто облаками. В такие дни в Арктике все одинаково бело: и небо, и снег, и льды. Нет ни линии горизонта, ни раздела между белым небом и землей, покрытой снегом, ни разницы между расцветкой льда и снега. Из-за отсутствия теней светлые предметы в такие дни становятся невидимыми. Часто торчащая льдина или высокий заструг остаются незаметными до тех пор, пока не споткнешься или не ударишься о них. А отдаленные темные предметы кажутся висящими в воздухе. Это затрудняет съемку и еще больше утяжеляет работу ведущего.

Бывает, что на белом пространстве нет ни одной сколько-нибудь заметной темной точки. В таком случае курс прокладывается на какой-нибудь еле видимый торос, полузасыпанный снегом и как бы плавающий в небе, на камень или даже на снежный заструг. Как правило, отдельные ходы не превышают в этих случаях сотни метров. Но и на таком расстоянии достаточно на одно мгновение выпустить из поля зрения намеченную точку, чтобы потом уже не найти ее. Поэтому приходится управлять собаками, не отводя взгляда от точки, на которую проложен курс. Если к этому еще добавить постоянную необходимость смотреть под ноги, чтобы не споткнуться или не попасть в трещину, то станет понятным, насколько у ведущего должно напрягаться внимание и утомляться зрение.

У нас, конечно, были очки-консервы. Я всегда предпочитал желтые. Очки должны спасать глаза от влияния рассеянного света. Но всегда носить их — трудновыполнимое условие. Когда возишься с санями в 400 килограммов весом, при любом морозе капли пота не только щекочут спину, но и катятся со лба и заливают глаза. Запотевают и стекла очков, какого бы цвета и системы они ни были. И вот протрешь их раз, протрешь два, три, четыре... и, наконец, уже не знаешь, чем заниматься — протирать очки или все же идти вперед. Конечно, последнее всегда кажется важнее. И чтобы идти, сдвинешь очки на лоб или сунешь их в карман. Пройдешь так полчаса или час, пока не осилишь трудного участка пути, и этого бывает вполне достаточно, чтобы заболеть снежной слепотой.

Итак, мы снялись с лагеря 12 мая. Журавлев еще не совсем поправился и часть пути сидел с завязанными глазами на своих санях. Я весь переход должен был идти впереди и устал больше обычного, хотя дорога оказалась не такой уж страшной, как представлялась издали.

Сначала мы отыскали сносный путь вдоль ледника, потом, в надежде обойти ледяные горы, постепенно отклонялись к востоку. Часа два продвигались без особых помех. Айсберги достигали 500—600 метров в поперечнике и часто по высоте не уступали тому гиганту, у подножия которого мы пережидали бурю. Но чем мористее мы двигались, тем реже они попадались. Мелкие трещины в окружающем их морском льду не представляли ни опасности, ни особых препятствий.

Потом я заметил, что край ледникового щита отодвинулся от береговой черты и начал отклоняться к северо-западу. Дальше Земля сильно понижалась. Берег еле улавливался взглядом и едва поднимался над морскими льдами, но зато

далеко выдавался к востоку, образуя широкий, плоский мыс. С юга, почти по касательной к оконечности мыса, лежала высокая гряда торосов; а с морской стороны ее мы наткнулись на свежую, открытую трещину, достигавшую в отдельных местах ширины трех метров. Торошенные льды, прижатые к мысу, не обещали ничего хорошего, а за трещиной простиралась вдоль берега широкая полоса совершенно ровного льда. Переправившись через трещину, мы избежали пути по торосам и более 8 километров прошли по отличной дороге.

При съемке мыса столкнулись с картиной, в которой не сразу удалось разобраться. К счастью, снегопад к этому времени прекратился, местами заголубело небо и видимость улучшилась. Это несколько облегчило нашу задачу.

Среди прибрежных льдов мы увидели большое скопление невысоких конусообразных, еле прикрытых снегом песчано-галечных холмиков. Они полукругом, шириной до 4—5 километров, лежали с южной стороны мыса, потом более узкой полосой опоясывали его с востока и значительное пространство захватывали к северу от мыса. Скорее всего они представляли собой поднимающиеся над водой возвышенности широкой отмели, являющейся в свою очередь моренными отложениями исчезнувшего на этом участке ледника. Точно проследить линию коренного берега Земли из-за этой отмели было почти невозможно — так полого и незаметно он переходил в самую отмель, а снежный покров еще больше маскировал их границу.

Мысу дали имя Розы Люксембург.

Когда заканчивали съемку мыса, погода совсем разгулялась. Солнце залило светом бескрайные заснеженные пространства. Далеко на юге вырисовывались мыс Ворошилова и высоты, уходившие от него к фиорду Матусевича. Только что выпавший пушистый снег блестел и искрился. Им можно было залюбоваться. Но случай с Журавлевым, только что снявшим с глаз повязку и сидевшим на санях в самых темных очках, не поощрял к этому. За этот переход я, по-видимому, тоже перенапряг зрение, чувствовал в глазах легкое покалывание и старался не смотреть на снежную поверхность.

Край большого ледникового щита совсем повернул на запад. Он-то, по всем признакам, и был принят экспедицией, открывшей Землю, за северную ее оконечность. Низкий берег, вдоль которого мы теперь шли, не мог быть видимым с кораблей.

Новый лагерь мы разбили поздно вечером на 38-м километре пути. Он находился не только дальше сплошной ли-

нии, обозначавшей восточный берег Земли, но и за пределами пунктира. Мы вообще вышли за пределы старой карты. Где-то впереди лежала северная оконечность Северной Земли. Некоторые признаки указывали, что эта точка совсем недалеко. Ярко выраженный темный сектор неба опоясывал горизонт от северо-востока до северо-запада. Темная окраска неба могла быть только отражением открытой воды. Недаром туда летели стаями чистики, люрики и белые чайки. Даже куличок-песчаник, сегодня впервые замеченный нами в этом году, промчался туда же. Значит, где-то в пределах этого темного сектора и кончалась Северная Земля.

На какой широте находилась крайняя северная точка Земли, должны были показать ближайшие дни. Мы уже были полны нетерпения достигнуть этой точки. Желание увидеть ее и отметить на белом листе карты опережало нас.

Северная оконечность Земли

Погода становилась все более неустойчивой. Пасмурное небо, очень низкая облачность, а главное, густые снегопады все чаще лишали нас возможности вести съемку, вынуждали подолгу сидеть в палатке и томиться вынужденными задержками.

Ранним утром 13 мая, при очень плохой видимости, мы все же решили продолжить путь, но пока запрягали собак и увязывали груз, погода окончательно испортилась. Засвежел до этого слабый юго-восточный ветер и повалил такой густой снег, что ни о какой съемке, особенно при характере здешних берегов, не могло быть и речи. Пришлось отпрячь собак, распаковать сани и весь день просидеть на месте.

Основное занятие в таких условиях — наблюдение за барометром. В этот день оно, как и всегда, было не только скучным, но и не обещало улучшения погоды. Накануне, в полдень, атмосферное давление равнялось 756,0 миллиметра, к 7 часам утра оно упало до 750,9, в полдень барометр показывал уже 746,7, а еще через три часа — только 745,7.

Цифра угрожающая. Моряки при таком падении давления уже готовили бы свой корабль к жестокому шторму. Мы тоже готовы были принять любую бурю. Палатка стояла прочно, а сами мы, пожалуй, были бы рады хорошей встряске в атмосфере. После нее можно было бы ожидать изменения погоды к лучшему. Но ни шторма, ни бури не получилось. Здесь нередко мы попадали в жестокую бурю при

очень высоком стоянии барометра и часто убеждались, что падение давления отнюдь не обязательно сопровождается штормом.

Так случилось и на этот раз. Правда, свежий и очень неровный ветер при густом снегопаде развел за стенками палатки заметную метель и лишил нас возможности вести съемку, а следовательно, и продвигаться на север к желанной цели, но все же бури, сопровождающей такое падение давления в южных морях, здесь не было. Поднявшаяся метель отнюдь не походила на шторм, ее голос скорее напоминал мяуканье котенка, чем вой волчьей стаи.

— Не метель, а канитель! — ворчал охотник.

Но эта «канитель» держала на месте, что и раздражало
нас. Мы то и дело смотрели на барометр и высовывались из палатки, пока не убедились, что на метель сердиться бесполезно, надо запастись выдержкой.

Отмеченный минимум давления оказался предельным. Больше восьми часов стрелка анероида не двигалась с места. Ветер и снегопад продолжались. Видимость не превышала 40—50 метров. Потом давление стало медленно подниматься, и еще медленнее начала улучшаться погода.

Наконец, снегопад прекратился, ветер стих, облачность рассеялась, и мы, после полуторасуточного томления, двинулись дальше на север.

Следующая стоянка была сделана уже днем 14 мая после 35-километрового перехода. На всем протяжении генеральное направление нашего пути шло на северо-запад, в соответствии с направлением берега Земли. Берег по-прежнему был низким, сложенным песками и глиной и окруженным отмелями. Отмели заканчивались многолетним, когда-то торошенным льдом. Все острые кромки старых торосов успели обтаять и сгладиться. Надо думать, что когда-то эти льды, выжатые из моря, сели на мель и уже не могли с нее сняться.

Вообще в ландшафте здесь безраздельно господствуют мягкие линии. Ни одного излома, ни одного резкого поворота или подъема. Берег настолько отлогий, что не всегда с первого взгляда можно понять, где ты находишься — на берегу или на льду. Иногда нам приходилось раскапывать снег, чтобы точно знать — земля или лед под нами. Только остатки сгладившихся торосов на границе отмели да приливно-отливная трещина помогали ориентироваться.

Высоты в глубине Земли были незначительными и тоже отличались мягкостью своих очертаний. Резко выделялся только все еще хорошо видимый пройденный нами ледни-

ковый щит. Но и его высота с этой стороны была небольшая. Лишь в конце перехода впереди обозначалась новая куполообразная возвышенность.

В пути мы видели несколько стаек чистиков, летевших с северо-запада, а навстречу им — впервые замеченную в этом году стаю моевок. Кроме них, вообще первый раз на Северной Земле, увидели полярную сову.

На береговом торосе, под которым разбили лагерь, обнаружили следы трех медведей. Журавлев был уже готов пуститься на поиски зверей, но пришлось отклонить это намерение. В медвежатине мы пока не нуждались, путь из-за выпавшего снега был тяжел, а перегружать сани мясом про запас было не в наших интересах, тем более, что погода вновь испортилась, начался новый снегопад, который должен был еще больше ухудшить дорогу.

Непогода опять удлинила наш отдых, хотя мы не испытывали в этом никакой нужды. Восемь-девять часов и для нас и для собак было вполне достаточно, чтобы восстановить силы для любого перехода, а снегопад задержал нас на целых девятнадцать часов. Небо снова покрылось облаками. Валил такой густой снег, что ничего нельзя было рассмотреть далее 30—40 метров. Температура воздуха поднялась, давление опять упало. Снег на парусине палатки начал таять.

Только днем 15 мая нам удалось двинуться дальше. Боясь упустить установившуюся погоду, мы были вынуждены оставить в покое двух медведей, появившихся в районе нашего лагеря. Настроение охотника было испорчено почти на весь переход.

Характер берега почти не менялся. Лишь впереди попрежнему виднелась небольшая куполообразная возвышенность. Путь из-за рыхлого снега был очень труден. Медленно, но неуклонно мы с каждым шагом приближались к щиту, поблескивающему на фоне темного неба.

Этот день ознаменовался примечательным событием. На 15-м километре мы подошли к маленькому мыску, рядом с которым возвышался свежий береговой торос. Поднявшись на вершину ледяной гряды, километрах в 4—5 к северу увидели открытую воду. Не вскрытые льды, а настоящее чистое, свободное от льдов море! По перелету птиц и «водяному» небу мы уже давно предполагали наличие на севере открытой воды, но думали, что это более или менее крупные разводья среди взломанных льдов. Открывавшаяся картина превзошла все наши ожидания. В пределах хорошей видимости на воде не было ни одной льдины, и даже вдали на небе не замечалось никаких признаков характерного для

льдов белесоватого отблеска. Странно было видеть такое море в первой половине мая за 81° северной широты.

Еще через несколько часов подошли вплотную к подножию давно замеченной возвышенности. Она оказалась новым ледниковым щитом. Погода к этому времени разгулялась, несмотря на то что давление все еще было очень низким. Решили воспользоваться солнцем и провести астрономические наблюдения. От последнего астрономического пункта нас отделяло более 100 километров. Надо было уточнить наше местонахождение.

Лагерь разбили очень быстро. Обычно мы тратили на это 30—40 минут. На этот раз надо было спешить. Мы остановились в 17 часов 40 минут и уже в 18 часов должны были принять сигналы времени. На распаковку саней и разбивку палаток потратили всего лишь 8 минут, а на установку радиоприемника и антенны только 4 минуты. Таким образом, через 12 минут после остановки все было готово к приему радиосигналов времени.

16 мая стало для нас торжественным днем.

Район вокруг нашего нового лагеря был сложен небольшим ледниковым щитом, высшая точка которого была расположена несколько южнее лагеря. Ледник отлого спускался к морю и только в одном месте, в северо-восточной части, на очень небольшом протяжении образовывал отвесный шестиметровый обрыв. Около него тихо лежало открытое море.

Здесь сливались воды двух морей — Карского и Лаптевых. К северу начинался Центральный бассейн Северного Ледовитого океана. Мы стояли на крайней точке суши в этом секторе Арктики. По-видимому, где-то недалеко к северу должен лежать уступ материковой платформы, после которого начинаются большие океанические глубины.

Чистое от льдов море уходило на север за пределы хорошей видимости. Даже с ледникового купола, откуда горизонт значительно расширялся, мы не могли увидеть в море никаких признаков льдов. Примыкавшая к мысу с юго-востока кромка припая прослеживалась в этом направлении километров на 15, потом отклонялась к востоку и терялась за пределами видимости. Кромка была слегка торошенная и сложена из льдин удивительно интенсивного ярко-голубого цвета, напоминавшего лазурь глетчерных льдов. Однако не могло возникнуть никакого сомнения, что это были остатки недавно стоявших здесь ровных морских льдов очень молодого возраста.

На воде было много моевок, люриков, чистиков и бургомистров. Большими стаями носились белые полярные чайки. На льду можно было видеть старые следы медведей. Но за

весь день мы видели всего лишь одну нерпу, хотя очень тщательно наблюдали за морем.

Время от времени с севера набегали полосы тумана. Облачность резко менялась. Иногда крупными хлопьями падал снег. Солнце то и дело пряталось за тучи. В такие минуты снежные поля тускнели, изломы льда теряли свой лазурный цвет, а море казалось еще темнее — почти черным. Темное водяное небо полукольцом охватывало горизонт, и по нему можно было приближенно судить о направлении неизвестного нам западного берега Земли.

Так выглядела северная оконечность Северной Земли в день первого достижения ее людьми. Этими людьми были

мы — посланники советского народа. Только Вася Ходов не присутствовал здесь, но и его труды в немалой доле были вложены в это дело. Наши общие усилия привели нас сюда. И теперь, остановив собак и сидя на санях, мы долго молча смотрели на открывшуюся картину и вновь переживали все трудности и радости пути.

Наш лагерь, черневший на девственном белом поле льдов, несмотря на суровость окружающего пейзажа, был в этот день оживленнее, чем обычно. Мы праздновали наше достижение крайней точки Северной Земли.

Крайнюю точку Северной Земли мы должны были закрепить на карте особенно тщательными астрономическими наблюдениями. Естественно, что эту работу хотелось сделать поскорее. Но погода стояла преимущественно пасмурная, и никаких признаков быстрого улучшения ее не было. Поэтому в лагере устраивались основательно, с расчетом на возможную длительную стоянку. И не ошиблись.

Трое суток мы оставались в этом лагере. В первый день из-за облачности вообще не удалось приступить к наблюдениям. 17 мая почти беспрерывно держалась пасмурная погода, дул легкий северо-восточный ветер, налетал туман и порошил снег. Солнце лишь изредка проглядывало сквозь облака. Его края были настолько нечетки, что вести наблюдения было совершенно невозможно. Все же на короткое время облака разбежались, и это дало возможность определить широту. Но определение долготы и в этот день сделать не удалось.

Мы вели наблюдения за морем или сидели в палатке, просматривали путевые записки, занимались починкой одежды и пока довольно благодушно поругивали погоду. К концу дня все это начало надоедать. Журавлев попросил разрешения заглянуть вперед, на западный берег Земли, и посмотреть, нет ли там медведей. С маленькой запасной палаткой

он отправился вдоль склона ледника, с расчетом километрах в 15 от нашей «деревни» заложить свой «хуторок». Мы с Николаем Николаевичем решили заняться своим туалетом — устроить баню, помыться и постричься.

Со дня выхода с базы у нас не было возможностей заняться собой, и, признаться, выглядели мы не очень привлекательно. Рубашки и штаны из шелковой прорезиненной материи, защищавшие от сырости наши меховые костюмы, уже давно потеряли свой прежний вид, покрылись пятнами жира, обтрепались и во многих местах успели порваться. Ввиду того что не было сильных морозов, мы не обращали внимания на свои бороды, и они у нас сильно отросли.

Последнюю неделю мы мечтали о бане. Устроить ее было не так-то просто. Но чему не научит необходимость! Даже в условиях санного похода в Арктике можно устроить баню. Для этого надо набрать плавника, разжечь на галечной косе большой костер с таким расчетом, чтобы площадь костра была несколько больше площади, занимаемой под палатку. Через несколько часов горения костра, даже при сильных зимних морозах, галька не только оттает на некоторую глубину, но и разогреется в такой мере, чтобы заменить парную каменку. Теперь остается отгрести в сторону оставшиеся от костра головешки, угли и золу, а на горячее место быстро поставить палатку. При морозах до 12—15° вполне достаточно только полотнища палатки, а при более низких температурах лучше накрыть ее еще брезентом. Чтобы не обжечь ноги, надо бросить на горячую гальку старую моржовую шкуру или, еще лучше, крышку от продуктового ящика — и баня готова. Если вы не забыли, пока горел костер, согреть необходимое количество воды, теперь можно не только помыться, но и попариться. Достаточно плеснуть на раскаленный пол холодной воды, чтобы вся палатка наполнилась горячим паром, ничем не уступающим пару в любой бане.

К сожалению, здесь в нашем распоряжении не было не только ни одного плавникового ствола, но даже и маленькой щепочки. А если бы были даже сотни кубометров дров, то все равно мы не смогли бы нагреть ледниковый щит, слагающий крайнюю точку Северной Земли и лежащий у нас под ногами. Зато были другие благоприятные условия. Термометр показывал всего лишь около 10° мороза. Мы решили, что у нас нет никаких причин лишать себя удовольствия помыться.

Палатку накрыли брезентом. Разожгли оба имевшихся примуса. В трехлитровых банках из-под пеммикана, в чайнике и в бидоне из-под керосина нагрели достаточно воды,

натопленной из льда. Под ноги бросили фанерные крышки от ящиков, защитив ступни от льда. И прекрасно помылись.

После «бани» на ледниковом щите мы были по-настоящему счастливы. Справедливости ради необходимо предупредить: если недостаточно опытный человек попадет в условия, сходные с нашими, и решит искупаться по такому же методу, то он должен соблюдать следующее: начинать купание надо с ног, пока не снимая шерстяной фуфайки и меховой шапки. Сделать это можно лишь после того, как нижняя часть тела будет не только помыта, но и достаточно тепло одета. Если не послушаться этого мудрого совета и

начать мыть в первую очередь голову, то придется, чтобы не оледенели волосы, сейчас же надеть на мокрую голову шапку. И второй совет: хорошо после такого «купания» выпить чаю с коньяком (для любителей не возбраняется, конечно, и чистый коньяк, если он имеется в достаточном количестве) и поплотнее закутаться в спальный мешок, что помогает человеку, вышедшему из «бани», поскорее согреться, перестать стучать зубами и крепко заснуть.

Проснувшись через несколько часов после купания, мы увидели вокруг себя ту же картину, что и раньше. По-прежнему небо было обложено облаками. Началось томление от безделья. Утром 18 мая я записал в свой дневник:

«Заманчиво открыть северную оконечность Северной Земли. Лестно раскинуть на ней свой лагерь. Приятно пережить гордое чувство первооткрывателя. Но сидеть здесь без дела и скучновато и досадно. Прошло трое суток, как мы остановили здесь свои упряжки. Солнце в нужные моменты, словно нарочно, закутывается в облака и туманы, а мы не можем уйти отсюда, не увидев светила. Надо точно определить географические координаты крайней точки Северной Земли.

То и дело смотрим на небо. В определенное время, приготовив хронометры, стоим у теодолита и, подняв к небу лица, начинаем просить: «Ну, солнышко! Ну, милое, хорошее! Покажись же!»

Ничто не помогает. Минуты, нужные для наблюдений, проходят даром. Возвращаемся в палатку и начинаем заниматься кухней, потом засыпаем. Проснувшись, вновь выжидаем время наблюдений, опять смотрим на небо. А солнца все нет и нет. Даже не видно, в какой стороне оно находится,— настолько плотны скрывающие его облака. Определить его местонахождение можно только с помощью хронометра и компаса.

Провести наблюдения опять не удается. Мы идем в палатку и принимаемся за чаепитие. Не полярное путешествие, а какой-то сплошной курорт. Но нам необходимо продолжать путь. Каждый лишний день вынужденного бездействия бесполезно расходуется продовольствие, собачий корм и топливо, а главное — драгоценное время. Сейчас мы находимся лишь на половине северного маршрута, а ведь нам предстоит еще другой маршрут — в центральную часть Земли. Когда же мы сможем в него выйти?

Кто не возражает против лишнего дня стоянки, так это наши четвероногие друзья. Они полностью получают свои порции пеммикана, наслаждаются относительным теплом и лежат, вытянув лапы, а для развлечения время от времени ворчат и перелаиваются между собой.

Надо признать, что наши собаки оказались совсем не плохими работниками и полностью рассеяли все первоначальные сомнения в их достоинствах. За этот поход погиб только один Серко, да и то не от работы, а в драке с Бандитом; потом отбился в дороге Гришка — толстый, жирный лодырь, не желавший работать. Остальные усердно трудятся и честно зарабатывают свои порции пищи. Несмотря на солидную нагрузку, если нет на пути торосов или глубокого, рыхлого снега, мы почти всегда можем сидеть на санях.

Пока в этом маршруте мы путешествуем с достаточными удобствами и не отказываем себе ни в чем, что может быть доступным в санном путешествии. Нет опасений, что эти условия могут резко измениться и в будущем. Мы располагаем достаточными запасами продовольствия и силами, чтобы обогнуть с запада эту часть Земли и выйти к продовольственному депо на мысе Серпа и Молота. Но все-таки время дорого. «Великое сидение» начинает нервировать. Хоть бы скорее увидеть солнце и тронуться к западным берегам Земли!»

Эту запись я закончил в 10 часов, когда затянутое тучами небо не обещало изменений в погоде. Но скоро, словно вняв нашим мольбам, оно начало очищаться от облаков. Появилось долгожданное солнце. Сейчас мы были рады ему больше чем когда бы то ни было. К вечеру Николай Николаевич закончил определение астрономического пункта.

Воспользовавшись отличной видимостью, мы еще раз поднялись на самую высокую точку ледникового щита и вновь осмотрели море. Оно было таким же, как и три дня назад. Совершенно чистая от льдов вода уходила за пределы горизонта. Потом мы подъехали к самой воде.

Глубина моря, примыкавшего вплотную к ледниковому щиту, была незначительной. Вероятно, часть ледника лежа-

ла в воде, а настоящий, низменный берег, возможно, находился где-то под ледниковым щитом, несколько южнее современной черты моря. Температура морской воды едва достигала —1,8°. По-прежнему здесь было много птиц и, как прежде, отсутствовали тюлени.

Открытое море продолжало интересовать нас. По-видимому, это явление было целиком связано с общим дрейфом льдов из моря Лаптевых в Центральный полярный бассейн и с тем, что льды, вскрытые постоянным ледовым потоком с юго-востока, отогнаны ураганом, пережитым нами 10 мая.

В 1913 году суда Гидрографической экспедиции были близки к этой точке с востока, а в 1930 году почти так же близко с запада подходил к ней «Седов». К сожалению, в обоих случаях не ставилась задача обхода Северной Земли, и, возможно, лишь поэтому северная оконечность не была открыта до нас.

Мысль о возможности прохождения здесь кораблей была очень заманчивой. Воображение рисовало суда на фоне ледникового щита. Но реально нельзя было не считаться с постоянной тяжелой ледовой обстановкой в Карском море и с неминуемой борьбой со льдами, выносимыми в Центральный полярный бассейн из моря Лаптевых. Ясно было лишь одно — много еще предстояло работы советским исследователям, много еще в Арктике было нерешенных проблем.

Теперь, когда солнце не так уж было нужно, оно ярко светило всю ночь. И только утром, когда мы собирались покинуть лагерь, оно опять скрылось за облаками.

На астрономическом пункте надо было поставить какой-нибудь прочный знак, чтобы в будущем найти точное место наших наблюдений. Обычно мы выкладывали каменный гурий, но здесь не было ни камня, ни другого материала, кроме льда. Сами мы тоже никакими строительными материалами не располагали. Поэтому в точке, где стоял теодолит, пришлось поставить всего лишь тонкую бамбуковую вешку. Под ней вкопали в лед бидон из-под керосина, к ручке его привязали бутылку с запиской о нашей экспедиции, пройденном пути, открытии северной оконечности Земли, со сведениями о наших дальнейших намерениях и запасах продовольствия.

19 мая мы покинули северную оконечность Земли. Она осталась такой же, какой мы ее увидели впервые — белой, строгой и суровой. Долгие века этот кусочек земли ждал человека, пока его не достигли советские люди.

Веселый месяц май

Поворотный пункт нашего похода остался позади. Мы повернулись затылком к северу и двинулись назад, но не по проторенной дороге, а вновь по целине. Наши собаки бежали на юго-запад, вдоль отлогого склона ледника. Начались западные берега Земли, не виданные даже нами, а ведь мы уже вправе были считать себя аборигенами здешних мест.

На десятом километре увидели «хуторок» Журавлева. Маленькая палатка темной точкой маячила на ледяном поле и казалась безжизненной, точно заброшенная в песчаной пустыне юрта кочевника. При нашем приближении собаки подняли гвалт и из палатки показался сам «хуторянин».

Охотник был не в духе. Угадать причину его настроения не представляло труда. Около палатки не было видно свежих медвежьих шкур, а пустые консервные банки свидетельствовали о том, что он по-прежнему кормил своих собак пеммиканом, а не медвежатиной. Журавлев много, но безуспешно рыскал по окружающим льдам. Кроме старых медвежьих следов да иногда пролетавших чаек, он за все время не видел здесь других признаков жизни.

— Это не край земли, а край света,— наискосок через улицу от самого черта! — ворчал охотник.— Сюда даже звери не заходят!

Раздраженный отсутствием зверя, он явно преувеличивал. Многочисленные старые следы медведей опровергали его выводы.

Но сейчас, если не считать птиц, живности здесь действительно было мало. При наличии вскрытых льдов и больших пространств воды можно было бы рассчитывать на гораздо большее. За одиннадцать суток со дня ухода с мыса Ворошилова мы лишь два раза пересекли свежий медвежий след, убили одного и подарили жизнь пяти зверям, бродившим недалеко от наших стоянок, севернее мыса Розы Люксембург. Кроме того, дважды видели след песца и ни разу не замечали следов лемминга, а за четыре последних дня наблюдений за открытым морем увидели только одну нерпу.

Отсутствие лемминга было понятно: сплошные ледники и разделявшая их узкая, лишенная растительности полоса песков и илистых отложений не могли быть благоприятными для жизни этого зверька. А с леммингом неразрывно связано и существование песца. Если в середине зимы песцы бродят в поисках пищи и по морским льдам, то теперь, после спаривания, они выбирают места, богатые леммингами и птицами. В этом мы убедились в районе фиорда Матусевича и на южном берегу пролива Красной Армии.

Труднее было понять почти полное отсутствие тюленей. Мы знали, что в районе островов Седова тюлени хотя и немногочисленны, но все же водятся на протяжении всей зимы, и еще в марте били их на открытой воде у острова Голомянного. Расстояние, отделявшее нас от тех мест, было не таким большим, чтобы играть какую-нибудь роль. Единственно, чем можно было объяснить исчезновение нерп, это откочевкой их к северу вместе с кромкой плавучих льдов. Предыдущей осенью мы не раз были свидетелями отхода тюленей от берега при появлении на горизонте ледяных полей, а возвращался зверь вместе с приближением льдов к островам. Кромка льдов летом изобилует жизнью. Но сейчас тюлени вряд ли могли рассчитывать там на обильный корм, так как до периода цветения планктона было далеко. По-видимому, только выработанный тысячелетиями условный рефлекс и инстинкт гнали сейчас животных к кромке плавучих льдов.

Малочисленность медведей объяснялась легче. Они обычно ищут добычу среди плавучих льдов и вместе с ними были унесены к северу в бурю 10 мая.

Все эти рассуждения, казавшиеся вполне логичными и достаточно обоснованными, я изложил Журавлеву. Но никакая логика не могла убедить охотника.

Солнце, словно выполнив свои обязанности, уже скрылось за сплошными облаками. Стояла сырая, теплая погода. Сани скользили легко. Отдохнувшие собаки уносили нас все дальше.

Край ледникового щита отвернул на восток, в глубь Земли. Его сменил опять низкий и голый берег, ничем не отличающийся от берега восточной стороны Земли. Так же как и там, перед нами тянулись отмели с многочисленными, напоминавшими муравейники буграми, слабо поднимающимися над уровнем моря. Иногда отмели заканчивались почти у самого берега, уступая место грядам многолетних торошенных льдов, а порой они расширялись до семи-восьми километров и в этих случаях сменялись молодыми льдами со всеми признаками зимнего торошения. На берегу, среди песков, мы нашли обломки окремнившегося дерева. Происхождение этих находок пока оставалось для нас загадкой.

По мере удаления от старого лагеря мы уходили и от открытого моря. К полуночи резко очерченный край темного «водяного» неба уже прерывался на северо-северо-востоке. К западу море сплошь покрывали сильно торошенные льды, неподвижные в пределах видимости. Еще реже здесь попадались старые медвежьи следы.

Мы в это время были уже в 36 километрах от северной оконечности Земли. Это неплохой переход. Пора было раскинуть новый лагерь.

Устройство на ночлег заняло немного времени. Накормив собак и поужинав, забрались в спальные мешки и тут же заснули. Но через четыре часа были разбужены воем ветра. Палатку лихорадило. Ее наветренная юго-западная сторона надувалась, точно парус, а противоположная оглушительно хлопала. За парусиной крупными хлопьями хлестал густой снег. Он успел засыпать бóльшую часть собак. Метель бушевала в полную силу. Так развлекался здесь веселый месяц май.

Пришлось покинуть спальные мешки и закрепить палат-
ку. После этого ничего не оставалось делать, как вновь поглубже запрятаться в спальные мешки. Но уже не спалось. Метель означала лишнюю задержку. Уходило драгоценное время, убывали продукты. Рассчитывать на успешную охоту здесь не приходилось. Невольно думалось о запасах собачьего корма — хватит ли его на предстоящий путь.

Только к полудню 20 мая снегопад сменился густым, сырым туманом, больше походившим на мелкий моросящий дождь. Температура воздуха поднялась очень значительно. Барометр упал. Но ветер все же начал стихать. Наконец, к 14 часам видимость улучшилась настолько, что мы смогли покинуть стоянку. К полуночи успели положить на карту новых 25 километров берега.

В пути несколько раз попадали в шквальный ветер и метель. Ветер бил прямо в лоб.

К полуночи заметно похолодало. Поверхность снега оледенела и подламывалась. Боясь, что собаки изрежут лапы, мы решили удовлетвориться 25-километровым переходом и остановились. К тому же и видимость опять ухудшилась, а ближайшие часы не обещали просветления.

Собаки на переходе несколько раз «брали дух» какого-то зверя, настораживались, начинали метаться, но тут же успокаивались, так как чутью мешал менявшийся ветер. Журавлев начал было рыскать вдоль торошенных льдов, но, боясь потеряться в метели, вынужден был бросить это занятие. Перед остановкой собаки снова насторожились. Зверь был где-то близко. Я начал осматривать льды в бинокль и тут же увидел медведя, спокойно шагавшего параллельно нашему пути. Журавлев на пустых санях помчался в погоню. Вскоре охотник вернулся с добычей. Это была невзрачная тощая медведица. Но для голодной собаки не существует голой кости. Эту поговорку не замедлили подтвердить наши четвероногие помощники.

О дальнейшем пути рассказывают страницы дневника. В них мало веселого. Май не баловал нас погодой.

«21 мая 1931 г.

Ни о чем не могу писать, как только о желании идти вперед и абсолютной невозможности это сделать. На исходе сутки, как беспрерывно воет ветер, а снегопад сменяется непроглядным туманом, или все это вместе давит на нас общими силами. Рассмотреть что-либо дальше 20 метров нет никакой возможности. Какая же тут съемка, когда не отличишь, где небо и где земля. Да еще при здешних берегах. В хорошую-то погоду иногда приходится думать и гадать — где находишься: на земле или в море.

Лежим в палатке, не отрываем глаз от барометра. Его стрелка дошла до цифры 737,7 и точно примерзла. Стукнешь по стеклу пальцем, стрелка вздрогнет и отодвинется на одну десятую миллиметра вверх; щелкнешь второй раз — она, точно в испуге, отпрыгнет на две десятых обратно. Вечером охотник задал вопрос — насколько прыгнет стрелка, если по анероиду хорошенько тяпнуть топором... Я бы с удовольствием «тяпнул», если бы это хоть сколько-нибудь нам помогло.

22 мая 1931 г.

Немногим лучше, чем вчера. Утром показалось было солнце, улучшилась видимость, и мы, быстро откопав сани, пустились в путь. Но не сделали и 5 километров, как снова накрыл туман, повалил снег, и видимость опять уменьшилась до 20—30 метров. Час простояли на месте в ожидании, пока пронесет туман и снег, а потом шли почти ощупью, делая ходы по 200—300 метров, часто останавливались, чтобы увидеть впереди направление берега. Так за пять часов прошли 10 километров. Дальше надоело. Решили остановиться.

Поставили палатку. Барометр утром показывал 735,5, днем давление немного поднялось. Температура воздуха понизилась. Слабый ветер с северо-северо-запада.

Будем ждать лучших условий. Какие бы фокусы Арктика ни показывала, берега Северной Земли должны точно лечь на карту. Для этого необходимо видеть их. И чего бы ни стоило, мы дождемся такой возможности. Терпение, выдержка, настойчивость и самообладание — вот наше оружие.

23 мая 1931 г.

21 час. Запас собачьего корма убавился на пятнадцать килограммов. Потерян еще один день.

Барометр за сутки поднялся на 10 миллиметров. Но пока нам это не принесло никакой пользы. Только два часа назад прекратился снегопад, а туман по-прежнему продолжает окутывать все вокруг. Получается, как у Пифея: нет ни неба, ни земли, ни моря, ни воздуха, а какая-то смесь из всего этого, висящая в пространстве и никоим образом не проходимая.

Терпеливо ждем, когда эта смесь распадется на свои составные части. Собаки и те не прочь продолжать путь: то одна, то другая время от времени начинают тоскливо скулить. Даже им надоело вынужденное бездействие.

Сегодня исполнился месяц, как мы распрощались с Васей Ходовым и покинули нашу базу. Тогда я в душе рассчитывал закончить этот маршрут в течение месяца. Действительность оказалась несколько хуже. Одометры показывают, что мы прошли только 563 километра. До базы или до продовольственного склада на мысе Серпа и Молота наберется еще 300 километров. При хорошей погоде мы сумеем пройти со съемкой это расстояние в одну неделю. Но можно ли рассчитывать на погоду?

Я только что подсчитал остающиеся запасы собачьего корма, хватит еще на полных 10 суток, а продовольствия нам — на полмесяца. Правда, некоторых продуктов на этот срок не хватит, но голодать все же мы не будем.

Хуже всего, что уходит время.

Приближается настоящая весна. Сегодня слышали чириканье пуночки. Увеличивается опасность, что до начала распутицы мы не успеем начать второго маршрута и проскочить через Землю на ее восточный берег.

24 мая 1931 г.

7 часов. Около полуночи туман начал рассеиваться. Мы уже не сомневались в том, что скоро сможем выйти, и начали собираться в путь. Однако через час опять повалил густой снег и все окутал туман еще плотнее прежнего. И до сих пор ничто не меняется.

Только что провел утренние наблюдения. Вот результаты: атмосферное давление — 751,1; температура — 3,5°; северный ветер — 3 метра в секунду; снег, туман; видимость — 30 метров.

Будет ли конец этому?

Томительно сидеть на одном месте. Маршрутные работы и по своему характеру и по своей сущности очень динамичны. Исследователь беспрерывно находится в движении. Каждый день, каждый час он видит что-нибудь новое, особенно в таких местах, как наши, где еще не бывал человек. Мы

с волнением приближаемся к каждому новому кусочку земли, к каждому новому мысу. Всегда хочется поскорее заглянуть за него, увидеть продолжение берегов, их характер, строение, жизнь. Это желание не дает покоя, гонит вперед. И как охотно мы ему подчиняемся! Как бы тяжел ни был путь, мы почти никогда не останавливаемся, не заглянув за встретившийся мысок или не дойдя до намеченного пункта.

Такими чувствами живешь весь день. Лагерь каждый раз на новом фоне. То около палатки возвышается утес, упирающийся вершиной в низкую полярную облачность; то голубая стена айсберга; или во все стороны расстилается ледяная равнина — белая, беспредельная, захватывающая своим простором.

Хорош бывает последний час перед сном. Лагерь давно устроен, собаки накормлены, все заботы кончились, покой охватывает стоянку. Прислушиваясь к окружающей тишине и к томящей усталости в теле, принимаешься за записки и открываешь журнал съемки. Здесь каждая точка, каждый ход, каждая линия подкреплены цифрами. Следя за нанесенной на бумагу извилистой чертой берега, вновь видишь пройденный участок. Эти линии родились только сегодня, но будут жить века на карте твоей родины, пока волны моря, работа ледников, выветривание и геологические процессы не изменят их или не преобразит их вида человек, меняющий лик Земли быстрее самой природы. И засыпаешь с огромным чувством удовлетворения окончившимся днем.

В этом прелесть путешествия. В этом романтика работы. Она в постоянном движении вперед, в познании того, что еще вчера было неизвестно на родной земле, в ожидании завтрашнего дня, вновь повторяющего все эти переживания. Поэтому-то и тяжелы так вынужденные задержки.

Конечно, тоскливо подсчитывать остающиеся продукты и вычислять сотни километров неизвестного ледяного пути до продовольственного склада или, просыпаясь, видеть, что погода никак не оправдывает твоей надежды на хороший переход. Но тяжелее всего сознавать бесплодную потерю времени и нового трудового дня. Помогает только крепкая вера в то, что никакие силы природы не могут помешать настойчивому человеку, верному своему долгу, рано или поздно прийти к цели...»

Записи были прерваны 24 мая.

Около полуночи туман начал редеть, видимость улучшилась, и мы немедленно покинули опостылевшую стоянку. Небо еще оставалось покрытым темно-серыми низкими облаками. Но они нам не могли помешать.

Сани шли необычайно легко. Полозья бесшумно скользили по тонкому слою только что выпавшего снега, покрывшего крепкий весенний наст. Зимой, при низких температурах, такая пороша заслуживала бы проклятия, а теперь ничего не доставляла, кроме удовольствия.

В пути вышли на узкий, острый мыс, получивший имя Куйбышева. Мыс простирался к юго-западу, точно нож, и своим острием отрезал обнаженный берег Земли от новой ледниковой стены. Она представляла собой западный край ледникового щита, виденного нами со стороны пролива Красной Армии. Голубая отвесная стена по мере продвижения к югу все более повышалась, и мы уже не удалялись от нее до конца перехода.

Небо по-прежнему оставалось пасмурным, но тучи заметно поднялись, и видимость еще более улучшилась. К тому же следить за высокой отвесной стеной было значительно легче, чем за тем низким берегом, вдоль которого мы шли раньше.

Изредка проходили мимо крупных айсбергов. А в конце перехода увидели большое скопление их. Айсберги обступили новый мыс, образованный самой ледяной стеной.

Большинство ледяных гор здесь имело форму сильно вытянутых треугольников высотой от 18 до 20 метров. В длину они не превышали 300 метров, и только два из них достигали 650 метров. Среди этих айсбергов мы и разбили свой лагерь.

Переход был хорош. 44 километра берега и ледяного барьера легли на наши планшеты.

Следующий день был менее благоприятным. Во второй половине дня нас опять накрыл туман, да такой густой, что мы потеряли из виду даже ледниковую стену, хотя и прижимались вплотную к ней. Но до этого мы все же успели пройти 27 километров и достичь мыса, за которым край ледника круто повернул на юго-восток, в глубь Земли.

На подходе к мысу успели рассмотреть километрах в двенадцати — пятнадцати на юго-запад высокий обнаженный берег. По крайней мере нам так показалось. Но проверить это наблюдение из-за тумана в тот день нам так и не удалось. Можно было, конечно, и в тумане идти в этом направлении, но мы раз и навсегда взяли за правило не оставлять за собой на карте Северной Земли пунктирных линий. Решили и сейчас выдержать это условие и дождаться лучшей видимости.

Словно в награду, ночью туман неожиданно исчез. Потом начали рваться тучи. Временами проглядывало солнце. Его появление было больше чем кстати, так как мы расстались

с ним еще на северной оконечности Земли и после этого не проводили астрономических определений. Правда, как только было закончено определение астрономического пункта, снова налетел густой туман и начал порошить снег, но мы уже не считали себя вправе быть недовольными и спокойно легли отсыпаться.

Движение возобновили в первом часу 27 мая. Погода окончательно выправлялась. Видимость улучшилась настолько, что на юго-западе стал отчетливо виден берег, замеченный нами перед последней остановкой.

Сначала шли вдоль береговой черты на юго-восток, а потом, убедившись, что перед нами не пролив, а лишь неглубокий залив, повернули на юг и взяли курс на противоположный берег. Часа через полтора оказались на земле, свободной не только от ледника, но в большей своей части даже и от снега.

На 25-м километре пути вышли на мыс, названный именем М. В. Фрунзе. Потом миновали бухту с тремя маленькими островами.

Время приближалось к полуночи. Небо почти очистилось от облаков. Сияющая солнечная ночь напоминала нам яркий майский день средних широт.

До конца перехода шапки и рукавицы мы уже не надевали. Больше того, за шесть часов мы успели так загореть, что нам позавидовал бы любой любитель загара, возвращающийся из Крыма. В мае и июне человек загорает в Арктике довольно быстро. Кристально чистый воздух, почти лишенный пыли, позволяет ультрафиолетовым лучам в изобилии проникать до поверхности земли.

Воспользовавшись погодой, мы без остановки шли вперед. Стоял полный штиль. Солнце светило непрерывно. К полудню температура воздуха немного поднялась. Путь доставлял одно удовольствие.

Миновав мыс Фрунзе, мы около 20 километров шли на юго-восток, пока, как сначала нам показалось, не достигли вершины глубокого залива. Однако, поднявшись на берег, возвышавшийся здесь до 50 метров, мы увидели в том же направлении широкий морской рукав, который можно было проследить взглядом еще километров на двадцать к юго-востоку. Вдали виднелись крупные льдины с округлыми, обтаявшими вершинами, а по берегам, с обеих сторон рукава, сближались куполообразные возвышенности ледников.

После только что проведенных астрономических наблюдений мы точно знали свое местонахождение. Морской рукав уходил к мысу Октябрьскому, расположенному в проливе

Красной Армии. А мы уже знали, что там, против Известняковых островов, лежит глубокая излучина, уходящая в теперешнем нашем направлении.

Не могло быть сомнений, что мы стояли перед новым открытием. Перед нами лежал еще один пролив, вторично рассекающий на севере массив Северной Земли. Впоследствии так это и оказалось. Это был пролив Юнгштурма.

Ровный лед, освещенный ярким солнцем, и наше желание поскорее убедиться в новом открытии так и звали вперед. Но тут заговорил расчет. Время уходило. Надо было спешить, чтобы до наступления распутицы начать второй маршрут, пересечь центральную часть Земли и выйти на побережье моря Лаптевых. А места, где мы сейчас находились, лежали совсем недалеко от нашей главной базы. Положить их на карту мы могли в любое время. Эти соображения удержали нас от соблазна исследовать новый пролив.

Решили не задерживаться со съемкой не только пролива, но и вновь открытого острова, отложив эту работу до более удобного времени в будущем, а сейчас заканчивать путь вдоль западных берегов Земли, завернуть на нашу главную базу и, не задерживаясь там, отправиться в следующий маршрут.

Приняв такое решение, мы пересекли пролив и на следующий день вышли на мыс, названный именем Буденного. Сложенный темными, почти черными известняками и достигающий значительной высоты, он выглядел совсем как бастион, резко выдвинутый к западу против вздыбленных торосами наседающих льдов. Незаходящее солнце по-прежнему катилось по ясному небу, что позволило определить здесь новый астрономический пункт.

Вечером 28 мая мы открыли мыс Дзержинского, а на следующий день — залив Калинина и полуостров Крупской. Южный берег последнего уходил на восток. Здесь лежал вход в пролив Красной Армии.

На горизонте узкой полоской виднелись острова Седова. Там была наша база. Выложив в конечной точке съемки каменный столб и оставив здесь неизрасходованное продовольствие, взяли курс на юг.

Через шесть часов подкатили к нашему домику и были встречены обрадованным Васей Ходовым.

Поездка длилась 38 суток. Прошли мы за это время 701 километр и положили на карту всю северную часть Земли.

Кончался май. Вместе с ним успешно закончился большой этап в работах нашей экспедиции.

Необычные враги

Где-то липа цветет

Два дня мы провели в нашем домике. Два дня отдыха! Не так-то уж это много после 38 суток ледяного похода. Но, по терминологии спортсменов, мы были «в полной форме», и двухдневная передышка казалась для нас вполне достаточной, чтобы пуститься в новый поход.

Вася Ходов, видимо изрядно стосковавшийся, ухаживал за нами, как нянька за малыми детьми. Он пек, варил, таскал снег, грел воду для ванн, кормил нас и всячески проявлял свое внимание. Но радость встречи не сказалась на его характере. Будучи всегда немногословным, он и сейчас ухаживал за нами молча. Только теплые взгляды да мягкие, предупредительные движения выдавали настроение юноши и его отношение к нам. Он старался угадать каждое наше желание. И его молчаливость и скупость в выражении чувств придавали этому вниманию еще больше задушевности и тепла. Вася жадно слушал наши рассказы о путешествии, но ничего не говорил о своей жизни в одиночестве. Пришлось нам первым приступить к расспросам.

— Ну, Вася, рассказывай, как ты здесь жил.

— А чего рассказывать? Хорошо.

— Были сильные метели?

— Были. Один раз выход из дома совсем занесло.

— Как же вылез?

— Откопался.

— Наблюдения вел аккуратно?

— Один раз запоздал.

— Это почему?

— Вышел вовремя. У будки с термометрами медведь...

— У будки?!

— Стоит на задних лапах, дверцу обнюхивает.

— Ну?!

— Ну, пока бегал за карабином да стрелял, на семь минут к наблюдениям опоздал.

— Медведя-то убил?

— Убил у самой будки. Потом отметки с термометров брал, стоя на туше.
— Выходит, что медведи беспокоили?
— Было.
— В дом-то хоть не лезли?
— Один в туннель забрался, медвежонка нашего задавил. Я тут его и застрелил — прямо из сеней.
— Да сколько же ты их набил?
— Восемь.
— Сколько?!
— Восемь, говорю.
— И всех у домика?
— Четырех.
— А остальных?
— Одного у будки — я говорил. Одного у ветряка, одного на льду. Он подошел к складу, да чего-то испугался — побежал...
— Уже семь. А восьмого?
— Позавчера на доме убил.
— Как на доме?
— Так на доме. Он залез по забою на крышу: трубой интересовался...
— А где ты загорел?
— Да больше на улице был, на солнце. Сами советовали.
— Значит, не скучал?
— Иногда. Медведи да щенята... Потом чайки появились...
— А поговорить не с кем?
— С Землей Франца-Иосифа разговаривал, раз с Ленинградом.
— Так это же все точки да тире! Без человеческого-то голоса, небось, скучновато?
— А репродуктор? Включу — он говорит, поет.
— Ну, а нас ждал?
— Думал, где вы. А так скоро не ожидал. Вот комнату красить начал — не успел.

В наше отсутствие Ходов начал ремонт домика. Внутри он решил окрасить его в белый цвет. Развел белила и в промежутках между метеорологическими наблюдениями, работой в радиорубке и охотой на медведей принялся за окраску потолка и стен. Наш приезд захватил метеоролога, радиста, охотника и маляра в самом разгаре работ. Потолок жилой комнаты уже блестел и радовал взгляд, как только что выпавший снег. Можно было представить, каким уютным будет наше жилье по окончании ремонта.

Мы отдыхали по-настоящему. После 38 суток скитаний по льдам приятно было принять ванну, побриться, одеться

в обычную легкую одежду, а ночью вытянуться на чистой, свежей простыне.

Собаки, отпущенные на волю, пользовались полной свободой. Их отдых был не только заслуженным, но и необходимым.

Впереди предстоял новый этап работы — исследование центральной части Северной Земли. Надо пересечь ее от залива Сталина, через фиорд Матусевича, до мыса Берга, по пути, уже пройденному нами с Журавлевым в марте. Далее мы должны заснять восточный берег Земли, дойти до вершины залива Шокальского и, если бы он действительно оказался заливом, вновь пересечь Землю в западном направлении и уже западным берегом вернуться на острова Седова. Для этого необходимо пройти 700—800 километров. Этот маршрут на весну 1931 года давно нами задуман. Нам нужно было заснять Северную Землю в два года. Если бы мы не провели этой весной маршрута в центральную часть Земли, то не смогли бы закончить работ и в следующем году.

Время было позднее. Май кончился. И хотя никаких коренных перемен в полярном пейзаже еще не замечалось, настоящая полярная весна с ее распутицей не за горами. Безусловно, она должна захватить нас в пути. Это сулило такие трудности, каких мы еще не встречали, причем приходилось считаться не только с предстоящими лишениями. Если бы распутица задержала нас надолго, морские льды могли вскрыться, и море отрезало бы нас от базы экспедиции до нового замерзания в октябре — ноябре. Было над чем призадуматься!

Предстоящий поход был, кажется, исключением в истории арктических путешествий. Обычно июнь здесь считается уже непригодным для санных исследовательских маршрутов. Правда, многие исследователи ходили в этот период по льдам, но их передвижения были вынужденными — перед ними стоял вопрос о спасении жизни. Нам же казалось, что если человек может идти по морским льдам, когда ему угрожает гибель, то он сумеет пройти по ним для проведения обычных работ. Мы были уверены, что самая буйная распутица не в силах остановить нас и только в худшем случае сможет задержать, замедлить наше продвижение, сделать его необычайно трудным. Мы ясно представляли картину предстоящего похода и положение, в котором можем оказаться, но сознательно шли на неминуемые трудности. Окончательный план похода выглядел так. С базы выйти в прежнем составе. На мысе Серпа и Молота взять со склада полный груз продовольствия, собачьего корма и керосина. После пересечения Земли на мысе Берга разделиться. Журав-

лев, оставив нам продовольствие и собачий корм и забрав скопившиеся коллекции образцов горных пород, должен пройти по восточному берегу до мыса Ворошилова, захватить оставленные там коллекции и, не задерживаясь, как можно быстрее идти проливом Красной Армии на острова Седова. В этом случае можно было рассчитывать на его возвращение на главную базу экспедиции до наступления распутицы. Нам с Урванцевым предстояло продолжать маршрут на двух упряжках, при двадцати собаках, с полным грузом, какой только мы сможем взять с мыса Берга, который делался новой исходной точкой похода, отстоящей от базы экспедиции более чем на двести километров.

Более всего нас беспокоил залив Шокальского. Если бы он оказался действительно заливом, нам пришлось бы делать второе пересечение Земли. К этому времени снег должен был растаять, земля обнажиться, речки наполниться водой. Продвигаться с обычной упряжкой в таких условиях невозможно. В этом случае предполагалось бросить все лишнее снаряжение, сохранить только дневники, журналы съемки, научные инструменты и коллекции, запрячь всех собак в одну упряжку и так пробиваться на запад. На случай возможной потери собак и вынужденной необходимости идти пешком, кроме парусиновой палатки, бралась еще шелковая и портативное высококалорийное продовольствие — шоколад, пеммикан, какао, молочный порошок и галеты.

Меховые брюки, пимы, толстые меховые чулки и малицы мы оставляли дома. Из одежды брали оленьи и суконные рубашки, кожаные сапоги, брюки и тюленьи непромокаемые пимы. Кроме этого, у нас были легкие кухлянки, спальные мешки и дождевики.

На случай, если бы нас море отрезало от базы экспедиции и нам пришлось бы жить на Северной Земле до ледостава и питаться продуктами охоты, я упаковал и положил на свои сани 300 штук винтовочных патронов.

Выход был назначен на 1 июня.

Поход действительно был тяжелый. Тяжести пути оказались столь труднопереносимыми, что перед ними поблекло все, что рисовало нам воображение перед отправлением в путь. Но задача, поставленная нами, была выполнена полностью.

Как это было сделано — рассказывают страницы дневника. Обратимся к нему.

«2 июня 1931 г.

Здесь часто путаются привычные понятия. Опровергаются старые, давно установившиеся истины. Вчера мы оставили

наш домик и вышли в новый поход на выполнение второй части работы экспедиции — исследование центральной части Северной Земли. Вчера же по календарю был первый летний день. Помню, еще ребенком я разучивал: «Летние месяцы — июнь, июль, август». Вспоминается еще: «Летом солнце печет, липа цветет, рожь наливает...» Но впечатления последнего дня так же далеки от такого представления о лете, как далеки самые детские годы. Кажется, еще ни разу не покидали мы нашей базы в более неприятную погоду, чем вчера. С утра хмурилось небо и тянул северо-восточный ветерок. Он свежел с каждым часом. Когда мы окончательно были готовы к выходу, повалил снег и началась настоящая метель. Мы бы охотно воздержались от выступления в такую погоду, но боялись потерять время. Утешая себя старой поговоркой, что из дома погоды не выберешь, пустились в путь навстречу метели. Через час поверх меховых рубашек пришлось надеть кухлянки. Сырой, резкий ветер насквозь пронизывал теплый мех, и мы мерзли не менее, чем зимой. Вот тебе и «липа цветет».

Лед, снег, ветер и метель — больше ничего нет.

Сейчас 7 часов утра. Мы снова у продовольственного склада на мысе Серпа и Молота. За 12 часов пройдено 70 километров. Метель стихла почти на половине перехода, но холод пробирал нас всю дорогу. Иногда показывалось, но тут же вновь скрывалось за облаками бледное солнце, невеселое и негреющее. Только перед выходом на Землю заметно потеплело. Чашка горячего чая окончательно изменила наше настроение к лучшему.

На складе все в порядке. Медведей не было, а больше некому тронуть наши запасы.

Берем собачий пеммикан, керосин и мясные консервы в дополнение к другим припасам, захваченным с базы. В общем на каждую упряжку, включая вес саней и человека, приходится от 330 до 360 килограммов груза. На собаку падает до 40 килограммов. Наши собаки теперь втянулись в работу и могут везти и больше, но, учитывая трудность пути при пересечении Земли, это для них вполне достаточная нагрузка. Конечно, этого запаса на все время не хватит, но впереди у нас есть продовольственное депо на мысе Берга.

3 июня 1931 г.

Вчера в 23 часа покинули мыс Серпа и Молота. Продвинулись очень недалеко. Во время выхода все небо закрывали низкие облака, но видимость была достаточной. Шли по Земле напрямик, срезая у основания полуостров Парижской

Коммуны. Путь все время вел по прибрежной террасе сравнительно небольшой высоты. На поверхности ее, под снегом, много раковин моллюсков — следы когда-то покрывавшего ее моря. Дальше, в глубине Земли, на большой высоте, видна была вторая терраса, а за ней — горы, напоминающие возвышенности мыса Серпа и Молота, со склонами, крутыми к морю и пологими к Земле.

Скоро налетел туман. В полчаса он окутал весь берег. Только иногда можно было уловить темные точки — отдельные валуны, разбросанные по террасе. От камня к камню медленно продвигались вперед. Наконец, вынуждены были остановиться. Съемка стала невозможной. В добавление к туману повалил густой снег, начался ветер.

Поставили палатку. Пройдено всего лишь около 11 километров. Решили приготовить завтрак в надежде, что за это время погода улучшится. Но мы успели не только позавтракать, но и выспаться и пообедать, а с места сдвинуться не могли. Уже пятнадцать часов как метель с силой несется с юго-востока. Ветер треплет палатку. Снег засыпает собак и сани. Когда же конец?

4 июня 1931 г.

В первом часу, воспользовавшись ослаблением метели, снялись с лагеря. Еще несколько часов дул свежий восточный ветер и продолжалась поземка. Но съемке они не мешали. К полудню ветер стих и заголубело небо. К этому времени, беспрерывно продвигаясь на юг, мы достигли устья речки, по которой в апреле мы с Журавлевым начали отсюда пересечение Земли. Речка течет посредине широкой ледниковой долины. Ее русло представляет узкое ущелье глубиной в 30—40 метров, и лишь временами левый берег понижается и становится отлогим. Пласты пород разрезаны руслом поперек залегания. Поэтому здесь прекрасные геологические обнажения. Чтобы дать возможность нашему геологу увидеть почти беспрерывный разрез Северной Земли, мы решили повторить пересечение по старому пути. Кроме того, этот путь был уже знаком и наиболее благоприятен в некоторых других отношениях. После небольшого отдыха мы направили упряжки в русло речки и начали постепенный подъем. Лагерь разбили, пройдя 15 километров вверх по течению при генеральном курсе восток-северо-восток.

Всего сегодня прошли 41 километр. Лучшего и желать нельзя. Но завтрашний день не обещает ничего хорошего. С 18 часов опять началась метель. Сила ветра все время нарастает. Визг и вой переходят на все более высокие ноты. Мои товарищи хмурятся. Это легко понять. Сейчас мы це-

ликом зависим от погоды. Со дня на день ждем оттепели и распутицы и знаем, что если распутица захватит нас в центре земли, мы не сможем пройти узкими ущельями на восточную сторону. А тут метели так и налетают одна за другой и задерживают нас. Признаки весны видны на каждом шагу. Она где-то совсем близко. Отдельные бугры на пройденной нами террасе, где снег или ожеледь лежали тонкими пластами, уже обнажились. Среди мхов на солнечном припеке кора миниатюрных побегов полярной ивы приобретает зеленый оттенок. В русле речки порхают и весело чирикают пуночки. Сегодня на одном из обтаявших бугров увидели полярную сову. Она сидела неподвижно и следила за нашим караваном. Только когда мы подъехали почти вплотную, птица слетела. На дне влажной ямки, на голой земле, лежало шесть почти круглых белых яиц. Мы забрали яйца и на стоянке сварили. На вкус они оказались вполне приемлемыми.

6 июня 1931 года.

Вчера не могли двинуться с места. Весь день бесилась, выла и улюлюкала дикая метель. Даже зимой мы редко слышали такой концерт. Наш лагерь был расположен в глубоком ущелье и защищен со всех сторон. Несмотря на это, мы боялись, что палатка не выдержит напора ветра. В отдельные моменты скорость его достигала 20—21 метра в секунду. После шквала ветер несколько слабел, но через 15—20 минут налетал с новой силой. Бешено проносились тучи мелкого липкого снега. Сани и собаки похоронены под сугробами. Вот тебе и июнь! Начиная от главной базы, после каждого перехода долго отсиживаемся и бесполезно теряем время из-за непогоды. Нудное сидение в палатке в общей сложности отнимает больше времени, чем нахождение в пути. Мерзко! Погода явно против нас.

Только около полуночи ветер начал слабеть. В 4 часа решили, что метель кончается, и снялись с лагеря. Но только двинулись, как опять повалил снег и снова завыл ветер. Четыре часа пробивались вперед. Берега речки постепенно понижались. Наконец, мы достигли водораздела. Здесь волей-неволей пришлось остановиться. Впереди было новое, очень глубокое русло другой речки, текущей уже на восток. Нам нужно было попасть в него. По старому опыту мы знали, что это нелегко. Недалеко от верховьев речки еще можно было спуститься в ее русло, но само оно здесь было непроходимым. Ниже по течению скалистые берега образуют ущелье глубиной до 70—80 метров. Да и вблизи водораздела стены этого ущелья возвышаются от 25 до 35 метров. Снеж-

ные надувы совершенно маскируют обрывы. В метель с них легко свалиться. Последствия могут быть непоправимыми.

А ветер свистит. Один шквал сменяется другим. Валит мокрый снег. Видимость скверная. Ориентиров нет. Приходится стоять и ждать, пока метель позволит продолжать путь. Поставили палатку. Сани не развязывали и собак оставили в упряжках, чтобы сняться при первой возможности.

Тепло. Солнце скрыто за облаками, а снег на палатке тает. Струйки воды сбегают по полотну. С тревогой обсуждаем вопрос — удастся ли проскочить на восточную сторону Земли.

Около полудня ветер достиг скорости 18 метров в секунду. Но это был его последний вздох. Скоро он начал быстро слабеть. В 14 часов мы пошли дальше.

Водораздел представляет слегка всхолмленную равнину с небольшими пологими возвышенностями. При первом пересечении в апреле путь здесь был хорош. Снег лежал ровной плотной массой, и сани легко скользили по нему. Сейчас дорога убийственная. Свеженаметенный сырой снег липнет к полозьям. Собаки еле волочат сани. Сами мы, сколько можем, помогаем им.

Так пробивались около 15 километров, пока не дошли до верховьев нужной нам речки. Измученные собаки лежат не поднимаясь. Сами сидим в палатке, куда загнала нас вновь начавшаяся метель».

В борьбе с распутицей

«7 июня 1931 г.

Опять всю ночь ревел ветер и бушевала метель. Собак и сани вновь пришлось откапывать. Зато с утра установилась такая чудесная погода, какой на Северной Земле мы еще ни разу не видели. Солнце, голубое небо, редкие клочья белых облаков, тепло и полный штиль. Настоящий мартовский день где-нибудь в Подмосковье. Слышалось пение пуночек. Откуда-то издалека доносилось гуканье совы. Пьянил кристально чистый воздух. Он был так прозрачен, что позволял четко видеть зубцы Базарных скал в фиорде Матусевича, хотя до них оставалось еще около 70 километров. Такой же беспредельно широкий горизонт открывался в сторону Карского моря. Там светились морские льды. А на юге лежал ледниковый щит. Все это захватывало своей ширью, блестело и искрилось в лучах яркого солнца.

Казалось, что в такую погоду можно за один переход объехать всю Северную Землю. С этим настроением мы и оста-

вили лагерь. Сделали в этот день такой переход, который, безусловно, будет иметь решающее значение в нашем путешествии.

Сначала путь шел вдоль узкого и глубокого ущелья, заполненного рыхлыми сугробами и местами перегороженного высокими ступенями водопадов. Дальше каменная щель заметно расширялась, а профиль ее дна становился все спокойнее и спокойнее. Скоро на противоположном берегу показалась очень характерная скала, запомнившаяся еще с апрельского похода. По ней, точно по маяку, нашли и узенький участок берега, позволявший спуститься в русло речки.

Спуск на этот раз прошел значительно легче. В апреле на этом склоне, падающем под углом почти в 45 градусов, лежал утрамбованный ветром и смерзшийся забой, едва прикрытый пушистым снегом. Это мешало по-настоящему использовать тормоза, и мы тогда не скатились, а буквально свалились с высоты почти 50 метров. Журавлев здесь чуть не сломал себе ногу.

Сейчас склон был покрыт глубоким рыхлым снегом, что не могло не облегчить торможения, а высокий ступенеобразный уступ внизу почти исчез. Обмотанные веревками и цепями полозья саней еще больше уменьшили скольжение, и мы без приключений оказались внизу, со всех сторон окруженные высокими скалистыми берегами.

Здесь пришлось немного задержаться, чтобы дать возможность Урванцеву исследовать узкую каменную щель вверх по речке. Отвесные берега местами сходились настолько близко, что только человеку пройти. Немного выше эта щель несколько расширялась, но там над головой висели огромные снежные козырьки, каждую минуту готовые рухнуть вниз. Но это не остановило геолога. Вернулся он с грудой образцов и полный впечатлений. Он с увлечением рассказывал нам о геологическом строении района.

Прерванный водоразделом, в этом месте снова возобновлялся естественный геологический разрез Северной Земли. Ущелье, идущее «вкрест простирания» пород, залегающих почти в меридиональном направлении, давало прекрасную геологическую картину этого района Земли. Ущелье в районе нашего спуска украшали причудливые обрывы, местами образующие отдельные сильно выступающие скалы. Складки пород были резко изогнуты, местами скручены и перевернуты.

Пестрая толща горных пород западного берега Земли здесь сменялась известняками и сланцами. Сильно дислоцированные породы образовывали сложную картину. Местами все породы были раздроблены, а местами стерты в порошок

и превратились в такую смесь, что нельзя было отличить ни слоистости, ни складок. Это была зона каких-то необычайно мощных движений пластов земной коры.

Потом удалось осмотреть ближайший район и съездить в русло потока, который впадает в речку перед большим ущельем. Судя по характеру русла, этот поток многоводнее речки, в которую мы спустились. Возможно, что он является основным руслом. Берега его такие же крутые и сложены красными песчаниками.

Но надолго задерживаться было нельзя. Таяние снега стало видимым. Появились сосульки. Во многих местах с обрывистых берегов заструились ручейки воды. В руслах речек они скрывались под забоями снега, но кое-где вода уже успела пропитать сугробы и начала скапливаться в лужи и пока еще крохотные озерки. Задержка здесь на день, а может быть, и на несколько часов грозила ловушкой и срывом похода. Надо было спешить.

Впереди лежало большое ущелье. Занимал вопрос — что мы там найдем. Рассчитывать можно было только на мощные снежные забои. Они на какое-то время должны были задержать воду.

Не останавливаясь на ночлег, в полдень двинулись дальше.

8 июня 1931 г.

Первый бой выигран. Пересечение Земли можно считать совершенным. Участок, наиболее беспокоивший нас, остался позади...

Чем дальше мы шли по руслу речки, тем заметнее становилась прибыль воды. Через каждые 300—400 метров, справа и слева, со скал падали миниатюрные водопады и сбегали маленькие ручейки. Из-под снега часто слышалось глухое журчание воды. Местами пропитавшийся снег уже превращался в месиво. Лавируя между пятнами раскисшего снега, километр за километром мы шли вперед, пока не приблизились к самому опасному месту — узкому ущелью с отвесными стенами от 80 до 100 метров высотой. Если бы и здесь происходило такое же ускоренное таяние снега, мысль о дальнейшем продвижении пришлось бы оставить.

Перед мрачным входом в ущелье справа шумел поток. Большое озеро собравшейся воды преградило путь. Берега озера уже превратились в снежную кашу. Но в воротах ущелья, как и зимой, лежал высокий снежный забой, запрудивший воду. Пока она не прорвалась вперед, ущелье должно было быть проходимым. Пробравшись под самой скалой, я прошел некоторое расстояние между гигантскими

черными стенами. Вверху, как и полтора месяца назад, висели огромные снежные козырьки. Вода действительно сюда еще не пробилась. Но надо было спешить.

С одного края озера мы нашли место, где вода доходила только до колен. Я погнал свою упряжку. Для собак это было первым крещением. Сырость они вообще ненавидят, а здесь надо было лезть в воду. Собаки заупрямились, остановились, попытались повернуть обратно. Но надо было приучаться. Впереди воды так много! Подтянув сани к краю озера, я столкнул собак в воду. Стремясь поскорее выбраться, они с визгом вытянули сани на противоположный берег. Я нарочно перевалил поскорее через снежный забой и

скрылся за его склоном. Собаки, как правило, теряя из виду идущую впереди упряжку, стремятся поскорее догнать ее. Поэтому собаки следующей упряжки, поборов отвращение к воде, одна за другой бросились по следу и вынесли сани в ущелье.

Дальше пошло лучше. Снег в ущелье был крепкий. Намокшие собаки, стараясь согреться, быстро бежали вперед. Мы замедляли движение, только когда надо было пройти под огромными снежными козырьками. Казалось, что иногда достаточно было незначительного сотрясения воздуха, чтобы тысячи и тысячи тонн снега рухнули вниз. Несколько таких громад, под которыми мы с Журавлевым прошли в апреле, уже рухнули. На дне ущелья лежали целые горы снежных глыб. В особо опасных местах мы останавливались, делали несколько выстрелов, и если снежные громады не падали, то, затаив дыхание, возможно быстрее гнали собак.

На выходе из ущелья, где стены его понизились, снова появилась вода и размякший снег. Во многих местах обнажились камни. Здесь нам пришлось поработать. Около пяти километров, впрягшись вместе с собаками, тащили сани то по размякшему снегу, то по голым камням, то по воде.

За ущельем река образует долину около двух километров шириной. Часть этой долины занята озером. Здесь был опять тот же размякший снег и кое-где вода. Мы встали на лыжи. Так прошли еще пять километров, пока не выбрались на крепкий снег уже в фиорде Матусевича.

До восточного берега Земли было еще далеко, но теперь мы знали, что пройдем к нему. А приходилось бороться буквально за каждую минуту времени: там, где прошли сегодня, завтра уже нельзя было бы пробраться.

Так мы выиграли первый бой — обогнали распутицу в центральной части Земли.

Лагерем стали на одном из «бараньих лбов». Поверхность его почти свободна от снега, и наша палатка стоит на сухой

земле, только сани, в 10 метрах от нас, оставлены на снегу. В лагере полная тишина. Собаки уже спят.

Мы были в работе беспрерывно полтора суток и дьявольски устали. На трудном пути мы не прерывали съемки и обследовали обнажения. Стены ущелья оказались сложенными известняками с фауной силурийских [1] кораллов, морских лилий и брахиопод. Далее шла область конгломерата, по-видимому переходная ступень к кембрию.

9 июня 1931 г.

Прошли почти 32 километра местами прекрасного, местами очень тяжелого пути. Правда, трудности были уже другого характера. Вода сегодня не беспокоила. Она в небольшом количестве скопилась только около островка, на котором стоял наш лагерь. Поверхность островка полностью освободилась от снега. Сани, оставленные на снегу, за время нашего отдыха оказались на голой земле. Весна вступает в свои права по-настоящему. Снег — там, где он лежал тонким слоем, едва прикрывавшим землю,— исчезает буквально на глазах. Кое-где он испаряется, не оставляя даже влаги. На участках, покрытых глубокими, утрамбованными во время метелей забоями, влияние солнца еще незаметно. Только миллиарды снежных кристаллов горят и переливаются, точно бриллиантовая пыль. На таких перегонах собаки бегут играючи. Сравнительно легко мы прошли часть фиорда, занятого сползшим в воду языком глетчера. Он занимает всю ширину фиорда, около трех километров, и лежит здесь, по-видимому, очень давно. Поверхность его покрыта огромными ледяными волнами. Собаки и сани то ныряют вниз, то взбираются на новый гребень. В первом случае надо попридержать сани, затормозить их стремительное скольжение, не допустить увечья собак, а во втором — ухватиться за воз и напрячь все силы, чтобы помочь собакам выдернуть тяжелые сани на гребень ледяной волны. И так беспрерывно, много часов. Пот струится по лицу, застилает снежные очки, струйками щекочет спину. Но движения у нас быстрые, стремительные. Журавлев даже напевает:

По морям, по волнам,
Нынче здесь, завтра там.

И собак как бы захватывает это настроение. Повизгивая, они выдергивают сани на очередной гребень и, как пушис-

[1] Силур — геологическая эпоха, для которой характерно большое развитие беспозвоночных и появление первых примитивных рыб.

тые шары, катятся вниз. При остановке они смотрят весело, не ложатся и оживленно помахивают хвостами.

Дальше и дальше. Ледяные гребни становятся круче. Ледниковый язык, по-видимому, уже достиг воздействий приливной волны. Появляются трещины. Идти дальше по леднику не только тяжело, но и опасно. Прижимаемся к берегу. Мягкие, сглаженные склоны его постепенно становятся выше и круче. Вот уже зеленые скалы, покрытые яркими пятнами оранжево-красных лишайников, вздыбились почти отвесными стенами. Между ними видны ослепительно белые снежные поля и голубые изломы глетчеров. Ледник, заполнивший фиорд, вплотную прижался к скалам. Между ним и каменной стеной — глубокий коридор, одна стена которого зеленая — каменная, другая голубая — ледяная. Иногда дно коридора преграждается каменной глыбой, свалившейся со скалы, твердым снежным застругом или ледяным валом. Сани с трудом протискиваются между стенами. Веерная упряжка не вмещается в узкой щели, собаки теснят друг друга. Сани часто кренятся то вправо, то влево. Не поддержи их — они перевернутся. Путь тяжел. Нависшие над головой выступы скал делают его еще и опасным. Хочется скорее миновать их и выйти на простор. Мы работаем с полным напряжением, делаем невероятные усилия, чтобы удержать сани, заставляем торопиться собак.

Эхо наших криков и визга собак сливается с гомоном птиц. Количество их — если вспомнить, сколько было в апреле,— увеличилось во много раз. Тысячи и тысячи люриков и чистиков стаями снимаются со скалы и вновь исчезают за ее выступами и в расселинах. Моевки еще больше увеличивают сутолоку птичьего базара. Только бургомистры плавно носятся высоко в небе и спокойно наблюдают за суетой людей, за бегущими собаками и переполохом своих соседей по гнездовью.

Но всему приходит конец. Язык глетчера, заполнявший фиорд, все время понижался. Наконец, его край, сильно обтаявший, незаметно слился с морским льдом фиорда. Коридор кончился.

Перед нами открылся ровный лед, уходящий к мысу Берга, и только в нескольких километрах к югу с берега врезался в морской лед новый глетчер. Таяния здесь еще незаметно, хотя солнце припекает, как и всюду. По-видимому, сказывается близость охлаждающих морских пространств.

Лагерь разбили на каменистой россыпи у восточного подножия Базарных скал. Собаки лежат неподвижно. На гребень палатки уселась пуночка и развлекает нас веселой песенкой.

10 июня 1931 г.

С утра на одной упряжке вдвоем с Урванцевым начали колесить по фиорду. Сегодня день посвящаем съемке и осмотру обнажений горных пород этого района. Хорошо было бы полазить здесь целую недельку. Но, к сожалению, у нас нет времени.

Ширина фиорда достигает здесь 15 километров. На севере, на выходе из фиорда, хорошо видны морские торошенные льды. Противоположный берег сложен теми же древними осадочными породами. Здесь, так же как и на нашем южном берегу, все промежутки отдельными вершинами заняты глетчерами, стекающими с ледяных куполов, расположенных внутри Земли. Как правило, они не доходят до моря и являются остатками мощного оледенения, сплошь захватывавшего Северную Землю.

Показательны для затухания и отступления ледников висячие ледниковые долины на северном берегу фиорда. Одна из них обрывается на высоте около 100 метров и сохраняет ледяной каскад. Другая, уже без ледопада, находится на высоте 180—200 метров.

Ледопады и скалистые обрывы делают берег необычайно красивым. Трудно оторвать взгляд от зеленых скал с оранжево-красными пятнами лишайников, рассеченных каскадами льда, расколовшегося при падении с высоты на тысячи огромных глыб.

Края трещин в ледяных обломках светятся то нежно-голубым, то ярко-синим цветом. Местами видны почти черные провалы. И все это высится над идеально белой и ровной скатертью льдов фиорда, а сверху накрыто бездонным голубым куполом неба.

Мы невольно задерживаемся у этого, вероятно, самого красивого уголка Северной Земли.

За день провели 25 километров съемки. Погода изрядно мешала — менялась почти каждые полчаса: то полный штиль и яркое, заливающее своими лучами весь ландшафт солнце; то набегающие неизвестно откуда облака, сильный ветер, снег и метель; то густой белый туман. И так в течение всего дня.

Управляя собаками в такую погоду, я часто сбрасывал запотевавшие снежные очки и сейчас чувствую, что буду за это наказан. В глазах ощущается какая-то неловкость и резь, словно в них попал песок или я не спал несколько суток подряд.

Это начало заболевания снежной слепотой. Пустил в глаза кокаин и жду облегчения. Журавлев при переходе через ущелье снова испортил себе глаза.

Снежная слепота, или острый конъюнктивит, не раз была предметом наших бесед. Сегодня, когда Журавлев уже страдает, а я на грани заболевания, эта тема обсуждается особенно горячо. Существует мнение, что сопротивляемость снежной слепоте уменьшается пропорционально остроте зрения и что чаще всего заболевают снежной слепотой люди светлоглазые. Возможно, что все это имеет какое-нибудь значение, но я не раз наблюдал случаи снежной слепоты у черноглазых эскимосов, по зоркости отнюдь не уступающих Журавлеву. Мне кажется — и брюнеты с темными глазами и голубоглазые блондины одинаково подвержены заболеванию. Все зависит от условий.

11 июня 1931 г.

У Журавлева боль в глазах прошла. Меня она все еще беспокоит. Все же решили не задерживаться. Дам отдых глазам на мысе Берга, пока будет определяться астрономический пункт. Надел две пары снежных очков.

От Базарных скал проследовали вдоль южного берега фиорда. Почти 17 километров шли по языку глетчера, впадающему в фиорд. Опять часто поднимались на ледяные волны и ныряли вниз. Но на дорогу все же пожаловаться нельзя. Снег здесь в прекрасном состоянии. Собаки бегут весело. Но скоро все изменится. Нас, видимо, ожидает борьба с необычными трудностями. До сего времени врагами были метель и мороз, теперь ими станут тепло и вода.

Сегодня на всем протяжении ледника не встретили ни одного выхода горных пород. Это испортило настроение Урванцеву. Возможно, что ледник скрывает под собой интересные месторождения: в конце 17-го километра пути, уже на обнаженной земле, нам попались обломки изверженных пород, несомненно принесенные льдом.

Ледник еще долго будет скрывать под собой возможные богатства, и мы пока что беспомощны перед его ледяным панцирем. Собрав образцы и дав небольшую передышку собакам, двинулись дальше. Путь здесь был еще лучше. Только изредка попадались неширокие полосы рыхлого снега, которые мы сравнительно легко проходили.

Берег повернул почти по прямой линии на север. На 28-м километре остановились на ночлег. Тепло. Но картина совершенно зимняя. Только пролетающие над бивуаком люрики и чистики напоминают, что во внутренних областях Земли уже началась весна. Птицы летят на северо-восток и обратно. По-видимому, там есть открытая вода, и они летают на кормежку.

13 июня 1931 г.

Вчера не вел записей. Глаза разболелись не на шутку. Проделав 28-километровый переход, мы вышли к астрономическому пункту Гидрографической экспедиции и нашему депо на мысе Берга.

Всю дорогу я ехал в двойных снежных очках, но это уже не могло помочь. К концу пути почувствовал мучительную боль. Слезы текли из воспаленных глаз. Закроешь веки — испытываешь необычайно яркое ощущение малинового цвета, словно он залил весь мир и других цветов больше не существует.

На мысе Берга немедленно поставили палатку и накрыли ее брезентом. Пустил в глаза раствор кокаина, прижег веки алюминиевым карандашом и с завязанными глазами отсиживался в палатке. Только сегодня к концу дня боль в глазах утихла, и сейчас в полутемной палатке я уже могу не только смотреть, но и писать.

Николай Николаевич закончил определение астрономического пункта. Разница между данными Гидрографической экспедиции и нашими получилась незначительная: по широте 11″, а по долготе 15″. Оба расхождения находятся в пределах точности инструментов.

Журавлев убил трех медведей. Сначала самку с пестуном, караулившую около продуха нерпу, потом крупного, необычайно жирного самца. За последним он погнался на собаках по торошенным льдам. Дело кончилось тем, что жирный зверь, измученный погоней, не выдержал и лег. Собаки тоже настолько устали, что, догнав медведя, не могли даже лаять. Первым же выстрелом охотник свалил добычу.

Вчера товарищи видели на льду первую нерпу. Это еще один признак полярной весны.

Завтра расстаемся с Журавлевым. Он уже увязал свои сани — забрал все скопившиеся образцы горных пород и медвежьи шкуры. Груза набралось около трехсот килограммов. А еще ведь надо взять образцы с мыса Ворошилова. Мы посоветовали ему бросить медвежьи шкуры. Он только удивленно посмотрел на нас и отрицательно помотал головой. Несомненно, наше предложение показалось охотнику таким же несообразным, как нам показалось бы предложение бросить уже заснятые планшеты или данные по определенным астрономическим пунктам».

Открытие пролива Шокальского

«14 июня 1931 г.

Утром наш коллектив, и без того маленький, разделился. Мы распрощались с Журавлевым. Немногословно пожелали ему счастливого пути, а он нам, столь же коротко,— скорого возвращения. За сдержанными словами и крепкими рукопожатиями крылась обоюдная тревога: мы думали о его путешествии в одиночку, с небольшим запасом топлива, без палатки, с риском попасть в распутицу. А для него не была секретом наша верная встреча с распутицей и со всеми вытекающими отсюда возможными последствиями. Никто из нас не мог сказать, когда мы встретимся вновь. В хороший исход каждый мог только верить. Однако говорить об этом было ни к чему.

Журавлев направил свою упряжку к северу. Скоро она превратилась в точку, а потом и совсем исчезла среди льдов.

Через несколько часов вышли и мы, только в противоположном направлении — на юг. У каждого в упряжке было по десять собак. Кроме аппаратуры, снаряжения и одежды, на санях лежал месячный запас продовольствия, запас керосина на полтора месяца, двадцатидневный запас собачьего пеммикана и дней на пять свежей медвежатины. Уменьшенные запасы корма для собак взяли сознательно, в надежде на встречу с медведями. И совсем на экстраординарный случай, то есть если бы вскрылось море и мы были бы надолго отрезаны от базы, на моих санях лежали как неприкосновенный запас заветные триста штук винтовочных патронов. С ними энергичные люди в Арктике не пропадают.

Сделали хороший переход. Покинув мыс Берга в 13 часов, на ночлег остановились в полночь. Наши одометры отсчитали 33 километра. Первую половину пути заметно припекало солнце. Собакам было уже жарко, и они еле переводили дух. К тому же неблагоприятно изменился характер льда. Когда-то здесь вплотную к берегу была прижата полоса торосов шириной до пяти километров. За минувшие годы торосы обтаяли, сгладились и не представляли особых препятствий, но свободные пространства между ними оказались забитыми снегом. Обычно в таких условиях снег лежит рыхлый, а сегодня его еще пригрело солнце. Поверхность снежного покрова совсем перестала держать собак, и они не могли вытягивать тяжело груженные сани.

Мы впряглись сами и помогали.

К вечеру начало приморaживать. Неровности льда, а вместе с ними и наносы рыхлого снега стали попадаться реже. Подмерзшая снежная поверхность легко выдерживала сани. Теперь мы быстро покатили вперед и наверстали потерю расстояния за первую половину дня.

Наш лагерь, должно быть, на виду мыса Анучина. Уверенно сказать нельзя, так как то, что мы видим перед собой, не особенно схоже с картой Гидрографической экспедиции. Впереди, километрах в пятнадцати, действительно виден мыс, который, судя по пройденному расстоянию, и должен быть мысом Анучина.

Однако между мысом и стоянкой лежит довольно глубокий залив, которого нет на карте.

Лагерь развернут. Собаки уже накормлены медвежатиной и отдыхают. Наша порция жарится на сковородке.

Мои глаза почти в порядке, хотя я все еще в двойных очках. Завтра надеюсь быть совсем в форме.

15 июня 1931 г.

Быстро проскочили 15 километров и вышли на мыс Анучина. Решили закрепить его астрономическим пунктом. Поводом к этому были крупные расхождения очертаний берега с картой. Кроме отсутствовавшего на карте залива, мы обнаружили севернее мыса два небольших острова. Думаем, что они-то с моря и закрыли от экспедиции залив. С южной стороны мыса видно несколько мелких островков, а затем берег уходит прямо на юг.

Из лагеря хорошо просматривается южный берег залива Шокальского с мысом, выдающимся к северо-востоку. Прямо на юг широким рукавом лежит самый залив.

Надо напомнить — у нас уже давно сложилось предположение, что залив этот в действительности окажется проливом. Наличие здесь пролива, да еще, возможно, пригодного для судоходства, прежде всего имело бы огромное значение в решении проблемы плавания Северным морским путем, так как наряду с проливом Вилькицкого это были бы вторые ворота между Карским морем и морем Лаптевых. Открытие пролива избавило бы нашу экспедицию от нового пересечения Земли в тяжелых условиях наступающей распутицы. Исследование северной части Земли показало наличие крупных тектонических разрывов, приближающихся к меридиональному направлению, что очень близко к оси очерченного на карте пунктиром залива Шокальского. На этом главным образом и основываются наши предположения. Однако это лишь рабочая гипотеза. Действительностью она может стать только после нашего перехода через «за-

лив» на западную сторону Земли. В ближайшие дни это должно выясниться.

17 июня 1931 г.

3 часа утра. Миновал замечательный день, закончен отличный переход.

Вчера, завершив все наблюдения на мысе Анучина, мы направились дальше на юг. Не пошли, не поехали, а покатили в буквальном смысле этого слова. Температура воздуха не поднялась выше нуля. Совершенно ровный, твердый снег, покрывавший прибрежный лед, прекрасно держал собак. А сани скользили по его гладкой, чуть оледеневшей по-

верхности. Собаки всю дорогу бежали ходкой рысью, а иногда без понукания переходили в галоп. Правда, мы все же покрикивали на них, но только лишь по привычке. К 5 часам утра прошли 50,4 километра. Откровенно говоря, мы совсем не рассчитывали на такой переход. Со вчерашнего утра барометр беспрерывно падал, к полудню небо затянуло облаками, а когда мы покидали стоянку, порошил снег. Выступали с тоскливым ожиданием непогоды. Но с каждым часом, несмотря на падение барометра, погода все улучшалась. Около полуночи из-за облаков выглянуло солнце. Легкий заморозок и прекрасная дорога создали исключительные условия для путешествия. Только перед концом перехода погода все же испортилась — налетел туман, подул холодный и сырой северо-восточный ветер и закружились крупные хлопья снега.

Залив, обнаруженный нами с южной стороны мыса Анучина, оказался небольшим. Пройдя девять километров на запад, мы уже достигли его вершины. Отсюда берег пошел на юг почти по прямой линии. Поэтому мы делали большие переходы между двумя точками, держась параллельно берегу. Один из таких переходов, по азимуту 189°, равнялся 10 километрам; другой, по азимуту 197°,— 16 километрам; третий, по азимуту 190°, тянулся на 14 километров. Ни одного сколько-либо заметного выступа берега, который можно было бы признать за нанесенный на карту мыс Аргнгольда, в действительности не было. За мыс Гидрографической экспедицией был принят один из островков, которые длинной шеренгой вытянулись вдоль берега; самые же островки на карте отсутствовали. Островок, обманувший моряков, имеет 10 километров в длину и около двух с половиной километров в ширину. Таким образом, мы закрыли мыс Арнгольда и открыли остров, за которым и оставили то же самое название. Другие островки не достигали даже километра в поперечнике.

На 22-м километре пути подошли вплотную к спускающемуся в море клетчеру. Его язык, около двух километров в поперечнике, был весь покрыт широкими трещинами, пересекающимися во всех направлениях. Настоящий хаос ледяных глыб и зубцов! Десятка полтора небольших айсбергов, рожденных этим глетчером, стояли здесь же, словно не желая покинуть знакомое место. За языком глетчера вдоль берега, на расстоянии почти 30 километров, тянулась резко выраженная морская терраса. За ней круто поднимался скалистый барьер основного массива Земли. Между отдельными обрывами виднелись впадины, заполненные ледниками, доходящими только до террасы. За барьером скал возвышался ледниковый щит. Следуя вдоль простирания однородной горной породы, мы сравнительно редко останавливались для геологических наблюдений и тратили на это мало времени.

На юго-востоке все время лежали тяжелые низкие облака, и только с половины перехода мы увидели на противоположном берегу «залива» какой-то высокий мыс, а затем берег, уходящий в южном направлении почти параллельно нашему пути. Очень было похоже, что берега «залива» так и не сойдутся и наша надежда найти пролив оправдается.

На пройденном участке пути, от мыса Берга до нашей последней стоянки, всюду лежал однолетний лед. Исключение составлял только небольшой участок, непосредственно примыкавший к мысу Берга с юга. Торошенные молодые льды зимней ломки лежали вплотную к мысу Берга и от него шли почти по прямой линии на юго-восток. Против мыса Анучина эта линия торошения лежала километрах в семи-восьми к востоку. У самого мыса возвышалась вторая гряда торосов, которая доходила до островов, открытых нами на месте несуществующего мыса Арнгольда, и отсюда поворачивала тоже на юго-восток в направлении мыса Визе. Западнее этой гряды, в глубь залива (или пролива), лежал ровный лед, по всем признакам также однолетнего возраста. Редко были разбросаны небольшие айсберги. Они мало обтаяли, в большинстве имели резкие грани и всей своей формой говорили о том, что недавно отделились от ледников.

На широкой полосе ровного льда, меж двух гряд торосов, мы часто видели нежившихся на солнце нерп. Мясо пока нам было не нужно, поэтому, не желая терять времени, мы оставляли их в покое.

Главное событие дня — появление гусей. Следы их мы встречали еще в прошлом году в районе открытой нами

Советской бухты, однако самих гусей на Северной Земле увидели только сегодня. Хотя мы и знали, что они сюда залетают, все же были удивлены их появлением. Погода стояла плохая. Перед нашей остановкой густой туман закрыл дали, низко нависла тяжелая облачность, холодный сырой ветер пронизывал одежду, и крупными хлопьями падал снег. В это время над нашими головами низко пролетели две тяжелые птицы. Вырвался невольный крик: «Гуси!» Птицы, по-видимому, не менее нас были удивлены неожиданной встречей. Рассматривая наш караван, они сделали три круга над упряжками и в свою очередь дали хорошо разглядеть себя. Это были две черные казарки. Теперь не могло быть никаких сомнений, что гуси здесь не только бывают, но и гнездятся. Появление их увеличило список птиц, обитающих летом на Северной Земле, которая вначале показалась нам такой безжизненной. Мы даже невольно почувствовали какое-то радостное удовлетворение, гордость за Северную Землю. Мы уже полюбили ее и ласково называем «нашей». Каждый новый уголок, мыс, гора, ледник, которые в результате наших работ ложатся на мировую карту, все больше привязывают нас к ней.

Поэтому с такой радостью мы и встретили первых гусей, хотя и знали, что их появление в скором времени сулит новые трудности и испытания. Не было сомнений, что прилет гусей нельзя считать «слишком ранним». А это означало, что настоящего таяния снега, повышения температуры и оживления растительности, хотя и бедной, но достаточной, чтобы прокормить гусей, надо ждать со дня на день. Значит, распутица может наступить завтра — послезавтра. Ее угроза стала реальнее и ощутимее.

18 июня 1931 г.

Вчера мы остановились в 3 часа утра. После десятичасового отдыха были готовы снова пуститься в путь, но осмотр снежного покрова охладил наш пыл. Термометр показывал 0°, и там, где 10 часов назад полозья саней только постукивали по крепкой дороге, снег превратился в рассыпчатый фирн — бесконечное количество крупных ледяных кристаллов с острыми, как стекло, краями. На такой дороге за несколько часов собаки изрежут лапы. Уж лучше переждать! Или снег еще больше подтает и фирн исчезнет, или — наоборот — его подморозит.

Я пешком прошел в глубь Земли, увидел новый фиорд с целым рядом глетчеров, уходящий на северо-запад. На поверхности террасы нашел много обнаженных из-под снега площадок земли, поросших мхом. Среди них виднелись пуч-

ки засохших прошлогодних метликов. Чем же питаются гуси?

Только около полуночи температура воздуха начала понижаться. На высоте 150—200 метров висели сплошные темные облака. Они, точно под гребенку, срезали вершины гор.

Термометр опустился до —1° и остановился. На снегу появилась тонкая ледяная корочка, не менее угрожающая собачьим лапам, чем рассыпчатый фирн. Но делать было нечего. Сильного похолодания ожидать было уже нельзя, а значительное потепление тоже могло прийти не скоро. Нужно продолжать путь. Не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра собаки все равно начнут резать и растирать лапы. Этого не миновать.

Первые десять километров по такой дороге я старался не смотреть на собачьи следы. Но разве удержишься! На обледеневшем снегу стали появляться рубиновые блестки. Собаки начали расплачиваться за трудности пути.

Погода то ободряла, то наводила уныние. Иногда сплошная масса туч начинала рваться, в небе появлялись голубые просветы, температура воздуха падала. Дорога сразу улучшалась. Веселели собаки. Через несколько часов новая перемена приносила густой туман и хлопья снега. Видимость почти исчезала. Съемка затруднялась, хоть останавливайся. Но еще через полтора часа не было уже ни тумана, ни снегопада, ни туч. На голубом небе оставались только редкие высокие облака. Сани без задержки снова катили на юг.

Давно пересекли неверную пунктирную линию, замыкающую на карте Гидрографической экспедиции залив Шокальского, и все более углублялись в него. Вновь шли вдоль берега, которого не видел человеческий глаз, на который не ступала человеческая нога. Занимал только один вопрос — что сулит нам этот берег? Его характер почти не менялся.

С самого начала перехода мы видели ту же морскую террасу, за ней — обрыв гор с просачивающимися по долинам протоками льда, и дальше — ледниковый щит. Но вот горы с плоскими, точно срезанными вершинами закончились. Ледниковый щит на большом пространстве прорвал их барьер и устремился к морю. Его поток почти на 18 километров занял береговую линию. И только местами он спускался к морю спокойной, покатой линией, не образуя ни одной трещины. На большем же пространстве поверхность ледяного потока была покрыта бесчисленным количеством глубоких пропастей с отвесными стенами и представляла собой десятки тысяч отдельных льдин самой разнообразной

величины. Это будущие айсберги. Часть их уже отделилась от потока и была окружена морским льдом. Здесь ледниковый щит находился в движении и нажимал на морские льды. В непосредственной близости к щиту в морских льдах виднелось много открытых трещин. Некоторые из них достигали двух-трех метров ширины. Местами на морском льду стояли озерки морской воды, выдавленной через мелкие трещины напирающим ледником.

Впереди, за прорвавшимся ледником, виднелся высокий мыс. На него мы и держали курс.

Чем дальше шли, тем больше занимал вопрос, что же в конце концов находится впереди — пролив или залив.

Противоположный берег заметно приближался. Он был уже примерно в 20 километрах. Между ним и мысом, на который шли, как ни вглядывались, ничего нельзя было рассмотреть. Что там? Низкий, пока невидимый берег или глетчер, замыкающий залив Шокальского? А может быть, и нет ничего, кроме морских льдов или айсбергов в проливе, который предстоит нам открыть? Но вот в бинокль удалось рассмотреть у самого мыса невысокий, но очень характерный ледяной вал. По своей форме он мог быть только береговым торосом. Если это так, то здесь бывает напор морских льдов и где-то близко есть свободный выход в море. Значит, впереди пролив. Начали попадаться площадки молодого льда с вымерзшим на нем соляным раствором, по-видимому прошлогодние забереги.

Мыс все ближе и ближе. Бурой скалистой массой он вырастал из-за потока искрящегося ледника. Наконец, мы миновали последние каскады глетчера и на 33-м километре пути подошли к самому мысу.

Картина, раскинувшаяся перед нами, запомнилась на всю жизнь. Берег, вдоль которого мы шли, поворачивал на юго-запад, а противоположный берег все так же, почти по прямой линии, уходил на юг и далеко впереди обрывался плоским мысом. Все широкое пространство между берегами заполняли торошенные морские льды. Мы находились в самом узком месте пролива!

Это было новое крупное открытие. Залив Шокальского с этого момента исчез с карты. Его место заступил пролив Шокальского — новые ворота между западной и восточной частями Советской Арктики — ценный подарок Родине. Кроме открытия пролива, сегодня мы закрыли и сняли с карты гору, нанесенную гидрографами к западу от залива Шокальского. Никакой горы на этом месте не оказалось. По-видимому, моряки были обмануты полярным миражем, вводившим в заблуждение многих путешественников.

Разбили бивуак и успели взять полуденную высоту солнца. Вычисления показали, что за два перехода мы спустились к югу на 44′. Чего еще можно желать? Будь с нами Журавлев, он, вероятно, спел бы какую-нибудь песенку, соответствующую нашему настроению. Где-то он? Проскочил ли на базу? Мы в этом не совсем уверены, и беспокойство за товарища — единственное пятно, омрачающее наше сегодняшнее настроение.

19 июня 1931 г.

Вчера, разбивая лагерь, мы спугнули недалеко от палатки штук двадцать гусей. Они парами разлетелись в разные стороны. Через некоторое время тем же порядком — парами — начали возвращаться обратно. Я взял карабин — и один гусь пошел нам на ужин. Это была самка с формирующимися яйцами. Самое крупное из них почти достигало величины куриного.

Кроме гусей, много летало белых полярных чаек и иногда появлялись чистики. Вскоре мы заметили, что они собираются на обрывистой гранитной возвышенности. Ночью я добрался до их гнездовика. Огромный, многометровый снежный забой у подножия скалы сильно помог мне в этом предприятии. Правда, несколько раз я скатывался вниз, потом делал ножом ступеньки и взбирался выше. Надо сознаться, не только любознательность руководила мной. Там могли быть яйца. Но все гнезда были еще пустые, хотя птицы галдели так, словно их действительно грабили. Они стаей кружились над моей головой, хлопали крыльями, но не решались ударить клювом. Наконец, очевидно поняв, что незваный гость немногим поживится в их пустых гнездах, успокоились и, усевшись на вершине скалы, в нескольких метрах от меня, как бы позировали перед объективом фотокамеры. Гнезда чаек не отличались сложной конструкцией. Это были небольшие углубления, смесь помета с натасканным сюда мхом, без подстилки из пуха. Над скалой, напоминавшей по форме гигантскую окаменевшую черепаху, кружилось несколько бургомистров; но, сколько я потом ни лазил, гнезд их не нашел. Вероятно, бургомистры были привлечены сюда гвалтом, поднятым полярными чайками.

С высоты 100 метров я обследовал горизонт, но, несмотря на прекрасную видимость, ничего нового не обнаружил. Торошенные льды лежали километрах в пятнадцати от нашего лагеря. На запад их можно было проследить еще километров на сорок. Это лишний раз убеждало, что мы действительно открыли новый пролив.

Возвращаясь в лагерь, я захватил с собой несколько заинтересовавших меня образцов пород. Урванцев, увидев их, сразу оживился. Сначала он крутил их в руках, потом один за другим разбил молотком и, сняв очки, внимательно осматривал близорукими глазами. На свежих изломах породы горели очень красивые, черные, лучистые пятна.

Мы вернулись на террасу. Николай Николаевич долго лазил среди гранитных глыб, иногда подолгу задерживался и отбивал новые и новые образцы.

Оказалось, что выходящие здесь на поверхность гранитовые порфиры сильно видоизменены. Местами они превращены в грейзен. А красивые черные цветы оказались кристаллами турмалина. К сожалению, большая часть возвышенности была погребена под снегом, и тщательно обследовать участок геологу не удалось.

Собрав образцы пород, а заодно и образцы богато развитых здесь мхов, мы начали свертывать лагерь. Но выйти так и не удалось. Подняв голову над санями, я увидел недалеко от палатки медвежье семейство: медведица с двумя малышами шла прямо к нам. Метрах в трехстах она понюхала ветер, дувший с нашей стороны, и круто повернула в сторону. Представлялся случай подкормить собак и пополнить свой рацион. Спущенные собаки настигли зверей, и нам оставалось только подойти, сделать несколько выстрелов, а потом привезти мясо к палатке. Всех собак мы пустили на волю. Начался пир. Через час от медведицы остались только голые кости. Собаки развалились на отдых. Теперь часов восемь тревожить их было нельзя. Но эта потеря во времени должна была возвратиться сторицей: после медвежатины собаки становятся заметно веселее и работают энергичнее».

Не возвращаться, не останавливать работу

«21 июня 1931 г.

Ну, вот и пришла настоящая весна!..

Странно писать эти слова 21 июня. Когда же в таком случае настанет здесь лето? По календарю правильнее было бы уже сейчас сказать: наступило лето. Но все вокруг дает право говорить только о весне. Сегодня первый день распутицы, характерной для начала апреля в средних широтах. Природа Арктики никак не желает укладываться в привычные для нас представления о временах года. Да, пожалуй,

сейчас это не так уж и важно. Нет никакой нужды втискивать здешнюю природу в какие-то рамки. Всего существеннее сам факт, что распутица началась. А какая она — весенняя или летняя,— не меняет положения.

Вместе с распутицей пришли и непривычные трудности. Раньше мы знали темноту, снежные бури, туманы и обжигающие морозы. А теперь начинаем знакомиться с водой.

Минувший день — смесь непредвиденных радостей и давно ожидавшихся неприятностей. Начну от последнего бивуака. Ночью хорошо подморозило. Крепкий наст прекрасно держал сани. Груза на них не прибавилось — медвежьи шкуры пришлось бросить. Отдохнувшие, сытые собаки бежали весело. 16 километров мы прошли быстро, почти незаметно. Несколько раз для осмотра обнажений выходили на берег. Потом восемь километров тянулся новый ледник. Миновав его, вышли на мысок, за которым вновь вырастала высокая ледяная стена.

Неожиданно над головами пронеслись на север пять краснозобых гагар. Потом мы увидели куличка-песочника. Пели пуночки. Километрах в трех спокойно брел медведь. На ровном льду, в поле зрения, лежало много нерп и более десятка морских зайцев. Последних в этом году мы увидели впервые. Один из них лежал метрах в шестистах. Он заметил нас или, скорее, услышал шум — часто и тревожно начал поднимать голову, но не ушел. В общем здесь был целый зоологический сад.

Но самое приятное нас ждало на берегу: мы увидели первые живые цветы. Да, настоящие цветы! Ярко-желтые полураспустившиеся шляпки альпийского мака, скромные камнеломки и миниатюрные полярные незабудки. Как давно мы не видели живых цветов и как мы им обрадовались сейчас!..

Мысок, поросший цветами, был только узким клином, вбитым между двумя громадами ледников. Впереди километров на пятнадцать простирался мощный поток льда, стекающий с Земли от ледникового купола. И только за ним вновь чернел какой-то новый клочок обыкновенной земли. К югу от него виднелось несколько маленьких скалистых островков. На этот мыс мы и взяли курс.

Дувший с Земли леденящий ветер совершенно стих. Тучи исчезли. Начало припекать солнце. Температура воздуха прыгнула вверх. За все время пребывания в экспедиции мы еще не испытывали такой высокой температуры, а для собак это была уже настоящая жара.

Снег, представлявший до этого плотный, смерзшийся монолит, сразу перестал держать сани и собак. Сначала он

превратился в сыпучую зернистую массу, потом начал пропитываться водой и стал похож на густую кашу. И, как нарочно, его здесь оказалось немало. Сметенный зимними ветрами с ледникового купола, перемолотый ветром и смерзшийся, он образовывал заструги в виде параллельных крутых гряд до 75 сантиметров высотой. Позднее, в последние весенние снегопады и метели, эти гряды были засыпаны мягким рыхлым снегом, так и не успевшим подвергнуться действию сильных морозов. В начале резкой оттепели скрытые заструги еще кое-как держали наши упряжки. Но между застругами была сплошная каша. Дальше пошло еще хуже. Раскисли и сами заструги. Сани и собаки все больше

тонули в снегу.

Сами мы встали на лыжи, но скоро убедились в их полной бесполезности: они целиком погружались в снежное месиво, и нужно было немалое напряжение, чтобы вытащить их обратно.

Мои собаки, зарываясь в снежную кашу, пробивали путь. Это их очень обессиливало. В основном они тратили энергию на преодоление трудностей, а не на полезную работу. Сани поочередно то оседали на правый или на левый полоз, то погружались обоими сразу. И так — час за часом, километр за километром. Наконец, собаки совершенно выбились из сил, да и сами мы измучились не меньше. Но остановиться было нельзя. Справа — глетчер; а морской лед весь покрыт слоем снежной каши.

Надо было выбраться во что бы то ни стало на мыс. Останавливались чуть ли не каждые десять метров. Передохнув, впрягались вместе с собаками в передние сани, оттаскивали их на новые десять — пятнадцать метров, потом, отдышавшись, шли за следующими санями. Охрипшими, сорванными голосами беспрестанно понукали собак.

О передышке нечего было и думать. Нужно было идти к цели. Остановка могла кончиться печально.

Когда мы протаскивали вперед одни сани, оставшиеся собаки даже не ложились, хотя и были сильно измучены,— так они ненавидят воду. Собаки стояли и выли, словно боялись, что мы их бросим в таком положении. Любой ценой надо было пробиться к мысу. Снова мучительный путь, крики и удары бича.

Последние десять километров пути шли больше четырех часов. Только в полдень, миновав глетчер, наконец, вышли на мыс. И собаки и мы сами упали, словно подкошенные, на подсохшую землю.

Только после продолжительного отдыха мы нашли силы для того, чтобы разбить лагерь.

22 июня 1931 г.

Мыс, на который мы вчера выползли,— крайняя южная точка центрального острова Земли. Дальше берег повернул на северо-запад. Мысу дали имя Якова Свердлова. Решили закрепить эту точку астрономическим пунктом. Теперь задержка для нас будет только полезной. Если наступит похолодание — дорога улучшится, если же сохранится тепло, она тоже станет легче — снег подтает, осядет и станет более проходимым.

Пролив Шокальского остался позади. Сейчас километрах в семидесяти к юго-востоку мы все еще видим последний уступ горной возвышенности, идущей вдоль всего юго-западного берега пролива, начиная от мыса Визе. По своему местоположению это, очевидно, и есть гора Герасимова, усмотренная Гидрографической экспедицией с юга, из пролива Вилькицкого, и нанесенная на карту. От этой возвышенности далее на юго-запад можно рассмотреть более низкий выступ берега, вероятно, уходящий к мысу Неупокоева — югозападной оконечности Земли.

О вскрываемости пролива Шокальского пока можно судить только по характеру виденных нами льдов и некоторым наблюдениям на берегу.

Начиная от мыса Анучина, на протяжении 35 километров мы шли вдоль торошенного льда. Линия торошения южнее острова Арнгольда повернула на юго-восток и несколько южнее мыса Визе уперлась в противоположный берег пролива. Далее наш путь шел по совершенно ровному льду, заполнявшему весь пролив. В районе большого ледника, севернее входа в пролив, мы встречали лед, обнаженный от снежного покрова, и водоросли, в заметном количестве выброшенные штормовой волной в районе маленького мыска, на котором вчера мы обнаружили первые цветы.

Ледники здесь находятся еще в движении и, безусловно, поставляют айсберги в достаточном количестве. Как часто пролив очищается от льдов и когда наступает период их вскрытия и замерзания, можно установить только прямыми и многолетними наблюдениями. Во всяком случае, имея в виду установление прямого сообщения Северным морским путем, будущему мореплавателю необходимо будет помнить не только о проливе Вилькицкого или о возможности обогнуть Северную Землю с севера, но и о проливе Шокальского. Вопрос о глубинах, судя по характеру берегов, вряд ли может возбудить какие-либо сомнения. Мысль о сделанном нами значительном открытии смягчает как переносимые, так и предстоящие тяжести пути.

Сегодня сидим на месте. Определили астрономический пункт и выложили на нем высокий каменный гурий.

Берег, обращенный своим склоном к югу, почти весь сухой. Недалеко от палатки журчит ручей, цветут камнеломки, ложечная трава, незабудки, покачивают головками полураспустившиеся альпийские маки. Несколько раз над лагерем пролетали гуси. Мне удалось еще вчера подстрелить одного и двух сегодня. Один из них оказался самкой с вполне сформировавшимися и готовыми к кладке яйцами. Часто появляются полярные чайки. Видели одного поморника.

Температура воздуха повышается. Дует южный ветер. Снег на льду заметно оседает. Появляются темные пятна воды. Теперь чем скорее растает снег, тем лучше для нас. Поэтому мы радуемся южному ветру, на наших глазах съедающему снег. Если он принесет еще и небольшой дождик, будет совсем хорошо.

23 июня 1931 г.

В ночь на 22-е южный ветер как будто услышал наши пожелания и принес дождь. Мы были разбужены характерным шумом барабанивших в туго натянутую парусину палатки дождевых капель. То усиливаясь, то слабея, дождь продолжался почти всю ночь.

На льду, в районе нашего лагеря, засинели озерки воды. Утром они занимали около тридцати процентов всей площади видимых ровных льдов. Снег сильно осел.

Просидев еще день на месте, вечером решили сделать попытку продвинуться дальше. Начало подмораживать. В 10 часов вечера тронулись в путь. То, что мы видели перед собой, вселяло надежду. Вслух мечтали о том, чтобы пройти километров пятнадцать — двадцать, а про себя подумывали даже о тридцати. Пока огибали мыс, на котором стояли лагерем, все шло хорошо. Осевший и подмерзший снег глубиной 10—15 сантиметров сносно держал сани, а где не выдерживал, мы легко преодолевали эти места. Озерки воды, покрывавшие льды, тоже не страшили нас — они были мелкие и лежали ровным слоем. Мы загоняли собак в такое озерко, а они, стараясь поскорее выбраться из воды, стремительно вытаскивали сани. Но чем дальше мы шли, тем становилось хуже и, наконец, стало невмоготу тяжело.

На курсе к следующему мыску, в шести километрах к западу от покинутого лагеря, нам пришлось обогнуть несколько невысоких известняковых скал, торчащих прямо из моря. Здесь лежал осенний, мелко торошенный лед. Между торосами снег сохранился целехоньким. Пришлось много потру-

Лагерь напоминал маленький поселок

Мы невольно остановились перед этими мрачными воротами

«Владыки Арктики»

Появились сосульки.
Заструились ручейки воды

Г. А. Ушаков в майском походе

►

Висячие долины рассекли скалы

►

Ледопады и скалистые обрывы делают берег необычайно красивым

Полярные чайки, усевшись на вершине скалы, как бы позируют перед объективом фотокамеры

Обтаявший айсберг в проливе Шокальского

В пути мы обогнули несколько известняковых скал, торчащих прямо из моря

◄

Первые цветы

Такой ледниковый поток на 18 километров занял береговую линию

Вся прибрежная часть льдов была сплошь покрыта водой

►

Гроза приближалась. Туча заняла половину неба и скрыла солнце

►

Ушаков и Урванцев в палатке

Наши трофеи росли беспрерывно

◄

Штормъ взломал торосы у нашего острова

◄

Самый крупный экземпляр белухи...

Брызнули первые лучи солнца. Кончилась четырехмесячная ночь

В пределах видимости ледяное поле было вздыблено торосами

◀

Перед нами лежал остров Большевик. До этого мы видели его только издали

◀

Поверхность береговой террасы

Берег был опоясан широкой террасой

диться, прежде чем миновали этот участок. Но все же это была сносная дорога.

Впереди берег образовывал небольшую бухту. Мы решили пересечь ее по прямой. Оторвавшись от берега, попали в такую переделку, в какой еще не бывали. Трудно было представить, что на совершенно ровном льду мы встретим такой слой снега. В любой точке глубина его превышала полметра, причем он нигде не выдерживал упряжек. Собаки ползли по густой каше, а сани выпахивали глубокую канаву. Лыжи тоже проваливались. Казалось, что мы тонем в этой жидкой массе. До противоположного берега бухты оставалось километров пять-шесть. Собаки выбивались из сил с каждым шагом. Мы работали рядом с ними, но наших общих сил хватало лишь на то, чтобы протащить сани без остановки только два-три метра. Стало ясно, что в этом направлении до земли мы не дойдем.

Сбросили с саней половину груза, изменили курс на ближайшую точку берега, дали передохнуть собакам и снова погнали их. Даже с половиной груза мы временами теряли надежду добраться до берега. Два километра, отделявшие нас от него, шли три с половиной часа. Измученные, мокрые с головы до ног, в одежде, пропитавшейся ледяной водой, с выбившимися из сил собаками, наконец, выбрались на берег. Вскипятив чай и утолив жажду, пошли обратно за оставленным грузом.

Вернулись в лагерь только через несколько часов. За двенадцать часов тяжелой работы мы прошли всего 16 километров и оказались на расстоянии лишь 10 километров от прежней стоянки. Как ни странно, но мы были необычайно довольны такими результатами. Дорога была настолько тяжела, что мы могли только изумляться, что сумели продвинуться на 10 километров.

Второе, что было приятно сознавать,— никому из нас не пришла в голову мысль вернуться обратно. Как-то незаметно, с первого дня экспедиционной работы у нас выработалась привычка, а теперь уже можно сказать правило — не возвращаться обратно, что бы мы ни встретили на своем пути.

Сейчас мы опять в палатке. Место здесь сырое. Под постеленным в палатке брезентом хлюпает вода. Мокрую одежду развесили под матицей. Надежды на то, что она скоро просохнет, очень мало.

Густой, сырой туман заполнил все, даже палатку. Сухие вещи, вынутые из брезентовых мешков, пропитываются влагой. Возможно, что поблизости есть более сухой участок берега. Как только мы узнаем о нем, перенесем туда наш ла-

12 № 181

герь. Здесь нам придется просидеть несколько дней, пока снег не подтает и мы не получим возможности двигаться.

В наступившей распутице мы видим нормальное явление, ждем дальнейшего потепления и более интенсивного таяния снега.

Пеммикана после сегодняшней кормежки собак у нас осталось на две с половиной недели. Наше личное продовольствие можно растянуть на месяц. Кроме того, мы отнюдь не потеряли надежды на удачную охоту. В крайнем случае, если распутица примет слишком затяжной характер и не позволит нам идти вдоль береговой линии, у нас есть еще один путь. Мы можем подняться на ледниковый щит и по-
290 пытаться идти по нему. Здесь ледник настолько обессилен, что не достигает современной береговой линии, находится в спокойном состоянии и, по всем признакам, доступен для передвижения. Но это мы сделаем только в исключительном, вернее, в катастрофическом случае. Ведь перейдя на ледниковый щит, мы потеряем береговую линию, вынуждены будем прекратить съемку, геологические работы и другие наблюдения. А у нас, кроме правила не возвращаться обратно, есть и второе — продолжать работу, как бы ни были тяжелы условия».

Высшая добродетель полярника

«24 июня 1931 г.

Ни в нашей жизни, ни в погоде никаких перемен не произошло. Мы сидим в палатке, спим или едим, а погода попрежнему киснет.

Почти беспрерывно стоит густой туман. В короткие моменты, когда он рассеивается, видна низкая, сплошная облачность. Температура воздуха не поднималась выше $+1{,}5^{\circ}$.

Единственной новостью является маленькое разнообразие в нашем меню. Мы, наконец, нашли применение шоколаду. До сего времени мы его возили без пользы и лишь утяжеляли на несколько килограммов загрузку саней. Очень редко, без особой охоты, съедали плитку и всегда при просмотре продовольствия недоумевали — зачем мы его таскаем. Взяли мы его с собой по какому-то недоразумению, должно быть, вызванному сложившимся убеждением об особой питательности этого продукта. Вероятно, питательность его действительно высока. Оспаривать этого не собираемся. Но

мы убедились, что в полевых условиях шоколад все же не настоящая пища. А потребность в сладостях у нас очень ограничена.

Теперь употребляем мы шоколад так: кладем в наш двухлитровый чайник полкилограмма и кипятим. Получается напиток, как говорится, на любителя.

Основой нашего питания, как и раньше, служат мясные консервы, сухие овощи, масло, сахар, пеммикан, сухое молоко, чай и галеты. Мясные консервы мы одинаково охотно едим как в холодном, так и в разогретом виде.

На этот раз мы захватили изрядное количество сушеных овощей и необходимых специй,— пользуемся каждым удобным случаем, чтобы приготовить наш излюбленный суп. И только при наличии свежей медвежатины суп отходит на задний план. Основным нашим напитком теперь, в теплое время, является чай. Он прекрасно утоляет жажду и несравним ни с кофе, ни с какао. Когда жажда одолевает сильнее обычного, мы прибавляем в чай клюквенный экстракт. А после особо тяжелых переходов, когда мы измучены, мокры с головы до ног и дрожим от холода, извлекается со дна продуктового ящика заветная фляга, и мы пьем чай «по-монастырски», с коньяком.

Прекрасным по питательности и по вкусу оказался молочный порошок. К великому сожалению, качество порошка мы оценили слишком поздно и взяли его мало. Вполне оправдали лучшие надежды галеты. Они приятны на вкус, питательны, занимают мало места, стойки к сырости и не боятся тряски. Последнее качество особенно ценно. Будь у нас вместо галет сухари, они давно превратились бы в труху, а труха не замедлила бы заплесневеть. Кроме перечисленных продуктов, у нас есть еще макароны и рис. Мы возим их в качестве неприкосновенного запаса и будем расходовать в случае особой нужды. В среднем наш суточный рацион составляет по-прежнему 1200 граммов на человека.

Собаки наши чувствуют себя очень плохо. Ненавистная для них сырость мешает отдыху. На земле — лужи, а сверху — сырой туман. Каждая собака, выбрав себе место для отдыха и согрев его, старается уже не вставать. Сегодня даже во время кормежки многие не поднялись и съели свои порции лежа. На вчерашнем переходе у меня охромела Блоха. Ошкуй сегодня стер обе задние лапы. Еще несколько таких переходов, и пес может совершенно выйти из строя. Жаль. Он давно уже потерял свой жир и лень и теперь стал примерным работником.

25 июня 1931 г.

Наше положение серьезнее, чем казалось. Сегодня рано утром туман исчез. Облака рассеялись, показалось солнце.

Мы на лыжах пошли на разведку. Добрались до мыса, замыкавшего Снежную бухту (так мы окрестили ее за обилие снега на льду) с запада, и проделали в оба конца километров двенадцать.

В западной части бухта еще глубже врезается в Землю. Кут ее находится километрах в четырех от западного мыса. За бухтой берег Земли уходит на северо-запад. Ледниковый щит, против которого мы стоим, прерывается километрах

в пятнадцати — двадцати. Дальше на северо-западе виден другой такой же щит. Между ними большой прогал.

Снегу на льду по-прежнему много, и за последние сутки он не стал ни крепче, ни рыхлее — та же каша, что и была. Когда мы шли в первый конец, лыжи кое-как держали нас на снегу, а возвращаясь обратно, вынуждены были снять их и по колено брели в жидкой снежной массе.

В кут бухты впадает большой поток, берущий начало, повидимому, где-то между ледниковыми щитами. Сегодня скопившаяся вода прорвала многометровые снежные забои в русле, и поток с шумом устремился на лед. Рев воды слышен на полтора-два километра и напоминает гул далекого водопада.

Вода все больше и больше заливает лед бухты и пропитывает снег. Это «вода на нашу мельницу». Чем больше печет солнце, тем скорее ручьи, потоки и речки промоют себе сток в прибрежном забое, зальют прибрежные льды и растопят снег, и мы получим возможность идти дальше.

Сидим и надеемся, что такая погода продержится хотя бы дня три-четыре. Думаем о солнце, о потоках воды. А в глубине души растет тревога: как бы эти потоки не оказались слишком мощными. В таком случае они не только растопят снег, но могут размыть и прибрежные ровные льды. Тогда волей-неволей нам нужно будет идти по земле. Это будет слишком тяжелым предприятием и нарушит все наши планы.

Все же унывать еще рано. Пока мы можем выжидать. Остается к этой возможности прибавить хорошую дозу спокойствия. Только вот из бухты надо выбираться при первой же возможности. Здесь может размыть лед раньше, чем у открытого берега. Тогда мы окажемся на положении зайцев в половодье. Если завтра продержится такой же день, то к вечеру снег должен осесть, и ночью мы попытаемся выбраться из нашей западни.

26 июня 1931 г.

Ночью небо затянуло облаками, но утром они быстро рассеялись, и начало пригревать солнышко. В полдень в тени термометр показывал +4,5°, а на поверхности снега +1,7°.

Днем спустили с цепей собак. Солнце и тепло оживили их. Они начали бегать, резвиться и скоро занялись охотой. Один из соседних бугров, наиболее сухой, оказался заселенным леммингами. Вся земля была изрыта норами. Наиболее удачливые собаки вернулись в лагерь с полными желудками и во время кормежки отказались от своих порций пеммикана.

...Весь сегодняшний день стоит мертвая тишина. Я сижу недалеко от лагеря. Рядом со мной несколько собак. Разомлевшие от непривычного тепла, они лежат без движения. Весь лагерь в покое. Бесконечно глубокий сапфировый небосклон опрокинулся над белым простором льдов. До предела чист и прозрачен воздух. И над всем этим стоит абсолютная, мертвая тишина. Ни звука, ни шороха, ни шелеста. Даже обычно крикливые чайки летают совершенно бесшумно.

Чтобы рассеяться, беру карабин и приглашаю Николая Николаевича прогуляться по тундре. За нами увязываются собаки. Только через несколько часов возвращаемся в лагерь успокоенные и уверенные в себе.

Пока мы бродили, вода в большом количестве скопилась в русле соседнего потока, но, не преодолев берегового забоя, устремилась в небольшую ложбину и нашла выход к морю восточнее нашего лагеря. Палатка оказалась отрезанной от тундры широким шумным ручьем.

Пора покидать эту бородавку. Кстати, в Снежной бухте все больше и больше темных водяных пятен.

Идти, вероятно, будет легче. Во всяком случае попробуем выбраться отсюда.

27 июня 1931 г.

Вышли в полночь. Сразу встали на лыжи, но скоро выяснилось, что пока необходимости в них нет. На протяжении нескольких километров поверх льда лежал слой воды глубиной от 5 до 15 сантиметров. Снег, попадавшийся небольшими перемычками, был значительно тоньше, чем два дня назад. Собаки все еще старались избегать воды, но потом, очевидно, поняв, что по воде тащить сани гораздо легче, чем даже по неглубокому снегу, сами стали тянуть к каждому голубеющему озерку, как только оно попадалось им на глаза. Временами они переходили даже на галоп, и тогда во все стороны от упряжки летели целые фонтаны брызг. Теперь

за ними пешком было не поспеть. Мы сели на сани. Но сидеть нам пришлось совсем недолго. В конце седьмого километра мы достигли западной стороны Снежной бухты. Здесь берег образован рядом невысоких возвышенностей, которые легко можно принять за отдельные островки. Однако все они соединены или очень низкими перемычками, или намывными косами.

В месте нашего выхода лежал береговой намывной вал. Далее море небольшой излучиной, шириной километров пять, вдавалось в Землю. Решили срезать излучину.

Здесь ни вблизи берега, ни в отдалении от него не было и признака воды. Вся поверхность излучины была бела, как скатерть. Мы уже знали, что это такое, и не ошиблись. Как только сани вышли на лед, так и погрузились в снежное месиво. Белизна снега, как мы и ожидали, была только кажущейся. На льду скопился слой воды. Поверх нее лежал пропитанный водой снег, покрытый в свою очередь крупнозернистым фирном, и все это прикрывала корочка хрупкого льда.

Дорога была очень тяжела. Но что же делать? Надо было добраться до намеченного берега. Чем дальше, тем становилось хуже. Сначала мы сбросили меховые рубашки, потом шерстяные фуфайки.

Остановки участились. Пришлось пробивать путь на лыжах. Они оставляли две глубокие борозды. Собаки, видя впереди человека и какое-то подобие дороги, шли дружнее и останавливались реже. Через восемь часов вы добрались до намеченного мыска.

Продвинулись от старой стоянки на одиннадцать с половиной километров. Это немного, но все же лучше, чем ничего. Когда-то мы делали за один переход почти полградуса широты, а теперь радуемся, если нам удается сделать полградуса долготы. Времена и условия меняются.

Мысок совсем обтаял, местами сухой. Много цветов. Ложечная трава, лютик-пигмей, камнеломка, сравнительно много мятлика. Узкой полоской, точно грядкой, южный склон мыса опоясан полярным маком. Много леммингов.

Разбили лагерь. Собак пустили на охоту.

28 июня 1931 г.

Опять целый день на месте. Начинает надоедать. Еще вчера мы успели осмотреть весь клочок земли, на который вылезли после тяжелого пути. А сегодня делать совсем нечего. Единственное занятие — ждать, пока выправится дорога. Мы даже приблизительно не знаем, когда наступит настоящее таяние снега. Может быть, завтра, а может быть, через

неделю. А вдруг так протянется целый месяц? Здесь и это возможно. Продукты убавляются. Пеммикана для собак осталось только на тринадцать дней. На охоту сейчас надеяться трудно. Тяжела бездеятельность. Изобретаем занятия. Перетащили на другое место палатку. Сварили суп. Попытались заснуть — не получилось. Кипятили чай, потом кофе. Наконец, занялись составлением программы предварительного отчета экспедиции, хотя до представления его оставалось еще года полтора-два.

Погода все же работает на нас. Беспрерывно дует ровный южный ветер. Он справится со снегом лучше всякого тепла. Снег на льду тает. Количество воды увеличивается.

Надеюсь — сидеть осталось недолго. Но нужны терпение и выдержка».

Наш купальный сезон

«29 июня 1931 г.

Тронулись! Сделали не переход, а настоящий прыжок. Продвинулись, не прерывая съемки, на 33,7 километра — расстояние, не предусмотренное самыми оптимистическими предположениями.

Вчерашний южный ветер сделал свое дело. Поднявшись в 5 часов утра, увидели, что прибрежный ровный лед, полосой от полутора до трех километров, почти сплошь покрыт водой. Еще сутки назад здесь лежала снежная каша, воды не было и в помине, а сейчас ее было так много, что становилось не по себе от одной мысли о езде по ней на собаках. Целое море! Но вода давала возможность идти вперед. Позавтракали, собрали свое хозяйство и пустились в «плавание».

Собаки, немного поупрямившись, вбегают в воду. Сани сразу погружаются почти по вязки, но идут легко. Это, а может быть, и надежда поскорее выбраться из ледяной воды заставляет собак перейти на ходкую рысь. Нам не остается ничего другого, как сидеть на санях, хотя, надо сказать, что и это занятие совсем не пустое. На льду много углублений, где вода доходит до полуметра. Здесь собаки всплывают, а сани заливает водой. Надо зорко следить за дорогой, чтобы вовремя отвернуть в сторону. Кроме того, мы не застрахованы от попадания в промоину или полынью, что может кончиться крупной неприятностью.

Первое время мое внимание было напряжено до отказа. Но постепенно я освоился с дорогой и по одному оттенку

воды уже мог достаточно точно определять ее глубину и добротность скрытого под ней льда. Дело пошло совсем хорошо. Только брызги полетели.

Так мы прошли целых 27 километров. На этом расстоянии только два раза встретили небольшие ледяные бугры, на которых с трудом поместились, чтобы дать возможность собакам немного передохнуть, обсохнуть и обогреться. А один раз, не найдя ни одного сухого клочка льда, вынуждены были посадить всех собак на сани. Все видимое пространство вода заливала слоем от 15 до 25 сантиметров.

Последние 7 километров шли снова по снегу. Он настолько осел и раскис, что уже не представлял для нас трудной преграды. Только отдельные участки были очень неприятными. Под пропитанным водой слоем снега была ледяная корка, покрывающая фирновый рассыпчатый снег, что лежал над коренным льдом.

На этой ледяной корочке из крупных смерзшихся кристаллов фирна несколько собак порезали себе лапы. Но теперь от этого уже не спасешься. Вода начинает разъедать поверхность морских льдов и превращает их в терку. С каждым днем в упряжках будет увеличиваться количество охромевших собак, и, наверно, часть из них останется непригодной к дальнейшей работе. Применяемые осенью и ранней весной собачьи чулки сейчас не годятся. Они размокают и не держатся на лапах.

На всем пройденном участке берег Земли низкий, сложенный из валунных суглинков. Здесь он почти сплошь еще покрыт снегом. На севере по-прежнему виден ледниковый щит. Сейчас он от нас на расстоянии 10—12 километров. Мысок, на котором мы разбили лагерь, сложен известняками, выходящими из-под суглинков. Здесь почти нет растительности, если не считать единственной камнеломки и очень редких лишайников.

Погода чудесная. Ясное небо, и по-настоящему жарко. Дует легкий юго-восточный ветер.

30 июня 1931 г.

Снова проделали только 10 километров, да еще с такими приключениями, каких до сего времени не переживали.

Вышли со стоянки в 8 часов. Впереди, близко к берегу, лежали торошенные льды. Предвидя трудности, несколько сократили намеченный план перехода: решили пройти только (!) километров двадцать. На самом деле не выполнили и этого.

Уже через два километра подошли к небольшому торошенному участку, протянувшемуся всего лишь на несколько

километров. Проложили курс и погнали собак. Через полчаса забрались в такую кашу, что единственной мыслью стало — как бы отсюда выбраться. Снег был до метра глубиной, а в отдельных местах и того глубже. Ясно, что он не держал ни саней, ни собак. Часто попадались небольшие озера. Они сначала облегчали путь, а потом совершенно остановили нас. Собаки не находили опоры на рыхлом снежном дне озер. С трудом мы повернули обратно и по пробитой дороге вылезли из торосов.

Первая попытка пройти вдоль берегового снежного забоя между берегом и прижавшимися к нему торосами, казалось, тоже сулила полную неудачу. Здесь снег был еще глубже. Через некоторые торосы весь груз и сани мы перенесли на руках. Наконец, нашли хоть и трудный, но проходимый путь. Дальше торосы чуть отодвинулись от берега, а снежный забой, несколько обезвоженный благодаря близости приливно-отливной трещины, куда стекала вода, выдерживал собак и сани. Беспрерывно меняя курс и следуя всем извилинам берега, медленно шли вперед.

На пути встретили большую лагуну. Коренной берег Земли отодвинулся километра на полтора. От моря лагуну отделял невысокий намывной вал. Ровный лед лагуны был настолько соблазнительным, что мы было направили туда упряжки, но вовремя заметили, что лед там вскрылся. Через полчаса с шорохом и скрипом лед устремился на юго-восток, к выходу из лагуны, и освободил ее северо-западную часть. Окажись мы в это время на льду — попали бы в малоприятную историю. Сколько нужно осторожности!

Так за первые четыре часа осилили 9 километров. Но все это были лишь цветочки. Ягодки мы попробовали в следующие три часа.

Обогнув лагуну, мы увидели перед собой глубокий залив. Осмотрев в бинокль берег и не найдя на нем ничего примечательного, решили срезать залив по прямой. Он был покрыт сравнительно ровным льдом, уже обнажившимся от снега. Вода лежала на льду тонким слоем и благодаря неровностям образовывала на его поверхности причудливый узор из озерков и заливчиков, соединяемых рукавами. Никаких трудностей для прохождения этот участок как будто не представлял. В данных условиях это была наиболее благоприятная дорога, какую мы видели за последние десять дней.

Выход из залива замыкала сплошная стена высоких торосов. Она шла почти по прямой линии с мыса на мыс. Вдоль этой гряды со стороны залива мы и направили свой путь. Тянул еле заметный ветерок. Яркое солнце и ясное небо

не предвещали никаких неожиданностей. Сани скользили легко, и караван быстро прошел примерно половину залива. Здесь-то и настигла нас беда.

Береговой ветер неожиданно засвежел. Он усиливался буквально с каждым мгновением и уже через десять минут превратился в шторм. Вода, покрывавшая лед, под бешеным напором ветра пришла в движение. На льду зажурчали ручьи, потом потоки. А ветер свирепел — свистел, бесновался и гнал воду дальше, пока на ее пути не встала облюбованная нами гряда торосов. Встретив преграду, вода начала быстро скапливаться. Уровень ее поднимался, а площадь расширялась все больше. Озеро, растущее на глазах, пре-

градило нам путь. Вода начала заливать сани. Пробежав около сотни метров вперед, я убедился, что идти еще можно, и, надеясь, что мы успеем проскочить самую опасную излучину и добраться до выступающей из воды высокой льдины, погнал собак вперед. Но несколько минут, потерянные на мою короткую разведку, оказались роковыми. Едва мы прошли половину разведанного пути, мои собаки и сани всплыли. Ветер свистел, вода прибывала с такой катастрофической быстротой, что создавалось полное впечатление оседания льда на нашем пути. Подав команду Урванцеву гнать упряжку против ветра на мелкое место, я начал поворачивать свою. Но даже удержать ее было трудно. Плавающих собак и сани ветром и течением воды тянуло в глубь озера. Несчастные животные подняли визг, полезли друг на друга. Видя, что это не помогает, они начали взбираться на плавающие сани. Когда, наконец, удалось повернуть сани, вода доходила мне почти до плеч. Собрав все силы, мы вытянули упряжки против течения на мелкое место.

Когда опасность миновала, мы осмотрелись вокруг. Вдоль всей гряды торосов стояло огромное сплошное озеро, а позади нас, к югу, и справа, к востоку,— в сторону берега, лежал сухой лед.

Отсюда ветер угнал всю воду. И возможно, что лед действительно осел, так как у самой гряды торосов слой воды достигал двух метров.

Распутав собак, вышли на берег. Теперь по льду, обнаженному от воды, можно идти свободно, но мы решили выждать. На собак жалко было смотреть. Накупавшись в ледяной воде, они тряслись, точно в лихорадке. Да и сами мы выглядели вряд ли лучше.

Выпрягли и отпустили собак. Поставили палатку. Хотели переодеться, но убедились, что переодеваться не во что. Вода просочилась в мешки и вымочила запасную одежду.

Разделись, выжали одежду и снова надели ее на себя. Утешали себя шутками о полезности компрессов.

Ветер по-прежнему гудел. В районе лагеря — сухой лед, но вдали волновалось огромное озеро, прижатое к гряде торосов, точно к плотине.

1 июля 1931 г.

Вот и июль. Прошел месяц, как мы покинули нашу базу. Что-то там делается?

Во второй половине июля уже можно ожидать общего вскрытия льдов. Следовательно, мы располагаем только двумя гарантированными неделями для возвращения на базу. До нее остается километров 150. В зимнее время мы бы сказали: «Какие пустяки! Три-четыре перехода, и мы дома». Теперь думаем: «Ох, как еще далеко! Очень далеко!» Даже приблизительно мы не можем сказать, сколько времени нам потребуется для достижения базы. Все зависит от погоды — от солнца, от дождя и ветра. Чем интенсивнее будет проходить весна, тем скорее мы будем дома.

Собачьего корма у нас осталось на одну неделю. Сократив норму, мы можем растянуть его на десять дней. Хорошо было бы теперь добыть медведя. Но что-то их не видно. От пролива Шокальского мы не встретили еще ни одного. Похоже, что их не тянет сейчас прибрежная зона. Нередко видим нерп, однако подползти к ним по воде невозможно. Часто, но без всяких результатов рассматриваем в бинокль льды в надежде увидеть медведя. Пока не добудем зверя, порции собакам придется сократить, хотя по теперешнему их состоянию надо было бы усилить кормежку.

Наши сегодняшние успехи не лучше вчерашних. С утра пошли вдоль берега, выписывая все его изгибы и не отрываясь от приливно-отливной трещины. Воды вблизи берега почти не было. Ветер, хотя и несколько ослабевший, продолжался. У гряды торосов по-прежнему стояло озеро, растянувшееся на многие километры.

Съемку не прерывали. То и дело приходилось останавливаться, чтобы взять новый азимут в том или ином изгибе берега. Худо ли, хорошо ли, мы все-таки проходили один километр за другим, все больше и больше продвигаясь к северу. В душе мы уже были благодарны ветру, принесшему нам вчера столько неприятностей. Похоже было на то, что сейчас он работал на нас, сгоняя воду с прибрежного льда. Но наша благодарность была преждевременной. На десятом километре мы достигли кута залива. Берег здесь повернул на юго-запад, и на пятнадцатом километре небольшая излучина в глубине берега стала перед нами непроходимой пре-

градой. Ветер нагнал сюда массу воды; она шумела и бурлила, а по ее поверхности ходили волны. И приливно-отливная трещина и береговой забой были под водой. Оставался только берег, но с него в вершину излучины с шумом несся такой поток, переход через который был немыслим. На сегодня нам путь был отрезан.

Попробовали пробиться берегом, покрытым неглубоким снегом. Но чем дальше мы углублялись, тем больше становилось преград. Поток разделился на два рукава. В каждый из них впадали десятки ручьев. Все притоки, овражки и ручьи за зиму были забиты глубокими снежными заносами. Сейчас снег превратился в жидкую кашицу. Вода еще не везде пробила себе русло, но, как правило, пропитала снег до дна. Собаки здесь не могли ни идти, ни плыть. Сани погружались в снежное месиво, и мы еле вытаскивали их. Работая по пояс в ледяной жиже, мы настойчиво искали проходимого пути. Но проклятым овражкам и ручьям не было конца. Местами мы не только не решались загнать в них собак, но и сами опасались забрести туда, чтобы не погрузиться с головой. Собаки выбивались из сил, мерзли и беспрерывно дрожали. Они не отказывались работать, а просто не могли. Но и это еще не все. Тяжелые тучи заволокли небо. Скоро все покрыл такой густой туман, что мы видели только размытые силуэты соседней упряжки.

Дальше идти было безрассудно. По своему следу вернулись к морю.

Остается одно — ждать, пока не промоет прибрежный лед и не сбежит вода. Ждать, чего бы это ни стоило. Мучая собак и самих себя, мы все равно ничего не достигнем. Попробуем взять терпением и выдержкой.

Сейчас сидим в палатке. Стянули с себя мокрую одежду. Сушить ее не на чем — экономим керосин. Дождь сменяется снегом. Отжатое белье сушим на себе, сидя в спальных мешках. Согреваемся крепким кофе.

Собаки лежат точно мертвые. Их можно переносить с места на место, и они даже не шевелятся. Удивительно, как только они выдерживают такой путь.

Мы купаемся в ледяной воде всего лишь 4—5 часов в день и то коченеем, а они — беспрерывно. Их лапы разбиты и кровоточат. Они неохотно берут пищу, хотя порции пришлось сократить.

2 июля 1931 г.

До сего времени мы мокли снизу. Теперь поливает сверху. Начавшийся вчера дождь лил всю ночь и сегодня продолжается весь день. Крупные капли барабанят по палатке.

Иногда шум затихает. Дождь переходит в мелкий, моросящий сеногной, но вскоре, словно вновь собравшись с силами, опять начинает лить густыми струями.

Одежда, как и вчера, лежит мокрой грудой в углу палатки. Собаки под проливным дождем не издают ни звука. Укрыть их негде. В палатке даже людям тесновато, тем более что прислониться к полотнищу нельзя: сейчас же потечет вода. Мы сидим в одном белье, высушенном на собственном теле. Почти не вылезаем из мешков. Теперь для нас это единственная возможность быть сухими.

3 июля 1931 г.

Все так же: с утра дождь, потом туман и снег и снова туман. Слабый ветер с юго-запада. Лед частью подняло, частью освободило из-под отступающей воды. Можно было бы идти, но в конце следующего перехода нам необходимо закрепить съемку на пройденном участке астрономическим пунктом. Для этого надо видеть солнце, то есть снова сидеть и ждать. А так как сидеть всюду одинаково, то решили не двигаться с места.

4 июля 1931 г.

Все так же, все то же. Целый день небо окутано тучами. Крупными хлопьями падает снег, а в короткие перерывы густой мокрый туман скрывает весь мир. Температура воздуха в полдень +0,2°. Падающий снег не тает. К вечеру полная картина поздней осени — все бело. Барометр упал и по всем признакам не собирается подниматься.

После полудня я, натянув на себя мокрую одежду, пошел на разведку. Теплилась тайная надежда увидеть медведя. Прошел километров пять от лагеря — никаких признаков зверя. В такую погоду даже тюлени предпочитают не вылезать из моря.

Вода ушла под лед. В заливе, где два дня назад было бурное озеро, теперь почти голый лед.

Густой туман заставил меня повернуть обратно в лагерь. На берегу нашел несколько мелких обломков плавника. Некоторые из них еще свежие и могут послужить дровами. По-видимому, льды вскрываются здесь довольно часто. Всюду видны выброшенные на берег водоросли и раковины моллюсков — следы прибоя и осенних штормов.

5 июля 1931 г.

То же, что и вчера. Беспрерывно снег и туман. Кругом все бело. После полудня барометр пошел на повышение, но перелома в погоде пока нет.

Если завтра не будет надежд на ее улучшение, придется астрономические наблюдения оставить до лучших времен. Запасы собачьего корма позволяют нам потерять только один лишний день.

Во всяком случае завтра двинемся в путь и остановимся на сутки для определения астрономического пункта, только если появится солнце.

Наступило время думать о возвращении на базу во что бы то ни стало. Пойдем со съемкой, а астрономически закрепим ее в будущем».

302

Соблазн

«6 июля 1931 г.

Нет, удача все же с нами! И мы сумели ею воспользоваться. Наше положение изменилось к лучшему.

Еще вчера, боясь потерять собак, мы обсуждали возможности некоторого сокращения объема наших работ и совсем было решили не ждать солнца, оставить на будущее определение астрономических пунктов и по возможности быстрым маршем идти на главную базу экспедиции. До нее не менее 150 километров, а дорога такая, что теперь переход в 10 километров мы считаем уже достижением. Собачьего корма осталось только на пять суток. Последние дни мы их кормили через день. Бедняги, чтобы чем-нибудь наполнить желудки, начали есть глину.

В общем перспективы всего лишь 12 часов тому назад были совсем нерадостными: большой путь впереди, отчаянно трудная дорога, изнуренные собаки, пятидневный запас корма для них и необходимость сокращения наших работ. Наше выступление из лагеря не ознаменовалось ничем, кроме гложущего чувства тревоги за собак и работу.

За 12 часов мы продвинулись только на 8,5 километра. И этого оказалось достаточно, чтобы неузнаваемо изменить наше положение. На 8-м километре пути, осматривая в бинокль дорогу, я заметил недалеко от берега медведя. Он уходил в море. Через 10 минут мы вышли на его след. Собаки, почуяв зверя, насторожились. До медведя было километра полтора ровного, местами залитого водой льда. Дальше шел торошенный лед, к границе которого приближался медведь. Но собаки были измучены, а близкое соседство торошенных льдов не давало уверенности, что добыча не уйдет. При погоне можно было еще больше изнурить собак и, не догнав зверя, оказаться в еще худшем положении.

Что делать? Рисковать!

На разгрузку саней и переупряжку собак потребовалось только несколько минут. На восьми наиболее сильных собаках я пустился в погоню. Наш медвежатник Тяглый мчался впереди по следу зверя. За ним неслась упряжка. Сани то и дело заливало водой. Скоро на мне уже не было ни одной сухой нитки.

Медведь заметил собаку, бросился ей навстречу, но тут же, поняв опасность, повернул назад и быстро скрылся в торошенных льдах. Тяглый догнал его там, однако, опасаясь в тесноте попасть в лапы зверя, только бежал за ним и лаял, сохраняя приличную дистанцию.

Зверь, не обращая внимания на собаку, продолжал забираться в глубь торошенных льдов. Я спустил еще одного пса, выбросил из упряжки уставшую собаку и остался на шестерке. Положение ухудшилось. Две собаки также не могли держать зверя. А моя ослабленная упряжка по уши барахталась в снежной каше.

Торосы становились все гуще. С отчаянием я увидел, что расстояние между мной и медведем увеличивается. Зверь уходил!

Надо было прибегнуть к последнему средству. Я сосчитал имевшиеся патроны. Только 14. Ничего — должно хватить! Один выстрел за другим я начал выпускать в воздух. После каждого выстрела собаки словно набирали сил и вновь неслись через торосы и озера воды. Теперь расстояние между мной и медведем быстро сокращалось. Услышав выстрелы, осмелели и медвежатники, преследовавшие зверя. Он начал останавливаться и отгонять наседавших псов. Я уже слышал его грозное рычание. Он был совсем близко, но стрелять я не решался. Оставалось только два патрона. Надо было бить наверняка. Наконец, зверь, утомленный не менее собак, залез в озеро между двумя грядами торосов. Озеро было небольшое, но глубокое. Медведь плавал по нему. Я подъехал на 18—20 метров.

Последующие полчаса картина выглядела совсем мирной. Собаки обессиленно лежали у воды. Высунув языки и тяжело дыша, они блестящими глазами следили за зверем. Медведь крутился посредине озерка. Я с карабином в руках сидел на соседней льдине и курил трубку. Бить зверя на воде не входило в мои расчеты. Я бы не мог добраться до его туши. А он не желал покидать убежища. Я кричал, махал руками, но медведь в ответ только фыркал, показывал клыки и время от времени угрожающе рявкал. Я принялся откалывать ножом небольшие льдинки и бросать их в медведя, стараясь попасть в наиболее чувствительное место — черный пятачок носа. Зверь крутил головой, увертывался.

Наконец, после моего меткого удара он рассвирепел и, выскочив на лед, бросился в мою сторону, но сейчас же упал с пробитой головой.

Однако и теперь я еще не знал, радоваться ли добыче. Осмотревшись, убедился, что от ровных прибрежных льдов меня отделяют километра два с половиной торосов. Одно дело — ехать здесь на пустых санях, преследуя в охотничьем азарте медведя, другое дело — двигаться по торосам, погрузив на сани тушу убитого зверя.

Медведь оказался очень крупным и жирным. В живом виде он, должно быть, весил 400—450 килограммов. Сняв шкуру и с душевной болью бросив ее, я уменьшил вес почти

на сотню килограммов. Столько же убавили внутренности, толстый слой жира, срезанный с туши, голова и лапы. Погрузив остальное на сани, я пустился в обратный путь. Много труда потратил, пока добрался до земли.

Мы вышли на берег, нашли сухое место, разбили лагерь и решили дожидаться солнца для астрономических наблюдений.

Скоро удача вновь посетила нас. По моему следу, привлеченный следами крови, стекавшей с саней, пришел второй матерый медведь. Он тщательно обнюхивал след и совсем не смотрел на берег. Уставшие и сытые собаки не почуяли зверя. Мы подождали, пока он подошел вплотную к берегу, и первая пуля Урванцева удвоила наши запасы мяса.

Теперь мы сильны и можем не беспокоиться ни за нашу работу, ни за собак. Если солнце заставит ждать себя даже неделю, все равно мы отсюда не уйдем.

7 июля 1931 г.

День изобилия и отдыха. Собаки прямо-таки ходят по мясу. Время от времени какая-нибудь соблазнится куском повкуснее, погрызет его и снова укладывается спать на сухую землю. Давно они так не блаженствовали. Не постимся и мы. Освобожденная сковородка немедленно вновь заполняется медвежатиной и возвращается на примус.

На глинистых местах берега много отпечатков медвежьих лап. Они посещают эти места частенько. По-видимому, здесь у них «большая дорога» в период весенней миграции.

Весь день пасмурно. Часто летят крупные хлопья снега. Солнца не видно. Ну и пусть — рано или поздно, а мы его поймаем. Теперь праздник на нашей улице.

8 июля 1931 г.

Удалось сделать только полуденные наблюдения. Остальное время дня было пасмурным. На небе — тяжелые черные

тучи. Идет снег. Слабый ветер в течение дня менял румбы почти каждые полчаса. К вечеру он остановился на восточном направлении и засвежел. Температура воздуха понизилась. Лед в прежнем состоянии.

Трудно поверить, что сейчас июль. Где-то пышно распустилась зелень и палит солнце, а мы в течение всего дня не снимали меховых рубашек. Только птицы напоминают о том, что и у нас сейчас лето. Около шкуры медведя и мяса стоит беспрерывно галдеж и завязываются драки. Здесь пируют белые полярные чайки, поморники и несколько бургомистров. Мы их не трогаем. Знаем — шкуру все равно бросим, а мяса нам хватит.

Кроме чаек и поморников, нас часто навещают кулички.
Несколько раз небольшими стаями появлялись гуси, которых мы не видели уже больше недели.

Наши предположения о том, что мы попали на «большую дорогу» медведей, подтверждаются. Сегодня после полудня в километре от лагеря опять появился медведь. Он шел спокойно. Обследовал каждую трещину, каждую льдину. Подойдя к лагерю на верный выстрел, зверь почуял опасность, насторожился, вытянул длинную шею, втянул носом воздух и, круто повернув назад, скоро скрылся в торошенных льдах. После этого появилась медведица с годовалым медвежонком.

Они больше двух часов провели на виду лагеря и приблизились метров на 300—350. Время от времени мамаша проверяла тюленьи лунки. Тогда медвежонок медленно брел позади. Как только он видел, что мать переставала заниматься делом, догонял ее, кувыркался на ходу через голову и ласкался. Все их движения и позы говорили о спокойствии за свою судьбу. Мы без всякого труда могли бы убить зверей, но мяса у нас хватало, и незачем было губить животных.

9 июля 1931 г.

Погода улучшается. Иногда появляется солнце. Провели несколько наблюдений. Завтра, надо думать, закончим определение пункта и двинемся дальше.

Какая-то будет дорога? Хочется надеяться, что будет легче той, которую миновали. По правде сказать, эта надежда ничем не обоснована. Хотя вода и нашла себе выходы в море и освобождает поверхность льдов, но ее еще много.

Собаки заметно отдохнули и сегодня даже устроили потасовку, от которой не удержались и хромые. Но все они еще далеко не в форме: лапы разбиты и кровоточат, нужен до-

вольно длительный отдых, чтобы раны затянулись. А впереди, если воды и будет меньше, поверхность льда, несомненно, хуже, чем была.

Днем переменный ветер. Температура, как и вчера.

Убили гуся. В меню разнообразие. Видели глупышей. Эта птица обычно держится у открытого моря. Возможно, что где-нибудь поблизости началось вскрытие льдов.

10 июля 1931 г.

Прекрасный солнечный день. Все наблюдения закончены. Завтра в путь. Мы так обжились, так сроднились с местом, что не очень-то хочется покидать его, тем более что мысли о дороге совсем не радуют. Она, безусловно, будет еще тяжелее. Опять — вода, купанья, мучения собак и все прочее, вплоть до возможной нехватки собачьего корма, продовольствия и керосина.

В связи с этим сама собой пришла мысль — не остаться ли нам на все лето в этом исключительно благоприятном для промысла уголке. У меня нет никаких опасений за нашу жизнь при летовке в здешних местах. Зверя здесь достаточно, а добыть его мы сумеем. На санях лежат 280 штук патронов. При умелом использовании такого запаса вполне достаточно, чтобы не испытывать нужды в мясе. Хуже обстоит дело с топливом, но и тут можно найти выход. Жировая лампа может с успехом заменить примус. Летовка здесь заманчива еще и тем, что мы смогли бы по окончании распутицы совершать экскурсии в глубь Земли, чего не сможем делать с нашей базы. Психологически к такой перспективе мы тоже готовы, так как еще до выхода в поход предвидели возможность быть отрезанными от своей базы.

Сегодня к лагерю опять подходил крупный зверь. По всем признакам мы действительно на «медвежьем тракте». Уходя отсюда, мы сойдем с этого тракта. А дальше, в случае вынужденной летовки не в таком благоприятном месте, рискуем попасть в более тяжелое положение.

Но есть и другие доводы. Наша задержка сорвет подготовку экспедиции к следующей зимовке. А самое главное — Ходов, конечно, сообщит на Большую Землю о нашем «исчезновении», и это вызовет ненужную тревогу за нашу судьбу. Неминуемо будут приняты меры найти нас. В то время как мы, вероятно, без особых лишений будем летовать здесь, какой-нибудь ледокол отправится к Северной Земле, а наши летчики, рискуя жизнью, примутся обследовать Землю. Что на первый взгляд кажется разумным и целесообразным с точки зрения нашей личной судьбы, может оказаться ненужным в большом деле.

Поэтому, как ни привлекательна была мысль об остановке здесь на лето, мы решили идти и во что бы то ни стало достигнуть своей базы. Завтра в дорогу!

На размытом льду

11 июля 1931 г.

Вместе со своими четвероногими друзьями мы пять суток находились на сухой земле. Собаки вдоволь ели свежую медвежатину, отдохнули и окрепли. Сегодня, хотя раны на их лапах и не зажили, они дружно взялись за работу. Мы быстро прошли 12 километров по льду вдоль низкого, как и всюду на западе, берега и приблизились вплотную к крутому склону ледникового щита, спускающемуся прямо в море.

Ни одного клочка обнаженной земли здесь не было. Склон ледника при дружном таянии снега, по-видимому, дал сразу так много воды, что она несколько дней тому назад заливала все видимое пространство льдов. Об этом говорила их поверхность, совершенно обнаженная из-под снежного покрова. Потом вода нашла стоки и ушла под льды. На поверхности их остались необычные следы. Они были очень своеобразны, но для нас крайне нежелательны. По-видимому, вода нашла стоки в море в дни с заметно пониженной температурой, когда поверхность воды была покрыта прозрачной ледяной коркой толщиной до 8 миллиметров. Сейчас вода сохранилась только на дне многочисленных углублений, а корка, покрывавшая почти все видимое пространство, висела в воздухе, опираясь на мелкие бугорки и всякие неровности на поверхности льдов. Она, конечно, не выдерживала упряжек. Как только мы вышли на этот участок, так и услышали «музыку». Ледяная корка подломилась и зазвенела, как тонкое стекло. Собаки шарахнулись в сторону. Но и там раздался тот же звук. Собаки остановились и вопросительно посмотрели на нас. Для них это было новостью, как и для нас. Мы прошли вперед, осмотрели дорогу ближе к леднику, отошли в глубь морских льдов, но всюду было одно и то же.

«Музыкальная» корка местами висела на высоте лишь нескольких сантиметров, местами же пространство, отделявшее ее от поверхности льдов или неглубоких озерков воды, достигало 15—20, а иногда и 25—30 сантиметров. Впереди был виден обнаженный из-под ледника мыс. Надо было пробиваться на него. Другого выхода не представлялось. Никаких надежд на то, что корка исчезнет за

ближайшие день-два, не было. И мы погнали упряжки. Километр за километром, час за часом шли мы под звон рассыпавшейся корки. При каждом шаге дорога звенела словно ксилофон. Звук льдинок менялся в зависимости от высоты падения, от их толщины и размеров и, наконец, от того, куда они падали — на лед или в воду. Корка была плотная, а кромки обломков остры, точно бритва. Еще не зажившие лапы собак скоро начали сильно кровоточить. Для нас это было тяжелее всего.

К концу перехода корка стала тоньше. Местами стояли открытые лужи и озерки воды. Мы все чаще продвигались по перемычкам морского льда между озерками. Собаки

сами старались обойти воду по узким гребням обнаженного льда. Но воды становилось все больше. Она была всюду одинакового мутно-желтого цвета. Это ввело нас в заблуждение, которое могло обойтись нам очень дорого. Мы еще ни разу не попадали в такое трудное положение, как здесь. Оказывается, пресная вода настолько разъела морской лед, что местами превратила его в тонкое кружево. Мы прошли довольно далеко по этому кружеву. Только попав на узкий перешеек между двумя широкими промоинами, я заметил опасность и криком остановил караван. Осмотревшись, мы ужаснулись. Кругом сплошь зияли отдушины. Узкие перемычки льда были так тонки, что вибрировали под ногами. Было совершенно непонятно, как мы до сих пор не провалились. Развернуться было уже невозможно. Пятясь назад, волоча сани и собак, мы с большими предосторожностями и напряжением выбрались на безопасное место.

Выйти на мыс оказалось тоже сложным делом. Несколько больших речек, собирающих воду с ледникового щита, успели образовать здесь широкую прибрежную полынью. На границе ее мы с трудом нашли небольшую перемычку между двумя промоинами, вылезли по ней на берег и облегченно вздохнули.

Трудный и необычный день остался позади. На 26 километров мы приблизились к нашей базе.

Вокруг нашей палатки много цветущего мака. Видны незабудки и камнеломки. Много мхов. Среди них пробиваются мятлики, и кое-где видны тонкие нежные побеги полярной ивы. На илистых берегах двух лагун очень много старых гусиных следов. Сейчас самих птиц здесь не видно. Очевидно, они собираются сюда на линьку.

12 июля 1931 г.

Тронулись в дорогу около полудня. Там, где накануне по узкой перемычке выбрались на берег, сегодня путь уже не

существовал. Насилу перебрались на морской лед. Через два часа, обогнув мыс, увидели знакомые места.

На севере синели возвышенности мыса Серпа и Молота, а к северо-западу виднелась узкая-узкая полоска земли. Это был полуостров Парижской Коммуны. К западу от него, почти неуловимой линией, намечались острова Седова. В конце их находилась база экспедиции — там лежал конец нашего трудного путешествия.

Повеяло чем-то родным, теплым и близким. Там нам был обеспечен покой и отдых. Измучились мы сильно, обросли и оборвались, похожи на бездомных бродяг или каких-то пещерных жителей. Еще больше измучены и требуют отдыха наши собаки. Однако мы далеки от сознания победы и радости оконченного дела. Дорога поистине страшна. Сколько времени мы будем добираться до синеющей вдали линии, неизвестно. Самый тяжелый вариант нашего путешествия — возможность быть отрезанными вскрывающимися льдами от базы — все еще не исключен. Поэтому и успокаиваться еще рано. Необходимо собрать все силы, упорно шаг за шагом пробиваться вперед и стойко переносить трудности. А их еще немало.

Сегодня прошли 16 километров. Двигались уже по льду залива Сталина. Вблизи берега лед не вскрывался, по-видимому, много лет. Он когда-то был торошенным. С годами все вершины торосов стаяли, и вместо них остались лишь высокие округленные бугры. Среди них вода разъела глубокие ямы.

Ежеминутно собаки и сани погружались в воду и тут же должны были подниматься на очередной бугор. Ледник снова захватил берег. Помня вчерашний кружевной лед, мы старались держаться от него на почтительном расстоянии. Начали попадаться перпендикулярные берегу трещины, настолько широкие, что представляли трудности для переправы. Резкий холодный ветер с юго-запада дополнял все испытания пути. Собаки теряли силы. На 10-м километре отказался идти Архисилай. Бедняга бежал в лямке до последних сил. Наконец, лег прямо в воду и не мог встать. Большего от него требовать нечего. Положил на сани. Еще через два километра рядом с ним положил Юлая. Я остался без передовика. Роль передовика стал выполнять сам, забегая то справа, то слева от упряжки и направляя собак на нужный путь. Перед концом перехода свалился в одно из бесчисленных озер. Вода дьявольски холодна. Поистине нужно иметь собачье терпение, чтобы переносить ее ежедневно.

Наконец мы опять добрались до конца ледникового щита.

Край его отвернул в глубь Земли. Рядом лежал берег, усыпанный цветами полярного мака. Мы попытались выбраться на этот цветущий берег, показавшийся нам раем. Но рай, как и полагается, оказался недоступным. Широкая трещина и берег позади нее преградили нам путь. В рай можно было попасть только в лодке, но перевоза здесь не было. И собаки и сами мы были настолько измучены, что искать где-нибудь переправы не было сил.

Лагерь разбили на остатках снегового забоя, у подножия ледника, между двумя широкими трещинами. Другого сухого места не нашлось. Будем надеяться, что за ночь трещины не разойдутся.

310 Сейчас я сижу в спальном мешке и все еще стучу зубами после холодного купания. Сварили крепчайший кофе, всыпав в чайник последние запасы его.

13 июля 1931 г.

Тот же юго-восточный ветер, только значительно усилившийся. В полдень температура воздуха в тени $+1{,}2°$. При свежем ветре в не успевшей просохнуть одежде такую температуру воспринимаешь как холод.

Время от времени налетает туман. Такими же перемежающимися зарядами идет дождь.

Весь день провели за осмотром местности и выяснением своего положения.

Оставив собак, мы пешком пошли на разведку.

Ледник здесь образует отвесную стену от 15 до 20 метров высотой. Весь уступ стены зимой был занесен огромным снежным забоем. Сейчас забой оторвался от ледниковой стены и несколько осел. Глубокие трещины внизу заполнены водой. На счастье, все они выклиниваются, заходят друг за друга и образуют сеть узких снежных перемычек, местами не превышающих 15 сантиметров в ширину. Лавируя между трещинами и пользуясь снежными перемычками, мы кое-как выбрались на поверхность купола.

Перед нами открылась безрадостная картина. Вся прибрежная часть льдов была сплошь покрыта водой. Далее, вплоть до синеющей вдали полоски полуострова Парижской Коммуны, лежал лед, на 60—70 процентов покрытый водой. Очевидно, лед был сильно разъеден.

В поле зрения бинокля то и дело попадали появляющиеся и исчезающие тюленьи головы. Тюлени могли высовываться только из промоин и полыней. Было ясно, что в этом направлении нам не пройти. Путь необходимо было искать в другом месте. Но где?

Вдоль берега идти было невозможно. Здесь километров

на пять к северу тянулся широкий заберег. Чтобы миновать его, надо было это расстояние пройти по земле? Другого пути не было. Но удастся ли пройти по земле? На протяжении этих 5 километров шумели три речки, вливавшиеся в береговую полынью.

Решили переправиться через устье этих речек, а потом снова выбраться на лед.

15 июля 1931 г.

Только что разбили новый лагерь. Прошли 21 километр, а продвинулись вперед только на 5 с половиной.

Вчера с утра начали подъем на ледниковый щит. Несколько часов потратили на переправу через трещины в снежном забое. Через некоторые из них удалось построить снежные мосты, другие пришлось по-прежнему переходить по выклинивающимся перемычкам. Пройти через трещины на собаках было невозможно. Поэтому сначала частями переносили на себе весь груз, потом сани. Каждый брал с собой прочный шест, на котором в случае провала можно было бы висеть, пока подоспеет другой. Паутину трещин с грузом на спине проходили поочередно. Продвигаясь таким способом, через четыре часа мы преодолели около ста метров и выбрались на ледниковый щит. Проскочили по нему немного более километра и по отлогому склону скатились на голую землю.

Наши сани достаточно тяжелы. Мы знали, что измученные собаки не потянут их по голой земле. Решили перетаскивать сани по очереди, объединив всех собак в одну упряжку. Пока Урванцев обследовал перекат первой речки, я переделал лямки и запряг в первые сани пятнадцать собак. Остальных, наиболее пострадавших, оставил свободными. Для себя у меня была приготовлена особая лямка. Впрягся сбоку саней, и мы начали испытывать новый способ передвижения.

Земля уже подсохла. Сани со стальными подполозками по глине передвигались с трудом и застревали на каждом валуне, словно остановленные автоматическим тормозом. Облегчали путь попадавшиеся небольшие лужайки, поросшие мхом и травой. В конце концов этот тяжелый путь оказался все же не тяжелее движения по льду. С несколькими передышками нам удалось благополучно переправиться через первые две речки и дотянуть до третьей первые сани, а потом и остальные.

Перекаты первых двух речек были не глубоки. Ни собаки, ни сани не всплыли. Последняя речка оказалась значительно глубже. Здесь собаки должны были всплыть обязатель-

но, и если бы нам не удалось удержаться, быстрое течение неминуемо снесло бы нас на глубину, а затем и в полынью.

Сначала разгрузили сани и все вещи перенесли на себе. Трудно было бороться с течением. Речку переходили по очереди, связавшись бечевой. Один входил в поток, другой оставался на берегу, чтобы каждое мгновение иметь возможность помочь товарищу, если того собьет течением.

Самый напряженный момент наступил при переправе собак и саней. Первую упряжку переправили удачно. Вторая попала на несколько шагов ниже по течению на более глубокое место. Сильная струя воды подхватила собак. Вожжа в моих руках зазвенела как струна. Вода дошла до пояса. Еще момент, и я бы тоже был сбит потоком. Но тут помог Урванцев, шедший впереди с бечевой, прикрепленной на этот раз к упряжке. Услышав мой крик «держи», он, не раздумывая и не оглядываясь, шлепнулся на четвереньки прямо в воду, вцепился в большой валун и напряг все силы. Я почувствовал, как ослабела вожжа, но зато теперь струной звенела бечева. На миг показалось, что мы теряем упряжку. Но Урванцев удержал. Собак с санями, словно на поводке, прибило течением к отмели.

Переправа закончилась.

Разбили лагерь. Довольные удачным переходом, не обращаем внимания на то, что сами мокры по уши. Признаться, мы ожидали здесь бо́льших затруднений. Да, кстати, и вода в речке теплее, чем на льду. Разгоряченные работой, мы не чувствовали даже ветра. Сейчас он дует с юго-востока и усилился до 15 метров в секунду. Наша палатка крепко натянута, а мы голые, полусидя в спальных мешках, устроились за чаем.

Теперь наши горячие супы остались только в воспоминании. У нас всего лишь банка пеммикана, немного масла, шоколад и мешочек риса. Эти запасы мы сможем растянуть на четыре-пять дней. Керосина только около двух литров. Вообще близок конец всему. Ну, что же! Ведь так же близок и конец нашего пути.

Конец тяжелого пути

17 июля 1931 г.

В дальнейший путь тронулись около полуночи с 15-го на 16-е. Первые два километра шли вдоль заберега по сохранившемуся береговому снежному забою. Дальше на пути распростерлась новая прибрежная полынья. Вода плескалась о самый берег. И лишь на небольших отрезках его со-

хранился лед. Надо было вновь начать санное путешествие по голой земле. Это нам совсем не нравилось. Кроме того, не хотелось забираться в глубь залива Сталина. Открытой воды, полыней и промоин там, безусловно, было больше.

На наше счастье, ветер, давно уже перешедший к северо-востоку и все время усиливавшийся, согнал большую часть воды с морских льдов по пути нашего следования. Лед, сколько можно было видеть под приподнявшимся слоем тумана, казался почти оголенным. Решили воспользоваться благоприятной обстановкой и по прямой выйти на юго-восточную оконечность полуострова Парижской Коммуны.

Однако, чтобы осуществить это решение, надо было сначала попасть на морской лед. Широкий заберег, вдоль которого мы шли до этого, теперь превратился в прибрежную полынью до 300 метров шириной. Перемычки нигде не было видно. Положение казалось безвыходным. Но это толкнуло нас на изобретательство. Решили соорудить паром и переправиться вплавь. Материалом для парома должен был послужить лед. Около двух часов работали топором. Наконец, острый выступ льдины, толщиной около метра и площадью около 9 квадратных метров, отделился от узкой полосы припая. Эта льдина стала нашим паромом. На ней, приспособив вместо весел лыжи, мы одну за другой переправили через полынью свои упряжки.

Лед оказался действительно вполне пригодным для пути. Вода на нем держалась только в углублениях сравнительно небольшими озерками. Большинство из них нам удавалось обходить, но некоторые простирались на большом пространстве, и мы были вынуждены резать их поперек. Собаки и сани, как правило, всплывали, но сами мы ни разу не погружались выше пояса. Сквозные промоины попадались еще реже. Их легко можно было определить по цвету воды и обойти. Короче говоря, мы имели привычную дорогу, продвигались «нормально» и надеялись добраться до намеченной точки без особых приключений.

Но наша надежда и на этот раз не оправдалась. Вскоре после нашей переправы на лед туман рассеялся и сменился... проливным дождем, да еще с громом и молнией. Это явление мы наблюдали на Северной Земле впервые, так как грозы в высоких широтах Арктики необычайно редки. Мы с бóльшим удовольствием согласились бы смотреть на это эффектное зрелище дома, на своей базе, но не в пути, тем более что гроза разразилась с такой силой, которой могли бы позавидовать сами тропики.

Как только рассеялся туман, мы увидели на севере огромную тучу. Ветер к этому времени стих. Туча приближа-

лась в полной тишине, медленно, но неумолимо. Лишь время от времени ее сверху донизу разрезала молния. После этого, точно медвежье рычание из снежной берлоги, доносились далекие раскаты грома.

Угроза ливня нас не пугала. Мы привыкли к воде. Скоро месяц, как мы изо дня в день бредем по ней иногда по щиколотку, чаще по колено и нередко по пояс. С утра она обжигает и кажется невыносимо холодной. Сразу начинают мучительно ломить ноги. Невольно ожидаешь судорог. Хочется выпрыгнуть из воды, избавиться от нее. Но если бы мы умели делать даже семимильные прыжки, то все равно не миновали бы воды. По-видимому, ею покрыты сейчас

все льды Арктики. Ледяная вода, наполнив сапоги и ожегши ноги, постепенно теплеет, а сами ноги разогреваются от ходьбы, боли в них постепенно исчезают, и через полтора-два часа водного похода мы забываем о болях. После этого вода беспокоит только тогда, когда попадаем в нее выше колен или погружаемся по пояс, и она захватывает новые части тела.

Зато как становится приятно, когда, разбив лагерь и раздевшись догола, мы влезаем в меховые мешки. Несмотря на все трудности пути, нам удалось сохранить мешки сухими. В туман, дождь и снег мы не раз, выжав белье, сушили его на себе, в спальных мешках, но в солнечные дни успевали высушить и мешки. Поэтому в любую погоду мы отдыхали в палатке хорошо и на другой день всегда чувствовали себя достаточно сильными и бодрыми, чтобы снова лезть в ледяную воду.

На этот раз, перед приближающейся грозой, мы уже несколько часов выполняли обычную работу, давно были мокры с ног до головы и не могли вымокнуть еще больше. Туча могла принести нам только теплый душ. Главное было не в этом, а в том, что поверхность льдов позволяла идти вперед. И мы спокойно продолжали путь.

Гроза приближалась. Туча заняла половину неба и скрыла солнце. Наступили необычные сумерки, от которых при полуночном солнце мы давно уже отвыкли. Вспышки молнии стали ярче. Грохот разрядов усилился. Тишина между раскатами грома стала ощутимее.

Первые, очень крупные капли шлепнулись в воду, точно вспугнутые лягушки. Потом они забарабанили часто-часто, но ненадолго. После этого минут пятнадцать не упало ни одной капли.

А туча наседала и от тишины казалась еще грознее.

Вдруг потянул ветерок... прекратился... снова зарябил воду, быстро усилился и через пять минут превратился в

бешеный шквал. Одновременно хлынул ливень. Беспрерывные струи воды! Ветер с ревом относил их в сторону.

Сплошной поток хлестал по косой линии, как будто скатываясь с крутого горного склона. Молнии вспыхивали почти беспрерывно. Треск, грохот, шум ливня, вой ветра — все слилось воедино.

Туча повисла над самыми нашими головами. На протяжении 20 километров ливень хлестал беспрерывно. Впечатление было такое, словно мы продирались сквозь двадцатикилометровый водопад. На льду озера воды соединились в сплошное море. Собаки и сани стали всплывать чаще и чаще. Теперь мы уже не могли бы остановиться, если бы и захотели. На десятки километров вокруг не было ни одного клочка льда, свободного от воды и годного для лагеря. Да мы и не собирались останавливаться. Собаки продолжали тянуть и, пожалуй, лучше, чем в других условиях. При сильных разрядах молнии животные, поджав хвосты и прижав уши, шарахались в сторону, а потом устремлялись вперед, словно под ними раскалывался лед. Молния и следовавший тут же оглушительный треск действовали на них лучше всяких понуканий.

Выбирать дорогу было бесполезно. Вся она теперь была одинаковой. Оставалось только держать напуганных животных на прямой линии да время от времени пеленговать видимые точки берега.

Наконец, ливень прекратился. Гроза медленно уходила на юго-восток. Выглянувшее солнце залило лучами наш маленький «водоплавающий» караван. На 27-м километре мы вышли на полуостров Парижской Коммуны. Беспокоивший нас залив остался позади. Ближайшая цель была достигнута.

Наш лагерь разбит на низком глинистом берегу. Здесь тоже достаточно воды. От нее защитил нас только брезент, разостланный внутри палатки.

Таким был вчерашний день. Сегодня нет ни грозы, ни ливня. Зато целый день стоит непроглядный туман, дует холодный северо-восточный ветер и время от времени валит густой снег. Видимость только изредка достигает 200—300 метров, а бóльшую часть дня не превышает 30—40 метров. Нам надо сомкнуть свой маршрут с конечной точкой прошлогодней съемки. Она где-то совсем недалеко. Но при такой видимости ни о какой съемке нечего и мечтать. Сидим в палатке и ждем погоды.

Собаки мокрыми клубками лежат в слякоти и не поднимаются. Вода и сырость не дают им отдыха даже на стоянке. А изнурены они до последней степени. И в основном не

от работы. Тянуть сани не так уж тяжело — груз давно поубавился. Собаки теряют силы от потери крови. Поверхность льдов, по которой мы идем, теперь сплошь усеяна острыми кристаллами и напоминает не то бесконечную пилу, не то терку. До сего времени мы давали собакам полкилограмма пеммикана в сутки. Этого количества пищи вполне достаточно в обычных условиях при умеренных зимних морозах; но теперь такого рациона вряд ли хватает только на восстановление потерянной крови. В этом основная причина изнурения животных. Приходится удивляться, что они еще могут работать. Самому больно понукать их, особенно загонять в воду, да еще при ветре и такой температуре, как сегодня.

Поэтому мы не очень ропщем на туман, приковавший нас к этому месту, хотя нам и следует торопиться. Завтра мы скормим собакам последний пеммикан, а до дома еще более 50 километров. Но лучше, в случае необходимости, убить двух-трех собак на корм остальным, чем потерять большую часть упряжек.

18 июля 1931 г.

Ночью туман рассеялся. Немедленно натянули на себя попрежнему мокрую одежду и пустились в путь.

Через 15 километров, пройденных вдоль западного берега полуострова, нашли знак в конечной точке прошлогодней съемки и сомкнули маршрут. Теперь вся центральная часть Северной Земли ляжет на карту. Мы уверены, что ляжет она с достаточной точностью. Это дает нам полное удовлетворение, оправдывает испытанные трудности.

Наша работа окончена. Теперь остается добраться до дома и по возможности сохранить собак. Надо пройти еще километров 40—45. Осилить их будет нелегко, но утешает мысль, что они будут последними.

После трехчасовой передышки двинулись дальше. Сначала сделали попытку выйти прямо на острова Седова, но на пути встретили полынью около километра шириной. С северной стороны островов виднелось много воды. Местами она была почти черного цвета. Значит, и здесь лед был уже размыт. Решили идти прямо на запад по льду пролива Красной Армии.

Здесь лед внешне выглядел крепким, но буквально весь был залит водой. В середине перехода собаки беспрерывно плыли на протяжении 5 километров. Сани залило, а сами мы брели в метровом слое воды. Дальше воды было меньше, но все же на протяжении 15 километров мы не видели ни одного метра, свободного от нее. Чтобы дать передышку собакам, возможность хотя бы стряхнуть с себя воду и обо-

греться, останавливались, втаскивали всех животных на сани, а через полчаса вынуждены были снова гнать их в воду. Две собаки не выдержали и свалились мертвыми в лямках. Другие, окончательно измученные, падали в воду и не хотели подниматься. Одну за другой мы вынимали собак из лямок и клали на сани. К концу перехода на моих санях лежали три собаки и на санях Урванцева две. Только на пятнадцатом километре мы нашли выступающую из воды старую торошенную льдину, площадью около 50 метров, и поставили на ней палатку. Некоторые собаки отказались от мяса своих погибших сородичей. Отдали им последние три банки пеммикана и банку своего. У нас осталось две горсти риса, с килограмм масла, несколько плиток шоколада и около двух килограммов пеммикана. В примусе пол-литра керосина. До базы около 25 километров.

19 июля 1931 г.

Близок локоть, да не укусишь. Прошли сутки, а мы не приблизились к дому ни на метр. Накрывший вчера вечером непроглядный туман продержался беспрерывно весь сегодняшний день. Иногда начинал моросить дождь, но скоро прекращался и сменялся густыми хлопьями снега. Барометр упал. Температура сильно понизилась. Вокруг нашего маленького ледяного островка вода покрылась льдом. Гнать изнуренных собак с израненными лапами в такую воду мы не решались. Терять их так близко от дома было бы непростительно. Пусть лучше будут голодными. Да и бесполезно гнать. Пробиваться по воде, покрытой двухсантиметровым льдом, они все равно не смогут.

Собаки смотрят на нас ожидающими глазами. Но что мы можем дать? Пеммикан вчера кончился. Я подстрелил пролетавшую чайку, собрал остатки сливочного масла, нашего пеммикана и весь оставшийся шоколад, который мы так и не съели, и, поделив все на маленькие порции, отдал собакам. Чайку, масло и пеммикан они моментально проглотили, а от шоколада большинство отказалось. Для самих нас осталась одна кружка риса.

Сейчас, когда мы, несмотря ни на что, провели намеченную работу и находимся в одном переходе от дома, над нами нависла самая большая опасность. Льды вскрываются. Вчера пересекли свежую трещину, местами в несколько метров шириной. На западе видно водяное небо. Несколько раз слышался треск льда. Он напоминает далекие, сильно заглушенные артиллерийские залпы. Недостаточно опытный человек может и не понять, чем угрожают эти явления. Но вскрытие льдов еще не катастрофа. Идти по ним все же

можно. Только бы не поднялся сильный восточный ветер. Он вынесет нас в открытое море.

20 июля 1931 г.

Все позади: и снежная каша, и ледяные ванны, и опасность быть унесенными в море, и падающие мертвыми собаки... Все, все! Мы дома!

Ночью западный ветер стих. На смену пришел южный. Потеплело. Появились клочки голубого неба. Молодой лед размяк. Воды на льду стало заметно меньше. По-видимому, ушла в новые трещины. Не мешкая, снялись с лагеря. Остров Средний виднелся километрах в пятнадцати. Первые

же часы пути подтвердили наши вчерашние опасения за собак. Даже сегодня, при несравненно лучших условиях, их одну за другой пришлось класть на сани. Оставшиеся в упряжках дрожали, спотыкались, то и дело с жалобным визгом падали в воду. Приходилось часто останавливаться, чтобы дать им отдохнуть.

Около полудня опять волнами пошел густой туман. Бредя в тумане, наткнулись на свежую трещину. Ее успело раздвинуть на полтора метра. Перебравшись через нее, скоро снова попали в бесконечные озера воды. После полудня в разрыве тумана опознали знакомый старый торос, прижатый к берегу Среднего острова. Через два часа, переправившись еще через одну трещину, подошли к этой приметной точке и выбрались на остров. Потом на себе перетащили сани на лед, лежавший уже с южной стороны острова. Теперь до дома оставалось только пять километров.

Радость окончания тяжелого пути боролась с обострившейся тревогой за положение на базе экспедиции.

Туман, как нарочно, плотно укутывал остров Домашний. Как мы ни крутили бинокли, рассмотреть ничего не могли, и чем ближе подходили к дому, тем больше росла тревога и усиливалось волнение. Мы забыли об усталости, о тяжести пути, даже о своих измученных собаках. Пять из них лежали на санях, а остальные, понурив головы и опустив хвосты, в полной безнадежности уныло брели по воде. Но скоро, даже в таком состоянии, они почувствовали наше волнение. Все, не исключая и лежащих на санях, оживились, начали поднимать головы и всматриваться туда же, куда смотрели люди. Догадывались ли они, что близок конец их мучениям?

До дома оставалось уже меньше двух километров, а мы все еще не видели его. Это начинало походить на пытку. И вдруг на берегу я увидел стоящую палку. Бросился к ней, точно к родному очагу. Кто ее так заботливо укрепил меж-

ду камнями? Вот и след человека, отпечатавшийся на глине. Снова прильнули к биноклям. Туман начал редеть. Вот из него показались верхушки мачт, ветряк, флюгер... Вот обрисовались дом, склад, магнитный домик.

Но где же люди? Только приблизившись к базе на 300 метров, мы услышали лай собак и увидели, как из домика выскочили Ходов и Журавлев.

Все в порядке! Вздох облегчения вырвался из груди.

Собаки, увидев дом, забыли о разбитых лапах, с визгом, напоминавшим стон, передернули сани через ледяной бугор и в двадцати шагах от домика упали на обнаженную землю.

Бросив хорей, я сжал руки товарищей. Это было тоже последним усилием. Ноги точно подкосились. Я бессознательно опустился на сани. Невероятная усталость свинцом налила все тело. Казалось невозможным пошевелить хотя бы одним пальцем. Урванцев, как и я, сидел на своих санях и только устало улыбался. Стало ясно, что в последние дни лишь усилиями воли мы преодолели крайнее утомление. Воля сохраняла упругость мышц, держала в напряжении нервную систему и сохраняла нашу трудоспособность в условиях, которые теперь самим нам казались чудовищными. Около упряжек хлопотали Журавлев и Ходов. На их лицах радость смешивалась с удивлением. Нетрудно было догадаться, что наше возвращение для них было неожиданным. Очень уж долго мы задержались.

Как бы то ни было, наш поход завершен. Тяжелый путь окончен. Мы дома.

На следующий день товарищи признались, что они уже теряли надежду увидеть нас живыми. Самым оптимистическим было предположение, что мы где-то застряли на все лето и, может быть, сумеем просуществовать охотой до установления нового пути. Видя наступившую распутицу и начавшееся вскрытие льдов, они все меньше питали надежду на встречу и несколько раз спрашивали себя — не пора ли передать в Москву известие о нашем исчезновении. Только сознание всей серьезности такого сообщения заставило их со дня на день откладывать свое намерение.

Так наша маленькая семья снова собралась вместе. Полевые работы в этом году закончились. Мы могли подвести итоги пройденного экспедицией этапа.

Прошел год, как мы оставили Большую Землю. На исходе был одиннадцатый месяц после того, как, сидя в своей шлюпке, мы следили за тающими в тумане очертаниями «Седова». Каким большим был этот год для нас!

За одиннадцать месяцев пребывания в экспедиции мы прошли на собаках свыше 4000 километров. Из них более 500 километров падает на охотничьи поездки для добычи мяса, около 2000 километров на организацию продовольственных складов на Северной Земле и почти 1600 километров на маршрутную съемку. В результате нашей одиннадцатимесячной работы Северная Земля перестала быть таинственной, неизвестной страной. Мы установили, что это не «мелкие острова» и не «мифическая земля», как говорили некоторые зарубежные географы, а действительно обширная территория, достойная называться Землей, как и считали открывшие ее русские моряки. Мы исследовали ее простирание к северу, открыли западные берега с их мысами и заливами, все проливы, ряд мелких островов и проникли во внутренние области Земли. Мы доказали, что Северная Земля не представляет сплошного массива, а расчленена проливами на четыре крупных и ряд мелких островов, местами собранных в небольшие группы. Этим наша экспедиция опровергла мнение скептиков о невозможности реализации великой идеи Северного морского пути, утверждавших после открытия Земли нереальность этого пути, поскольку в центре его стоит непроходимый сплошной барьер. Две трети Земли нами уже были положены на карту. Мы узнали рельеф Земли и степень ее оледенения, собрали богатые материалы о ее внутренних областях и геологическом строении, о режиме окружающих ее льдов, органической жизни, климате и прочих природных условиях.

Приоритет в ряде географических открытий и исследовании Северной Земли принадлежал нам — советским людям, посланцам Советской страны. Нам же принадлежали право и честь дать наименование отдельным частям Земли. Мы закрепили названия за мысами, проливами, заливами.

Наступило время дать наименование отдельным островам. Решено было, что центральный остров Земли будет называться в честь величайшего события, открывшего новую эпоху в истории человечества, островом Октябрьской Революции; южный остров будет носить имя Большевик, в честь нашей героической партии; а острова, лежащие к северу от пролива Красной Армии, получают названия Комсомолец и Пионер, в честь советской молодежи.

В тот же день радиоволны понесли в Москву весть о результатах первого года работ экспедиции, о наших походах, о новых открытиях и о наименованиях островов, заливов, мысов, проливов, врезанных в карту мира.

Будни

Лето

Целую неделю мы безотлучно провели на базе и вдосталь отдохнули. Пора было вновь приниматься за дела. Их у нас всегда было достаточно, а сейчас должно было наступить особенно горячее время. Предстояла подготовка к новой полярной ночи, заготовка мяса для собак и проведение некоторых летних работ в районе островов Седова.

В домике по возвращении из похода мы нашли идеальный порядок. Вася закончил покраску. Теперь наше помещение блестело и играло белизной стен и потолка, стало еще уютнее и приятнее. Снаружи домик выглядел менее привлекательно, чем одиннадцать месяцев назад: когда-то желто-розовое дерево успело посереть. Давали себя знать длительные туманы и буйные полярные метели. Но домик был по-прежнему прочен, стоял прямо и крепко и не требовал никаких работ по подготовке к зиме.

Глубокие сугробы вокруг растаяли. Земля успела подсохнуть, и мы увидели на «дворе» накопившийся за зиму мусор — консервные банки, пустые ящики, многочисленные обглоданные собаками медвежьи кости и всякий хлам. Первое, за что мы принялись, было наведение чистоты и порядка. Через два дня территория была очищена.

Собравшись после этого на мыске, мы любовались нашим хозяйством. Я задал своим товарищам вопрос:

— Как вы считаете — чего здесь не хватает?

Все задумались.

Полярники народ неторопливый — отвечают не сразу, зато солидно, спокойно.

— Пара высоких берез или развесистых лип не испортили бы картины,— ответил Вася.— Но вряд ли мы их вырастим. Лучше я установлю мачты для направленного приема. Они облегчат связь и оживят пейзаж североземельской столицы.

— А на кой леший деревья-то? — возразил охотник.— Разве белые медвежьи шкуры хуже зелени? Смотрите, как

они украшают наш город. Добавим десятка два-три, и картина будет замечательная. Зелень-то что — облетит, мусор будет, а прибавим шкур — склад мясом наполнится — тоже красота! Впереди-то опять четыре месяца темноты.

— Товарищи правы,— отозвался Урванцев.— Деревья надо заменить мачтами, а вместо зелени побольше добыть медвежьих шкур. Это лишний раз подтвердит старую истину о том, что белый свет в здешних местах является защитным. Я тоже прибавлю несколько штрихов к пейзажу. Вот здесь надо поставить репер[1] с вековой маркой, а вон там, около лагуны, водрузим футшток[2] для наблюдения за приливами. Правда, репер больше будет походить на пень, зато

тонкая рейка футштока вполне может сойти за рябину.

Шутки на этом кончились, уже серьезнее Урванцев продолжал:

— Мне понадобятся пятнадцать суток для проведения ежечасных наблюдений над приливами. Кому-то из вас надо стать моим помощником. Я прошу выделить Василия Васильевича, так как вам, Георгий Алексеевич, опять придется разрешать мясную проблему. Попутно мы с Васей проведем и более подробную съемку нашего острова. Потом я отеплю магнитный домик. Это не обогатит пейзажа, зато превратит теперешнюю фанерную будку в настоящий рабочий кабинет.

Так, вперемежку с шутками, мы обсуждали уже наметившийся план наших летних работ и подготовки к новой зимовке.

Со следующего же дня мы приступили к выполнению самого плана.

Я говорю о планах летних работ, о летнем периоде, о лете... Чтобы у читателя не создалось ложных представлений, необходимо рассказать, что подразумевается под здешним летом. Июнь и июль вам уже знакомы.

Наше лето больше всего напоминало вторую половину апреля в средних широтах и без какой-либо натяжки могло быть названо «мягким».

Зноя здесь нет. Мы ходим в барашковых кубанках и не испытываем от этого никаких неудобств, за исключением разве только случаев, когда приходится несколько километров пробежать за медведем. Мы совсем не стремимся в тень

---

[1] Репер — геодезический знак — опорная точка при нивелировании, наносимая на столбе, скале и т. п.

[2] Футшток — рейка с делениями, устанавливаемая в прибрежной зоне для измерения уровня воды.

и, если как следует не поработаем, не томимся жаждой. Кожаная куртка на фланели, одетая на толстую шерстяную фуфайку, или меховая рубашка, а в ветреные дни и полушубок — вот наша летняя одежда, и мы отнюдь не тоскуем по легким летним костюмам. Болотные сапоги или непромокаемые тюленьи пимы, надетые на толстый шерстяной чулок, устраивают нас куда больше, чем парусиновые туфли.

За все лето нас не потревожил ни один комар, ни одна мошка; появлению их мы, вероятно, удивились бы не меньше, чем немыслимому здесь кваканью лягушек. Даже таких неизменных спутников лета, как мухи, мы не видели ни одной.

Правда, в наших краях тает снег, журчат ручьи, шумят водные потоки, на льду и на земле стоят озера воды, распускаются цветы, в низинах зеленеют мхи, местами можно найти маленькие лужайки осоки и злаковых, а птицы кладут яйца и выращивают птенцов.

Но самыми яркими чертами здешнего лета все же являются таяние льдов, изобилие жизни в море и незаходящее солнце.

Льды, разъедаемые водой, беспрерывно потрескивают. В некоторые дни у кромки раздаются короткие звенящие звуки, словно кто-то пересыпает миллионы мелких серебряных монет. А солнце работает без отдыха. Дни и ночи оно кружит по небосводу невысоко над горизонтом и поэтому напоминает или утреннее или предзакатное солнце средних широт. В этом главная прелесть, незабываемое очарование полярного лета.

Мы не видим многих привычных картин — ни колосящихся полей, ни зеленых дубрав, ни летнего раздолья степей, зато Арктика щедро вознаграждает нас многим, о чем в средних широтах можно только мечтать.

Урожай в Арктике

К югу от островов в этом году долго сохранялся ледяной припай. Он тоже разъедался полыньями, но не уходил. Несколько параллельных гряд высоких торосов цементировали всю массу льдов. Нужен был хороший шторм, чтобы разломить эти многометровые махины. Только в половине августа против базы экспедиции открытая вода приблизилась к острову на два — два с половиной километра. Наша моторная шлюпка оставалась блокированной льдами, и в районе базы мы не могли выбраться для охоты в открытое море.

Правда, на льду появлялось много нерп. Иногда в хорошую погоду в поле нашего зрения их вылезало погреться на солнышке до ста пятидесяти штук. Но они мало привлекали нас. Охота на них в этих условиях требовала много времени, надо было применять метод эскимосов: наметив зверя, ползти к нему на животе и изображать тюленя — лежать на льду, когда зверь, подняв голову, осматривается вокруг, копировать его движения — крутить головой, почесываться потюленьи и т. п.

Иногда можно услышать рассказы о том, как эскимосы ухитряются таким образом обмануть зверя своим искусным подражанием, как приближаются к нему вплотную и хватают его за ласты. Я ни разу не наблюдал такого искусства, хотя и видел, как охотник приближается к нерпе на верный выстрел. И сам я без особого труда проделывал то же самое.

Эскимосы пользуются таким способом охоты обычно в случае, когда нет другой надежды добыть кусок мяса, и то только тогда, когда лед покрыт снегом. Зверь может долго не рассмотреть охотника, но зато слух у него развит лучше зрения, и малейший треск или шорох спугивает его и заставляет уйти под лед.

Сейчас снега не было и в помине, обтаявшая и разъеденная водой поверхность льда хрустела при малейшем прикосновении ноги, а кроме того, всюду были лужи и мелкие озера воды.

Одна мысль ползти по ней после нашего месячного «купального сезона» в последнем маршруте вызывала зябкую дрожь, тем более что за полтора-два часа такой охоты можно было рассчитывать получить от охоты максимум тридцать — пятьдесят килограммов мяса и жира. Это очень мало. Мы не могли заниматься такой охотой точно так же, как не могли сидеть с удочкой и часами остановившимся взглядом следить за поплавком, в надежде когда-нибудь подсечь пескаря.

Мы предпочли бы пробежать за зверем десять километров, чем ползти к нему несколько сот метров на животе. И даже на это мы согласились бы только не ради добычи нерпы, а, скажем, ради добычи морского зайца весом не менее двухсот килограммов. Это в наших глазах была уже настоящая добыча. А еще лучшей добычей был бы, конечно, медведь. Нас тянуло в открытое море, где с бóльшим успехом можно было рассчитывать на хорошую добычу.

Мы перебросили на собаках на остров Голомянный стрельную лодочку, фанеру, бруски и все необходимое для лагерной жизни. Поставили сначала палатку, а потом выстроили маленький фанерный домик и таким образом оборудова-

ли главную промысловую базу, или, как мы по-сибирски называли ее, медвежью заимку.

По касательной к западной оконечности острова, как и зимой, с севера на юг лежало открытое море. Плавучие льды то появлялись, то исчезали. В зависимости от движения льдов появлялся и морской зверь. Медведи шли вдоль кромки льдов и, как правило, приходили в район нашего лагеря; а вздумавшие поохотиться на припае или прогуляться по неподвижным льдам зачастую попадали на базу. Таким образом, мы использовали преимущества открытого моря и вместе с тем охватили почти 20-километровую полосу для охоты на медведей.

Заготовительная кампания началась. И началась она на месяц раньше, чем в предыдущем году, то есть в разгар полярного лета, в период изобилия. О характере его далеко не полное представление дают сухие записи промыслового дневника:

«*21—29/VII 1931 г.* База экспедиции. К югу от островов — неподвижные льды, на юго-западе, западе и северо-западе — водяное небо. На льду много нерп. Обычно в поле зрения их видно 100—150 штук. В некоторых местах около трещин они лежат группами в 10—15 голов. Звери очень чутки и редко подпускают на выстрел. Убитые на воде немедленно тонут. Промысел с ружьем почти невозможен. Из птиц видны только белые полярные чайки и оба вида поморника.

На острове найдены два больших полуистлевших оленьих рога. Когда здесь были олени и как они сюда попали, сказать трудно. Могли быть занесены вместе со льдами. На всем пройденном экспедицией пути никаких следов оленей, кроме кости, найденной на острове Октябрьской Революции, да этих рогов, пока не обнаружено.

30/VII. Остров Голомянный. К западу от острова море вскрыто. Плавучие льды в 3 балла. На воде много нерп, часто показываются морские зайцы. На берегу много свежих следов медведей. На острове обнаружена гнездовка белых полярных чаек. Всего около ста гнезд. Многие птенцы уже бегают; есть, вероятно, только что вылупившиеся: в одном гнезде обнаружены еще яйца. Видны поморники. Добыто два морских зайца.

31/VII. База экспедиции. В прибрежных трещинах появилось много саек.

31/VII. Остров Голомянный. Обнаружена вторая гнездовка белых полярных чаек. Из моря слышно дыхание белух.

1/VIII. Там же. Добыт медведь.

2/VIII. Там же. Добыт морской заяц и одна нерпа.

3/VIII. Там же. Добыт морской заяц.

5/VIII. База экспедиции. Добыты две нерпы.

8/VIII. Остров Голомянный. Добыто три медведя.

9/VIII. Там же. Добыто два морских зайца.

10/VIII. Северо-западная оконечность острова Домашнего. Добыт медведь.

12/VIII. Остров Голомянный. Добыт медведь. На гнездовке белых полярных чаек много полуоперившихся птенцов (на взлете), но есть и совсем маленькие, не выходящие еще из гнезд. Первые при виде человека разбегаются в разные стороны, а взрослые птицы, стараясь согнать их в одну стаю, одинаково заботятся обо всей молоди.

13/VIII. Остров Голомянный. Добыт один медведь.

14/VIII. Там же. Добыт морской заяц.

14/VIII. База экспедиции. Добыт медведь.

15/VIII. Остров Голомянный. Добыт один медведь, один морской заяц и одна нерпа. На льду показывались три медведя. Близко от берега прошло небольшое стадо (50—60 особей) белух и стадо гренландских тюленей-лысунов (60—70). Наблюдался необычайно большой подход морских зайцев, много нерп. По всем признакам, зверь шел за рыбой. Часто видим чаек, дерущихся из-за какой-то мелкой рыбешки (повидимому, сайки). Появились молодые моевки и бургомистры.

15/VIII. База экспедиции. Добыта одна нерпа.

16/VIII. Остров Голомянный. С утра идет снег. После полудня сильный северный ветер. Лед быстро гонит к югу. На воде много морских зайцев; нерпы показываются редко. Много моевок. Добыт медведь. Вечером прошло небольшое стадо лысунов (30—40 штук).

17/VIII. Там же. Сильный северо-восточный ветер, пурга, земля покрыта снегом — вид зимний. Льды унесло из поля зрения. В море волнение. Замечено несколько летающих птенцов белой полярной чайки. Морского зверя не видно совершенно.

20/VIII. Там же. Льды все еще за пределами хорошей видимости. Очевидно, с ними отошел и зверь. Морских зайцев не видно уже три дня, очень мало нерпы. Вечером на воде замечен морж. Добыта одна нерпа. На льду пролива Красной Армии замечен один линялый песец. Видели одну крачку.

21/VIII. Там же. В полукилометре от берега на одинокой льдине убит морж. По всем признакам, принадлежит к атлантическому виду. Зверь около тонны весом, голова по сравнению с тушей мала, клыки короткие, тонкие, сильно разведенные в стороны, на коже почти сплошная рыже-бурая шерсть. Желудок зверя оказался наполненным кусками еще

непереваренного нерпичьего сала, среди которого рваные куски нерпичьей шкуры.

22/VIII. Там же. Зверя очень мало. За весь день замечен один морской заяц и несколько нерп. Много поморников и моевок. Снова замечена крачка.

23/VIII. Там же. Подошел зверь. Замечено два морских зайца. Много нерп. Они по-прежнему быстро тонут. Сегодня из одиннадцати убитых удалось достать только две.

24/VIII. Там же. Замечен глупыш. Добыты две нерпы. Утоплено четыре зайца. На гнездовке белых полярных чаек большинство гнезд опустело.

26/VIII. Северо-западная оконечность Среднего острова. Около мыса большая полынья, затянутая салом. Очень много нерп. На кромке льда у полыньи замечено пять морских зайцев. На мысу найдены норы леммингов.

26/VIII. База экспедиции. Ежедневно подходит в большом количестве сайка. Вместе с приливом рыба заходит в лагуну позади дома. Первый массовый заход отмечен 20 августа. Самки рыбы с икрой, самцы с молоками.

27/VIII. Там же. В четырех-пяти километрах от базы на льду замечен медведь. Много поморников и белых чаек. Небольшими стайками появляются кулички-песочники.

29/VIII. Там же. Добыто три медведя — крупный самец и самка с пестуном. Убиты на льду в пяти-шести километрах к востоку от базы. Там же найдена нерпа, задавленная медведем.

3/IX. Там же. Добыт медведь и одна нерпа. Медведь убит на припае к востоку от базы.

4/IX. Там же. Кроме нерп, зверя не видно. Из птиц летают только полярные чайки, поморники и кулички-песочники.

6/IX. Средний остров. Найден мертвый маленький медвежонок, погибший, очевидно, весной. На льду добыта одна нерпа.

7/IX. Остров Голомянный. Добыта одна нерпа, зверя мало. Морских зайцев совершенно не видно. Гнезда белых полярных чаек опустели все.

8/IX. Там же. Добыто две нерпы. Зайцев нет.

8/IX. База экспедиции. Добыта одна нерпа.

9/IX. Там же. Добыта нерпа. В прибрежную полынью заходил морж.

10/IX. Там же. На припае к востоку от базы добыто четыре медведя (самка с двумя медвежатами и самец), пятый медведь раненым скрылся во льдах. Самец убит во время подкарауливания нерпы. Зверь настолько был увлечен своим делом, что совершенно не обращал внимания на людей, стоявших в 50 метрах, на их крики и даже на бросаемые куски

льда, падающие около его носа. При вскрытии его желудок оказался совершенно пустым.

12/IX. Там же. Последние три дня дул сильный, достигавший 17 метров в секунду ветер южных румбов. С юга, по-видимому, был сильный нажим льдов. Припай к югу от островов взломан, потом изменившимся ветром отнесен к горизонту. В разводьях убиты четыре нерпы.

13/IX. Там же. Впервые в этом году получили возможность спустить на воду шлюпку. При плавании вдоль припая, еще сохранившегося к востоку, видели небольшое стадо белух (20—25 штук). Нерп мало. Зайцев почти не видно. Близко к дому подходила медведица с пестуном. В море мно-
328 го глупышей. Добыто пять нерп. Утоплен заяц.

14/IX. Там же. Льды придвинуло к берегу. На плавучем льду замечено два медведя. Вечером прошло небольшое стадо белух. Добыто пять нерп. Утоплен заяц.

15/IX. Там же. Добыто семь нерп. Замечен один морж.

17/IX. Остров Голомянный. Лед из пролива Красной Армии на участке против острова Голомянного и Среднего унесло в море. На косе между этими островами, в полосе прибоя, найден скелет медведя. Под скелетом обнаружены вмерзшие в гальку куски шкуры и шерсть. Очевидно, зверь погиб в море или во льдах, которыми потом был выброшен на косу. На Голомянном добыт медведь.

18/IX. Остров Домашний. Добыта нерпа.

22/IX. База экспедиции. Третьи сутки почти беспрерывно дует сильный ветер, сначала с юга, потом с севера. На море сильный шторм. Вскрыло льды в проливе между островами и вынесло в море. Наш островок отрезан от остальных. К концу дня шторм начал утихать. В воздухе много моевок. Вечером с севера через пролив между Домашним и Средним островами прошло большое (не менее пятисот голов) стадо белух. Над стадом целое облако полярных чаек и моевок, занятых ловлей саек.

23/IX. Там же. Утром подошло новое стадо белух. Убиты три штуки, но вследствие волнения на море и неполадок с мотором шлюпки взять удалось только одну (взрослый самец длиной 4,5 метра); как и накануне, белух сопровождало большое количество чаек. На всех льдинах много саек, выловленных чайками, но не съеденными. Птицы, очевидно, сыты, но по-прежнему с увлечением заняты охотой, вытаскивают пойманную рыбешку на льдины.

24/IX. Ночью прошло три стада белух. Днем они не появлялись.

25/IX. Там же. Недалеко от дома ночью прошел медведь. Белухи не появлялись.

26/IX. Там же. Утром прошло стадо белух. Добыта одна большая самка. Из сосков при нажимании бьет густое молоко желтоватого цвета. На вкус молоко сильно отдает рыбой. Вечером недалеко от берега замечено новое большое стадо белух. Нерп видно очень мало. Замечен гренландский тюлень-одиночка. Зайцев не видно совсем.

27/IX. Там же. За день с севера прошло шесть больших стад белух. Добыто четыре белухи — три самки и один крупный самец. Замечено несколько стаек молодых чистиков.

28/IX. Там же. В течение всего дня почти беспрерывно с севера идут белухи. Добыто шесть штук — два крупных самца, две взрослые самки, одна молодая (синяя) самка и один детеныш. Около полуночи ход белухи стал беспрерывным. Звери шли и с морской стороны и через пролив. Слышно беспрерывное сопение. Пролив несколько часов буквально кипел. Кроме белух, сегодня добыт один морской заяц.

29/IX. Там же. В проливе сало, местами молодой лед. Утром прошло несколько небольших стад белух. Вдоль берега почти непрерывно идет сайка. Заметно увеличилось количество нерп. Часто видели морских зайцев. Добыты две крупные белухи — самец и самка и один морской заяц».

Таков в этом году был урожай Арктики. Так мы собирали его.

Нашествие белух

Луна, показавшаяся из-за горизонта, была желтой, как хорошо созревший лимон. Море же стало совсем черным. Широкая дорога, отливающая желтым шелком, легла на морской простор. Все видимые предметы, все, что в темноте ночи мог воспринять взгляд, окрасилось только в два цвета. Даже льдины, застрявшие на отмели, с одной стороны искрились ярко-желтым цветом, а с другой — казались черными.

И море сегодня тоже необычно.

Еще вчера вода, близкая к замерзанию, казалась густой и тяжелой, как ртуть. Море в таком состоянии немеет: не услышишь ни всплеска, ни прибрежного шороха. Пленка ледяных игл, вот-вот готовая сомкнуться в эластичную, гибкую корку льда, глушит все звуки, которыми всегда так богато море. Сегодня, как и накануне, в морозном воздухе царит полный покой, а море кипит точно при очень свежем ветре. Гребешки волн бороздят водное пространство. Фонтаны брызг то и дело взлетают в воздух. Освещенные желтыми лучами луны, они то вспыхивают, то гаснут, как сотни тысяч светлячков над болотной гладью. Особенно оживлен

пролив между островами. Всплески, сопение, глубокие вздохи, какие-то странные звуки, напоминающие приглушенное хрюканье, беспрерывно доносятся на берег.

Это кормятся белухи. Тысячи белух. Это они превращают море в кипящий котел и не дают ему возможности одеться льдом. Их здесь, поистине, как сельдей в бочке. Только большинство этих «сельдей» достигает в длину четырех-пяти метров, и даже самые маленькие из них, совсем еще сосунки, никак не уместятся в самую большую сельдяную бочку.

Огромные, сильные звери пенят морскую поверхность. Они ежеминутно то погружаются, то всплывают. Белые, блестящие спины взрослых животных, попав в желтые лучи

луны, кажутся огромными топазами.

Косяки сайки, привлекшие белух, с полудня идут по обеим сторонам нашего острова, а преследующие их многочисленные стада белух вновь и вновь появляются то в проливе, то с морской стороны.

Иногда к юго-восточному мыску, где стоит наш домик, одновременно подходят с обеих сторон два стада. Тогда путь сайке преграждается, и она застревает в бухточке, как раз напротив нашего домика. Что в этот момент здесь делается! Могучие звери устремляются вслед за рыбой, в тесноте сталкиваются друг с другом, сопят, бьют по воде огромными плавниками. И все это происходит рядом с косой, на расстоянии двадцати — двадцати пяти метров от нашего домика. Невольно радуешься, что звери не могут выйти на берег, иначе они снесли бы нашу базу, как ураганная океанская волна.

Вероятно, так выглядело первобытное море в далекие геологические эпохи, когда его заселяли гигантские животные. Сейчас вряд ли еще где-нибудь, кроме северных морей, увидишь что-либо похожее на это столь изумительное зрелище!

Даже наши собаки возбуждены и никак не могут успокоиться. Они бегают вдоль берега и лают на море, вдруг ставшее таким странным — живым, дышащим, сопящим и бурлящим жизнью.

Сами мы целый день возимся с огромными тушами добытых зверей и устали до изнеможения, однако не можем оторваться от невиданной картины.

Время приближается к полуночи.

Луна поднялась высоко над горизонтом. Свет ее стал серебристым, как обычно. Море освещается лучше, а зрелище сделалось еще более захватывающим. С северо-запада идут новые и новые стада белух.

...Уже несколько суток мы живем в этой фантастической обстановке. Она настолько необычна, количество зверя так

велико, а прохождение его стад столь величественно, что мы живем точно во сне. Охотничья горячка и новизна самой охоты захватывают нас, хотя тяжелая работа по вытаскиванию и разделке огромных туш очень утомляет. От усталости мы еле волочим ноги, падаем при попытке оттащить от туши пластину жира, ходим пошатываясь и моментами как бы засыпаем на ходу; но все же неохотно покидаем берег и не задерживаемся в домике, так как знаем, что такое зрелище, даже в Арктике, можно видеть далеко не каждый год. Глаза, слипающиеся от бессонницы, по-прежнему, как и в первый день нашествия белух, тянутся к кипящему морю.

Удачная охота на белуху могла полностью обеспечить нас 331
мясом, сулила сытую зиму нашим собакам. Пользуясь счастливым случаем, мы с Журавлевым целиком отдались охоте. Но прежде чем рассказывать об этой охоте, надо описать самого зверя.

Белуха, или полярный дельфин,— млекопитающее и принадлежит к отряду китообразных. Взрослое животное достигает четырех-пяти и даже шести метров в длину и весит до полутора тонн. Крупное тело белухи, лишенное спинного плавника и задних ласт, напоминает гигантское веретено. Только огромный, часто превышающий метр в поперечнике, хвостовой плавник нарушает это впечатление. Кожа белухи совершенно лишена шерсти. Она покрыта сантиметровым слоем «брони», или, как говорят поморы, «алаперы»,— роговидной массы, одновременно напоминающей и пробку, состоящую из плотно сросшихся вертикальных волокон. Взрослый зверь ослепительно белой окраски, без единого пятнышка, без единой складки или морщинки. Белуха словно выточена хорошим мастером на токарном станке и затем покрыта белой блестящей эмалью. Отсюда произошло название зверя.

К старости цвет приобретает светло-желтый тон — это своего рода «седина» белухи. Поэтому среди самого многочисленного стада белух легко обнаружить стариков — самых крупных, самых матерых животных. Еще легче не только по размерам, но и по окраске отличить молодежь и детенышей. Новорожденная белуха достигает полутора метров в длину и окрашена в темный, почти коричнево-серый цвет; потом, с годами, цвет постепенно переходит в пепельно-серый, голубовато-серый и, наконец, в белый. По-видимому, окраска молоди является защитным цветом. Насколько легко еще издали рассмотреть на воде взрослую белуху, настолько трудно бывает отличить от морских волн молодь. Правда, надо сказать, что естественных врагов у белухи почти нет,

если не считать довольно малочисленного ее сородича, неутомимого зубастого хищника — касатку.

Голова белухи круглая, с небольшими, сильно сплюснутыми челюстями. В передней части головы имеется сильно развитая жировая подушка, позволяющая зверю пробивать достаточно толстый молодой лед.

Питается белуха и морскими моллюсками и ракообразными, но главной пищей ее является мелкая рыба — сайка, мойва и др.

Местом обитания белухи является Северный Ледовитый океан и примыкающие к нему моря. В погоне за рыбой белуха часто заходит в заливы с опресненной водой, в устья больших рек или достаточно далеко уходит на юг. Поэтому ее можно встретить как в любой точке вдоль побережья полярных морей, особенно у устьев крупных рек, так и в более южных широтах, например у берегов Сахалина.

Белуха — стадное животное и всегда держится косяками от нескольких десятков до многих сотен и даже тысяч голов.

Взрослая белуха дает от 250 до 400 килограммов жира и до 100 квадратных футов кожи, идущей преимущественно на приводные ремни. Кроме того, ценится ее костный жир, являющийся прекрасным смазочным маслом для точных инструментов. Мясо может идти в пищу, но наравне с костями используется в производстве на туковых и клеевых заводах. Промысел на белуху чрезвычайно заманчив, но, несмотря на это, развит недостаточно. Объясняется это не только его трудностью, но и ненадежностью. Дело в том, что у белухи нет постоянных путей миграции. В одном и том же месте один год она может появиться в огромном количестве, а потом ряд лет не появляется совершенно. Наш пример подтверждает это с достаточной убедительностью. В минувшем году, несмотря на открытое море и присутствие сайки, мы не видели ни одной белухи, а в этом году мимо нашей базы прошли десятки тысяч зверей. Хорошо организованный и оснащенный промысел в одном сезоне может дать богатую добычу, а в другом принести только крупные убытки, так как организация промысла белухи требует значительных затрат.

Для промысла необходимы специальные крепкие ставные сети. Ими закрывают белуху в узких заливах или «обметывают» стадо на прибрежных отмелях и затем бьют зверя так называемыми «спицами» — железными или стальными копьями. Часть белух просто запутывается в сетях. Известны случаи, когда один такой лов давал сразу до трехсот голов зверя. Кроме сетей промысел должен быть обеспечен плавучими средствами, приспособлениями для вытаскива-

ния и разделки тяжелых туш и т. п. и располагать достаточной рабочей силой, которая может быть занята лишь несколько дней в году при появлении зверя. Поэтому промысел на белуху, несмотря на свою кажущуюся заманчивость, может быть выгодным лишь в комплексе с каким-либо другим постоянным делом.

Изменчивые пути хода белухи до сего времени сохраняют ее поголовье, и запасы этого зверя можно считать пока нетронутыми. В будущем, при большем освоении Арктики, белуха безусловно будет играть не последнюю роль в общей сумме промысловой продукции. А пока местные охотники нередко бьют белух из ружья. Такая охота требует хорошего знания характера зверя и некоторых чисто топографических условий. Она дает незначительную продукцию и никак не отражается на запасах зверя.

Первый раз мы услышали характерное дыхание белух в дрейфующих льдах у острова Голомянного еще 31 июля, увидеть самих зверей тогда не удалось. После этого две недели белухи и в нашем районе не подавали о себе никаких вестей. И только 15 августа, находясь на том же Голомянном, мы увидели небольшое стадо. Вместе с белухами шел косяк в шестьдесят — семьдесят голов не совсем обычных для здешних мест гостей — гренландских тюленей. Это заставляло предполагать, что оба стада пришли откуда-то издалека вместе с появившейся в большом количестве сайкой.

Нашествие гостей переполошило все местное население. Большим белым облаком шумно носились над ними чайки. В значительном количестве собрались у кромки льдов нерпы и морские зайцы. Они необычно высоко высовывались из воды, чтобы посмотреть на пришельцев. А те шли, не обращая ни на что внимания. Белухи солидно сопели и вздыхали, словно озабоченные своим промыслом на рыбу, а стремительные лысуны, как всегда, беззаботно резвились.

Наш охотник волновался. Если раньше нерпы казались ему не заслуживающей внимания мошкарой по сравнению с морскими зайцами, то теперь и последние потеряли в его глазах всякое значение по сравнению с белухами. Глядя на высовывающихся из воды матерых зайцев, он досадливо говорил:

— Да не лезьте же вы, лешие! Не до вас сейчас. Всякому грибу свое время.

Он пытался стрелять по белухам, но безрезультатно. Для верной стрельбы по этому зверю необходим невысокий, хотя бы в несколько метров, крутой или, еще лучше, обрывистый и приглубый берег. Уже с небольшой высоты можно следить

за каждым движением животного, идущего на глубине нескольких метров, держать его на мушке и бить наверняка в тот момент, когда оно вынырнет для вздоха. На Голомянном не было таких условий, да и сами белухи держались в 150—200 метрах от берега. Поэтому охота не дала ничего, кроме волнений. Журавлев несколько дней не мог успокоиться. Даже добытый морж не утешил его, и охотник продолжал проклинать берега Голомянного.

Белухи опять исчезли и вновь мы увидели их лишь 13 сентября в открытом море, когда шторм взломал около базы ледяной припай и мы получили, наконец, возможность использовать свою моторную шлюпку и выйти в открытое

море. На этот раз не только Журавлев, но и Урванцев загорелся азартом. Он сел за руль и с непоколебимой верой в технику заявил:

— Сергей, приготовься к стрельбе. Сейчас догоним.

Мотор бешено заработал. Шлюпка понеслась за уходящим стадом белух. Но наша техника не выдержала испытания. Шлюпка еле развивала 12—13 километров, а белухи, напуганные стуком мотора, уходили со скоростью не менее 20—25 километров. Журавлев бесновался на носу шлюпки, на чем свет стоит ругал мотор и умолял Урванцева «наддать» и «нажать». Но тот не только «наддавал», а можно сказать, выжимал из слабосильного мотора все, что было возможно. И белухи скрылись в морском просторе.

Разочарованные, мы повернули к берегу. Недалеко вынырнул морской заяц. Раздался выстрел — и зверь, пуская пузыри, пошел ко дну. Это подлило масла в огонь. Журавлев рассвирепел. Направо и налево он начал стрелять в нерп. Пять из них нам удалось выхватить из воды.

Охотник недовольно ворчал:

— Тоже зверями называются. Кошки, а не звери. Пользы от вас, как от кота молока!

Белухи на много дней растревожили его сердце.

И только еще через десять дней он получил удовлетворение.

Перед вечером, при затихающем шторме, против нашего домика прошло стадо белух, не менее пятисот голов. В следующее утро подошло новое стадо. Тут и началась охота.

Теперь были все необходимые условия, вплоть до приглубого дна и крутого берега, поднимавшегося над водой до 8 метров. Журавлев мог проявить свое охотничье искусство. Я до этого много раз видел белуху, но ни разу не промышлял ее и на целый день охотно занял около Журавлева место ученика.

Мы дежурили недалеко от мыса. Вдоль берега сплошной,

густой массой шла сайка. Широкая темная полоса двигалась, точно бесконечная лента конвейера, почти до самой поверхности воды. Тучи моевок и белых полярных чаек с криком носились над рыбой. Птицы то и дело пикировали на воду и тут же поднимались в воздух с трепещущей в клюве рыбешкой. За удачливыми рыболовами, пытаясь отбить добычу, гонялись чайки-разбойники. Беспрерывный гвалт стоял в воздухе.

Наконец, вдали показались всплески, легкая волна катилась с северо-запада. От дыхания зверей над водой появилась тонкая пленка пара. Это шли белухи. Они не торопились, двигались спокойно, со скоростью пяти-шести километров в час, и на ходу поедали сайку. Так же спокойно, не рассыпаясь, сомкнутыми миллионными рядами шла рыбешка, словно ее совершенно не касалось все происходящее.

Вот звери уже рядом с нами. Ослепительно блестят их белые тела. Среди взрослых много синих белух. Это двух-трехлетки. Коричнево-серые детеныши жмутся к матерям, идут с ними бок о бок, и некоторые совершенно непонятным образом держатся на гладких и скользких спинах матерей, вместе с ними уходят под воду и через минуту-две снова в том же положении появляются на поверхности.

Непуганая белуха идет волнообразно, ни на мгновение не задерживаясь и не замедляя хода на поверхности, скрываясь под водой не больше трех минут. Вот голова показывается над водой, обнажается расположенное в передней части головы, как раз за жировой подушкой, дыхало, раздается шумный вздох, и голова снова погружается в воду, а на поверхности показывается туловище, потом виден только хвостовой плавник, наконец и он исчезает. Через две-три минуты все повторяется сначала.

Стадо вытянулось километра на полтора. Примерно третью часть его Журавлев пропустил без выстрела. Как у охотника хватило на это терпения, я не мог понять. Но вот вижу, как он поднимает карабин, берет на прицел огромное животное, хорошо видимое под четырехметровым слоем воды, ведет карабин по ходу зверя, не спуская мушки с его головы. Зверь приближается к поверхности. Над водой показывается голова, раздается вздох, и тут же гремит выстрел.

Зверь вздрагивает, проплывает еще несколько метров по инерции и, вытянувшись, замирает. Ближайшие белухи, как бы желая оказать помощь соплеменнику, точно по команде, поворачиваются к нему головами. Образуется подобие громадной ромашки с живыми, четырехметровыми лепестками. Это так неожиданно, что даже Журавлев застывает в изумлении, позабыв о своем карабине. Через минуту группа рас-

падается. Часть белух несется вперед, хвост стада поворачивает обратно, а несколько десятков зверей устремляется в открытое море. Охотник спохватывается.

— Не уйдете! — кричит он, заглушая голоса тысяч чаек.

Его карабин начинает работать, точно автомат. Не останавливаясь, он выпускает две обоймы. Белухи мечутся то вправо, то влево. Выстрелы становятся реже. Теперь охотник тщательно целится. Наблюдая в бинокль за всплесками пуль, я вижу, что он бьет совсем не по животным. Все пули ложатся впереди них. И каждая пуля, щелкнувшая в воду перед зверями, заставляет их менять направление. Вот три отделившиеся белухи круто поворачивают назад.

— Теперь эти на поводке! — торжествует Журавлев.

Он оставляет в покое всех остальных и сосредоточивает внимание на отбившейся тройке. Стоит животным отвернуть в сторону, как в двух-трех метрах впереди них щелкает пуля. Этого достаточно, чтобы они сейчас же изменили курс. Каждая попытка уйти в море пресекается новой пулей.

Все это и в самом деле похоже на то, что охотник ведет добычу на невидимом поводке. Используя острый слух животных и их необычайную пугливость, Журавлев управляет их движениями. Белухи все ближе подходят к берегу, упираются в него и, прижимаясь к обрыву, направляются в нашу сторону.

— Первая моя, бей вторую. Целься в голову, на ладонь позади дыхала,— шепчет мне Журавлев.

Звери идут на полутораметровой глубине. Их белые тела видны до мельчайших подробностей. Прицелившись, мы ни на мгновение не спускаем их с мушки. Вот они уже только в десяти метрах. Здесь необходимость вдохнуть воздух заставляет их вынырнуть на поверхность. Одновременно раздаются два выстрела и... две белухи становятся нашей добычей.

Третья бросается в море. Журавлев хочет вернуть и ее, но в волнении берет неправильный прицел. Пуля ударяется как раз позади зверя.

— Ах, лешой, теперь не вернуть!

Белуха, услышав щелчок позади себя, в ужасе устремляется в открытое море.

Увлекшись охотой, мы не заметили, как первая убитая белуха погрузилась на дно. Ее белая туша еле просвечивала сквозь десятиметровый слой воды. Вторая же попала в течение, уплывала от берега и тоже еле держалась на воде.

— Шлюпку! — заревел Журавлев.

Урванцев уже давно возился с мотором. Обычно заводив-

шийся без отказа, на этот раз он, как нарочно, закапризничал. Мы бросились на помощь и на веслах подплыли к месту охоты. Но было уже поздно. На поверхности воды плавала только одна туша. Две были потеряны безвозвратно.

Вся же добыча была знатная. Оставшийся экземпляр достигал четырех с половиной метров в длину и весил около полутора тонн. Почти два часа мы с помощью талей и блоков вытягивали туши на берег и закончили работу уже в темноте, а потом долго возились с переборкой мотора, пока не заставили его работать с точностью хронометра.

Из моря вновь доносились сопение и всплески. Это давало надежду, что на следующий день промысел будет еще удачнее.

Но днем белухи не появились. Не было их и на следующий день. Мы уже стали терять надежду. Но еще через день мимо базы прошло два больших стада. Это было уже в сумерки. Нам удалось отбить от стада, привести на «поводке» к берегу и убить только одну белуху.

Еще через день зверь пошел почти беспрерывно, тысячными стадами.

Двое суток море кипело день и ночь. Это было настоящее нашествие. Иногда белухи плотно окружали нашу шлюпку и только после запуска мотора рассыпались в стороны.

Теперь мы уже не теряли добычу. Шлюпка по первому сигналу вылетала из-за мыска и подбирала тушу. Запасы мяса у нас росли. В один из удачных дней мы добыли две белухи, потом четыре, затем шесть. Но эти оказались последними. Звери сразу исчезли, хотя привлекшая их сайка все еще бесконечной лентой продолжала идти вдоль берега.

Охота кончилась.

Две туши белух были уже разделаны, четыре нетронутыми лежали на берегу, а восемь, закрепленных на тросах, все еще плавали на воде против нашего домика. Предстояла тяжелая работа по вытаскиванию и разделке добычи. Но мы после недельного охотничьего азарта и почти полной бессонницы были неспособны к работе. Лучшее, что можно было придумать,— лечь в постель. Только после суточного беспробудного сна соорудили подъемные приспособления и принялись за дело.

Целую неделю мы крутили ворот. Одна за другой тяжелые туши медленно, миллиметр за миллиметром, вытягивались на берег. Самый крупный экземпляр белухи достигал в длину 5 метров 27 сантиметров, а самый маленький был случайно подстреленный сосунок длиною 1 метр 73 сантиметра, весивший около 200 килограммов.

Только появляющиеся медведи да морские зайцы, подходившие близко к берегу, отрывали нас от работы. Тогда мы отвлекались от разделки белух и еще больше пополняли запасы мяса.

В результате в половине октября, накануне новой полярной ночи, мы обладали такими запасами, о которых не могли и мечтать.

С августа по 15 октября мы добыли: 1 моржа, 9 морских зайцев, 14 белух, 24 медведя и 50 нерп. Наш склад заполнился под крышу. Кроме того, большой бунт заготовленного мяса лежал на острове Голомянном.

Так мы использовали период изобилия в Арктике и вновь

могли спокойно ожидать наступающую четырехмесячную ночь. Мы теперь были уверены в сохранении наших собак, а следовательно, и в окончании работ по съемке Северной Земли весной следующего года.

Домашнее хозяйство

Снова пришла четырехмесячная ночь. Жизнь наша и занятия стали беднее событиями. Подходящее время, чтобы рассказать о нашем домашнем хозяйстве, о кухне, о питании на базе и о всех, по выражению Журавлева, «бабьих» работах. В них нет ни романтики, ни напряженной борьбы с природой, но это одна из важных сторон нашего быта, тесно связанная с успешным выполнением задач экспедиции.

У нас нет ни повара, ни хлебопека, ни прачки и вообще никакого обслуживающего персонала. Сами мы до этой экспедиции тоже были далеки от занятий бытовыми мелочами, и многое в этой области было для нас неизведанным.

Самые простые навыки в домашнем хозяйстве, конечно, нам были известны. Каждый из нас умел, например, заварить чай, зажарить яичницу, подмести пол или в походных условиях приготовить блюдо, которое с одинаковым успехом можно было назвать и супом, и борщом, и щами.

До настоящих высот домоводства мы доходили здесь, как говорится, своим умом. Сначала многое нам казалось более трудным и сложным, чем переход на собаках в полярную метель. Поражало многообразие всех свалившихся на нас обязанностей, необходимых для налаживания питания, культуры жилища и в конечном счете сохранения нашего здоровья.

Самым сложным делом была кухня. Многое далось нам не сразу, и первое время не обходилось без казусов, иногда печальных, но чаще всего комичных.

Еще перед отправкой в экспедицию мы договорились, что домашним хозяйством будем заниматься все без исключения; кухонная деятельность будет такой же обязательной и достойной работой, как, например, работа с теодолитом, метеорологические наблюдения, охота на зверя или работа на радиостанции. Как только наша группа оказалась на острове и приступила к самообслуживанию, я объявил об очередности недельных дежурств. Этот порядок сохранялся все время и нарушался только тогда, когда мы отправлялись в поход и таким образом выбывали из очереди.

Наша «домохозяйка» обязана наблюдать за порядком: подметать и протирать полы, топить печь, проветривать помещение, выпекать хлеб, мыть посуду, готовить пищу, заправлять, в случае перебоев с электроэнергией, керосиновые лампы, добывать и растапливать глыбы снега и льда, ходить на «базар», помещающийся в продовольственном складе, будить товарищей к завтраку — в общем делать все, что делает домохозяйка на любой широте земного шара.

Немало забот требуют и «дети». А их у нас всегда достаточно. Сейчас подрастают изящная Аэлита, маленькая и хлопотливая Ихошка, солидный и важный Тускуб, горячий и непоседливый Гор, мечтательный и несколько медлительный Лось, буйный, всегда ищущий повод к драке Петух и, наконец, пухлый, забавный лакомка с несколько странным именем Перевернись.

Это прекрасные «ребята», наша утеха и надежда. Весной они пополнят уменьшившуюся свору наших четвероногих помощников, пойдут в упряжку и помогут закончить съемку Северной Земли.

Рождение их совпало с чтением нами «Аэлиты» Алексея Толстого, и поэтому большинство щенят получило имена марсиан. Но имен героев романа не хватило на всю семью. Двое ползунков оставались безымянными, пока не встали на лапы и не проявили своего характера. Один из них с младенчества начал драться и за свой боевой дух стал называться Петухом. Второй был пушистым, упитанным и круглым, как шар. Нам нравилось катать его по полу, приговаривая: «А ну, перевернись!» Потом оказалось, что малыш — любитель сахара. Чуть ли не за каждое сальто он стал получать желанное лакомство. Привычка укоренилась. Увидев открытую дверь, щенок стремительно влетает в нашу комнату и, не ожидая напоминаний, кувыркается, пока не получит вознаграждения. И «перевернись» так и стало его кличкой.

Сейчас «марсиане» достаточно подросли, чтобы целыми часами носиться вокруг домика, упражняться в драках и

даже спать на снегу, но в метельную пору и в лютые морозы они все еще ночуют в углу кухни, сбившись в пухлую посапывающую кучку и забыв все свои дневные ссоры и недоразумения.

Естественно, что «дети» в раннем возрасте требуют особого питания. Они еще не могут есть замерзшее рубленое мясо. Для них надо всегда держать большой кусок, лучше всего медвежий окорок, талого мяса. Часа полтора-два они возятся над куском мяса, сосут, отрывают крохотные кусочки и, таким образом, не перегружая желудков, впитывают самые ценные соки; а упираясь лапками в кусок, напрягая все свои маленькие силенки, занимаются обязательной физкультурой для развития и укрепления мышц.

Утром «домохозяйка» кормит их и отправляет на прогулку, другими словами — просто выставляет за дверь. Благо одевать такую ораву не требуется: очень теплые шубки всегда на них.

Многочисленные и многообразные обязанности по домоводству первое время никому не доставляли удовольствия и по-настоящему тяготили. Но совсем не потому, что они были тяжелыми. Просто их трудно было воспринять психологически. Ведь мы мужчины, да еще полярники! Смелость, решимость, настойчивость, физическая выносливость — вот необходимые нам черты характера. А тут целую неделю надо «торчать» на кухне: следить, чтобы не перекисла опара, не ушло бы тесто, не пригорело бы жаркое, мыть тарелки и т. п.

Примерно так думал каждый. А если прибавить к этому еще и известную долю гордости за свою профессию, то станет понятным тот внутренний протест против домашних работ, который в первый период жизни на острове обуревал нас.

Проявлялось это по-разному. Журавлев в свое дежурство поближе вешал карабин, словно боевое оружие было необходимо не менее поварешки, то и дело вздыхал и посматривал в окно — не покажется ли зверь. Охотник расхваливал самую отвратительную погоду, которая якобы как раз и нужна для промысла; на кухне он оглушительно громыхал посудой.

Вася в свое дежурство часто так погружался в разработку схемы «всеулавливающего» приемника или «сверхдальнобойного» передатчика или так увлекался игрой со щенками, что забывал о плите, и она иногда тухла, а порой жаркое на сковородке обугливалось и начинало дымить.

Глядя на Урванцева, вступающего в свою «неделю», можно было подумать, что начинается великий пост. Часто

именно в это время у него возникала необходимость в каких-либо особо срочных вычислениях, тетрадь с которыми он брал с собой на кухню.

Однако внутренняя наша дисциплина, осознанная необходимость наладить хозяйство не по-бивуачному, а по-настоящему заставляли нас смиряться, приспосабливаться и постепенно постигать секреты домохозяйства. На помощь пришли привычка делать все добросовестно, чувство соревнования и, наконец, удовлетворения, как и от всякого труда.

Так постепенно все мы не только втянулись в хозяйствование, но и почувствовали к нему определенный вкус...

Теперь у каждого из нас уже выработались свои приемы и даже свой цикл и характер блюд. Вася специализировался на кашах, киселях и компотах. Журавлев обычно с увлечением готовил котлеты и пироги, изобретая каждый раз новую и новую начинку. Широкая натура охотника сказывалась и здесь. Котлеты у него не уступают по размерам лапе трехгодовалого медведя, а количество пирогов за каждую выпечку превосходило наш далеко не заурядный аппетит. И только один раз он подорвал свой общепризнанный авторитет непревзойденного пирожника, когда вздумал начинить свои пироги... гвоздикой.

Моя специальность — медвежьи бифштексы, беф-строганов и вообще «беф» во всех возможных и невозможных видах. Первые дни моего дежурства товарищи увлекались мясной диетой, а к концу недели начинали мечтать о вегетарианских блюдах Васи, вступающего в обязанности хозяйки после меня. А Урванцев ежемесячно устраивал нам «мексиканскую неделю». Виной всему желание «чуть-чуть поперчить» и запотевающие очки. В таких случаях повар при «снятии пробы» ухает и дышит широко открытым ртом. Спрашиваешь:

— Что, Николай Николаевич, переперчил?

— Чуточку, самую малость! А нутро так и обжигает. Не понимаю, как это случилось.

Все же наши блюда, несмотря на личные склонности дежурных, всегда питательны и большей частью по-настоящему вкусны.

В первую очередь это относится к медвежатине. Все разговоры «знатоков» о том, что медвежатина «чем-то отдает», в наших глазах только пустые слова. Мы совершенно не понимаем многочисленные в истории исследований Арктики случаи, когда люди категорически отказывались от медвежьего мяса, предпочитали ему консервы и даже солонину и в конце концов цинговали и даже гибли. Больше того, не будь у нас медвежатины, мы, несомненно, предпочли бы

консервам и тем более солонине свежее мясо моржа и тюленя, хотя оно во многом уступает медвежьему и действительно «отдает». Мне лично подолгу приходилось питаться моржатиной и тюлениной. Они не обладают приятным вкусом, но даже и их нельзя променять на солонину.

Разнообразие блюд в основном относится к обеду и ужину. Утром мы пьем кофе или какао. Кроме них в течение первого года на завтрак, как правило, подавалась яичница. Она появлялась на столе в огромной сковороде, вмещавшей двадцать яиц, а при некотором уплотнении и все двадцать пять. Но вот яйца на исходе, да и перестали привлекать наше внимание. Прошлой зимой они замерзли, потом оттаяли, сейчас снова превратились в лед и потеряли свой вкус. Теперь к завтраку вместо яичницы подаются сыр, масло, хорошо сохранившиеся шпроты, фаршированный перец, корейка или московская колбаса.

Первым блюдом на обед идет суп с макаронами или крупами, а то и борщ из сушеных овощей, заправленный красноармейскими консервами, лучшими из всех известных нам консервов, или медвежатиной. Больше всего мы употребляем масла, компота и мяса, причем последнее часто с удовольствием едим в сыром, замороженном виде. Замерзшее медвежье сердце, приготовленное в виде знаменитой сибирской строганины,— с солью и хлебом, уничтожается нами в один присест во время затянувшейся вечерней беседы. Или же вносится сырой, но тоже замороженный медвежий окорок. И это совсем не потому, что нам лень поджарить мясо или что мы превратились в «сыроядцев». Отнюдь нет. Просто мы чувствуем потребность в такой пище и испытываем настоящее удовольствие. Надо думать, что организм сам подсказывает наши желания. Мясо, да еще сырое — единственный свежий витаминозный продукт. Мы уверены, что наше здоровье в значительной степени обеспечивается таким мясом, и совершенно не боимся цинги — этого знаменитого врага полярных путешественников.

Такой же естественной потребностью, по-видимому, объясняется и то, что мы не испытываем особого аппетита к белому хлебу. День-два в неделю едим его после выпечки, потом требуем у дежурного ржаного.

В то же самое время у нас, кроме клюквенного экстракта, абсолютно не пользуются никакой популярностью всякие антицинготные продукты, привезенные с материка. Даже целая сотня засахаренных лимонов вот уже полтора года лежит непочатой и никого не привлекает своей прославленной витаминозностью.

Участь антицинготных средств разделяют и все сладо-

сти — разнообразные конфеты и шоколад. Они не пользуются спросом ни в походе, ни на базе. Только Вася явно тоскует по мороженому. Однажды его тоска прорвалась. Он не вытерпел и решил приготовить мороженое сам: насыпал в большую кастрюлю сахару, залил разведенным молочным порошком, добавил сгущенного молока, обложил кастрюлю льдом и со всей энергией своего возраста принялся вращать ее. Часа полтора трудился в поте лица, но молочно-сахарная смесь никак не хотела превращаться в мороженое. Трудно сказать, чем кончилась бы эта затея, если бы Васю не осенила благая мысль. Он вытащил кастрюлю на улицу, на 38-градусный мороз, а сам спокойно занялся другими делами. После ужина мы ели мороженое. Сладости и холода в нем было достаточно, но есть его надо было осторожно. Содержимое кастрюли превратилось в плотный ледяной круг, а отколотые кусочки «мороженого» обладали такими острыми гранями, что ими легко можно было поранить рот.

Как-то сразу неожиданно хорошо наладилось у нас дело с выпечкой хлеба. Вне зависимости от того, кто дежурит на кухне, у нас всегда чудесный, отлично выпеченный, вкусный хлеб. У Урванцева он получается особенно удачным. Самолюбивому Журавлеву это острый нож в сердце. Он буквально колдует над тестом и чувствует себя победителем, когда ему удается превзойти наиболее удачливого хлебопека.

Небольшим кусочком закваски мы запаслись у добрейшего Ивана Васильевича — буфетчика с «Седова», щедрого покровителя покойного Мишки. С тех пор дрожжевой грибок бережно сохраняется нами в оставляемом после каждой выпечки хлеба кусочке теста. Он помогает нам сохранять здоровье в борьбе с полярной природой.

Если упомянуть еще об одном оригинальном блюде, то в общих чертах о нашем питании будет рассказано достаточно полно. Я говорю о студне из плавника белухи. Он вошел у нас в обиход после удачной охоты на белух. Мы часто включали это блюдо в свое меню и всегда были рады видеть его на столе.

Плавник взрослой белухи, по форме напоминающий огромный рисунок червонного туза, весит сорок пять — пятьдесят килограммов и весь состоит из упругой хрящевидной массы и сухожилий. Для приготовления студня надо нарубить куски весом в сто пятьдесят — двести граммов, положить их в кастрюлю, залить холодной водой и поставить на огонь. Через тридцать — сорок минут после начала кипения отставшая алапера (слой роговидных волокон, по-

крывающий кожу белухи) удаляется, а оставшаяся хрящевидная масса продолжает увариваться до тех пор, пока не станет настолько мягкой, что ее можно будет легко резать. После этого уварившаяся масса мелко крошится, солится, перчится, заливается бульоном и ставится в холодное место. Вот и все. Через несколько часов готово прекрасное, вкусное блюдо.

Обслуживая коллектив, наш дежурный в течение недели занимается и своими личными делами — принимает ванну, стирает белье. В эти дни ему приходится работать больше обычного. Потребности в воде сильно увеличиваются. А в наших условиях получение воды не простое дело. Большие

снежные кирпичи или глыбы опресненного морского льда вносятся в кухню и медленно перетапливаются в воду. Особенно длинен и канителен процесс таяния снега. Поэтому каждый из нас перед своим дежурством обычно тщательно обследует ближайшую полосу льдов, отыскивая опресненную льдину.

Но самым сложным делом неожиданно для нас оказалась стирка белья. Освоение ее потребовало много труда и принесло немало огорчений.

Я никогда не забуду своих первых опытов. После ухода «Седова» мы целый месяц работали не покладая рук, готовя к зиме нашу базу, добывая мясо и собираясь к первому походу на Северную Землю. В это время нам было не до стирки. Белья у каждого накопилось много — начиная с простыней и кончая носками. Наконец, руки дошли и до него. В одно из своих дежурств я решил привести в порядок запущенный гардероб. Стирать, так стирать! Подумаешь, какая сложная задача!

Собрав все, что было, я наполнил большой бак, залил водой, всыпал пачку стирального порошка и поставил бак на плиту. «Прокипячу, потом выполощу, просушу, выглажу — вот и все»,— думал я. Немного спустя мне показалось, что бак великоват, а стирального порошка я положил недостаточно — только одну пачку. Для чего-то я попробовал воду рукой. Вода была как вода. Но по каким-то непонятным признакам я все же окончательно решил, что порошка положено маловато. Ошибки надо исправлять. Взял еще одну пачку порошка, высыпал его в бак, помешал палкой и успокоился. Скоро из бака послышалось шипение, потом побулькивание — вода закипела. Все шло нормально. Добротность стирки казалась обеспеченной.

В это время кто-то вбежал в домик и сообщил, что показался медведь. Снаружи уже доносился дружный лай собак. Охота и свежевание добычи заняли больше часа.

Вернувшись на кухню, я убедился, что здесь все в порядке. Вася, освободившись от работы в радиорубке, заботливо подкинул в плиту уголька. Вода в баке клокотала, точно лава в кратере. Выкурив трубку и передохнув после охоты, я, наконец, решил посмотреть на белье. Сунув в клокочущий бак палку, я вытянул какую-то вещь и застыл в недоумении. Долго смотрел, пока по некоторым признакам не убедился, что это одна из моих лучших верхних рубашек. Белизна ее полотна всегда доставляла мне удовольствие. Теперь рубашка была разрисована полосами грязно-бурого цвета. Потом мне попался носок. Раньше он был коричневым, а сейчас стал почти белым. Но и это было еще не все. Следующий улов в баке оказался самым загадочным. Собравшиеся товарищи, пытаясь определить расползавшуюся на палке массу, высказывали самые разнообразные догадки. Один говорил, что это медуза, и искренне удивился появлению ее в баке. Другой интересовался — не попал ли туда каким-либо образом столярный клей. Третий уверял, что вместо стирального порошка я положил в бак весь запас желатина. А в это время, переливаясь перламутром, с палки все еще сползала непонятная густая и студенистая масса. Только пуговицы, найденные потом в баке, помогли разрешить загадку. Я прекрасно помнил, что точно такие же пуговицы были на моих шерстяных комбинезонах... теперь, конечно, уже бывших комбинезонах.

После этой злополучной «стирки» я, подсчитав белье, остававшееся в чемоданах, возблагодарил свою предусмотрительность, подсказавшую в Москве благую мысль сделать солидные запасы. Непострадавшего белья должно было хватить надолго.

Потом мы освоили и прачечное дело. Правда, белье, выстиранное нами, не было белоснежным, но все же оно всегда было чистым. Так шаг за шагом мы осваивали домашнее хозяйство.

Теперь идет восемнадцатый месяц, как мы остались в одиночестве, во всем предоставленные самим себе. Но у нас уютный и опрятный домик; едим мы прекрасный хлеб; совсем не плохо питаемся; спим на чистых простынях; наше здоровье отлично сохраняется. Многие ранее незнакомые нам занятия освоены совсем неплохо, и мои спутники иногда в шутку говорят о том, кто и какую вновь приобретенную профессию закрепит за собой по возвращении на материк.

Новая страда

В полдень минуло двое суток, как мы с Журавлевым, точно медведи в берлоге, лежим в палатке, тоскуем и слушаем вой метели. Да еще какой метели! Такую в здешних краях мы переживали всего лишь три-четыре раза. Скорость ветра не спадает ниже 20, преимущественно держится на 22—23, часто достигает 25 метров в секунду и все еще продолжает усиливаться.

Окружающий пейзаж меняется на глазах. Правда, из-за бешеного снежного вихря мы видим очень мало. Не в силах стоять на ногах, ползая по-пластунски, мы наблюдаем, да и то больше ощупью, только небольшую площадку между двумя высокими грядами торосов, где раскинут наш лагерь. Площадка заносится новыми и новыми сугробами. Еще вчера похоронены под снегом наши собаки и сани. Палатка на три четверти погрузилась в сугроб. Видневшийся гребень мы обложили снежными кирпичами. Теперь снег забил щели между кирпичами, ветер сгладил неровности, и наше убежище совсем стало похожим на звериную нору. Чтобы попасть в него, надо нырять вниз.

Все же сходство его с медвежьей берлогой только внешнее. И все преимущества, к нашему сожалению, целиком на стороне берлоги. В ней не живут сразу два взрослых медведя, и поэтому там просторнее, чем у нас. В ней под многометровыми заносами значительно теплее и тише, чем в палатке. И, наконец, самое главное, всякая берлога находится на земле, и обитателю ее нечего опасаться, что под ним расколется пол или что он вместе со своим жильем будет унесен в открытый океан. Во всем этом у нас нет ни малейшей уверенности.

Наш лагерь находится (во всяком случае должен бы находиться) среди морских льдов, на половине прямой линии между южным выгибом островов Седова и мысом Кржижановского на острове Октябрьской Революции. Термометр внутри палатки, когда в ней не горит примус, показывает от 30 до 32° мороза, а вчера температура падала до —39°. Метель такая, что даже днем трудно что-либо рассмотреть, а ночью нас окружает непроглядная бушующая тьма. Она гудит, свистит, стонет и со скоростью курьерского поезда несется куда-то в неизвестность. В темноте не видно собственных рук. Откройся под ногами трещина — и не заметишь ее, шагнешь в полной уверенности нащупать твердую опору. Правда, при таком ветре не только нельзя шагнуть, но и просто встать на ноги. Может быть, это и к лучшему. Ползать сегодня безопаснее, чем ходить. Руками можно ощу-

пать появившуюся трещину и таким образом не нырнуть в воду.

— Эх, и стругает, любо-дорого! Не то сбесилась, не то боится на свидание к лешему опоздать! — восхищается охотник метелью.

И тут же совсем другим тоном добавляет:

— Хотел бы я знать, где мы сейчас находимся? Не может так случиться, метель стихнет — глядь, а мы перед Архангельском? Прямо к набережной причаливаем — встречайте, мол, полярных героев! Вот было бы здорово!

Интерес к местоположению нашего лагеря далеко не праздный. Мы знаем, где остановил нас шторм, но где находимся сейчас, не имеем ни малейшего представления. Хочется верить, что лагерь все еще на прежнем месте. Пожалуй, мы даже и верим в это. Но наша вера не подкреплена ничем, кроме собственного желания оставаться на месте. Многое заставляет опасаться, что положение уже изменилось или может измениться в любую минуту далеко не в нашу пользу. Морские льды в этом году слабые и беспрерывно передвигаются, а ветер уже более 50 часов со страшной силой несется с северо-востока, то есть со стороны Земли. Он может оторвать припай и вместе со льдами выбросить в открытое море и наш лагерь.

Это было бы очень неприятно, хотя до безнадежности положения еще далеко. Если нас и унесет в море, но лед под нами не будет смят вместе с лагерем, то гибель, тем более немедленная, пока не угрожает. Полярная зима в самом разгаре. Морозы еще скуют льды. И мы, располагая трехнедельным запасом корма для собак (при катастрофических обстоятельствах он превратится в продовольствие для нас), сможем выбраться на Землю. Но такие приключения нас совсем не привлекают. У нас нет никакой охоты прерывать работу и пускаться в более чем рискованное плавание. Поэтому мы с надеждой думаем об окружающих нас торосах. Перед тем как начала бушевать метель, мы видели, что в некоторых местах торосы громоздятся холмами высотой в 14—15 метров. Возможно, что некоторые из них стоят на мели и смогут удержать льды при любой буре.

Сегодня утром в восемнадцати шагах от палатки появилась трещина. Она разделила пополам участок, где расположились на ночлег собаки, и к концу дня расширилась до 30 сантиметров. Медленное расширение служит хорошим признаком: по-видимому, трещина — чисто местного характера, и льды еще не пришли в движение. Однако появление трещин напоминает об опасности. Надо быть в полной готовности на случай резкой передвижки льдов.

Решили откопать из-под снега сани, чего бы это нам ни стоило. Ведь на санях все наши запасы, необходимые при вынужденном плавании. Ветер валил с ног, вихрь не давал дышать, 35-градусный мороз казался нестерпимым, на лице каждые пять минут образовывалась ледяная маска. Еле удерживаясь на коленях, мы долбили сугроб, а метель взамен одной отброшенной нами лопаты снега бросала целых десять.

Мы пытались сделать невозможное, пока не выбились из сил и не убедились в полной тщетности своих усилий. Но примириться с таким положением и отдать себя на волю судьбы было не в нашем характере. Отдышавшись в палатке

и выпив по чашке чаю, мы возобновили борьбу с беснующимся вихрем.

На этот раз мы избрали другую тактику. Вместо лопат вооружились ножовкой. Лежа на снегу, с наветренного края сугроба, под которым были погребены сани, мы начали выпиливать большие снежные кирпичи и складывать из них стенку, точно так же, как московские строители сооружают дом из шлакобетонных блоков. Первые два ряда кирпичей удалось положить не поднимаясь. Третий ряд положили, стоя на коленях. Потом мы вынуждены были встать на ноги. Но теперь уже помогала возведенная метровая стенка. Ветер прижимал нас к ней, точно листы бумаги, и надо было сделать усилие, чтобы оторваться от нее и снова лечь на снег.

Буря крутила вихри, ветер оглушал воем, словно стараясь превратить нас в пыль и унести вместе со снегом, но наша стенка все же росла. Через час она полукруглым барьером высотой более полутора метров опоясала то место, где были занесены сани. За стенкой образовалось относительное затишье.

Мы довольно быстро откопали сани и, чтобы вновь не завалило сугробом, подняли их на снежную стенку и как следует укрепили. Собак разместили под защитой стенки. Теперь в случае резкой передвижки льдов или опасности торошения можно было в одно мгновение сдернуть сани со снежной стенки и принять нужные меры.

Когда все было сделано, нас охватило чувство невольной гордости, сознания собственной силы, и мы еще долго не уходили в палатку, лежали вместе с собаками под защитой возведенной стены, курили трубки и любовались результатами своего труда. Журавлев даже запел:

— Будет буря, мы поспорим...

Голос потонул в гуле бури. Охотник махнул рукой и прокричал:

— Ладно, ладно! Шумишь ты громче, а мы все-таки сильнее. Посмотри-ка где сани!

Сугроб вокруг палатки все рос. Откапывать ее было бесполезно, а переносить на другое место слишком рискованно. К тому же сугроб защищал ее от ветра и помогал сохранять внутри кое-какое тепло.

Под вечер мы вернулись в палатку. Ночь решили спать по очереди. Бодрствующий должен следить за поведением льда хотя бы возле палатки.

Возникает вполне уместный вопрос: почему в такую непогодь мы оказались на морских льдах вместо того, чтобы сидеть в своем теплом домике? Постараюсь ответить. Только вот руки коченеют. Их часто приходится подносить к шипящему примусу или прятать за пазуху, иначе пальцы отказываются держать карандаш. Сам я хорошо укутан в олений мех, ноги защищены спальным мешком. Буря по-прежнему гудит, и, по всем признакам, хватит времени на подробный рассказ. Трещина в районе палатки пока не расходится, толчков льда не чувствуется. Это дает некоторое право думать, что наш лагерь продолжает оставаться на неподвижных прибрежных льдах.

Мы недавно сделали вылазку из палатки, но вокруг был ревущий мрак, и мы ничего не увидели. После ужина Журавлев залез в спальный мешок и немедленно заснул. Кроме гула бури, ничто сейчас не нарушает покоя. Можно неторопливо вести рассказ. Это поможет мне скоротать часы ночного дежурства.

...Вторая полярная ночь кончилась. В конце ее, как и в прошлом году, прошла полоса сильных метелей. Мы, было, потеряли надежду своевременно увидеть долгожданный восход солнца. Но Арктика все же не лишила нас такого удовольствия.

К вечеру 20 февраля очередная метель стихла, налетевшая вслед за ней полоса тумана быстро рассеялась, и на небе остались редкие клочья высоких облаков. Всю ночь горело яркое полярное сияние. Даже утром 21-го на небе то и дело появлялись и исчезали то маленькие, еле заметные, то огромные и яркие пятна малинового цвета. Потом начался рассвет. Южная часть небосвода постепенно стала окрашиваться в медно-зеленый цвет.

После завтрака мы уже не возвращались в домик. К полудню, чтобы как-нибудь разрядить нарастающее нетерпение, затеяли стрельбу в цель. К этому времени над горизонтом легла розовая полоса. Она медленно, но беспрерывно разгоралась. Отрываясь от стрельбы, мы следили за небом. В рас-

краске горизонта начали появляться оранжевые тона. Они делались все ярче, охватывали своим пламенем все больший сектор небосклона. Потянул ветерок. Заснеженные льды закурились поземкой. Над густыми фиолетовыми тенями, лежавшими на льдах, снежная пыль казалась розовым туманом. Сквозь эту дымку было видно, как на фоне багровой зари вырос высокий огненный столб, потом из его основания брызнули настоящие солнечные лучи и, наконец, показался край самого солнца. В полдень оно вышло полностью.

Мы стояли и, не отрываясь, смотрели на огненный диск. В нашем взгляде сливались многие чувства: тоска по солнцу и людям, по светлой родине, по весне, по шумной Москве,
350 по лесам, по всему знакомому и дорогому с первых дней детства. Казалось, что где-то в глубине сердца таится дружеский упрек солнцу за то, что оно пряталось от нас целых четыре месяца.

Солнце скоро исчезло за горизонтом. Но огненный столб напоминал, что завтра мы вновь увидим багряный диск.

При свете солнца мы успели заметить, что наши лица стали бледнее, чем четыре месяца назад: загар с кожи сошел. Этим, собственно, и исчерпывались все перемены, происшедшие с нами за вторую полярную ночь. Эта ночь, как и первая, прошла благополучно, даже легче, потому что мы испытывали меньшее напряжение. Все мы были здоровы, полны сил и воли, готовы к новым походам. С появлением солнца мы намечали продолжение исследовательских работ.

В прошлом году была выполнена самая трудная часть этой работы. Ночные поездки, и особенно последний маршрут, вторую половину которого мы с Урванцевым шли по пояс в ледяной воде, потребовали от нас предельного напряжения сил и полного использования скромных средств, имевшихся в нашем распоряжении.

Все же и в новом сезоне предстоит очень серьезная работа. Надо исследовать и положить на карту острова Большевик и Пионер. По нашим расчетам, они составляют третью часть всей Северной Земли. Остров Пионер, расположенный совсем близко к нашей базе, не вызывает особого беспокойства. Но работа на острове Большевик обещает быть значительно труднее. Ближайшая точка его отстоит от базы экспедиции почти на 300 километров. Это и осложняет план его исследования. Маршрут вокруг острова, включая путь к нему и обратную дорогу, должен составить от 1100 до 1250 километров. Как и в предыдущий сезон, мы не можем сразу поднять необходимое снаряжение и продукты на весь поход. Рассчитывать же на попутную охоту — значит безрассудно рисковать успехом работы. Охота может быть и

обильной и скудной. Это нас совсем не устраивает. Надо действовать наверняка, насколько позволяют наши силы и возможности. Для этого мы должны воспользоваться опытом минувшего года, то есть создать продовольственные депо на будущем маршруте.

Расчеты по оборудованию депо не отличаются большой сложностью. Для съемки острова Большевик потребуется пройти не более 700 километров. При средней скорости движения 20 километров в сутки, с учетом задержек на определение астрономических пунктов, остановок из-за метелей и туманов придется пробыть на острове от 30 до 35 суток. Следовательно, на этот срок мы должны запасти на острове собачьего корма, топлива и продовольствия. Путь к острову и возвращение займут 15—20 суток; значит, надо прибавить еще пеммикана и на эти дни, разбросав его мелкими партиями на будущей дороге. Таким образом, предстоит забросить на линию будущего маршрута около 600 килограммов корма для собак и топлива. К этому надо прибавить лагерное и рабочее снаряжение, продукты для людей.

Поэтому еще в конце полярной ночи мы перебросили большую часть груза на восточную оконечность островов Седова, намереваясь с появлением солнца продвинуть груз сначала на остров Октябрьской Революции и уже потом, третьим рейсом, пройти дальше на юг, перебраться через пролив Шокальского и устроить продовольственные склады на самом острове Большевик. По нашим расчетам, для этого предстоит посетить остров два раза, чтобы оборудовать один склад в его северной части, а другой — в юго-западной. Исследование острова надо начать с запада, чтобы после съемки южного берега выйти к восточному с облегченными санями. Берег этот — высокий, горный, а состояние льдов для путешествия на собаках обещает быть наименее благоприятным, значит, восточную часть маршрута надо проделать по возможности налегке.

Мы ожидали появления солнца, чтобы сразу начать работу по подготовке последнего этапа съемки Северной Земли с расчетом закончить эту подготовку к 1 апреля, чтобы 10 апреля выйти в самый большой из наших маршрутов. Но Арктика спланировала по-своему. После восхода солнца одна за другой начались метели. Они налетали почти беспрерывно и не выпускали нас с базы вплоть до 3 марта. Особенно свирепый шторм разыгрался в ночь на 29 февраля, мы прозвали его Касьяновой бурей. Буйный снежный вихрь несся со скоростью, превышающей 20 метров в секунду. Сложилась погода, о которой говорят: «Света белого не видно». При 35-градусном морозе такую погоду трудно было

переносить даже на базе. Метель буквально душила. И это продолжалось почти трое суток.

После метели Арктика преобразилась. Вверху не осталось ни одного облачка. По утрам еще задолго до восхода солнца небо окрашивалось в характерный для наступления полярного дня нежный медно-зеленый цвет, потом становилось бирюзовым; а вечерами, когда солнце уходило на покой, на небе вновь появлялись зеленовато-голубые оттенки. Они сгущались, приобретали цвет вороненой стали, и на этом фоне загорались необычайно яркие звезды. Барометр держался хорошо. Казалось, все предвещало длительное затишье.

Мы решили, что время наступило, и 3 марта выступили

в поход. Новая страда началась.

Первую ночь мы провели в 30 километрах от базы, у берегов островов Седова. На следующее утро, чтобы сократить путь километров на тридцать и выгадать целый переход, мы направились через морские льды по прямой линии на мыс Кржижановского. Высокие гряды торосов располагались здесь, как правило, параллельно нашему курсу и почти не мешали передвижению.

В минувшую полярную ночь у нас не было необходимости предпринимать большие переходы. Самые продолжительные поездки на собаках не выходили за пределы островов Седова и не превышали 60 километров. Для нас они были скорее развлечением, чем работой. И теперь мы, стосковавшись по длительной дороге, рвались вперед. Нас радовал и ледовый простор, и медно-зеленое небо, и застывший в неподвижности воздух, и быстрый бег собак; а мороз казался такой же незначительной помехой, как и окружающие нас холмы торосов.

С утра по-прежнему стоял полный штиль, термометр показывал —40°, небосвод был совершенно чистый, и ничто не предвещало перемен. Потом мы любовались разгорающейся зарей и наблюдали, как из-за горизонта выплывал четко очерченный, полный диск солнца.

Но все хорошее скоро закончилось. После полудня с северо-востока налетела метель, покрепче той, которую мы пережидали перед отправлением в поход. Буран нагрянул, точно смерч, и через четверть часа ничего не осталось от спокойной обстановки последних двух суток.

Теперь идут уже третьи сутки, как метель бушует со страшной силой, держит нас на месте и заставляет гадать: где же мы находимся — все еще у берегов Северной Земли или, как говорит Журавлев, уже приближаемся к Архангельску?

...Пока писал, руки у меня совсем закоченели, хотя я не-

сколько раз и прерывал записи. Но все же это занятие помогло мне скоротать часы. Время уже за полночь. По-прежнему гудит метель, а за палаткой тот же бурлящий черный ад. Лед под нами цел, толчков не чувствуется.

Пора заступать на дежурство Сергею. Он будет прислушиваться к бушеванию метели, следить во тьме за льдами, а я заберусь в спальный мешок и засну с надеждой на то, что утром положение улучшится.

Проснулся от боли в ноге. Низ моего спального мешка был завален свежим снегом. Журавлев, весь белый, точно мельник, стоя на коленях, сбивал с себя снежную пудру. Лицо его было мокро, а с бровей свисали длинные ледяные сосульки.

Он только что делал вылазку: хотел «посмотреть», что делается «на улице». Выход из палатки оказался занесенным сугробом, и Журавлев, чтобы выбраться наружу, должен был отгрести снег внутрь палатки и почти по пояс завалить меня.

Сейчас он только что вполз обратно.

— Ад, настоящий ад! Еще хуже, чем вчера,— услышал я вместо утреннего приветствия.— Палатку совсем сровняло. Боялся — не найду ее, и ползал с веревкой, словно Иван-царевич с клубком ниток. Все собаки опять под сугробом. Ветер не дает подняться, даже на коленях не устоишь...

— Потому ты и навалился на меня? — перебил я, выдергивая свою ногу из-под его колена.

Сергей попытался отодвинуться в сторону и тут же уперся в противоположную стенку палатки. Наше жилище, придавленное сверху сугробом, а внутри наполовину загроможденное ворохом снега, стало очень тесным.

— Как трещина?

— Добрался до нее на четвереньках. Обратно еле дополз. Вся засыпана снегом, не расходится. Что-то удерживает льды.

— Значит, доброе утро!

— Да, добрее не придумаешь!

Так наступило утро 7 марта. Часы показывали 8.

Мы очистили от снега одежду, сложили ее в еще свободный угол палатки и приготовили завтрак. Потом кое-как выгребли из палатки снег и расчистили выход. Он теперь уходил вертикально вверх и напоминал узкий колодец. С трудом выбрались наружу.

Журавлев был прав. Метель свирепствовала еще сильнее, чем накануне. Ветер не изменил направления. У палатки скорость ветра достигала 28 метров, а когда мы выползли

на гребень покрывавшего лагерь тороса, анемометр показал 34 метра в секунду. Это означало, что жестокий шторм перешел уже в ураган. По шкале Бофорта, принятой моряками для классификации движения воздуха, ураганом называется ветер со средней скоростью более 29 метров в секунду, или более 105 километров в час; такой ветер называется еще и 12-балльным. Выше этого балла показателей на шкале нет. А в графе «влияние ветра на наземные предметы» о ветре со средней скоростью 23 метра в секунду (крепкий шторм) сказано: «вырывает с корнем деревья»; жестокий шторм со средней скоростью в 27 метров в секунду «производит большие разрушения»; ураган более 29 метров в секунду (какой

бушевал у нас) «производит опустошения». К счастью, ни разрушать, ни опустошать у нас было нечего. Наша палатка была защищена от урагана наметенным над ней сугробом. Беспокоило лишь одно: удержались бы льды.

Я вспомнил ураган, пережитый нами в мае прошлого года севернее мыса Ворошилова, когда Журавлев, болевший снежной слепотой, сидел с завязанными глазами в палатке, а мы с Урванцевым боролись со стихией. Тогда ветер вблизи лагеря, расположенного под защитой айсберга, достигал скорости 27 метров, а на открытом месте несся со скоростью 37 метров в секунду. Но тогда не было снега, о чем мы сожалели: хотелось посмотреть картину метели при таком ветре.

Сейчас эта «картина» была перед нами. Метель хлестала в лицо, жгла его, точно раскаленным железом, ревела и, казалось, хотела смести и уничтожить все на своем пути. Ураган захватывал своей мощью, заставлял даже любоваться собой и забывать о серьезности нашего положения.

Но все же наступил кризис. Буря не могла бесконечно бушевать с такой яростью и достигла своего предела. К полудню силы ее начали иссякать. В сплошной, беспрерывный рев начали врываться визг и свист; это говорило о том, что ветер становится порывистым. Еще через час уже слышалось завывание. Лишь время от времени ураган вновь пытался свирепствовать, как бы силясь сохранить прежнюю мощь. К 15 часам ветер склонился к востоку, скорость его уже не превышала 6 метров, и только отдельные порывы вздымали снег и пронзительно свистели. Метель кончилась.

Теперь можно было осмотреться. На западе и юго-западе большими пятнами темнело водяное небо — признак открытой воды. С высоты торосов мы увидели крупное разводье всего лишь километрах в двух — двух с половиной от нашего лагеря. Вскрытие льдов его не достигало. Трещина — не в счет.

Откопать палатку и собак теперь уже было нетрудно. Скоро мы пустились в путь. Продолжавшаяся поземка досаждала собакам, но мало беспокоила нас. Небо затянуло облаками. Сразу потеплело. Термометр показывал только 25° мороза.

Такой мороз при скорости ветра в 6 метров обычно дает себя знать, но в этот день он казался нам незаметным. Мы пересекли несколько свежих узких трещин и, приближаясь к Земле, попали в полосу рыхлого, убродного снега. Он в огромном количестве был сброшен бурей с ледникового щита и не успел смерзнуться. Путь по такому снегу очень труден. Потому мы и не замечали мороза. Но когда мы уже в темноте выбрались на мыс Кржижановского, где отпала необходимость тащить на себе тяжелые сани, мороз сразу почувствовался по-настоящему. Первое, что мы сделали,— установили палатку и сбросили с себя мокрое белье.

Процедура переодевания при 25-градусном морозе малоприятна, но как хорошо чувствуешь себя в сухой одежде!

Пока я, лежа в мешке, вел запись, Сергей, тоже не вылезая из мешка, успел приготовить «мечту». Нет сомнения, что заснем мы достаточно крепко. А утром, сложив припасы, повернем, вероятно, обратно на базу за очередной партией груза.

Обратный путь в 120 километров на пустых санях проделали за два перехода. В первый день, покинув мыс Кржижановского, поднялись вдоль кромки ледника к северу, обошли стороной полосу убродного снега и вечером в начавшейся новой метели разбили лагерь на полуострове Парижской Коммуны.

Утром нас встретил ветер скоростью в 15 метров при 20-градусном морозе и тучах снежной пыли. Это была нешуточная метель. Но после того что мы пережили на морском льду, такая метель не могла удержать нас на месте. Правда, пурга неслась с запада, била нам прямо в лоб, но путь был знаком, сани легки, и мы решили пробиваться к дому.

По очереди выходя вперед, чтобы пробить задней упряжке дорогу, мы шли против метели. К вечеру она, точно поняв наше упорство и бесполезность своих усилий, неожиданно стихла. Около полуночи в полной темноте мы подкатили к домику.

— Где вас захватила метель? — был первый вопрос, которым встретили нас товарищи.

В районе базы она бушевала немногим более двух суток и была заметно слабее. Ветер только в отдельные моменты достигал скорости 22 метров. Очевидно, мы с Журавлевым

попали в самый центр воздушного потока. На базе ветер сорвал антенну, разметал с вешал медвежьи шкуры и совсем занес вход в домик.

В комнате при свете мы были озадачены восклицанием:

— Да вы обморозились!

Мы взглянули друг на друга и убедились, что кожа на лицах почернела. Журавлев долго рассматривал себя в зеркало и недоумевающе повторял:

— Вот лешой! Да где же это прихватило? Даже не заметил.

Удивлялся он так, словно вернулся обмороженным из теплых стран. К счастью, обморожение было поверхностным.

То, что мы испытали за трое суток, сидя на льду, могло обойтись нам гораздо дороже.

Первый рейс на остров Большевик

Мы не могли быть уверенными в том, что и в дальнейшем, при переброске продовольствия на остров Большевик, метели не помешают нам. Наш план трещал по всем швам. Отставание в его выполнении достигло шестнадцати дней. Скорейшее оборудование продовольственных складов на острове Большевик стало ключом к успешному окончанию экспедиции. Каждый из нас хорошо понимал, что наш дальнейший успех целиком зависит от своевременного устройства этих складов. Все это усилило нашу готовность биться за намеченный план со всем ожесточением. Мы готовы были выехать в любую метель, вступить в борьбу со всеми силами Арктики, но добиться своей цели.

Уже через день после возвращения с мыса Кржижановского, когда с наших лиц еще не сошла почерневшая обмороженная кожа, мы с Журавлевым снова были в походе. Он продолжался семнадцать суток и решил успех экспедиции. Запомнился этот поход не меньше, чем предыдущий. Но как различны эти воспоминания!

Если первый рейс и сейчас еще воскрешает в памяти завывание, рев и грохот бури, тревогу во время сидения на морских льдах, то воспоминания о втором походе вызывают картины солнечного простора, беспредельной тишины застывшего на сильном морозе воздуха, строгой красоты полярных ландшафтов.

До последнего дня похода нас не беспокоила не только метель, но даже поземка. Шестнадцать суток воздух не шелохнулся, точно мороз сковал все бури. Страна льдов и мете-

лей словно отдыхала в тишине и лучах солнца. Диск его поднимался все раньше, на покой уходил все позже. Быстро прибывал день, ночь укорачивалась. Но это не успокаивало нас. Длительное затишье казалось обманчивым. Мы ждали, что необычная в эту пору тишина неминуемо разрядится еще не виданной бурей; каждый день были готовы к худшему и торопились использовать благоприятные условия. Один за другим мы делали переходы, какие только возможны при предельной нагрузке собак.

Впрочем, не обошлось и без приключений.

В конце третьего перехода, на пути вдоль одного из склонов мертвого глетчера на острове Октябрьской Революции, наткнулись на медвежью берлогу. Сами мы могли и не заметить ее, помогли собаки. Они «хватили воздух», заволновались и, свернув с курса, начали карабкаться на крутой склон. Там мы увидели черное круглое отверстие, напоминавшее иллюминатор на борту корабля. Берлога была на высоте 35—40 метров почти отвесного склона.

— На десятый этаж без лифта,— заявил Журавлев.

— И даже без лестницы,— добавил я.

— Ничего, доберемся!

— А может быть, займемся на обратном пути?

Я знал, что задавать такой вопрос охотнику было равносильно просьбе к ястребу оставить до завтра замеченного цыпленка. Журавлев сразу потускнел и насторожился, словно я попытался отнять у него что-то очень необходимое.

— Там ведь медвежата. Что будем с ними делать? — напомнил я.

— Повезем с собой,— не задумываясь, ответил охотник.

— Да мы и так перегружены!

— Пустяки, я пойду пешком. А оставим — пропадут и шкуры, и живность, и мясо.

На последнее слово он особенно нажал. И не без умысла. Мясо нам действительно было очень нужно. Оно увеличило бы наши запасы, оставляемые на острове Большевик.

Журавлева особенно интересовала охота на медведя в берлоге. Он еще никогда не занимался такой охотой. В южной части Новой Земли, где Журавлев провел треть своей жизни, белый медведь встречался не так уж часто. Все звери были добыты там Журавлевым на свободе. Здесь, на Северной Земле, в прошлом году у нас не было времени для отыскивания берлог, мы промышляли медведей или случайно встретившихся в пути, или в районе базы экспедиции, на морских льдах. В последнем случае нам попадались только самцы, круглый год бродящие в поисках пищи, или яловые матки, которые тоже не ложатся зимой в берлоги.

В берлоги ложатся матки, ожидающие потомства. Устраивают берлоги они только на суше. По крайней мере, насколько мне известно, никому из полярных путешественников не приходилось обнаружить медвежью берлогу на морских льдах.

С конца сентября до половины ноября, в период, когда перемегаемый метелями снег начинает образовывать забои, медведицы выходят на берег, отыскивают крутой, заносимый сугробами склон, вырывают в снегу ямы и ложатся на долгую зиму. Полярные метели сами достраивают их жилища. Снег все больше заносит место залежки. От дыхания и теплоты тела снег над зверем подтаивает, и постепенно образуется куполообразный свод до полутора метров высотой. Обнаружить в это время берлогу почти невозможно. Лишь в конце февраля, а чаще только в марте, уже обзаведясь потомством, медведица проделывает круглую отдушину. Берлогу она покидает не сразу. Ждет, пока медвежата подрастут и смогут пуститься с матерью в бесконечные странствия по ледяным просторам.

Вдвоем добыть медведицу из берлоги не представляет особого труда. Мы закрепили собак, взяли карабины, шест, топор, лопату и полезли на «десятый этаж». Склон падал под углом около 55°. Снежный забой на нем был так крепок, что лопата при подъеме оказалась бесполезной. Вырубая топором ступеньку за ступенькой, мы только минут через 40 приблизились к берлоге. По краям отдушины висело кружево инея — признак, что зверь на месте.

Вырубая ступени уже перед самой берлогой, я намеренно отклонился в сторону от отдушины, и мы оказались на метр сбоку от нее. Стоять на крутом снежном склоне было невозможно. Надо было вырубить хотя бы небольшую площадку.

Журавлев взял топор и едва успел сделать несколько ударов, как медведица сразу же высунула голову, угрожающе рявкнула и так же быстро исчезла. Охотник вздрогнул от неожиданности, невольно сделал шаг назад и — не схвати я его за руку — неминуемо скатился бы вниз.

— Вот лешой! Напугала-то как, чуть вниз не полетел!

— Теперь понял, почему мы не вылезли прямо против отдушины, а стоим сбоку?

— Еще бы не понять! Ведь не канарейка в клетке, а медведица в берлоге. Сердце так и замерло!

Глухое рычание и злое фырканье доносились из-под забоя, но зверь больше не показывался.

Когда были вырублены площадки по обеим сторонам берлоги, я предложил Журавлеву взять на прицел отдушину и предупредил:

— Только не зевать и бить наповал. Иначе раненую медведицу уже не выманить, придется самим лезть в ее объятия.

Сам я сунул в берлогу шест. Раздалось громкое рычание, послышался хруст дерева. Обратно я вытащил шест уже с обломанным концом. Так повторялось несколько раз. Наконец, предупредив товарища о полной готовности, я глубоко сунул шест, ткнул им зверя и быстро выдернул обратно. Медведица, потеряв самообладание, бросилась за шестом, наполовину высунулась из берлоги и тут же была остановлена пулей.

Через час мы продолжали путь. Сани Журавлева были догружены мясом, а на моих сидели два медвежонка. Это
были брат и сестра, тут же названные Мишкой и Машкой. Каждый из них весил килограммов десять — двенадцать. Зверят, казалось, совсем не испугала новая обстановка. Сгущенное молоко сразу пришлось им по вкусу. На остановках они лезли к рукам и сосали нам пальцы, а в дороге, когда сани начинало подбрасывать на неровностях пути, цепко держались за подостланную оленью шкуру. Журавлеву, ехавшему позади, теперь не нужно было понукать свою упряжку. Собаки, видя перед собой медвежат, не отставали от моих саней. Когда собаки подбегали близко, Мишка и Машка начинали сердито фыркать, совсем как взрослые медведи, иногда цеплялись за мою спину, словно искали защиты. Ночью они спали в палатке и совсем не беспокоили нас.

В конце шестого перехода мы разбили лагерь на мысе Свердлова, а на следующий день, в 8 часов утра, уже были готовы к выходу. Впереди предстоял интересный день.

Перед нами лежал пролив Шокальского. Его воды еще не пенил ни один корабль; ни лыжня, ни след саней, ни след человека еще никогда не пересекали его льдов. Нам первым предстояло проложить путь через неизвестные пространства. Это создавало праздничное настроение.

Надо было выбрать направление. С высокого прибрежного тороса мы осматривали предстоящую дорогу. Солнечное утро и прекрасная видимость открывали перед нами широкую панораму. Ближайшая точка берегов острова Большевик виднелась прямо на востоке. До нее от мыса Свердлова было не более 35—40 километров. Отсюда берег острова уходил на юго-юго-запад. Возвышенность на берегу, с ее ровной, плоской поверхностью, изредка прерывалась узкими щелями, по-видимому фиордами. Правильная геометрическая форма возвышенности придавала всему берегу острова Большевик вид строгой крепостной стены, протянувшейся на десятки километров. В одном месте плато как бы обрывалось,

но на некотором расстоянии, позади кажущегося обрыва, стена снова продолжалась. Можно было заключить, что граница плато в этом месте делает небольшой изгиб к востоку, а затем вновь направляется на юго-юго-запад. Там возвышенность представлялась лишь сияющим силуэтом, который на юго-востоке от нашего наблюдательного пункта заканчивался резким уступом. Не могло быть сомнения, что именно этот уступ и видели в 1914 году моряки со стороны пролива Вилькицкого, а потом нанесли его на карту под именем горы Герасимова. Также ясно было, что никакой отдельной горы в действительности нет, что это лишь юго-западная оконечность высокого плато, занимающего всю северную
 половину острова. Расстояние до обрыва можно было определить в 80—85 километров, но перед ним лежала еле различаемая полоса, должно быть, являющаяся высокой и широкой береговой террасой острова. Значит, расстояние до острова в этом направлении едва ли могло превышать 60—65 километров. Судя по карте Гидрографической экспедиции и по данным нашего астрономического пункта на мысе Свердлова, почти прямо на юге в 100 километрах от нас должен был лежать мыс Неупокоева, но его мы уже не могли видеть из-за дальности и его низких берегов.

Пересечь пролив можно было в двух направлениях. В одном случае предстояло идти на восток — прямо на ближайшую точку острова Большевик; во втором — на юго-восток, к горе Герасимова. Первое направление в центральной, самой узкой части пролива обещало сравнительно легкий путь, поскольку там торошение льдов не могло быть сильным. Но нам хотелось оборудовать продовольственный склад возможно дальше к югу. А это означало, что если бы мы пересекли пролив в восточном направлении, то потом должны были повернуть к юго-западу и, таким образом, пройти две стороны почти равностороннего треугольника. Путь на юго-восток на гору Герасимова проходил только по одной стороне этого треугольника. Поэтому последнее направление было более выгодным.

Но здесь, в пределах видимости, ледяное поле было вздыблено торосами. Одна за другой тянулись их гряды. Пространства между торосами только кое-где представляли ровные площадки, в большинстве же были забиты мелкими льдинами. Отдельные льдины, нагроможденные друг на друга, образовывали причудливые фигуры, напоминающие гигантские друзы. Все это блестело в лучах яркого солнца, искрилось, отливало синими и голубыми оттенками. Зрелище было красивое и величественное, но вместе с тем создавало впечатление непролазного хаоса.

Можно было надеяться, что на некотором расстоянии от берега торосы поредеют или исчезнут совсем, но местность, лежавшая перед глазами, сулила большие трудности.

Уже решив про себя выбрать этот путь, я спросил стоявшего рядом товарища:

— Ну как, нравится?

— Красота!

— Пройдем?

— А то как же!

— Может быть, пойдем кругом? Там, наверное, будет легче.

— Ну, зачем? Здесь веселее!

— Да ведь тяжело придется.

— Ничего! Собаки в порядке, а сани выдержат!

Журавлеву даже и в голову не приходило, что мы сами можем не выдержать, хотя он прекрасно понимал, что на такой дороге больше работы предстоит нам, а не собакам. Я не стал его больше испытывать. И мы, избрав трудный, но кратчайший путь в направлении горы Герасимова, пустились в дорогу.

Хаос льдов сразу окружил нас со всех сторон. Каждые десять — пятнадцать минут мы взбирались на очередную гряду беспорядочно наваленных льдин, потом с возможной осторожностью скатывались, сползали или попросту сваливались на другую сторону, чтобы тут же начать взбираться на новый торос. Глыбы, гряды, бугры, ледяные мешки и глубокие колодцы, засыпанные пушистым снегом, следовали бесконечной чередой.

Собаки часто оказывались совершенно бессильными. Свалившись всей упряжкой в ледяной мешок, они без нашей помощи уже не могли из него выбраться. Или какая-нибудь одна собака повисала между двумя вертикально торчащими льдинами и, хрипя в лямке, ждала, пока ее вытащат. А тут еще медвежата. Уже привыкшие к саням и, по-видимому, считавшие свое место на них неотъемлемым, они то и дело вываливались на лед, жалобно ревели, стараясь забраться обратно. Иногда им удавалось это сделать самим, но через несколько минут сани снова кренились, ныряли передком или становились на дыбы перед новым торосом, и зверята клубками вновь катились на лед. Мы удлинили их цепи, после чего медвежата побрели за санями самостоятельно. Правда, первое время они пытались упираться, но наседавшие собаки задней упряжки невольно заставляли торопиться.

Обходя совершенно непролазные участки, мы все дальше углублялись в нагромождения льдов. Тяжелые сани прихо-

дилось то и дело поднимать на руках и потом так же спускать вниз. Часто надо было браться за топор, скалывать торчавшие на пути острые углы льдин или расширять проход. При удачном ударе льдины легко кололись на крупные куски, а чаще на ледяной глыбе оставалось только белое пятно, словно синяк на теле.

Незаметно проходили часы в трудной работе. Торосы сделались ниже и поредели, но здесь на них было меньше снега, и поэтому преодолевать препятствия стало еще труднее. Верхние меха были давно сброшены и лежали на санях. Несмотря на сильный мороз, томила жажда. Мы почти потеряли понятие об осторожности: в горячке работы, в неразберихе ледяных нагромождений трудно быть осторожным. Вместе с собаками и гружеными санями часто валишься с торчащей льдины вниз. Ну а можно ли один раз свалиться осторожно, а другой неосторожно? Можно просто свалиться, а к чему это приведет — узнаешь внизу. Один раз взвизгнет собака, другой раз угрожающе крякнут сани, а то и сам пощупаешь ушибленную ногу или руку — по-разному бывает.

Через четыре часа одометр показал, что мы прошли только 9 километров. В действительности же прямого пути набралось не более 6 километров, остальное ушло на обходы и зигзаги. Это вместо 24—25 километров, обычно проходимых за такое время по ровным льдам!

Хотелось остановиться, натопить воды и пить, пить. Но мы, хотя и походили на букашек, копошащихся среди беспорядочно наваленных груд колотого сахара, продолжали упорно пробиваться вперед. Да и должны же где-то кончиться эти проклятые торосы! Мы гнали мысль об остановке, заглушали жажду и делали лишь маленькие передышки, чтобы снова взяться за сани.

При очередной передышке я спросил Журавлева:

— Ну, как?

— Красота! Чтоб ей провалиться!

— Значит, весело?

— Конечно, настоящая работа!

Охотник вытер рукавицей мокрый лоб и вдруг спросил:

— Кто такой этот Шокальский?

Я сказал, что Юлий Михайлович Шокальский, имя которого носит пролив,— крупнейший советский ученый — географ, гидролог и картограф. И начал было рассказывать о его работах.

Журавлев прервал мой рассказ:

— Я не про то. Наверное, крутого характера человек?

— Наоборот, очень мягкий, спокойный и обходительный. Доброжелателен к людям, особенно к путешественникам!

— Чего же его пролив такой щетинистый?! — больше распутывая собственные мысли, чем обращаясь ко мне, проговорил охотник.

Я напомнил, что в прошлом году здесь лежал совершенно ровный лед, торосы замечались только на горизонте, значительно западнее. По-видимому, не каждый год льды в проливе одинаковы. Еще через час изнурительной работы — на счетчике одометра прибавилось два километра. Но тут перед нами открылась первая широкая полоса ровного льда. Увидев ее издали, с высоты одного из торосов, мы обрадовались, но, подойдя вплотную, были озадачены. Наш путь пересекала полоса почти в километр шириной молодого, еще серого льда, образовавшегося на месте недавнего большого разводья.

Лед достигал толщины 19—20 сантиметров, но, как обычно, образованный из соленой воды, он был еще рыхлым и не внушал особого доверия. Искать обхода нам не хотелось, а ждать двое-трое суток, пока лед по-настоящему окрепнет, тем более не было желания. После небольшой разведки на лыжах мы решили, что ледяное поле выдержит тяжесть наших саней... если собаки ни разу не остановятся и пронесутся галопом.

Сделали двухчасовой привал, пообедали, дали отдохнуть собакам. Потом во весь дух пустили упряжки по опасному пути. Если в торосах работали наши мышцы, то здесь напряглись нервы. Лед прогибался, и сани неслись, точно по натянутой резине. Собаки несколько раз норовили броситься в сторону. Причиной были многочисленные следы тюленей, совсем не похожие на обычную звериную тропу. Наземные животные оставляют след лапами или копытами, а тюлень оставляет головой. Это, конечно, не значит, что он ходит на голове. Тюлень, обитая в воде, может обходиться без воздуха лишь несколько минут. Когда море замерзает, зверь легко пробивает головой молодой лед, чтобы подышать. Во льду остаются круглые отверстия. Потом они затягиваются, но если не покрыты снегом, то остаются хорошо заметными. Вот эти «следы» и привлекали наших собак.

Мы счастливо пролетели полосу молодого льда и облегченно вздохнули. Но снова попали в торосы. Здесь они были совсем иными. Лед был разломан на мелкие поля где-то в открытом море, потом принесен сюда и, встретив препятствие, подвергся лишь слабому сжатию. Кромки полей наползли друг на друга, местами обломались и образовали низкие, плоские гряды.

Такие льды, правда очень далекие от сходства с шоссе, в сравнении с пройденным путем все же показались нам легкими. Мы быстро начали отсчитывать километр за кило-

метром. Заночевали во льдах, километрах в двадцати пяти от берегов острова Большевик.

На следующем переходе льды оказались еще благоприятнее. Встречались большие ровные ледяные поля, позволявшие двигаться почти с нормальной скоростью. Вскоре после полудня мы приблизились к цели — до острова Большевик оставалось не более четырех километров.

Погода продолжала нас баловать. По-прежнему держался сильный мороз и полный штиль. Солнце ярко освещало высокие берега. Прозрачный воздух позволял видеть впереди мельчайшие детали. Остров манил к себе. Это был большой

кусок той Северной Земли, которая до нашего прихода сюда считалась таинственной и недоступной, а для некоторых даже сомнительной в своем существовании. Большую часть Земли мы уже исследовали. Видели издали и этот берег, но пришли сюда впервые. Хотелось поскорее почувствовать его под ногами.

Но на пути встретилось еще одно препятствие — новая полоса торосов, по всем признакам последняя. Чтобы собрать силы для штурма, решили сделать получасовой привал.

Собаки сразу же с наслаждением вытянулись на снегу. Журавлев начал что-то перекладывать на своих санях. А я пошел осмотреть торосы и выбрать среди них наиболее легкий путь. Вот тут-то и случилась неожиданность, задержавшая нас больше, чем мы предполагали.

Первая гряда торосов была невысокой. В самых низких местах снежные сугробы успели замести ее полностью, лишь отдельные льдины возвышались до семи-восьми метров и торчали из снежных забоев вкривь и вкось. Я забрался на высокий торос и уже уперся руками, чтобы подтянуться на самую верхнюю льдину, но, взглянув вперед, невольно присел за укрытие.

За грядой торосов, точно озеро, замерзшее среди скалистых берегов, лежала ровная площадка метров 400 в поперечнике, а на ней в 70—80 метрах от меня расположился матерый медведь. Первым моим желанием было броситься к саням за карабином, но, выглянув из-за прикрытия, я убедился, что спешить незачем. Медведь сам был занят охотой. Он караулил тюленя, устремив свой взгляд на небольшой сугроб, внешне ничем не отличавшийся от десятков других, но, по-видимому, прикрывавший отдушину. Поджатые задние лапы, чуть согнутые передние, втянутая шея — вся поза говорила о напряженности готового к прыжку хищника. Минут пять медведь стоял не шевелясь. Только изредка он на мгновение вытягивал шею, словно к чему-то прислушиваясь.

Я оглянулся на Журавлева. Он уже закончил свои хлопоты около саней и недоуменно смотрел в мою сторону. Я поманил его к себе. Сергей понял и схватился за карабин. Уставшие собаки не обратили внимания на нашу молчаливую перекличку.

Журавлев вскарабкался ко мне и, увидев медведя, тут же вскинул карабин. Я еле успел остановить охотника и отобрал у него оружие. Вдвоем мы продолжали наблюдать за зверем.

Прошло еще минут десять, а медведь, как изваяние, оставался в прежней позе. Журавлев явно нервничал. Он смотрел то на верную добычу, то на меня. Наконец, нетерпеливо прошептал, вернее сказать, простонал:

— Так и будем лежать?

Я молча кивнул, вынул часы, положил их на рукавицу и показал, что еще полчаса не отдам карабина. Сергей ответил тяжелым вздохом. Прошло еще пять минут... десять... пятнадцать. Медведь все ждал. Ни разу он не пошевелился, не посмотрел в сторону, не изменил напряженной позы. Охотник отвернулся, не смотрел ни на часы, ни на медведя, ни на карабин, делая вид, что его ничего не интересует. Тем временем минутная стрелка передвинулась еще на десять делений. Мой товарищ вынул кисет и начал демонстративно набивать трубку. Но он так и не разжег ее; она была нужна ему, чтобы прикрыть волнение и показать, что он осуждает мое поведение.

Я уже хотел отдать Журавлеву карабин. Вдруг медведь резко втянул шею, еще ниже присел на задние лапы и тут же ринулся вперед. Точно кошка, он распластался в прыжке и всей тяжестью обрушился вниз. Сугроб провалился, как яичная скорлупа. Зверь взревел и лапами, словно лопатами, принялся раскидывать снег. Но... добыча ушла. Мишка или промахнулся или поторопился прыгнуть, не дождавшись, пока тюлень поднимется на лед.

Медведь стоял над отдушиной. Весь вид зверя выражал крайнее недоумение и огорчение неудачей. Казалось, что вот-вот он с досады махнет лапой или почешет затылок.

— Эх ты, горе-охотник! Промазал! — закричал Журавлев, поднимаясь во весь рост на вершине тороса.

Зверь преобразился, поднялся на задние лапы, заревел, потом крупными прыжками бросился к нам. В этот момент через ложбину между торосами промелькнули наши упряжки. Собаки, услышав рев зверя, бросились к нам. Ни усталость, ни груженые сани уже не могли удержать их. Шум и смятение заполнили площадку. Один из медвежат свалился с саней и волочился на боку, привязанный цепью. Другой

с перепугу истошно ревел. Еще минута — и собаки, связанные в своих движениях упряжкой, попадут в лапы зверя. Медведь уже направился к ним.

— Смотри не промажь,— предупредил я Журавлева.

— Небось, не медведь! — прицеливаясь, проворчал охотник.

Грохнул выстрел. Зверь замертво упал.

Лунка, возле которой дежурил медведь, была непохожа на обычную. Отдушины, что поддерживаются тюленями только для дыхания, имеют верхнее отверстие не более 5—7 сантиметров в диаметре и в целом напоминают узкий конус. Эта же лунка походила на обыкновенную прорубь в полутораметровом льду, стенки ее были вертикальные, а верхнее отверстие — не меньше 25 сантиметров в диаметре. Сугроб, обрушенный медведем, образовывал над лункой небольшой свод, под которым тюлень вылезал на лед. Судя по всему этому, отдушину проделала нерпа, поддерживая ее всю зиму для весенней щенки. Это своеобразное родильное помещение и вынюхал медведь, но не только не сумел воспользоваться добычей, а и сам поплатился жизнью.

Для нас добыча имела огромное значение. Зверь оказался очень крупным. Его туша без шкуры, сала и внутренностей весила не менее трехсот пятидесяти килограммов. Отпала необходимость делать еще один рейс для заброски сюда продовольствия. Сама Арктика, ранее нарушившая график наших работ, теперь помогла выполнить план по обеспечению предстоящего маршрута вокруг острова Большевик.

Но надо было как-то сохранить здесь мясо. Оставить вместе с другими продуктами просто на складе — означало скормить тушу песцам. Зарыть в снег — тоже не выход; зверьки пронюхают, наделают нор в любом забое и к нашему приезду оставят одни кости. Завалить льдом — не годилось: песцам могут помочь медведи, они разворотят какой угодно завал.

Километрах в двух от берега виднелся айсберг. Одна сторона его была наклонной, другая отвесной. Им мы и решили воспользоваться. Отвезли туда медвежью тушу и всю целиком подвесили на собачьих цепях над обрывом. От вершины айсберга ее отделяли четыре метра, от поверхности морского льда — шесть метров. Теперь к мясу не подберутся ни песцы, ни медведи и можно быть уверенным в сохранности добычи.

Еще через час мы вступили на берег острова Большевик. Задача была выполнена. Можно было возвращаться домой и сразу выходить в исследовательский маршрут.

Карта Северной Земли

В самый большой маршрут

Полумесячное затишье погоды кончилось в день нашего возвращения с острова Большевик на базу. Мы в этот день стремились достигнуть восточной части островов Седова, чтобы здесь разбить наш последний лагерь перед домом. Однако еще до подхода к островам мы начали тревожно поглядывать на небо и поторапливать собак. 367

На бледной лазури неба появились хорошо знакомые нам чечевицеобразные облака. Своей формой они вернее всего напоминали дирижабли: края облаков, обращенные к юго-востоку, были закруглены, а противоположные концы слегка вытянуты и заострены. Словно многочисленная воздушная эскадра, облака часа два неслись по небу, почти не нарушая интервалов своего строя и не теряя формы. Потом они начали все более вытягиваться, их закругленные края завернулись вниз. Теперь облака напоминали уже каких-то громадных животных с поджатыми хвостами, стремительно убегавших от смертельной опасности.

Нас все еще окружали тишина и покой. Но мы прекрасно знали, что означают эти перемены на небе. Вряд ли в Арктике существует более верный признак предстоящей резкой смены погоды. Нас еще ни разу не обманывало ни появление таких облаков, ни их превращения. Они свидетельствовали о том, что где-то в верхних слоях атмосферы уже бушует шторм. С часу на час надо было ждать, что он захватит и нижние слои. Мы даже знали, что шторм налетит с юго-востока, так как именно с этой стороны облака вначале имели обтекаемую форму.

Термометр показывал —39°. При такой температуре предстоящую непогоду лучше всего было ожидать дома. Выбравшись на острова Седова, мы не разбили лагерь, как намеревались раньше, а только дали собакам небольшую передышку, после чего сделали сверхплановый 30-километровый переход к базе. Последние десять километров шли в начавшейся метели, хлеставшей нам в спину. После полуночи,

когда мы сидели в нашем домике, а собаки лежали в укромных, заветренных уголках, жестокий шторм разыгрался уже в полную силу.

Так начался новый период метелей. Опять почти три недели бесновалась Арктика. Только иногда на короткое время ветер замедлял свой стремительный полет. Метель словно захлебывалась своей яростью — так внезапны были эти минуты затишья. Как бы передохнув, вьюга вновь затягивала свою волчью песню или свистела на разные голоса; неслись новые и новые тучи снежной пыли, совершенно заволакивая солнце. И казалось, что не будет конца ни ветру, ни метели.

На полевые работы мы вновь выходили вдвоем с Урванцевым. Выход в маршрут был намечен на 11 апреля. Перед большим походом надо было дать настоящий отдых собакам. И они, невзирая на беспрерывные метели, отдыхали и набирались сил. Около дома было достаточно укромных уголков для защиты от непогоды. На обратном пути с острова Большевик мы с Журавлевым добыли еще одного медведя, и свежего мяса было вдоволь. Сами мы не сидели без дела: перетягивали сани, меняли стальные подполозки, приводили в порядок лыжи, чинили обувь, одежду и собачью сбрую, взвешивали и упаковывали продовольствие, проверяли снаряжение.

Поход предстоял серьезный. Подготовка к нему требовала много внимания. Мы вновь и вновь проверяли приборы, инструменты и свои расчеты. Мысль о том, не забыть бы чего-нибудь, не допустить бы неправильных расчетов, не давала нам покоя. Даже глубокой ночью, разбуженные воем ветра, мы думали о предстоящем походе и нередко, вспомнив о чем-либо необходимом, вставали с постели и записывали, чтобы не забыть наутро. Свирепая метель, изо дня в день бушевавшая за стенками домика, была пока что нам безразлична.

А Вася Ходов даже радовался непогоде. Дело в том, что в период затишья наш ветряной двигатель не работал. За время нашего похода на остров Большевик аккумуляторная батарея совсем выдохлась. Чтобы обеспечить работу радиостанции, Вася ежедневно «гонял» давно забытый бензиновый мотор, который доставлял немало хлопот. Теперь мотор опять был запрятан в склад, ветряк с избытком давал электроэнергию, и Вася даже радовался усилению метели.

Незаметно приближался день выступления в маршрут. Заканчивались последние приготовления. 8 и 9 апреля стояла тихая погода. Казалось, уже ничто не помешает нам отправиться в поход в точно назначенный день. Но накануне выхода с полудня потянул еле заметный ветерок. К вечеру

он засвежел и начал мести снег. А ночью ветер достиг скорости 15 метров в секунду, разразилась новая метель. Со страшной силой она буйствовала трое суток. Насколько спокойно мы слушали завывания бури в прошедшие три недели, настолько нервничали эти три дня. Только 13 апреля наступило новое затишье, и мы с Урванцевым немедленно покинули базу экспедиции.

Начался самый длинный из наших походов — в южную часть Земли. Ждал своего исследования остров Большевик — второй по величине среди островов всего архипелага. Отправляясь на него, мы не могли ожидать каких-либо особенных открытий, но это отнюдь не лишало предстоящую работу ни значения, ни интереса. Южные берега острова, омываемые водами пролива Вилькицкого, и восточные, со стороны моря Лаптевых, были осмотрены с кораблей в 1913—1914 годах участниками Гидрографической экспедиции и положены на карту. Нам предстояло уточнить съемку. По опыту прошлого года мы знали: «уточнения» будут настолько значительными, что дело фактически пойдет о новой съемке. А со стороны открытого нами пролива Шокальского и Карского моря остров совсем не был очерчен. Здесь берега острова, кроме нас, никто еще не видел. Таким образом, только теперь остров Большевик должен был полностью и точно лечь на карту Советского Союза. Близость острова к трассе намечавшегося Северного морского пути делала нашу работу особенно ответственной. По объему это составляло больше чем третью часть всех работ нашей экспедиции, а отдаленность острова от базы очень осложняла нашу задачу.

По приближенному расчету, как уже было сказано выше, нам предстояло пройти от 1100 до 1250 километров, из них не менее 700 километров с топографической съемкой и геологическими исследованиями. Для перехода на собаках это солидное расстояние. По опыту минувшего года, мы рассчитывали преодолеть такое расстояние за сорок пять — пятьдесят суток.

Нас не смущали ни расстояние, ни продолжительность похода. Время было выбрано лучшее, какое только мыслимо в высоких широтах Арктики на протяжении всего года. Сильные морозы кончались. Короткие белые ночи подходили к концу, близился полярный день. До летней распутицы еще далеко. Все походное снаряжение и аппаратура тщательно проверены. Впереди, на складе острова Большевик, запасено горючее и корм для собак. Мы, как говорится, в полной спортивной форме. Наша стая собак, хотя и ослаб-

ленная, все же вполне работоспособна. В общем можно было уверенно идти вперед.

И все-таки перед нами лежал больше чем тысячекилометровый путь. Бо́льшая часть его проходила по морским льдам. Они могли принести немало неприятностей. Метели тоже неизбежны. А всякие непредвиденные случайности могли осложнить путешествие.

Чтобы преодолеть все «плановые» и «внеплановые» препятствия и по возможности избежать опасных неожиданностей, чтобы провести всю намеченную работу при отсутствии перспективы пополнить резко ограниченные силы и материальные ресурсы, надо было готовиться к упорной борьбе со
 стихией.

И вряд ли еще где-нибудь эта борьба носит более напряженный, а иногда и отчаянный характер, чем в санном полярном походе. Здесь мобилизуются все физические и моральные силы человека, весь его опыт, выдержка, смелость, воля к победе, сознание долга и разумная осторожность. Большой санный поход по льдам всегда в значительной мере рискован. Здесь выполнение плана означает не только проведение в установленный срок намеченной работы, но зачастую представляет еще и борьбу за жизнь самих исследователей.

С уверенностью в победе экспедиция покинула базу и пустилась в далекий путь.

В первый день с полузагруженными санями мы прошли острова Седова и остановились на ночлег возле нашего продовольственного склада. На следующее утро взяли курс через морские льды на мыс Кржижановского.

Теперь, после догрузки собачьего корма, вес моих саней превышал четыреста килограммов, сани Урванцева были легче лишь килограммов на тридцать. В каждой упряжке шло по десять собак, в среднем одна собака тащила от тридцати семи до сорока двух килограммов. Это не было предельной нагрузкой. На каждую собаку можно было нагрузить до пятидесяти — пятидесяти пяти килограммов. Но мы сознательно не допускали этого. Во-первых, продовольственный склад на острове Большевик избавлял нас от такой необходимости; во-вторых, путь предстоял далекий, и надо было беречь силы собак; в-третьих, что самое главное, мы принципиально никогда не загружали собак настолько, чтобы идущий с упряжкой человек не мог при хорошей дороге присесть на сани.

Еще на острове Врангеля я неоднократно проверял целесообразность различной нагрузки собак и пришел тогда к

выводу, что предельная загрузка саней собачьим кормом, продовольствием и топливом, рассчитанная на максимальное использование сил животных, создает лишь кажущийся, а отнюдь не действительный эффект. В длительном походе такая загрузка, как правило, приводит к плохим результатам. Лишние десять — пятнадцать килограммов груза на собаку не только замедляют бег животных, но вынуждают людей все время идти пешком рядом с упряжкой. В результате дневные переходы сокращаются настолько, что обусловленный этим расход продуктов сводит на нет весь кажущийся в начале похода выигрыш. Кроме того, предельная нагрузка выматывает силы людей и животных в самом начале похода, тогда как здравый смысл подсказывает необходимость сохранения энергии как раз на вторую половину пути, обычно наиболее трудную в связи с естественным утомлением.

Следует остановиться и на таком вопросе: можно ли допускать, чтобы в санном походе число упряжек превышало количество людей. Должен ответить на это отрицательно. Даже на хорошей дороге, которая не так часто встречается во льдах, человек то и дело вынужден соскакивать с саней, отводить их от очередного заструга, случайной льдины или, наконец, чтобы облегчить сани и помочь собакам выдернуть воз на снежный сугроб. Без этого упряжка, как бы хорошо она ни была натренирована, не сможет продвигаться. И это на хорошей дороге. А что же можно сказать о торошенных льдах? Человек, идущий с передней упряжкой, вынужден останавливать ее, чтобы стронуть с места неуправляемый задний воз, а потом вернуться к своим саням, которые тоже не в состоянии сдвинуться без помощи. А так как препятствия, начиная с маленьких и кончая труднопреодолимыми, встречаются в торосах на каждом шагу, то остановки насчитываются многими сотнями. Они заставляют человека метаться из стороны в сторону, изматывают собак и сильно замедляют передвижение.

Правилом нашей экспедиции являлось следующее: во-первых, человек, участвующий в походе, должен иметь только свою упряжку, сам управлять ею и как хозяин заботиться о собаках; во-вторых, загрузка саней должна быть рассчитана так, чтобы человек при относительно хорошей дороге (без торошенных льдов и при плотном снежном покрове) мог садиться на сани и отдыхать.

Это давало нам возможность при сносных условиях пути делать большие переходы, сохранять свои силы, чтобы в трудные минуты помогать собакам. При всем этом управление гружеными санями и упряжкой в любых условиях —

очень тяжелый физический труд, а на плохом пути, даже при умении и большой тренировке ездока, требуется напряжение всех сил.

14 апреля мы сделали 50,2 километра. Весь путь прошли по прямой линии через морские льды. Недавние метели почти целиком занесли мелкие торосы, сильно сгладили крупные и превратили льды в волнистую равнину, что очень облегчило наш путь. Только в семи-восьми километрах от острова Октябрьской Революции мы опять попали в сыпучий, сухой снег и потрудились как следует. Лагерь разбили поздно вечером под стеной глетчера, рядом с мысом Кржижановского.

372 После отдыха нами овладело странное чувство. Не знаю, чего в нем было больше — любознательности, отсутствия у нас интереса к раз уже пройденным тропам или нетерпеливости. Нам казалось, что мы можем сразу выполнить две задачи: в короткий срок достичь острова Большевик и попутно заглянуть в глубь южной половины острова Октябрьской Революции. Для этого нам надо было покинуть хорошо знакомый морской берег с его прибрежными, легко проходимыми льдами и подняться на ледниковый щит, чтобы, следуя по нему на юг, получить возможность обозреть пространства, лежащие к востоку от щита.

Лучи яркого солнца били прямо в видимую часть ледника. Склон его блестел, переливался, представлялся нам снизу чем-то вроде бесконечно широкого шоссе. Соблазн оказался сильнее здравого смысла, и мы полезли наверх. Так мы нарушили один из основных наших принципов — единство цели — и за это были наказаны.

Отлогий склон глетчера был невдалеке от стоянки. Мы без особых усилий поднялись с загруженными санями. Но сверху мы ничего не увидели вдали: мешали возвышенности ледника, расположенные впереди. Путь оказался покрытым глубоким рыхлым снегом. Увидев свою ошибку, мы, вместо того чтобы вернуться назад, допустили вторую оплошность — принялись искать легкую дорогу на разных высотах ледникового склона и в конце концов ушли от места, где можно было спуститься на берег, настолько далеко, что нам уже показалось нелепым возвращаться назад.

Дальше путь стал еще хуже. Собаки отказались тянуть тонущие в снегу сани. Пришлось впрягаться самим. В результате после невероятно тяжелого двенадцатичасового рабочего дня мы оказались только в 20 километрах от прежней стоянки.

Ночью на возвышенности ледника разыгралась сильная поземка. К утру она стихла, но дороги не улучшила. Чтобы

выбраться на морской берег, нам пришлось еще 20 километров пробиваться по глубокому, рыхлому снегу и пенять на себя за необдуманный поступок. Так два дня без особой пользы мы работали до седьмого пота, да еще потеряли при этом хороший переход.

После ночевки на берегу мы были в боевом настроении, намеревались наверстать потерянное и подумывали о переходе не менее чем в 40 километров. Условия для этого как будто складывались благоприятные. Метель, всю ночь крутившая снежный вихрь, улеглась, мела только поземка. Надеясь, что непогода кончилась, мы приготовились к выступлению. Собаки были уже в упряжках. Вдруг южный ветер вновь покрепчал. Снежная пыль опять взметнулась на несколько метров. Некоторое время я колебался — выступать или нет? Но вот по небу поплыли знакомые нам зловещие облака, напоминавшие своей формой чечевицу. Близился настоящий шторм. Благоразумие и трезвый расчет на этот раз одержали верх. До того как шторм разыгрался бы в полную силу, мы смогли бы пройти не более 10—15 километров, а собак при встречном ветре измучили бы не меньше, чем за 50-километровый переход.

Решили выждать на месте. Отпрягли собак, получше закрепили палатку и залезли в спальные мешки. Посвистывание ветра и шорох снежной пыли быстро убаюкали нас. Но через два часа нас разбудил отчаянный вой метели. В конце дня разыгрался настоящий шторм. Даже собаки не решились встать, когда мы резали им пеммикан. Лишь некоторые, приподняв голову, с вожделением смотрели на куски пищи, повизгивали, но не покидали «належанных» мест. Поведение животных было понятным,— ветер и нам не позволял подняться на ноги. Пришлось проползти вдоль ряда собак и каждой вложить ее порцию прямо в пасть. Так, не вставая, наши помощники и поужинали, а мы уползли в палатку, подкрепились супом и снова залезли в мешки.

Новичка могли удручить неудачи, возникшие уже в самом начале похода. Но мы считали себя старыми полярными волками и знали, что задержки иногда неизбежны, однако они не могут решить исхода борьбы.

В 7 часов утра метель все еще бушевала в полную силу, а через три часа наступил полный штиль.

Снежных вихрей словно и не бывало. Арктика вновь выглядела приветливо. По бирюзовому небу катилось золотое полярное солнце, а внизу искрились бесконечные снежные поля. Темно-синие тени только подчеркивали их белизну.

Все дышало какой-то бодростью, зовущей к движению и деятельности. Даже крепкий мороз, щипавший уши, казалось, торопил: «Ну-ну, пошевеливайтесь! Поскорее в путь, пора наверстывать потерянное!»

Около полудня мы откопали наше имущество, заваленное сугробами, а вечером разбили новый лагерь, уже на 35 километров южнее прежнего. Дальше нас почти ничто не задерживало. Правда, еще раз налетела метель. Но ветер не превышал 12 метров в секунду, бил «в борт» и не мог нас остановить. В течение 11 часов мы непрерывно резали снежный поток и прошли 25 километров. А 21 апреля сделали переход в 50 километров, миновали мыс Свердлова, оставили

здесь, как и на предыдущих стоянках, запасы на обратный путь и вышли на знакомый мыс, зажатый между двумя ледниками, на котором в прошлогоднем походе увидели первые полярные цветы. Отсюда можно было начать пересечение пролива Шокальского и идти не на юг, а на восток, рассчитывая обойти торошенные льды, в которые мы с Журавлевым забрались в прошлую поездку.

Мы сделали за этот день хороший переход, достигли пролива и, кроме того, заполучили добычу. Мы уже собрались было кормить собак, но в эту минуту в полукилометре от лагеря показался медведь. Первым заметил его среди торосов Ошкуй. Забыв о только что законченном 50-километровом переходе, Ошкуй понесся за зверем. Через минуту он исчез в торошенных льдах. С нас тоже моментально слетела усталость. Спустив еще несколько собак, мы бросились в погоню. Зверь оказался молодым, сильным и изворотливым. Иногда собакам удавалось выгнать его на какой-нибудь торос, но он сейчас же разгонял преследователей и опять мчался дальше в море. Только пробежав больше двух километров, мы увидели его сидящим на вершине небольшого айсберга и одним выстрелом свалили вниз.

При свежевании туши мой нож неожиданно наткнулся на препятствие. Под толстым слоем жира я обнаружил старую трехлинейную пулю. Где медведь получил и сколько носил в своем теле эту памятку встречи с людьми, сказать невозможно. Может быть, летом какой-нибудь неудачливый охотник выстрелил в медведя с борта ледокола, возможно, зверь принес пулю с острова Диксон, с Новой Земли или с Земли Франца-Иосифа. Единственное, о чем свидетельствовала заросшая в сале пуля,— это о том, что у белого медведя нет постоянного места жительства, его не смущают расстояния. Вся Арктика — его вотчина.

Так наши запасы вновь пополнились из кладовой Арктики. Собаки наелись свежего мяса и даже не хотели смотреть

на пеммикан. Один лишь Ошкуй не мог воспользоваться результатами своей отваги. В его глазах горела готовность съесть всего медведя, но... у бедняги не раскрывался рот.

На долю этого пса выпадали самые невероятные приключения. В один из первых походов на Северную Землю, когда он отказался работать, я выбросил его из упряжки и махнул на него рукой. Он пропадал 18 суток, скитался где-то во льдах, и бог его ведает, чем кормился. На девятнадцатые сутки Ошкуй заявился домой. Собаки встретили его лаем, как чужого. А когда я вышел на шум, Ошкуй лег на живот, прополз несколько десятков метров, сопровождаемый лающими собаками, и начал лизать мои руки. С тех пор он взялся за работу. В прошлогоднюю распутицу он в походе до костей стер лапы, но после одним из первых восстановил свои силы.

В конце минувшего лета с ним случилось новое происшествие. Однажды преследуемый нами медведь залез в небольшую промоину. Уйти ему было некуда, а мы, чтобы потом не вытаскивать из воды тяжелую тушу, старались выманить его на лед и отгоняли окружавших зверя собак. Но медведь предпочитал оставаться в воде, скалил клыки, рявкал и точно от мух отмахивался лапой от особенно назойливых преследователей. Вдруг подлетел Ошкуй, почему-то отставший от своры. Не замедляя бега, он обвел взглядом поле сражения, как бы говоря остальным собакам: «Эх вы! Не умеете расправиться с каким-то медведем! Посмотрите, как это делается!» И, сделав прыжок, вцепился зубами в горло могучего зверя.

В следующее мгновение медведь взмахнул лапой. Ошкуй описал в воздухе крутую дугу и без движения распластался на льду.

Поврежденный череп и вывихнутая нижняя челюсть были расплатой за отважный, но безрассудный подвиг. Казалось, что судьба нашего Ошкуя решена. Но в нем еще теплилась жизнь. Нам удалось вправить ему челюсть и полуживого, с забинтованной головой отнести на базу.

Положение пса было очень тяжелым. Мы кормили его с ложечки. Благодаря нашим заботам он поправился. Ничто не могло сломить у Ошкуя воли к жизни и преданности человеку. Он остался работящей, понятливой, ласковой и попрежнему безмерно отважной собакой.

Но пережитые увечья давали себя знать. Ошкуй не мог открывать рот и высовывать язык; он не только не мог разгрызть кусок мерзлого мяса, но даже схватить его зубами. Пищей его теперь стала болтушка из пеммикана или мелко нарезанные кусочки талого мяса.

Ошкуй, как и раньше, работает в моей упряжке и единственный из всей своры пользуется правом всегда оставаться на свободе в лагере. При кормежке собак он обычно смирно сидит в сторонке. Но стоит мне скрыться в палатке и разжечь примус, как он сквозь парусину принимается тыкаться носом в мою спину, напоминая о себе. Достаточно сказать: «Подожди, Ошкуй! Сейчас ты получишь свой ужин!» — и пес успокаивается. Он подолгу, точно через соломинку, сосет из банки жидкую пеммикановую кашицу. Но больше всего пес бывает доволен, когда я нарезаю ему сантиметровые кусочки свежего мяса, которые он может глотать не разжевывая. Тогда он выразительно смотрит мне

в глаза, прыгает, трется о мои ноги и всячески старается показать свою благодарность.

Наевшись, Ошкуй устраивается на ночлег поближе к входу в палатку. Спит он чутко, и если появляется медведь, первым извещает нас о приближении зверя своим странным лаем, напоминающим отрывистое мычание, и стремительно бросается в атаку.

Вероятно, он жалеет лишь об одном — о невозможности участвовать в драках. Когда начинается всеобщая свалка, Ошкуй только бегает вокруг дерущихся и мычит, а когда особенно огорчается вынужденным положением болельщика, то садится в сторонке и, подняв голову, жалобно воет, словно жалуется самому небу на свою участь, лишившую его возможности принимать участие в излюбленном спорте.

Главный зачинщик большинства драк, как и раньше, неисправимый Бандит. Но теперь у него появился достойный преемник из семейства «марсиан» — семимесячный пес, неутомимый задира и драчун Петух. Это стройная красивая белая собака. Только под левым глазом у Петуха большое черное пятно. Журавлев говорит, что пес получил этот «фонарь» в первой драке, затеянной им еще в утробе матери. Сильный и отважный, Петух, должно быть, считает потерянным в своей жизни всякий день, обошедшийся без потасовки. Нередко он ухитряется затеять свалку даже на ходу в упряжке. Его хозяин Урванцев в таких случаях, усмирив бойцов, долго и терпеливо распутывает клубок из десяти собак, крепко стянутый перепутавшимися шлейками и постромками; но он довольно благодушно относится к зачинщику драк, прощая ему проказы за отличную работу.

Вместе с Ошкуем и Бандитом идут в упряжке уже знакомые нам коренастый, немного кривоногий Штурман, колымчанин Юлай, рыжий Лис, всегда ощетинившаяся, но на удивление беззлобная Гиена, заслуженный медвежатник Тяглый и другие, менее приметные в нашей стае, но в боль-

шинстве своем трудолюбивые ветераны наших походов. Все они после страшного путешествия в распутицу восстановили свои силы и по-прежнему беззаветно трудятся.

Лишь несколько псов стали инвалидами. Они остались на базе. На смену им заступило молодое поколение североземельцев — семейство наших «марсиан». Все они стали прекрасными работниками и трудятся со всем пылом юности. Быстрый, сообразительный и сильный Тускуб идет моим передовиком рядом с отяжелевшим для этой роли белоглазым Юлаем; бок о бок работают Гор и Лось. Ихошка старательно тянет лямку и, по-видимому, тоскует по своей сестре Аэлите, оставшейся на базе в ожидании своего первого потомства; чудесным работником стал когда-то маленький забавник и лакомка Перевернись. Беда только в том, что он никак не может избавиться от условного рефлекса, связанного с его кличкой. Его совершенно нельзя называть по имени во время работы. Стоит лишь неосторожно крикнуть «Перевернись!», как пес кубарем летит через голову, путает свою лямку, останавливает всю упряжку и потом, помахивая пушистым хвостом, ждет, по его мнению, заслуженного вознаграждения.

Таковы на этот раз наши помощники и друзья, участники самого большого североземельского похода, помогающие нам передвигаться на сотни километров к новым неведомым берегам. Благодаря их выносливости мы уже стоим на берегах пролива Шокальского. Впереди, на юге, четко вырисовываются берега острова Большевик.

Утром начали пересечение пролива Шокальского. Курс был взят на восток, на ближайшую точку противоположного берега. Ширина пролива здесь не превышает 25 километров.

Льды, как мы и предвидели, здесь были менее торошенными, и торосы лежали лишь в непосредственной близости к острову Октябрьской Революции. Преодолев первую, береговую гряду ледяных нагромождений, дальше мы уже не встречали трудных препятствий.

Мелкие, полузанесенные снегом торосы доставляли нам мало хлопот. Надо было лишь энергичнее шевелиться, чтобы вовремя отвести сани от удара о льдину, не давать им перевертываться, помогать собакам преодолевать какое-либо препятствие или же направлять упряжку в обход торчащей льдины. Об особых трудностях, тем более опасностях пути по таким льдам, не могло быть и речи. Но то, что мы встретили дальше, заставило нас остановиться и крепко призадуматься, прежде чем продолжать путь.

Мы опять наткнулись на полосы молодого льда, покрывавшего недавние разводья и широкие трещины. Он был еще темным и тонким. Полтора месяца назад несколько западнее нашего маршрута мы натолкнулись на такой же лед. Встреченные нами теперь полосы не могли образоваться в то время. За прошедшие полтора месяца они должны были «повзрослеть» и окрепнуть. Оставалось предположить, что недавно произошел новый напор льдов. Торошение в центральную часть пролива не проникло, но на ледяном поле образовались широкие, теперь затянувшиеся трещины. Они лежали поперек нашего пути и уходили за пределы видимости на юг и север. Обходить их не хотелось, но и переправа отнюдь не представляла удовольствия.

Мы разложили по саням продовольствие и керосин с таким расчетом, чтобы в случае несчастья с какой-либо упряжкой не остаться без самого необходимого.

Только после тщательной разведки я пустил свою упряжку на первую опасную полосу. Урванцев со своей упряжкой, чтобы не увеличивать нагрузку на лед, должен был идти на почтительной дистанции. На его санях лежал приготовленный моток крепкой бечевы-стоянки на случай несчастья с моими санями и необходимости в любой момент прийти на помощь. Лед прогибался, потрескивал, но выдерживал. Все же идти по нему было опасно, так же как по стеклу, лежащему над бездной. Невольно становилась ощутимой тяжесть собственного тела, и я был бы рад весить меньше своих восьмидесяти килограммов. Оставалось надеяться на резвость собак и подгонять их всеми способами. Остановка грозила не только холодной ванной, но и катастрофой.

Пролетев через одну полосу молодого льда, мы благодарили судьбу, но впереди показывался новый опасный участок. Такие полосы следовали одна за другой. Сначала они достигали ширины 500—600 метров, потом стали у́же и только на последней трети пути исчезли совершенно. Дальше шел крепкий ровный лед, по-видимому, не вскрывавшийся со дня замерзания пролива. Переход закончили спокойно. Около полуночи разбили лагерь на берегу острова Большевик, в устье неизвестного нам фиорда.

Прошло девять суток, как экспедиция оставила свою базу. Место работ было достигнуто. Точно приветствуя нас, в полночь по небу катилось незаходящее полярное солнце. Одновременно с выходом на остров Большевик мы вступили в беспрерывный четырехмесячный день. Лучшего нельзя было и желать.

Вдоль берегов острова Большевик

«23 апреля 1932 г.

Вторые сутки стоим лагерем в точке выхода на остров Большевик. Новостью этих дней является потеря свободы Ошкуем. Наш ветеран, как и все остальные собаки, сидит на цепи. Временами он недоуменно мычит, а когда ветер налетает с берега, безрезультатно пытается снять тугой ошейник и вновь обрести свободу.

Дело в том, что еще при первом посещении острова с Журавлевым мы наткнулись на берегу на свежие следы оленей. Это было полной неожиданностью. Ни на острове Октябрьской Революции, ни тем более на острове Комсомолец мы не встречали никаких следов современного обитания оленя на Северной Земле. Только однажды на берегу залива Сталина мы нашли старый олений позвонок да на островах Седова были обнаружены полуистлевшие, обросшие мхом оленьи рога. И то и другое могло быть занесенным морскими льдами с сибирского побережья и никак не свидетельствовало о наличии живых оленей. Животные, обнаруженные нами на острове Большевик, были для нас радостной находкой, а сама Северная Земля с этого момента стала казаться нам совсем землей обетованной.

Журавлев тогда долго зачарованным взглядом рассматривал на снегу отпечатки копыт и разминал в руках свежие оленьи орешки. А когда на одной из ближайших возвышенностей показалась тройка живых оленей, охотник совсем потерял самообладание — одним движением он перевернул сани, свалил в сугроб весь груз и пустил свою упряжку в обход животных. Стоявшая тишина и сильный мороз помешали охоте. Чуткие звери издалека услышали скрип снега. Бык сначала замер на месте, потом высоко поднял голову и, поскакав рысью, моментально скрылся из виду. За ним умчались важенка и годовалый теленок.

Олени были так красивы, а встретить их на Северной Земле было так приятно, что я тогда, кажется, впервые порадовался охотничьей неудаче товарища. Журавлев, конечно, не разделял моего удовольствия и готов был оставаться на острове до тех пор, пока ему не удастся попробовать свежей оленины. Пришлось проявить настойчивость и, рискуя нашей дружбой, уже на следующий день увезти охотника с острова.

Вчера, разбив лагерь, мы полезли вверх по обрывистому склону берега и оказались на первой ярко выраженной тер-

расе. Местами она была совсем узкая, а местами достигала нескольких сот метров, но всюду лежала ровным поясом. А выше за ней находилась вторая, менее ярко выраженная и более древняя терраса, заваленная щебнем, принесенным сюда ледниками. Обе террасы выглядели гигантскими ступенями перед блестящим амфитеатром ледника, видневшегося в глубине острова.

С первого взгляда, как и всюду на Северной Земле, страна казалась совершенно мертвой — камень, снег и лед, и ничего живого. Но и здесь, уже на первой террасе, мы наткнулись на следы оленей. Крупные отпечатки копыт быков чередовались с более мелкими следами важенок и совсем игрушечными следами телят. По всем признакам, олени кормились здесь лишайниками и мхами совсем недавно и исчезли незамеченными лишь в момент нашего приближения к острову. Недаром собаки при подходе к берегу поражали нас своей прытью. И теперь мы должны были держать их на цепи.

Следы животных показывали, что тройка оленей, встреченная в первом рейсе на остров, не случайное явление и что остров Большевик богаче жизнью, чем все остальные, более северные острова архипелага.

Наряду с олеными следами мы нашли и следы песцов, обычно сопровождающих оленей и лакомящихся их орешками. А ночью жизнь проявлялась в еще более привычных нам объектах. К лагерю подошла медведица с двумя малышами. Все время настороженные собаки издали заметили гостей, подняли лай и заставили броситься наутек все семейство. У нас не было нужды в мясе, и мы, отказавшись от верной добычи, легко смогли показать свое великодушие.

Перед утром налетела метель. Она скоро ослабела, но сильная поземка не располагала к выходу, и мы решили осмотреть и заснять лежавший рядом фиорд. Потратили весь день, но отнюдь не пожалели об этом.

Фиорд, получивший с сегодняшнего дня имя Тельмана, почти на 15 километров врезается в глубь острова. На выходе в пролив Шокальского он достигает ширины 3 километров, а к вершине сужается до 1 километра. Здесь в него впадает небольшой ледник. Он еще живет, продолжает двигаться, ломать морские льды и давать небольшие айсберги, но все же является только жалким остатком былого величия эпохи сплошного оледенения, когда льды огромной мощности доходили до открытого моря и в своем неудержимом течении пропахали глубокое ущелье в горных породах.

Теперь о минувшей силе ледника молча свидетельствуют

берега фиорда, достигающие в некоторых местах значительной высоты. Скалы почти отвесно падают к воде и даже в ясный, солнечный день производят необычайно сильное впечатление своей мрачностью...

Вечером ветер вновь усилился, и сейчас за палаткой гудит метель.

27 апреля 1932 г.

Лагерь экспедиции на мысе Неупокоева. Это самая южная точка Северной Земли. По одну сторону лагеря Карское море, по другую пролив Вилькицкого. Сейчас они выглядят совершенно одинаково. Как к западу от мыса, так и к юго-востоку лежат сильно торошенные льды, с той лишь разницей, что в проливе торосы значительно мощнее и более свежей ломки. Высота их здесь достигает 8—9 метров. Огромные многометровые льдины часто стоят ребром, а пространства между ними засыпаны свежим пушистым снегом. Час назад мы попытались гнаться по ним за подошедшим медведем, но скоро бросили безнадежную затею. Даже собаки скоро охладели к охоте в таких условиях и тут же вернулись в лагерь. Торосы совершенно непроходимы. Хорошо, что берега самого мыса представляют плоскую равнину, опоясанную многочисленными намывными косами и небольшими лагунами, создающими сейчас идеальные условия для санного передвижения.

Расстояние между фиордом Тельмана и мысом Неупокоева мы покрыли в четыре сравнительно легких перехода. Только на первом переходе за нами беспрерывно гналась сильная поземка, иногда усиливающаяся до метели. Однако ветер, дувший нам в спину, не мог помешать вести съемку четко выраженных берегов пролива Шокальского, идущих к юго-западу почти по прямой линии.

В конце второго перехода миновали наш продовольственный склад. Тащить содержимое его вокруг мыса Неупокоева не было никакого смысла. Взяли с собой только немного пеммикана. За остальным решили вернуться налегке с южного берега с расчетом пересечь юго-западную часть острова чуть севернее горы Герасимова. Это облегчило последние переходы и дало нам возможность подробнее ознакомиться с этой частью Земли.

Погода пасмурная. Будем ждать появления солнца для астрономических наблюдений.

3 мая 1932 г.

Определение астрономического пункта на мысе Неупокоева закончили 28 апреля. Через два перехода вдоль южного

берега Земли мы оказались на расстоянии 47 километров к северо-востоку от мыса и 115 километров от нашего продовольственного склада. Отсюда, по нашим расчетам, было всего ближе до склада при движении по прямой линии через Землю.

Утром 1 мая, сложив в одной из маленьких бухточек весь груз, кроме палатки, спальных мешков, примуса и четырехдневного запаса продовольствия, двинулись через Землю. Погода стояла пасмурная, иногда порошил снег. Прибрежная равнина сливалась с белесоватым небом. Отдельные обнаженные из-под снега вершины редких холмов, казалось, висели в воздухе. Единственным ярким пятном был наш

флаг, развевавшийся над санями по случаю праздника. Только перед подъемом на возвышенность погода несколько улучшилась, и мы без особого труда нашли доступный склон. На высоте 240 метров достигли наивысшей точки перевала. Гора Герасимова, представляющая собой скалистый юго-западный обрыв возвышенности, осталась слева от нашего пути. На северо-востоке смутно виднелся ледниковый щит.

Спуститься с возвышенности оказалось труднее: северо-западные склоны ее очень крутые, местами обрывистые. Преодолев их, мы вновь вышли на высокую террасу, уже виденную нами ранее со стороны пролива Шокальского.

Казалось, что теперь мы уже не встретим серьезных препятствий. Однако на 15-м километре пути от возвышенности мы неожиданно уперлись в узкий каньон с отвесными берегами, глубиной около 40 метров. Невольно пришлось изменить вычисленный курс, повернуть на юго-запад и пройти вдоль ущелья почти до моря. Это сильно удлинило наш путь, и только на 46-м километре пути мы добрались до продовольственного склада.

Обратный путь прошли в сплошном снегопаде, гору Герасимова обогнули с юга. Сегодня утром вернулись на южный берег. Весь оставленный здесь груз нашли в целости. После отдыха двинемся дальше — на восток. Теперь мы вновь богаты продовольствием и топливом. Вес каждых саней опять достигает 400 килограммов.

8 мая 1932 г.

4 мая весь день удерживалась чудесная ясная погода. Однако переход оказался очень тяжелым. Рыхлый снег часто доходил до колен и очень затруднял продвижение. За 15 часов едва пробились на 38 километров. К концу перехода настолько вымотали себя и собак, что казалось уже невозможным сделать хотя бы один шаг. Лагерем останови-

лись в первом попавшемся месте. Наша стоянка оказалась на морском льду, в километре от ближайшей точки земли.

Через час после остановки разразилась метель. Она началась очень бурно и благодаря обилию свежего рыхлого снега сразу подняла такой вихрь, что мы постарались поскорее накормить собак и убраться в палатку.

Сначала мы даже радовались неожиданной гостье — метели, надеясь, что она часть рыхлого снега унесет, часть утрамбует и таким образом исправит дорогу, облегчит дальнейшее наше передвижение. Кроме того, неплохо было воспользоваться случаем, чтобы денек поваляться в спальных мешках. Последнюю неделю мы спали не более 6 часов в сутки. При изнурительной работе во время переходов этого
было явно недостаточно — нарастало утомление. Хотелось как следует отдохнуть и выспаться. Метель встретили без всякой неприязни.

Первые сутки мы действительно много спали; рев, свист, улюлюканье бурана воспринимали как колыбельную песню. На второй день спать уже не хотелось. Да и дорога улучшилась. От убродного снега не осталось никаких следов. Можно было бы идти вперед. Но метель бушевала с еще большей силой. Мы уже начали роптать на задержку. Это, как и всегда, не помогло. Вьюга продолжала бесноваться. Поднятый снежный вихрь скрывал и солнце и весь белый свет. Хотя барометр лез вверх и уже показывал полный штиль, шторм не унимался. Снежный вихрь несся со скоростью 19—20 метров в секунду. На вторые сутки шторм открыл трещину между лагерем и берегом. Это заставило нас при ветре, дувшем со скоростью 20 метров в секунду, перенести лагерь на берег. Три часа ушло на то, чтобы снять палатку, поднять собак и пробиться к суше. На третьи сутки нам надоело спать, ворчать на непогоду и заглядывать на барометр. Оторвать нас от берега шторм не мог, и новой переноски лагеря не предвиделось. Кроме кормежки собак, дела как будто не было. А конца метели не было видно.

К счастью, на этот раз мы захватили с собой несколько книг. Николай Николаевич начал расшифровывать описание Аляски на английском языке. Несовершенное знание языка заставляло его часто заглядывать в словарик, и поэтому можно было не беспокоиться: работы хватит надолго. Я скоро прочитал имевшийся у нас роман. Можно было пожалеть, что роман не написан клинописью, тогда чтения хватило бы на все метели Северной Земли.

Но сейчас у меня нет причин сожалеть об этом. Есть еще одна книга, которую можно читать бесконечно. И картины в ней близкие, понятные:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя,
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...

Разве это не про нас? Разве можно лучше описать то, что творится за парусиновой палаткой?

Проще говоря, со мной томик Пушкина. Родная, заветная книга! В ней каждый стих «течет водой живою»...

В момент, когда зачем-то была приоткрыта пола палатки, ворвавшийся ветер перелистал страницы книги. А когда полы в палатке были завязаны, я увидел, что томик открыт на заглавном листе «Руслана и Людмилы».

С детства родные сердцу образы возникли в воображении. Шум метели как бы затих. В памяти встало далекое прошлое. ...Глухая таежная дальневосточная деревушка. Восемнадцать изб, срубленных из посеревшей от времени, когда-то розовой даурской лиственницы. Рядом к востоку хребет Чурки, а к западу, за узкой полоской увалов с пашнями, на десятки километров, точно зеленое море, раскинулись зыбкие болота.

В одной избе, ничем не отличающейся от других семнадцати, живет еще не старый казак. В его бороде и усах только пробивается серебро. Но жизнь, про которую тогда говорили «слава казачья, да житье собачье», уже надломила его силы. Слишком тяжело было поднимать семью. «Изробился»,— говорят про казака соседи. .

Теперь он часто отлеживается в постели. Вся семья печалится в таких случаях, только его сынишка — шестилетний казачонок — не видит в этом плохого. Если отцу занедужилось, значит, он не пойдет ни на пашню, ни на покос — опять будет читать про Руслана и Людмилу.

«Руслан и Людмила» — единственная книжка во всей деревушке. Правда, есть еще несколько книг, но те не в счет. Они хранятся в маленькой деревянной часовне, закрытой на большой железный замок. В них что-то малопонятное читает поп, два-три раза в году приезжающий в деревню.

Книжка старая, растрепанная, в ней не хватает нескольких страниц, но это не мешает чтению — отец наизусть помнит потерянные листы. В книжку он смотрит только для порядка — всю поэму держит в памяти. Еще он знает сказки про царя Салтана и про золотую рыбку, хотя таких книжек в доме нет.

Казачонку больше всего нравятся «Руслан» и «Салтан». Он слушает сказки, затаив дыхание. И нередко в мыслях, уцепившись за пояс Руслана, мальчик вместе с ним и с Черномором уносится за облака. Мертвая голова в воображении

казачонка разрастается до размеров горы Чурки, вершину которой, словно шлем, покрывают гольцы. Иногда мальчик пристраивается к тридцати трем богатырям, выходящим из моря, и начинает протестовать, когда отец продолжает рассказывать только о тридцати трех.

— Неправильно! Было тридцать три, а теперь стало тридцать четыре! — Начинается спор, обычно кончающийся мирным разговором:

— Вот соберусь, съезжу в станицу, может, найду книжку про царя Салтана. Тогда сам и читай,— говорит отец.

— Да я же еще не умею,— разочарованно отвечает казачонок.

— Тогда учись! Тут стоит потрудиться.

И сейчас же начинаются «занятия».

— Ну, сделай мне букву «А».

Мальчик расставляет ноги, а рукой делает перекладину.

— Правильно! Теперь найди мне эту букву в книжке.

Это значительно труднее. На страницах много букв! Не меньше, чем мошкары на улице перед заходом солнца, и куда больше, чем тараканов за печкой. Хорошо еще, что буквы не кружатся и не бегают. Все же «А» отыскивается.

Таким же образом сначала изображаются, а потом разыскиваются в книжке и другие буквы.

Наблюдающая за уроком бабушка говорит:

— Учись, учись, Егорушка! Может, техником станешь — железную дорогу построишь. Как увижу твою дорогу, поезжу по ней да посмотрю белый свет — и умирать будет не страшно.

Но тут же бабушка, как бы спохватившись, строго поджимает губы, скрещивает на груди руки и обращается к отцу:

— Ты бы, Алексей, лучше его церковному учил. Сам знаешь, как псаломщик-то нужен. Прямо всей деревне срам! Поп приезжает, а ему и помочь некому. Сам он и жнец, и швец, и на дуде игрец. Читает и за себя, и за псаломщика, и кадило разжигает. Никакого благолепия! Да и учить церковному легче — на дому все пройдет. А на техника-то в город посылать надо. А на что пошлешь? Коровенку продашь — и то не хватит.

— Да как же я буду учить церковному, если сам не знаю,— отговаривается отец.

— А ты, Алексей, постарайся. Вспомни, как поп читает, расскажи Егорке, вот он и поймет. Еруслана читаешь, а божественное забыл. Грех мне с тобой!

По-видимому, все же плохо веря в свою мечту видеть внука псаломщиком, бабушка не без сожаления, но примиряюще говорит:

— Ну, уж ладно, хоть на техника его выучи, если на псаломщика у тебя смекалки не хватает...

Так по вечерам идет учеба. Скоро Егорка начинает изображать целые слова, а потом и фразы. Иногда его рук и ног не хватает. Тогда он прихватывает на помощь сестренку и бабушку.

Но попробуйте «напечатать» так всего «Руслана»! Успеешь вырасти, а до конца так и не дойдешь. Казачонку не терпится. Но что же поделать,— школы в деревне нет. Хорошо, что Егорка находит в книжке все буквы алфавита и уже умеет складывать из них целые слова.

Казак вручает сыну книжку в полную собственность. «Руслан» по-прежнему остается Егоркиным учителем. Егорка скоро начинает бегло читать, сначала матери и бабушке, потом забегающим соседкам и товарищам и, наконец, то в одной, то в другой избе усатым казакам и седым старикам.

Золотой рекой льются пушкинские стихи по затерянной в тайге и болотах глухой деревушке...

...Казак Алексей, знавший наизусть «Руслана», «Салтана» и «Золотую рыбку»,— мой отец, Егорка — я, а когда-то глухая таежная деревушка, находящаяся в нынешнем Биробиджане,— моя родина. «Руслан» — первая книжка, пробудившая во мне интерес к учению, жажду знаний, любовь к путешествиям. Сказка о Руслане учила меня гордиться русской богатырской силой.

Через многие годы память без затруднения оживляет далекие воспоминания детства. Заветные стихи великого Пушкина пришли и сюда, «за край земной», в «жилища ветров, бурь гремучих». Как и в былые годы, стихи вызывают гордость за русских людей, зовут еще сильнее любить нашу родину.

Вот уже четвертые сутки над нашей палаткой, словно бесконечная седая борода Черномора, вьется снежный вихрь, и не видно ему ни конца, ни края. Я то закрываю томик Пушкина, то вновь открываю его. В ушах сквозь гул бури звучат строчки:

То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...»

Решающие дни

«15 мая 1932 г.

Одолевает усталость. Тело болит, точно изломанное. Хочется вытянуться на снежной постели, лежать неподвижно,

не шевелить ни одним пальцем. Но нервы все еще напряжены. Это помогает бороться с усталостью и сохранять способность осмыслить все происшедшее за последние дни.

Сегодня мы продвинулись всего лишь на 13 километров. Это и были те «несколько» случайных, особо трудных километров, которых нельзя предусмотреть никаким планом санного похода по льдам. Их-то я и опасался перед нашим отправлением в путь больше, чем бурь и метелей. Они могли разрушить все наши расчеты. Каждый метр из этих немногих километров мог сломать намеченный маршрут.

Мы пошли на большой, осознанный риск, дрались за каждый шаг пути, за каждую минуту времени и... выиграли сражение. Надо думать, что это определит успех нашего похода, а в конечном счете — и всей экспедиции.

Отчаянная борьба началась еще вчера. К концу 32-километрового перехода мы падали от усталости и на ночлеге не были в состоянии даже записать впечатления дня. И все из-за дороги. Низкий и отлогий берег, вдоль которого мы пробирались последние две недели, преодолевая обычные трудности санного похода, кончился. На смену пришли скалистые обрывы восточных берегов острова Большевик. Сначала обрезанный морем край террасы не превышал пяти метров, но скоро достиг десяти, а потом пятнадцати. Дело было даже не в высоте. Поверхность обрывающейся утесом террасы оказалась сплошь заваленной грудами крупного щебня и почти совершенно лишенной снега. Пройти по ней с санями не было никакой возможности.

Еще менее проходимыми на этом участке оказались морские льды. Шторм, пережитый нами 4—8 мая у южных берегов Земли, искрошил здесь весь лед. Свежие торосы плотно сомкнутыми, непроходимыми рядами, точно осаждающая армия, обложили береговые бастионы скал. Путь был отрезан и здесь. И только под самыми утесами уцелела узенькая полоска снежного забоя. Лишь местами ширина ее достигала пяти метров, большею же частью она не превышала двух и даже одного метра. А уклон уцелевшего забоя колебался от 30 до 50 и даже 60°. Это и был единственный доступный для нас проход. Нечего и говорить, что путь здесь оказался мучительным.

Собаки давили друг друга в узкой расселине. Сани, раскатываясь на крутом склоне, то и дело прижимались к ощетинившейся кромке торосов, застревали между огромными зубьями бесконечно ледяного гребня или валились набок. И в том и другом случае надо было напрячь все силы, чтобы поставить их на полозья. Часто сил одного человека на это не хватало, и воз приходилось вытаскивать вдвоем. На осо-

бенно крутом уклоне, прежде чем пускать упряжку, надо было выкопать борозду и направить по ней полоз саней, иначе сани перевертывались. Прыгая с одной стороны саней на другую, мы старались предупредить очередной крен, но в большинстве случаев ничего не добивались. Так, работая с четырехсоткилограммовыми возами, свыше 12 километров мы протискивались между отвесной скалой и вздыбившимися льдами, пока совершенно не выбились из сил сами и окончательно не измучили собак.

Остановились на виду мыса Морозова. Накормили собак и, не ставя палатки, распластались на снегу, прямо под голубым небосводом. Пригревало полуночное солнце. Где-

то совсем близко среди камней весенней песней заливались пуночки. Со свистом проносились чистики. Доносилось тявканье песца. На берегу, на виду лагеря, паслись восемь оленей, а в море, среди хаоса торосов, куда-то с озабоченным видом пробирался медведь. Обычно такие картины волновали. На этот раз мы были так вымотаны трудностями пути, так изнурены, что интересное зрелище не вызывало у нас никаких переживаний. Мы все видели и слышали, но наши глаза и уши только механически фиксировали окружающее. Впечатления мучительного пути не давали покоя даже ночью. Мне приснилось, что я застрял между стенами камня и льда и не могу вырваться из их сжимающих клещей. Проснулся в холодном поту. Рядом в своем спальном мешке беспокойно метался и скрипел зубами Урванцев. Но ведь мы не впервые тренировались в преодолении таких трудностей, да и сон на свежем воздухе оказал свое благотворное действие. Когда незаходящее солнце передвинулось на восток, мы встали свежими и готовыми к новой борьбе.

Сегодняшний день оказался еще более напряженным. Он-то и решил исход сражения.

Узенькая полоска снежного забоя, на котором мы мучились вчера, тянулась перед нами в течение всего лишь часа пути. Дальше проход закрылся. Слева возвышался отвесный обрыв, на верху террасы лежал голый щебень, а справа вплотную к каменной стене примыкали непроходимые льды. Здесь они стерли остатки снежного забоя, прижались к скалам. Льды оказались вскрытыми. По-видимому, под влиянием прилива они вздрагивали, терлись о скалы и скрипели. Казалось, что мы попали в ловушку, из которой мог быть только один выход — назад.

По расселине вскарабкались на террасу. Вид сверху был еще менее утешительным. Недалеко от берега чернели большие разводья. Идущая от них сеть узких, выклинивающихся каналов почти достигала берега. Это была очень неприят-

ная неожиданность. Еще накануне открытой воды не было, сжатые льды казались неподвижными.

Скалистая терраса, с которой мы рассматривали окрестность, кончалась километрах в трех к северу. За ней лежали утесы, достигавшие высоты 300—350 метров. Мимо них можно было пройти только по плавучим льдам. Появившиеся разводья и каналы угрожающе напоминали о том, что льды в любую минуту могут отодвинуться от берега.

Встал вопрос — что делать? Направиться в глубь острова и искать проход через горы и ледники или возвратиться берегом к исходной точке маршрута и огибать остров с северо-востока? И в том и в другом случае большой отрезок восточных берегов острова Большевик должен был выпасть из нашей съемки и по-старому остаться в виде приближенной линии. Третий вариант — продолжать маршрут в прежнем направлении: выйти на вскрытые льды, подвергнуться угрозе быть оторванными от берегов и унесенными в открытое море, но все же попытаться пройти опасный участок и положить его на карту.

Решение надо было принимать немедленно. Льды, случайно вскрытые страшным штормом, так же случайно первым береговым ветром могли быть отнесены от берегов. Стремление не оставлять за собой неочерченные участки победило.

Чтобы уменьшить опасность, надо было спешить. Однако, как часто случается, это легко было пожелать, но очень трудно осуществить. Чтобы попасть на первую ровную площадку льдов, надо было перебраться через самый мощный прибрежный вал торосов. Мы направились к самой узкой перемычке его, но и здесь он достигал ширины 100 и высоты 8—10 метров. Я много видел до этого торошенных льдов, но то, что лежало перед нами, превосходило все ранее виденное. Метровый лед здесь был искромсан на отдельные льдины, и почти каждая из них стояла ребром. Торос представлял собой какой-то чудовищный непроходимый частокол.

Четыре часа без передышки мы работали топорами, скалывали и валили набок отдельные льдины и вырубали ступеньки в других. Прорубались, точно в лесной чащобе. В результате получился узкий извилистый коридор, через который можно было пробраться пешком, но никак не на санях. Настоящий бой только начинался.

В бой не выходят без знамени. Пробив ледяной коридор и выбравшись на первую площадку, мы подняли здесь наш флаг. Красное полотнище зардело вызовом всем враждебным силам, символом настойчивости и воли.

В рюкзаках начали переноску груза. 100 метров вперед с тяжелой ношей на спине и с шестом — для равновесия — в руках и 100 метров назад налегке. За обратный путь надо было отдохнуть. Сбросили меха, потом свитеры — работали в одних рубашках. Катился пот, пересыхало в глотке. Примус еле успевал натапливать воду для утоления жажды. Перенесли весь груз, потом сани. Попробовали пустить самостоятельно нескольких собак. Они попали в ледяные колодцы, беспомощно скулили и звали на помощь. Пришлось сделать еще много рейсов, чтобы каждую собаку перенести на руках.

На переноску груза, саней и собак потратили еще четыре часа. В общей сложности — восемь часов непрерывной работы на преодоление 100 метров!

Не теряя ни минуты, двинулись к северу. Узкие полосы ровного льда то и дело пересекались трещинами, прерывались новыми грядами торосов. Шли, лавируя, перебираясь через ледяные нагромождения, переправляясь через трещины. Льды скрипели, дышали, жили и передвигались. Появлялись новые разводья, закрывались старые. Там, где мы прошли час назад, чернели крупные пятна воды. Открытая вода появилась под утесами. Потянул береговой ветерок. Началась борьба за минуты и метры. Пришлось несколько раз изменять намеченный путь...

Но отлогий берег был уже близко. Собаки, будто тоже чувствуя опасность, старательно тянули лямки. На десятом километре миновали последний утес и вышли на новую береговую террасу.

Победа осталась за нами. Впереди, к северу, горы отодвинулись в глубь острова, берег сильно понизился; вдоль него мы, очевидно, не встретим непреодолимых преград.

А позади вплотную к обрывам на протяжении всех десяти только что пройденных километров плещется открытое море. Усилившийся ветер отодвигает льды все дальше и дальше.

Смотрим то на скалы, то на море, то на уходящие льды, то друг на друга. И все это молча. Устали. Да и говорить не стоит! Мысли каждого понятны без слов.

19 мая 1932 г.

Сутки пела метель — по-весеннему звонкая, голосистая, веселая, точно майский поток в сибирской тайге. Оборвалась она неожиданно, на высокой резкой ноте. Ветер сразу ослабел. Только несколько отдельных вихрей промчались вдогонку за исчезающим вдали белым валом. Потом, как бы зачищая следы метели, с полчаса шуршала поземка.

Наконец, успокоенно пошептавшись, снежные кристаллы замерли на поверхности сугробов. Наступил полный штиль.

Вид лагеря почти не изменился. Только с подветренной стороны палатки клином вытянулся снежный занос да скрылась под большим, рыхлым сугробом половина своры наших собак.

Я взял карабин и выстрелил в воздух. Сугроб ожил, зашевелился, местами вспучился, и наконец на его поверхности, точно цыплята, вылупившиеся из огромного яйца, показались удивленные собачьи морды.

Псы были явно довольны своей уютной постелью. Многие из них, поняв, что тревога ложная — охоты не предстоит, так и остались лежать под теплым одеялом. Только головы торчали над сугробом да глаза блаженно щурились от яркого света.

На голубом небосводе — ни пятнышка, ни облачка. А на земле — ни звука, ни шороха. Только на юге все еще курились метелью вершины гор, отступивших теперь от береговой черты уже на десятки километров. Косые лучи полуночного солнца били прямо в крутые бока гор. Красные блики играли на синеве обрывов, а снежные вихри над вершинами то загорались огненно-красным светом, то казались клочьями нежно-розового тумана. Горы были похожи на огромные костры, то затухающие, то вновь вспыхивающие пламенем.

Это на юге. А на севере, за льдами пролива Шокальского, рисовались уступы острова Октябрьской Революции — берега, уже хорошо знакомые нам. Мы узнавали здесь отдельные участки, вызывающие воспоминания о прошлогоднем походе. Сейчас эти берега были в тени и выглядели мрачно. Однако мы знали, что через несколько часов, когда солнце перекатится на восток, они расцветут голубыми потоками мощных ледопадов и своим блеском смогут соперничать с красивейшими уголками нашей планеты.

Полуночное солнце, не торопясь, взбирается все выше. Ждем часа наблюдений. Только что приняты сигналы времени. Хронометры сверены. Теодолит установлен. Все обещает большую точность наблюдений. Здесь необходимо закрепить съемку астрономическим пунктом уже по одному тому, что мы, кажется, опять вылезли за пределы карты Гидрографической экспедиции и должны уточнить свое местонахождение.

Участок от вскрытых льдов покрыли в три перехода. Путь был сравнительно легок — без «внеплановых» препятствий. Терраса, на которую выбрались с плавучих льдов, была очень хорошо выражена и над урезом воды имела низ-

кую, легко проходимую полосу. Сама терраса, по мере того как мы продвигались вдоль нее к северу, тоже постепенно понижалась. Прибрежные льды стояли неподвижно. На втором переходе берег еще больше понизился, появилось много небольших заливов и лагун. Высокие обрывы коренного берега круто, почти под прямым углом, отвернули на запад.

Ближайшей целью экспедиции было достижение северной оконечности острова. По карте Гидрографической экспедиции этой точкой был мыс Давыдова. После двух хороших переходов он должен был обнаружиться где-то совсем близко. Начиная третий переход, мы уже в первые часы пути ждали поворота береговой черты на юго-запад. Однако время проходило, одометры отсчитывали новые и новые километры, а берег все еще упорно тянулся на северо-запад. По всем признакам, мы прошли мыс Давыдова, потом пересекли глубокий залив, а северной оконечности острова по-прежнему не видели. Теряясь в догадках, мы без остановки шли шестнадцать часов. Поднялся ветер. Поземка скоро перешла в метель. Все вокруг запело и загудело. Мы начали терять надежду и на этот раз добраться до поворотного пункта, хотя, по нашим расчетам, уже почти вплотную приблизились к курсу кораблей Гидрографической экспедиции 1913 года. Вдруг берег сделал крутой поворот почти прямо на юг. Цель была достигнута.

Метель и облачность помешали сразу приступить к определению координат этой точки. Да мы и не спешили. После шестнадцатичасового перехода на собаках, да еще в метель люди поневоле становятся неторопливыми. Они желают в таких случаях только самого необходимого — разбить лагерь, устроить и накормить собак, утолить собственный голод, забраться в спальные мешки и погрузиться в сон, которому не может помешать даже рев урагана. Таково было и наше желание. Это помогло нам без особых томлений дождаться окончания метели и вновь радостно встретить солнце. Сегодня оно должно помочь нам определить наше местонахождение, а также сверить карту Гидрографической экспедиции с нашими наблюдениями.

Уже за полночь. Солнце сделало полный круг. Сейчас оно перекатилось через северный сектор небосклона и, не отдыхая, вновь взбирается к востоку. Его чуть зарумянившийся диск больше по размерам, чем днем, и висит ниже над горизонтом. От этого краски на земле ярче и разнообразнее.

Наблюдения закончены. Урванцев спокойно усаживается на одном из ящиков, а на другом развертывает астрономический календарь, логарифмы и журнал наблюдений. Чет-

ким почерком он выписывает столбцы цифр и принимается за вычисление координат нашего местонахождения. Когда все подсчитано, Урванцев смотрит на карту Гидрографической экспедиции, вновь заглядывает в журнал, что-то проверяет и тут... он закидывает правую ногу на левое колено и начинает ею покачивать. Я знаю его отношение к цифрам. Они для него и непреложный закон и поэзия. В цифрах он не сомневается, но, по-видимому, усомнился в своем внимании при вычислениях. Цифры не ошибаются, но человек может ошибиться. Он вновь заглядывает в логарифмы, просматривает журнал проверки хронометров, перелистывает путевой дневник и пожимает плечами. Нога раскачивается быстрее. Урванцев начинает тихо напевать.

— Что случилось, Николай Николаевич? — перебиваю я.

— Сам еще не понимаю. Что карта неточна, мы знаем давно. Но не настолько же! Это было бы слишком большой ошибкой!

— Вычисления верны?

— Проверил три раза.

— И результаты?

— Выглядят больше чем подозрительно.

Мы накладываем полученные координаты на карту гидрографов. Точка нашего местонахождения ложится на морское пространство далеко от береговой черты и на расстоянии менее пяти километров от вытянувшегося по параллели ряда цифр, обозначающих глубины на курсах «Таймыра» и «Вайгача».

Это выглядит действительно нелепо. Нам кажется невозможным, чтобы моряки не увидели берег на таком близком расстоянии. Но цифры остаются цифрами, не верить им в данном случае нельзя. Солнце тоже не могло соврать — на то оно и солнце! Условия для наблюдений были хорошие. Где же тогда ошибка? Может быть, мы каким-либо образом не учли один из дней нашего пути, «потеряли» этот один день? Тогда действительно наши вычисления могли получиться ошибочными.

Нет, память, конечно, не изменила нам. Данные наших наблюдений для юго-восточной оконечности Земли почти совпадали со старой картой. А наши переходы оттуда все наперечет — они твердо запомнились. Пережидая длительную метель, вообще нетрудно забыть об одном дне, но ни одной такой метели на данном отрезке пути не было. Все же мы еще раз проверили наши журналы и дневники, но не обнаружили в них никаких погрешностей.

Нужны какие-то особенно убедительные доказательства нашей правоты. Мы выходим из палатки. На северо-западе

четко видны знакомые берега. Местоположение отдельных возвышенностей, гор, утесов и ледников нам хорошо известно. Пеленги на них один за другим подтверждают координаты нашего лагеря. Значит, мы правы. Значит, старая карта действительно далека от истины.

Полностью уверившись в координатах нашего пункта, начинаем искать причину ошибки Гидрографической экспедиции. Вооружившись биноклями, садимся на сугроб и тщательно изучаем лежащий на юге край плато. Скоро в его очертаниях мы без труда начинаем опознавать линии старой карты, и для нас становится ясным происхождение ошибки. Продвигаясь во льдах, моряки приняли далеко выступающую к северу низкую террасу за ледяной припай. Способствовал этому зрительному обману снежный покров, уже лежавший на земле. Поэтому на карту были положены только высокие обрывы коренного берега, и, таким образом, северная часть острова оказалась обрезанной больше чем на 32 километра.

Так происходят ошибки. Так уточняются карты.

Окончание работ

20 мая 1932 года мы открыли и положили на карту залив Микояна, а на следующий день подошли к пункту, где горные склоны, когда-то обманувшие участников Гидрографической экспедиции, вновь приблизились вплотную к морю. Эта точка и была нанесена на карту гидрографов под именем мыса Визе.

Следуя дальше, уже вдоль берегов пролива Шокальского, мы открыли два новых фиорда. Один из них назвали Партизанским, другой — фиордом Спартака. Здесь мы вновь встретили неподвижные торошенные льды, прижатые к береговым скалам. Некоторое время путь был тяжел. Но что могли значить для нас эти трудности после тех, которые мы преодолели у восточных берегов острова?

22 мая, после рекордного 70-километрового перехода, экспедиция достигла фиорда Тельмана и, таким образом, сомкнула свой маршрут вокруг острова Большевик. Наша радость по случаю окончания съемки острова чуть было не омрачилась потерей половины собак. Думая, что наши помощники после 70 километров пути уже ни на что не способны, мы пожалели их и решили на часик оставить на свободе. Через полчаса вся свора сорвалась с места и умчалась в горы, по-видимому за оленями. Удивляться нам было некогда. Нависла страшная опасность. Мы подняли стрельбу.

Половина собак, вообразив, вероятно, что мы бьем по зверю, вернулась в лагерь и тут же была посажена на цепь. А остальные вернулись с высунутыми языками только через три с лишним часа.

Через день, закончив астрономические наблюдения в точке смыкания маршрута, мы распрощались с островом Большевик, благополучно пересекли пролив Шокальского и форсированным маршем двинулись на свою базу. Расстояние, на преодоление которого в распутицу предыдущего года было затрачено тридцать мучительных суток, на этот раз мы покрыли в пять суток. Поход был закончен утром 28 мая. Продолжался он сорок пять дней. Из них тринадцать дней мы потратили на астрономические работы и вынужденные стоянки из-за метелей, а в остальные тридцать два дня прошли 1118,9 километра.

Зима 1931—1932 годов была значительно мягче предыдущей. Об этом говорили и среднемесячные температуры воздуха, и характер морских льдов, и более ранний прилет птиц, и резкое потепление в последние дни мая. Надо было ожидать и более раннего наступления распутицы.

А «наши владения» еще не были полностью приведены в порядок. Надо было положить на карту еще остров Пионер и пролив Юнгштурма, отделяющий этот остров от острова Комсомолец. Задерживаясь на базе, мы вновь рисковали попасть в распутицу или оставить незаснятым заметный кусок Северной Земли.

Поэтому 1 июня, как только кончилась метель, мы с Урванцевым вышли в новый поход, благо остров Пионер лежал совсем под боком. Поход продолжался всего лишь восемь дней, за которые мы прошли 320 километров. Мы вновь побывали на мысе Серпа и Молота, откуда проливом Юнгштурма прошли на западный берег острова Пионер, переопределили астрономический пункт на мысе Буденного, положили на карту залив Калинина и, следуя вдоль южного берега острова, сомкнули маршрут на его северо-западной оконечности.

Вечером 8 июня мы уже были дома, а 9 июня с юго-запада налетел сильный шторм; потеплело, сначала повалил густой снег, а потом стал хлестать проливной дождь — началась распутица, пришло лето.

Для нас и погода, и дорога, и состояние льдов теперь были уже безразличны. Наша полевая работа кончилась. Вся Северная Земля была заснята. Первичное исследование ее, входившее в наши задачи, было закончено. Радио понесло в Москву наш рапорт об окончании работ экспедиции.

Скоро мы получили известие, что из Архангельска в наши края выходят два корабля — «Сибиряков» и «Русанов».

Первым из них командовал капитан В. И. Воронин, а экспедицию возглавлял О. Ю. Шмидт. Задачей экспедиции было прохождение в одну навигацию Северного морского пути. Успешное разрешение такой задачи должно было доказать пригодность морского пути вдоль северных берегов нашей родины для коммерческого плавания. При благоприятных условиях «Сибиряков» предполагал посетить нашу базу.

«Русанов» должен был снять нас с острова Домашнего и после постройки новой полярной станции на мысе Челюскина доставить в Архангельск.

Недели бежали одна за другой. Мы привели в порядок свои материалы и коллекции, проявили все негативы и отпечатали фотоснимки, упаковали охотничьи трофеи, заготовили для нашей смены солидные запасы мяса, сделали промеры прибрежной части моря, а главное — Николай Николаевич успел свести воедино все наши маршруты и вычертить первую сводную карту Северной Земли.

Ранним утром 14 августа мы запеленговали по радио остановившегося в тумане «Сибирякова», указали ему направление, а потом, побритые, постриженные и одетые в свои лучшие костюмы, сели в моторную шлюпку, встретили корабль в море и привели его к своей базе.

На корабле было много народу. Во всяком случае так нам показалось. Может быть, потому, что мы два года прожили маленькой группой, а может быть, потому, что в течение доброго часа каждый из нас переходил из объятий в объятия приветствовавших нас сибиряковцев.

Потом мы сделали доклад о своих работах и под аплодисменты моряков положили на стол карту Северной Земли.

Вечером на коротком совещании в каюте В. И. Воронина мы изложили свои наблюдения над режимом льдов в районе Северной Земли. Результаты наших наблюдений позволили поставить вопрос о возможности для «Сибирякова» обойти Землю с севера. Убедившись в такой возможности, руководство экспедиции приняло решение идти вокруг Северной Земли. Картограф экспедиции сейчас же начал снимать копию с нашей карты. Так ей суждено было найти первое практическое применение.

На следующее утро, когда мы в своей шлюпке провожали «Сибирякова», на горизонте показался «Русанов». Изменив курс, мы направились навстречу кораблю, на котором должны были покинуть Северную Землю.

Последние страницы дневника

«Русанов» снимается с якоря.

Капитан, по-видимому, не очень уверен в наших промерах. Опасаясь подводных сюрпризов, он отводит свой ледокол медленно, со всей осторожностью. «Русанов», поплескавшись винтами при выборке якоря, почти незаметно, самым малым ходом отодвигается от берега.

Капитан часто стопорит машину, останавливается для очередного промера. Потом опять командует: «Самый малый!» Корабль вздрагивает, продвигается еще немного вперед, вновь останавливается.

Мы пользуемся возможностью в последний раз насмотреться на родные места. Видно очень немного. Воздух насыщен туманом, близким к моросящему дождю. Вглядевшись, можно рассмотреть отдельные капельки, мелкие и серые, как пылинки. Миллионами они плавают в воздухе, сменяют друг друга, обволакивают все предметы. Сквозь эту то редеющую, то сгущающуюся пелену, точно в дымке лесного пожара, виден остров Домашний, вырисовывается силуэт нашего домика.

Туман такой же серый, каким был два года назад, когда мы расставались с «Седовым». Но теперь мы напряженно следим не за тающими очертаниями уходящего корабля, а смотрим на наш островок и на силуэт домика. И я затрудняюсь решить, какие переживания сильнее: два года назад или сейчас, хотя отчетливо понимаю разницу этих переживаний. Тогда мысли, вопреки нашей воли, уносились на юг. В воображении вставали шумные города, тенистые леса, знакомые лица, жаркое солнце — картины близкой и привычной жизни. Нельзя было поддаваться такому настроению. Надо было возможно скорее переключить все внимание, всю энергию на борьбу с полярной природой, на выполнение порученного нам дела. И мы добились этого.

Теперь другие образы, другие мысли. В ушах все еще слышится гул метели, перед глазами вспыхивают полярные сияния, вспоминается улыбка Арктики; шорох гонимых ветром снежных пылинок заглушается грохотом морских льдов; в лунном свете серебрятся ледники, раздается поскрипывание саней, плечо ощущает стенку тесной палатки, а тело — холодную снежную постель; тысячи километров тяжелого пути шаг за шагом во всех подробностях оживают в воображении.

И сейчас, когда мы отплываем домой, нам становится очень дорогим все виденное и все пережитое здесь.

— Что же, за два года туман-то так и не рассеялся? — прерывает мои мысли один из моряков, плававший два года назад на «Седове».

— Что вы? Здесь были чудесные, замечательные, яркие дни! Вы представить не можете, какие были здесь дни! — вырывается у меня ответ.

Моряк смотрит на меня с недоверием, немного удивленно. Должно быть, он не ожидал такого пыла от человека, прожившего два года на маленьком острове среди льдов и вьюг. Я сознаю, что чувства мои не совсем понятны собеседнику. Он ведь не знает, чем были для нас эти два года. Посторонний человек, если не услышит подробного рассказа, не сумеет представить, как много было пережито и перечувствовано нами на острове Домашнем в маленьком домике.

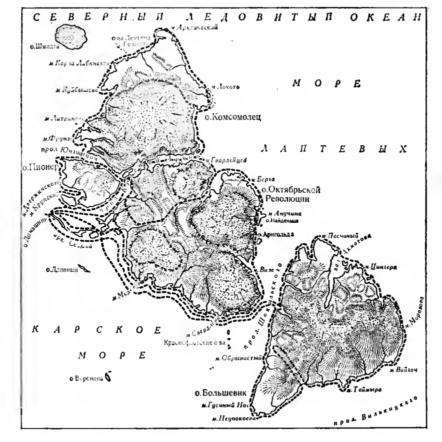
Островок и домик были свидетелями наших труднейших походов, настойчивости и упорства, неуклонного стремления к намеченной цели. Они были свидетелями нашего гордого чувства победителей в жестоких схватках с природой. Здесь мы тосковали по Большой Земле и людям, с которыми нас связывало только радио. В этом домике, на этом островке в нас росло и подкреплялось делами самое дорогое для советского человека — сознание выполненного долга перед родиной. Единственное, чего мы не переживали здесь,— слабости, паники, неверия в собственные силы. Ни разу мы не остановились перед трудностями, хотя природа так много ставила их на нашем пути.

Иногда мы возвращались на этот островок уставшими и измученными, но ни разу не приходили сюда сломленными или побежденными. Наша усталость была лишь утомлением бойцов после выигранного сражения. Мы приходили сюда только на передышку, чтобы с новыми силами продолжать борьбу. А с каждым выигранным сражением мы вырывали у Арктики новые тайны, отвоевывали новые территории, открывали новые острова, проливы, горы, ледники, заливы, реки, бухты, мысы, пока вся Северная Земля не легла на карту Советского Союза ясными и четкими линиями.

Мы выяснили ее простирание и конфигурацию, очертили границы, узнали рельеф, геологическое строение, климатические условия, животный и растительный мир, характер ледового режима окружающих Землю морей.

Работами экспедиции расшифрован тот, казавшийся сплошным, барьер посредине Северного морского пути, который так пугал многих «знатоков», предсказывавших самые мрачные перспективы освоения этого пути.

Мы завершили славное открытие русских моряков и за-

Карта Северной Земли
по работам экспедиции
1930—1932 годов под начальством
Г. А. Ушакова

(Составил Н. Н. Урванцев)

воевали для нашей родины приоритет в исследовании Северной Земли.

Экспедиция исследовала огромное белое пятно и положила на карту среди полярных морей 37 тысяч квадратных километров суши.

Обо всем этом нам предстоит доложить советскому народу, нашему правительству.

Мы знаем, что результаты наших трудов не будут похоронены в архивах, как это часто случалось в старое время. Большевистское наступление на Арктику разворачивается. Наши материалы уже используются в практике. Составленная нами карта Северной Земли лежит на столе штурманской рубки «Сибирякова». Сейчас, когда мы только еще покидаем наш островок, товарищи, два года назад высадившие нашу экспедицию, ведут «Сибирякова» вокруг Северной Земли. Их задача — доказать возможность беззимовочного плавания вдоль Северного морского пути. В этом большом государственном деле исследование Северной Земли — лишь эпизод, но эпизод совершенно необходимый.

...Мы победили! Чего стоила эта победа, читатель уже знает. Остров Домашний и наш домик — немые свидетели нашей борьбы и осуществления мечты об исследовании Северной Земли. Поэтому они близки и дороги нам. С невольной грустью и теплым чувством мы следим, как оседающий туман все гуще окутывает нашу базу, где были пережиты поистине незабываемые дни.

«Русанов» отодвинулся от берега. Слышен скребущий, металлический звук машинного телеграфа. Капитан приказывает дать средний ход.

Наш домик окутан туманом. Только у самого уреза воды еще четко рисуется край намывной косы. Сюда на прощальный гудок ледокола выбегает десятка полтора собак. Они шеренгой останавливаются у воды и следят за уходящим кораблем. Рука сама поднимается для прощального приветствия. Хочется крикнуть им:

— Спасибо, родные!

Некоторые из них родились, выросли и вступили в работу здесь, а большинство — выходцы из низовьев Амура — прибыли сюда вместе с нами и вот также два года назад следили за уходящим «Седовым». Среди остающихся нет великана Варнака, белоснежного красавца Полюса, умницы Мишки, заносчивого Пана, трудолюбивого Белька и многих других. Они пали в борьбе с суровой природой.

Все они, погибшие и оставшиеся в живых, были нашими верными помощниками. Они делили с нами все тяготы и невзгоды. Часто на них падали не меньшие трудности, чем на нас самих, и во многом нашей победой мы обязаны их выносливости.

7 тысяч километров пути в метелях, морозах, хаосе айсбергов, в неразберихе торошенных льдов, темноте полярной ночи, в ледяной воде и снежной каше, по гололедице, обнаженным камням, по сугробам рыхлого снега — вот общий

итог всех наших маршрутов, походов по закладке продовольственных складов и охотничьих поездок. Мы бы не проделали этот путь без помощи наших четвероногих.

Четкие пунктиры обозначают на карте наши походы, обвивают каждый остров Северной Земли, пересекают ее, образуют густую сетку между ней и базой экспедиции. Эти пунктиры — не только следы наших ног, но и отпечатки лап наших верных помощников. На многих участках пунктиры надо было бы нанести красным цветом — цветом крови, капля за каплей сочившейся из разбитых лап тружениц-собак. Может быть, наша только что закончившаяся экспедиция была последней большой экспедицией, целиком базировавшейся в своих передвижениях на собачьих упряжках.
Собаки еще раз доказали свою пригодность в проведении исследовательских работ в Арктике. Собачья упряжка может скоро сойти с путей полярных экспедиций, но человек всегда с благодарностью будет вспоминать помощь и труд своих четвероногих друзей.

...Сейчас наши собаки остаются с новыми хозяевами. Мы знаем, что им уже не придется совершать длительных и тяжелых походов, какие они делали с нами. В обязанность прибывших товарищей входят стационарные наблюдения на нашей базе, превращаемой теперь в обычную полярную станцию.

Но это нисколько не избавляет нас от забот о судьбе собак. Надобность в их напряженной работе миновала, и как бы они не стали в тягость новым хозяевам. Кроме того, мы знаем, что забота о животных вызывается не только необходимостью, но и любовью, а настоящая любовь рождается в совместном труде.

Для нас многие собаки, уже переставшие быть работниками, оставались заслуженными и уважаемыми ветеранами. В наших глазах они имели все права на почетную и спокойную старость, на ласку. Для новых людей они могут стать только обузой. Правда, мы дали прибывшим товарищам наказ — оберегать и любить животных. Но это еще не успокаивало нас.

Судьбой наших собак мы занимались еще до прихода корабля. В нашей стае, вместе с подрастающим молодняком, их было 37 штук. Станции такое количество, конечно, было не нужно. В известной мере помогла выйти из положения телеграмма начальника будущей станции на мысе Челюскина. Он просил передать ему одну упряжку. Мы отобрали в нее 12 лучших псов. Передовиком пошел мой Тускуб; сюда же попал и наш Бандит, в придачу к упряжке мы дали ласковую хлопотливую красавицу Ихошку — она должна

была скоро принести потомство и продолжить североземельский род. Да еще у Журавлева не хватило сил расстаться со своим передовиком; он вместе с ним возвращался в Архангельск.

Остальные, выстроившись шеренгой вдоль берега, провожают нас преданным и умным взглядом, и вновь хочется крикнуть им:

— Прощайте, друзья! Спасибо за работу!

«Русанов» берет курс на юго-восток. Мы сначала пойдем в пролив Шокальского, построим на его берегах избушку и оставим в ней некоторый запас продовольствия. Это — на

всякий случай, может быть, кому-нибудь пригодится. Потом зайдем на мыс Челюскина — построим здесь новую полярную станцию. И только после этого корабль возьмет курс на запад.

Советская североземельская экспедиция закончила свою работу. На «Русанове» мы только пассажиры. Единственными нашими обязанностями будут: соблюдение судового расписания, воспоминания о днях минувших, рассказы морякам о наших приключениях на Северной Земле и думы о будущем. Капитан надеется привести корабль в Архангельск месяца через полтора. А там... в Москву!

...Потянул ветер. Туман быстро оседает, уплотняется, прижимается к морю. Сквозь высокие облака пробивается солнце. Появляются большие куски голубого неба.

Мне хочется остаться наедине со своими мыслями. Кинув последний взгляд на островок, закрытый уплотнившимся туманом, иду в каюту. Но не проходит и пяти минут, как ко мне врывается Ходов. Он зовет меня наверх. Недоумевая спешу на капитанский мостик. Здесь уже ожидают Урванцев и Журавлев. Над головой еще больше голубых просветов, а над самой водой — тонкий, клубящийся слой тумана; ветер и солнце прижимают его к морю.

— Туда смотрите, туда,— почти кричит Вася, сует мне бинокль и показывает за корму корабля.

Взглянув в бинокль, я сразу увидел, что так взволновало товарищей. Над клубящимся туманом в лучах полярного солнца пламенеет красный флаг. Наш флаг над невидимой крышей домика. Временами туман поглощает красное полотнище, скрывает от глаз, но оно снова вспыхивает и кажется еще ярче.

Вася крепко сжимает мой локоть. Волнение охватывает нас всех. Ходов на память приводит телеграмму в Москву, переданную нами два года назад на борту «Седова» корреспонденту «Известий»:

«Флаг, реющий над Кремлем, взвился на Северной Земле... Сквозь льды, снега, туманы и полярные метели будем продвигать наш флаг все дальше и дальше к северу...»

Наш флаг! Флаг Страны Советов!

Мы обнесли его вокруг неизвестных островов. Он развевался над нашей походной палаткой или над домиком в торжественные дни и шелестел над санями во время самых трудных переходов. Он вливал в нас силы, объединял с родиной, когда даже радио не доносило до нас ее голосов.

...У русских людей есть старинный обычай. Перебираясь в новые, еще необжитые края, переселенцы берут с собой в узелке горсть земли с родных мест — оттуда, где жили отцы и деды, где земля даже в самые тяжелые времена оставалась родной матерью. Переселенцы рассеивают эту горсть на месте нового жительства, которое с этой минуты становится тоже родным и близким. Так и мы принесли сюда кусочек родины. Только вместо горсти земли взяли с собой наш советский флаг. И теперь, когда мы уходим отсюда, он реет над Северной Землей. Флаг говорит о том, что и здесь лежит наша земля, ставшая для всех советских людей такой же дорогой, неотъемлемой, как и каждая пядь нашей великой родины.

В Москве

По возвращении в Москву я представил в Арктическую комиссию при Совете Народных Комиссаров СССР отчет об итогах нашей экспедиции и карту Северной Земли. В ЦК партии было заслушано мое сообщение о проделанной работе.

Накануне телеграф принес важное сообщение. «Сибирякова» благополучно закончил свой замечательный рейс. Возможность прохождения Северного морского пути в одну навигацию была доказана. Вставала проблема как практического использования самого пути, так и освоения берегов и земель Северного Ледовитого океана.

В Архангельске мы сдали Госторгу нашу охотничью добычу и полностью расплатились с долгом. Журавлев остался с семьей. Урванцев и Ходов заехали в Ленинград. Я первый увидел Москву.

Столица встретила меня ясными осенними днями, теплом и голубым небом.

С тех пор как я видел великий город перед отъездом в экспедицию, прошло двадцать восемь месяцев. Для советских людей это большой срок. Страна завершала первую пятилет-

ку, обгоняя самое время. Советский народ под руководством партии создавал первоклассную социалистическую индустрию, перестраивал на колхозных началах сельское хозяйство, насыщая его новейшей отечественной техникой. Успехи строительства отражались и на облике столицы. Ее лицо менялось ежегодно, ежемесячно, ежедневно. Тем более яркими были эти изменения для человека, проведшего два года во льдах Арктики.

Асфальт покрыл многие улицы и площади. Они стали шире, просторнее. Исчезли столь характерные для старомосковских улиц извозчики. Длинными вереницами бежали автомобили. Новые, высокие здания выросли там, где два года назад я видел подслеповатые купеческие дома, обветшалые дворянские ампирные особнячки или тяжелые и приземистые торговые лабазы. Недавно построенные многоэтажные здания то и дело попадались не только в центре города, но и на бывших окраинах; на месте старых трущоб вырастали целые кварталы, появлялись рабочие городки вокруг новых, только что пущенных заводов. Столица похорошела, нарядилась. По-прежнему величественно возвышался Кремль — сердце и разум великой Советской страны.

Много дней я ходил по Москве, вспоминал свои мечты о ней, когда жил среди льдов, вспоминал ее ободряющий, спокойный и уверенный голос, доносившийся в Арктику по радио. Всматривался в московское небо, любовался его синевою. Снова и снова разглядывал улицы. Всюду были черты нового, но все оставалось родным и близким. Только иногда глазу не хватало привычных полярных просторов, и тогда хотелось еще шире раздвинуть московские улицы, распахнуть ее площади.

16 октября 1932 года в «Известиях» ЦИК СССР была опубликована первая карта Северной Земли — основной результат работ нашей экспедиции. С этого дня на карте мира над самой северной оконечностью Азии — мысом Челюскина появились истинные очертания Северной Земли. Человечество впервые узнало о ее простирании и конфигурации. На карте Земли появились наименования, дорогие каждому советскому человеку, каждому другу Советского Союза: острова Октябрьской Революции, Большевик, Комсомолец, Пионер. Наименования островов, проливов, мысов, фиордов, заливов, гор свидетельствовали о том, что окончательное открытие и исследование Северной Земли проведено советскими географами; это говорило о мощи нашей социалистической родины, достижениях советской науки и о нашем приоритете в изучении крупного района Арктики.

Второе открытие Северной Земли

Североземельская экспедиция 1930—1932 годов Г. А. Ушакова, которой посвящена его книга «По нехоженой земле»,— важный этап в истории исследования и освоения Северного Ледовитого океана. Чтобы в полной мере оценить значение этой экспедиции, следует коротко осветить историю открытия Северной Земли.

Предположения о существовании к северу от мыса Челюскина суши высказывались еще задолго до фактического открытия Северной Земли. Впервые на возможность нахождения земли в этом районе указывал в 1763 году М. В. Ломоносов. Анализируя сообщения поморов о дрейфе морских льдов у северного берега Новой Земли, он пришел к выводу, что в 300—400 верстах к северо-востоку от мыса Желания, то есть не так далеко от района, где через 150 лет была открыта Северная Земля, может находиться берег неизвестной суши. Однако, придерживаясь популярной в его время гипотезы, согласно которой в высоких широтах Арктики простирается свободное ото льдов открытое полярное море, Ломоносов больше склонялся к мысли, что именно такое море расстилается к северо-востоку от Новой Земли.

В 1878 году шведский арктический путешественник А. Норденшельд во время своего плавания на шхуне «Вега» по Северному морскому пути обратил внимание на многочисленную стаю казарок в районе мыса Челюскина, «перелетавших,— отметил Норденшельд,— по-видимому, на юг с какой-нибудь полярной земли, расположенной севернее мыса Челюскина» [1]. В конце 1900 года русский арктический путешественник Э. В. Толль, зимовавший на яхте «Заря» у северо-западного побережья Таймыра, записал в дневнике, что «простирание пластов полуострова Челюскина [2] прослеживается на север. В этом направлении следует ожидать

[1] А. Е. Норденшельд. Плавание на «Веге», т. 1. Л., 1936, стр. 30.

[2] Такое название Э. Толль дал северной части Таймырского полуострова.

еще островов, быть может не менее многочисленных, чем в Таймырских шхерах» [1].

Не исключена возможность, что берега Северной Земли видели еще старые русские мореходы-поморы, обогнувшие на кочах Таймырский полуостров в XVII столетии. Однако никакими конкретными сведениями на этот счет мы не располагаем.

Очень близок к открытию Северной Земли был участник Великой Северной экспедиции штурман С. И. Челюскин. Проводя гидрографическую опись берегов Таймырского полуострова, он 20(9) мая 1742 года вышел на собачьих упряжках на самую северную оконечность этого полуострова, позднее получившую название мыса Челюскина. Только пятьдесят шесть километров отделяли его от южного берега Северной Земли. При хороших условиях видимости, а они в этом районе в мае бывают довольно часто, Северная Земля может быть видна с мыса Челюскина вполне отчетливо. Но во время похода С. И. Челюскина погода держалась пасмурная, и он Северной Земли не усмотрел.

Впервые Северная Земля была увидена 3 сентября 1913 года русскими моряками Гидрографической экспедиции на ледокольных пароходах «Таймыр» и «Вайгач». О том, как и при каких обстоятельствах это произошло, в книге Г. А. Ушакова рассказано достаточно обстоятельно, и пересказывать это нет необходимости. Однако следует остановиться несколько подробнее на значении открытия Северной Земли как в чисто научном плане, так и в отношении перспектив плавания на самом северном участке Северного морского пути.

Открытие Северной Земли явилось крупным событием в истории географических исследований не только Северного Ледовитого океана, но и Мирового океана в целом. Оно было совершено через сорок лет после столь же значительного события — открытия на севере Баренцева моря Земли Франца-Иосифа и ознаменовало завершение открытий всех крупных архипелагов Мирового океана. И хотя это последнее обстоятельство стало ясно лишь позднее, когда с карты Мирового океана были стерты последние «белые пятна», подвиг русских моряков был оценен по достоинству уже их современниками как в России, так и за рубежом.

В 1915 году Совет Русского географического общества за открытия новых полярных земель к северу от Азии присудил начальнику экспедиции Б. А. Вилькицкому свою высшую награду — Константиновскую медаль. Совет Француз-

[1] Э. В. Толль. Плавание на яхте «Заря». М., 1959, стр. 95.

ского географического общества наградил Вилькицкого золотой медалью «Ла-Рокет», которой отмечались наиболее крупные достижения в исследованиях полярных стран. Несколько позднее Шведское общество антропологии и этнографии наградило Вилькицкого медалью «Вега», присуждаемой путешественникам, внесшим значительный вклад в географические исследования.

Открытие Северной Земли имело большое значение для навигации по Северному морскому пути, так как коренным образом меняло представление о возможностях плавания вокруг Таймырского полуострова, а следовательно, и перспективах сквозного плавания по этому пути, соединявшему Атлантический и Тихий океаны. То обстоятельство, что к северу от мыса Челюскина простирается не открытый океан, а имеется лишь сравнительно неширокий пролив, за которым лежит обширная суша, наводило на мысль, что лед в этом проливе вскрывается далеко не каждый год и поэтому регулярное плавание по нему невозможно. Тем более оно невозможно вокруг Северной Земли, берега которой в высоких широтах, как можно было предполагать, всегда блокированы тяжелыми, непроходимыми льдами. Так, один из видных полярных деятелей того времени — Л. Л. Брейтфус писал, что «открытием острова Малый Таймыр и Северной Земли поставлена решительная преграда плаваниям по морскому сибирскому пути в районе между устьями Енисея и Лены» [1].

Однако все эти предположения и утверждения о плавании Северным морским путем были бездоказательны и малоубедительны. Иначе оно и не могло быть. Гидрографическая экспедиция на судах «Таймыр» и «Вайгач», выполняя свое основное задание на 1913 и 1914 годы — совершить сквозное плавание по Северному морскому пути из Владивостока в Мурманск,— не имела возможности уделить достаточно внимания и времени обследованию открытой ею суши и ограничилась беглой описью с моря ее восточного и южного берегов. На восточном берегу был определен астрономический знак и водружен русский национальный флаг. Но как далеко простирается суша на запад и север, является ли она одним большим островом или это архипелаг, какова природа ее внутренних районов, оставалось неизвестным. Неизвестен был и ледовый режим омывающих ее вод. А без ответа на эти вопросы нельзя было получить ясного представления о возможностях мореплавания в районе Таймырского полуострова и Северной Земли. Таким образом возникла на-

---

[1] **В. Ю. Визе.** Моря Советской Арктики. М.—Л., 1948, стр. 204.

стоятельная необходимость обследовать в физико-географическом отношении и положить на карту всю Северную Землю и хотя бы в первом приближении изучить ледовый режим омывающих ее вод. Как это часто бывает, новое открытие потребовало решения новых, вызванных этим открытием проблем. Знаменательно, что уже в 1915 году, во время встречи участников Гидрографической экспедиции с капитаном О. Свердрупом — прославленным норвежским арктическим мореплавателем, он сказал: «Русские сделали большое открытие, обнаружив новые земли к северу от Челюскина. Но это полдела. Оно будет закончено, когда те же люди, которые открыли земли, их и исследуют» [1].

408 Вряд ли нужно подробно останавливаться на всех проектах исследования Северной Земли, которые выдвигались со времени ее открытия. С такими проектами помимо тех, о которых рассказывает в своей книге Ушаков, выступали: Полярная комиссия Российской академии наук (1919 г.), Северная научно-промысловая экспедиция (1920 г.), гидрограф Н. И. Евгенов и летчик Б. Г. Чухновский (1925 г.), арктический путешественник Г. Д. Красинский (1928 г.), опять Б. Г. Чухновский (1929 г.), Институт по изучению Севера (1929 г.); несколько проектов было предложено зарубежными полярными деятелями (1925—1928 гг.). По разным причинам ни один из этих проектов осуществлен не был, хотя некоторые попытки в этом направлении и предпринимались.

Весной 1919 года короткую экскурсию к берегам Северной Земли совершила группа участников экспедиции Р. Амундсена, зимовавшей на судне «Мод» приблизительно в 40 км к юго-востоку от мыса Челюскина. Эта группа в составе четырех человек, имея в своем распоряжении трех ездовых собак, посетила ближайшие от места зимовки два небольших низменных острова — Старокадомского и Малый Таймыр, где были выполнены магнитные наблюдения. Но участники этого похода даже не дошли до первого крупного острова Северной Земли, берега которого лежат всего лишь в 30 км от острова Старокадомского.

В 1928 году по инициативе и под руководством Г. Д. Красинского был предпринят трансарктический перелет с востока на запад на двухмоторном самолете «Советский Север». Предполагалось, что самолет, следуя вдоль берега Северного Ледовитого океана, посетит Таймыр, откуда совершит полет на Северную Землю. Однако уже на первом этапе

---

[1] **Н. И. Евгенов. Двадцатилетие открытия Северной Земли.— «Бюллетень Арктического института». Л., 1933, № 9—10, стр. 292.**

маршрута самолет потерпел аварию в Колючинской губе и посещение Северной Земли не осуществилось.

В том же 1928 году вблизи западных берегов Северной Земли пролетела экспедиция У. Нобиле на дирижабле «Италия», ставившая своей целью определить границы и общий характер Северной Земли. Вследствие туманной погоды берега Северной Земли не были даже увидены, в связи с чем Нобиле высказал предположение, что эта земля представляет собой группу мелких низменных островов. Более того, после полета Нобиле за границей начали высказываться сомнения в самом существовании Северной Земли (в 1930 году это нашло отражение даже в официальном гидрографическом справочнике «Arctic Pilot»).

Еще одна попытка достигнуть Северной Земли по воздуху была предпринята в 1929 году Б. Г. Чухновским на самолете «Комсеверпуть-1». Стартовав 16 сентября с острова Диксон, Чухновский взял курс на северо-восток. Вначале полет протекал успешно, но за Пясинским заливом самолет вошел в зону туманов и, долетев до полуострова Михайлова, был вынужден повернуть обратно.

Таким образом, несмотря на предпринимавшиеся усилия, Северная Земля через шестнадцать лет после своего открытия все еще оставалась необследованной и загадочной.

Поздней осенью 1929 года Полярная комиссия Академии наук СССР рассмотрела и одобрила проект исследования Северной Земли, представленный Г. А. Ушаковым, только что прибывшим в Москву после трехлетней зимовки на острове Врангеля. Затем проект Ушакова был рассмотрен и одобрен правительственной Арктической комиссией и 23 марта 1930 года утвержден Советом Народных Комиссаров. Правительство выделило на проведение экспедиции необходимые средства и дало распоряжение включить экспедицию в план первоочередных работ Института по изучению Севера при ВСНХ (ныне Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт). Начальником экспедиции был назначен ее инициатор Георгий Алексеевич Ушаков.

В чем же причина успеха проекта Ушакова?

Ответ на этот вопрос читатель найдет в книге «По нехоженой земле». Отметим только, что план Ушакова был составлен с высоким профессиональным мастерством, глубоким знанием всей техники проведения длительных маршрутных исследовательских походов в самых суровых природных условиях Арктики. Ушаков не закрывал глаза на большие трудности, лишения и даже риск, которые неизбежно встретятся на пути исследователей, но именно такой трезвый

подход к предстоящей экспедиции лучше всего свидетельствовал о продуманности и серьезности плана. Он был трудновыполним, но вполне реален. Наконец сам Ушаков, несмотря на свою молодость (ему только что исполнилось двадцать девять лет), больше, чем кто-либо из выдающихся полярников того времени, мог обеспечить успех маленькой по составу участников, но грандиозной по размаху намеченных работ экспедиции.

Георгий Алексеевич Ушаков был путешественником-исследователем по самому своему жизненному призванию. Страстное стремление исследовать и обживать труднодоступные и неосвоенные районы нашей Родины с неудержимой силой влекло его в дальние экспедиции, и прежде всего в Арктику, которая в те годы была передним краем наступления на неведомое, неосвоенное. Ушаков просто не мог не стать путешественником, как Максим Горький не мог не стать писателем или Майкл Фарадей — физиком. Интересно и то, что подобно этим великим людям Ушаков осуществил свое призвание вопреки многим жизненным трудностям.

Георгий Алексеевич Ушаков родился 30 января 1901 года в глухой таежной деревне Лазаревка Амурской области. Сын казака-крестьянина, он не получил систематического образования и профессиональной подготовки путешественника-исследователя. Но еще в юности, сопровождая своих старших братьев во время охоты на крупного зверя, работая в отряде знаменитого исследователя Уссурийского края В. К. Арсеньева, Ушаков прошел великолепную школу тяжелых и небезопасных походов по дикой дальневосточной тайге, которая и положила начало его подготовки к самостоятельным экспедициям.

В годы гражданской войны Ушаков сражался в партизанских отрядах Приморья. Естественно, что юношеские мечты о дальних путешествиях отошли тогда на задний план. Возвращение к мирной жизни возродило их с новой силой. Главное место в них теперь заняла Арктика с ее суровой своеобразной природой. Однако прошло еще несколько лет, прежде чем он получил возможность отправиться в свою первую арктическую экспедицию.

Ушаков некоторое время учился в Хабаровской учительской семинарии и Дальневосточном университете, а затем работал в Дальневосточном управлении Госторга.

26 марта 1926 года Советское правительство приняло решение о создании на безлюдном арктическом острове Врангеля постоянного населенного пункта и о посылке с этой целью на остров Врангеля специальной экспедиции. Как пишет в своей книге Ушаков, он добился включения его в со-

став этой экспедиции и был назначен начальником поселка и полярной станции, которые надлежало основать на острове Врангеля.

По тем временам это было очень непростое дело. В стране не хватало судов, хотя бы в какой-то степени пригодных для ледового плавания, и сама доставка людей и снаряжения на далекий арктический остров вырастала в трудноразрешимую проблему. Не хватало продовольствия, одежды и необходимого снаряжения. Полярная станция не могла получить даже подходящую радиоустановку, и людям предстояло длительное время жить в полном отрыве от Большой земли. Научное оборудование, выделенное Дальневосточным управлением безопасности кораблевождения, ограничивалось лишь аппаратурой для производства простейших метеорологических наблюдений. Приборы, различное снаряжение и специальная литература — все необходимое для более широкого комплекса исследовательских работ сметой не предусматривалось, и Ушаков приобрел это за свой счет.

Если не считать постройку в 1923 году небольшой полярной станции на берегу новоземельского пролива Маточкин Шар, создание поселка на острове Врангеля было беспрецедентным делом, и никакого опыта в этом отношении не было. Как справедливо отмечал преемник Ушакова по острову Врангеля А. И. Минеев, «первые деятели Советской Арктики ощупью искали пути освоения ледяных просторов».

Вскоре после прибытия на остров Врангеля Ушакову пришлось столкнуться с такими трудностями и бедами, о которых современные полярники не имеют и понятия.

Над эскимосами, составлявшими подавляющее большинство новоселов острова, еще довлело темное прошлое. Суеверные, подверженные влиянию шаманов, они боялись злого духа — Тугнагака, как им казалось, недовольного появлением людей на острове. Отважные охотники, они не решались выходить в одиночку из яранг, перестали выезжать на промысел зверя. Правда, на складе поселка в изобилии имелись такие продукты, как мука, макароны, сушеные и консервированные овощи, масло, сахар, мясные и рыбные консервы. Но они не могли заменить эскимосам привычного им основного продукта — мяса моржа, тюленя или белого медведя. В поселке появилась страшная гостья — цинга. До Ушакова дошло тревожное известие, что эскимосы собираются покинуть остров и вместе с семьями переправиться по льду на материк. Над молодым советским поселением на острове Врангеля нависла угроза полного краха.

Вот здесь-то и проявились выдающиеся качества Ушакова-вожака: его железная воля в достижении поставленной

цели, способность, где это необходимо, пойти на немалый риск, личным примером увлечь и повести за собой людей.

Об одном из таких случаев, когда тяжелобольной Ушаков в одиночку выехал на собачьей упряжке в дальний рейс, чтобы добыть медведя, с потрясающей силой рассказывает он сам в главе «Когда надо пойти на риск», и пересказывать читателю этот эпизод мы не будем. Но важно особо отметить, что этот крайне рискованный поступок впервые подорвал веру эскимосов и чукчей в могущество Тугнагака. Опасный эксперимент полностью оправдался — тяжелый кризис в жизни поселка на острове Врангеля был ликвидирован.

Немалую роль в становлении поселка сыграло отношение Ушакова к людям. Его природная доброта, искреннее глубокое уважение к простым охотникам-труженикам вызывали со стороны эскимосов ответные чувства, безграничное доверие к своему умилеку (начальнику). Под влиянием Ушакова значительно вырос культурный уровень поселенцев. Они окончательно отказались от камлания (заклинания духа), и даже сам шаман Аналько полностью забросил свое «ремесло» и в дальнейшем показал себя смелым и выносливым охотником. Эскимосы постепенно покидали свои яранги и по примеру русских переселялись в срубленные из плавника домики.

В свою очередь и Ушаков позаимствовал немало полезного от эскимосов. С большим успехом он перенимал их многовековой опыт жизни в суровых арктических условиях. Ушаков в совершенстве овладел искусством дальних поездок на собачьих упряжках и в сильный мороз и полярной ночью, научился быстро и надежно устраивать в походе лагерь для ночлега или укрытия от налетевшей пурги, научился промышлять морского и наземного зверя. Недаром эскимосы стали говорить, что умилек делает все, как эскимос. В их понятии это было высшей похвалой, и сам Ушаков этим очень дорожил и гордился.

Остров Врангеля явился для Ушакова высшей практической школой путешественника и исследователя. Еще при подготовке к экспедиции, во время долгого плавания на корабле «Ставрополь» к острову Врангеля и на протяжении трех лет жизни на этом острове Ушаков много и очень пристально изучал специальную литературу, посвященную различным вопросам маршрутных и стационарных физико-географических исследований.

Здесь автору этих строк хотелось бы сделать небольшое отступление и сказать несколько слов о том, как Г. А. Ушаков изучал научную литературу. Меня, так же как и многих

полярников старшего поколения, близко знавших Ушакова, всегда изумляло и восхищало его какое-то особенное умение читать научные книги. Он читал очень медленно и сосредоточенно, полностью углубляясь в изучаемый предмет. Зато и результат его работы с книгой бывал очень велик. Ушаков как-то особенно переосмысливал все прочитанное, примеряя его для себя, для своей работы. Интересно, что наряду с изучением научных трудов Ушаков до последних дней своей жизни сохранил страсть к чтению научно-популярной и приключенческой географической литературы.

11 августа 1926 года, когда «Ставрополь» еще стоял под разгрузкой, Ушаков облетел на самолете, управляемом Кальвицем, вокруг всего острова Врангеля. Во время полета он отметил места лежбищ моржей, установил, что составленные в 1881 и 1911 годах карты береговой черты острова грешат большими неточностями, наметил маршруты будущих исследовательских походов в глубь этой неизведанной суши. Полет Ушакова с Кальвицем имел и еще одно важное значение, укрепившее авторитет Ушакова среди жителей острова. Ознакомившись с самолета с общим расположением гор и направлением главных рек острова, Ушаков уже в первых рекогносцировочных поездках неизменно был проводником и уверенно выходил к намеченному месту, чем немало удивлял сопровождавших его эскимосов и русских, так же как и он впервые бывших в этих местах.

На основе выполненной в этих поездках полуинструментальной топографической съемки Ушаков вычертил первую достоверную карту острова Врангеля.

За время пребывания на острове Ушаков накопил ценные наблюдения над климатом острова и ледовым режимом омывающих его вод, собрал богатый материал по этнографии эскимосов; при активном участии самих эскимосов собрал большие коллекции образцов растительного и животного мира и минералов острова.

О том, насколько преуспел Ушаков во всех этих работах, лучше всего свидетельствует тот факт, что В. К. Арсеньев, ознакомившись с материалами исследований Ушакова на острове Врангеля, счел нужным написать об их значимости виднейшим ученым того времени — академику В. Л. Комарову, члену-корреспонденту Академии наук (позднее академику и президенту Географического общества СССР) Л. С. Бергу, профессору В. Г. Тан-Богоразу и некоторым другим. Отметим, что эти письма никогда опубликованы не были и хранятся женой Ушакова — Ириной Александровной Ушаковой в его личном архиве. В беседах с автором этих строк известный географ — исследователь Северо-Восточной

Азии Д. М. Колосов неоднократно высказывал очень высокое мнение о составленной Ушаковым карте острова Врангеля и его физико-географическом описании.

За исключительно плодотворную работу на острове Врангеля Г. А. Ушаков по возвращении на материк был награжден правительством орденом Трудового Красного Знамени.

Еще во время пребывания на острове Врангеля у Ушакова зародилась мечта об экспедиции на Северную Землю, которая была самым притягательным объектом для полярных путешественников того времени и неотложное исследование которой диктовалось всем ходом работ по освоению Северного морского пути. У Ушакова были теперь все данные, чтобы предпринять эту экспедицию. Трехлетняя работа на острове Врангеля выдвинула его в ряды самых выдающихся современных ему полярных путешественников. Сочетая в себе организаторский талант, высокое мастерство в искусстве дальних поездок на собачьих упряжках и необходимую для путешественника-исследователя научную подготовку, он, как никто другой, мог обеспечить успех маленькой группы полярников, которой надлежало обследовать и положить на карту обширную, таинственную и суровую арктическую сушу. Вот почему именно Ушаков и был назначен начальником Североземельской экспедиции, план которой им был разработан во всех деталях еще в бытность на острове Врангеля.

Ушаков с лихвой оправдал возлагавшиеся на него надежды — результаты руководимой им Североземельской экспедиции были очень значительны.

За два года пребывания на Северной Земле Ушаков и его товарищи прошли на собачьих упряжках около 5000 километров, из них 2200 километров с маршрутной полуинструментальной топографической съемкой, опирающейся на семнадцать астрономических пунктов. Экспедиция установила, что Северная Земля — крупный архипелаг, включающий четыре больших острова и ряд мелких островов и островных групп общей площадью около тридцати семи тысяч квадратных километров.

Участники экспедиции впервые обследовали Северную Землю в физико-географическом отношении: составили геоморфологическое и геологическое описание архипелага, собрали ценный материал по фауне суши и омывающих ее вод, выполнили большое число маршрутных и стационарных метеорологических, ледово-гидрологических и геомагнитных наблюдений, собрали ценные коллекции, характеризующие геологическое строение, флору и фауну архипелага.

Главным итогом экспедиции явилась первая полная кар-

та Северной Земли. 16 октября 1932 года она была опубликована в центральном правительственном органе — «Известиях ЦИК СССР», и с тех пор точные контуры Северной Земли можно увидеть на всех картах мира. Еще раньше, в августе 1932 года, пользуясь рукописным экземпляром карты, советские моряки впервые в истории арктического мореплавания прошли на ледокольном пароходе «Александр Сибиряков» вокруг северной оконечности Северной Земли. В том же году, так же пользуясь рукописным экземпляром карты, арктический летчик А. Д. Алексеев совершил с мыса Челюскина первый полет на самолете вдоль западного берега Северной Земли до острова Домашнего, где была сделана посадка. И сибиряковцы, и Алексеев засвидетельствовали высокую точность карты. Достойно особого упоминания, что все последующие научные экспедиции на Северную Землю смогли внести в ее первую карту только отдельные дополнения и незначительные коррективы — случай поистине уникальный в истории географических открытий и исследований.

В результате экспедиции Ушакова 1930—1932 годов Северная Земля перестала быть таинственной сушей и впервые обрела реальные формы. Это и дало основание называть экспедицию Ушакова вторым открытием Северной Земли.

Работа Североземельской экспедиции закрепила бы за ее участниками прочную славу даже в том случае, если бы была выполнена в благоприятных природных условиях. В действительности же она проходила в столь тяжелых условиях, что не только маршрутные научные исследования и топографическая съемка, но даже само передвижение нередко было на грани человеческих возможностей.

Люди шли в походы в полярную ночь и в летнюю распутицу, в сильные морозы и в пургу, под дождем и в пронизывающий сыростью густой туман, подолгу отсиживались в палатке во время ураганных ветров. На их пути встречались оголенные участки каменистого берега и рыхлый глубокий снег, тащить через все это тяжело нагруженные нарты было истинным мучением; они проходили через кавернзные ледниковые трещины и бурные речки, обширные озера разлившейся на морском льду талой воды. Путешественники превозмогали болезни и тяжелую усталость, подвергались опасности попасть в дрейф морских льдов, который мог унести их в открытое море, испытывали недостаток в питании.

Тяжести похода не выдерживали собаки и падали мертвыми прямо в упряжках. Но люди должны были выдержать и выдержали. Более того, они находили в себе силы, чтобы везти на нартах особенно ослабевших собак (как это не по-

хоже на некоторых очень известных полярных путешественников, в таких случаях безжалостно убивавших собак и даже использовавших их мясо в пищу).

Как правило, все маршрутные работы в Арктике начинаются после окончания полярной ночи, когда продолжительность светлого времени суток становится достаточно большой. Ушаков и его товарищи, чтобы успеть выполнить за два года все намеченные работы, начали выходить в маршруты в самое неблагоприятное для походов время года — в полярную ночь. Всего с начала октября 1930 по начало марта 1931 года они совершили пять таких походов, в результате которых было получено первое, пока еще очень приближенное представление о протяженности суши. Это дало возможность наметить конкретный план ее исследования. Кроме того, на пути первых предстоявших больших исследовательских маршрутов было заложено несколько вспомогательных складов продовольствия, горючего и охотничьих припасов.

Подвиг участников Североземельской экспедиции был по достоинству оценен Советским правительством — Г. А. Ушаков и Н. Н. Урванцев были награждены орденами Ленина, С. П. Журавлев и В. В. Ходов — орденами Трудового Красного Знамени.

Рассказывая о жизни Ушакова среди первых поселенцев острова Врангеля, мы уже говорили о его некоторых чисто человеческих качествах — природной доброте, искреннем и глубоком уважении к своим сподвижникам — эскимосам. Но в характере Ушакова было и нечто другое, в не меньшей степени определявшее блистательный успех его экспедиций. Мягкий и деликатный, органически не способный ни на какую грубость, Ушаков, как это ни удивительно, не боялся и не избегал людей с трудным характером. Единственное и непреложное требование, которым он руководствовался при подборе людей в свои экспедиции,— профессиональное мастерство и любовь к своему делу.

В 1926 году по пути на остров Ушаков высадился в бухте Провидения, где должен был взять на борт «Ставрополя» эскимосов — будущих поселенцев острова Врангеля. Неожиданно из стоявшей на берегу яранги выскочили две полуголые девочки, за которыми с гарпуном в руках гнался пожилой эскимос. Мгновенно оценив обстановку, Ушаков выставил ногу, и эскимос упал. В следующий момент он вскочил на ноги и занес над Ушаковым гарпун, но, не выдержав взгляда остававшегося неподвижным Ушакова, опустил свое страшное оружие и на ломаном русском языке спросил: «Ты всегда так делает?» — «Всегда!» — ответил Уша-

ков.— «Может быть, ты хорошо делает»,— сказал как бы в раздумье эскимос и ушел в свою ярангу. Вернувшиеся вскоре девочки рассказали Ушакову, что этот эскимос — их отец, бесстрашный охотник Иерок.

На следующий день сконфуженный Иерок явился к Ушакову на пароход. «Ночью я был пьян,— сказал он,— поэтому плохо говорил. Теперь моя голова чистая, я могу говорить хорошо». Ушаков уже знал, что Иерок пользуется среди эскимосов большим уважением и его согласие поехать на остров Врангеля будет для них хорошим примером. «Поедешь со мной промышлять на остров песца, моржа, медведя?» — спросил его Ушаков. Иерок подумал и твердо ответил: «Ты хорошо делает. Ты хороший человек, поэтому я пойду с тобой» [1]. Ушаков взял Иерока с собой, и он не ошибся — на острове Врангеля Иерок был одним из основных помощников Ушакова и немало способствовал успеху поселения.

При подборе сотрудников в экспедицию на Северную Землю Ушакова не смутило то обстоятельство, что трое его спутников во всех отношениях разные люди, которым придется в течение длительного времени жить и работать в самом тесном общении друг с другом. Ближайший помощник Ушакова, основной научный сотрудник экспедиции Николай Николаевич Урванцев — опытный арктический путешественник, широко эрудированный геолог-исследователь, подлинная энциклопедия знаний и вместе с тем строгий и несколько суховатый человек. Сергей Прокофьевич Журавлев — урожденный архангельский помор, один из лучших зверобоев-промысловиков Новой Земли, человек с независимым характером и развитым чувством собственного достоинства. Промысел дикого зверя — белухи, моржей, белых медведей — Журавлев считал чуть ли не единственным занятием, достойным настоящего мужчины. Василий Васильевич Ходов — еще совсем юный ленинградский радиолюбитель-коротковолновик, никогда не бывавший в Арктике. До назначения в Североземельскую экспедицию он был председателем Ленинградской секции коротковолновиков, которая и рекомендовала его Ушакову (близко зная на протяжении нескольких десятилетий Василия Васильевича, я могу добавить, что он был и остается поныне на редкость добрым, отзывчивым и душевным человеком).

С чувством некоторого беспокойства присматривался Ушаков к своим новым товарищам. «Хватит ли у каждого из них, да и у меня сил, выдержки, нервов и здоровья? —

---

[1] А. И. Минеев. Остров Врангеля. М.—Л., 1946, стр. 48—50.

мысленно спрашивал он себя.— Сумеем ли мы, во многом разные люди, сработаться настолько крепко, чтобы общими силами проникнуть в тайны Северной Земли?»

Сил хватило. Хотя временами и возникали внутренние трения, совершенно неизбежные в условиях тесного общения людей на маленькой полярной станции, но они были незначительны и не повлияли на взаимоотношения участников экспедиции. Под руководством Ушакова все эти очень разные люди выполнили такую работу, какой по праву могла бы гордиться большая хорошо оснащенная экспедиция.

В своих отношениях с людьми Ушаков никогда не был

навязчивым. Но его стремление и умение подметить и подчеркнуть в товарищах самые лучшие их качества вызывали ответную благодарную реакцию и оказывали на людей влияние куда более сильное, чем нудные, хотя бы и правильные нравоучения. В подтверждение этой мысли мы предлагаем читателю вспомнить страницы книги, где Ушаков с большой теплотой рассказывает о своих спутниках. Его проникнутые доброжелательностью отзывы о Журавлеве, Урванцеве и Ходове в не меньшей степени с самой лучшей стороны характеризуют самого Ушакова.

Сопровождая Ушакова в походах по Северной Земле, Журавлев постепенно проникся большим уважением к исследовательской работе своих товарищей, на которую раньше смотрел как на ненужные и никчемные «бирюльки». Вернувшись с Северной Земли, он недолго пробыл в Архангельске и уже в 1933 году возглавил промысловую зимовку в бухте Марии Прончищевой.

Вдохновленный примером самоотверженного труда своих старших товарищей, Ходов тоже проявил себя с самой лучшей стороны и оказался незаурядным полярником. Подолгу оставаясь один на зимовочной базе, он вел не сложное, но достаточно хлопотливое домашнее хозяйство, проводил метеорологические и прибрежные ледово-гидрологические наблюдения, поддерживал радиосвязь с Большой землей и безропотно переносил беспредельно тяжелое одиночество на далеком арктическом острове. Такого не выдержали бы и многие опытные закаленные полярники. Ходов выдержал. И не только выдержал, но и связал после этого свою жизнь с Арктикой. Он был руководителем строительства и первым начальником первого на Северном морском пути крупного радиоцентра на острове Диксон и затем — радиоцентра на мысе Шмидта.

Н. Н. Урванцев после работы на Северной Земле возглавлял большую комплексную геологическую экспедицию в

Арктике. В 1934 году совместно с геодезистом А. В. Теологовым он впервые в Арктике совершил длительный поход на двух вездеходах вдоль северного берега Таймырского полуострова. В течение многих лет Урванцев работал в Норильске. В 1958 году он был награжден Большой золотой медалью Географического общества СССР. В настоящее время профессор, доктор геолого-минералогических наук Н. Н. Урванцев, несмотря на солидный возраст (80 лет), работает в качестве консультанта Научно-исследовательского института геологии Арктики, активно участвует в научных конференциях, занимается научно-литературной деятельностью. Его перу принадлежат две книги, посвященные исследованиям на Северной Земле: «Северная Земля. Краткий очерк исследования» (1933 г.) и «Два года на Северной Земле» (1935 г.).

Североземельская экспедиция была высшим достижением в жизни и деятельности Ушакова. Краткую, но, пожалуй, наиболее выразительную оценку этой экспедиции и роли в ней Ушакова дал академик В. А. Обручев. В 1950 году, когда возник вопрос о присуждении Ушакову ученой степени доктора географических наук, кто-то спросил, а как же с защитой диссертации? «Его диссертация на всех картах мира»,— ответил В. А. Обручев.

Книга «По нехоженой земле» представляет большую ценность прежде всего как основной документ Североземельской экспедиции, которую В. Ю. Визе назвал «выдающимся полярным предприятием нашего времени». Несомненно, она будет с большим удовлетворением принята самыми широкими кругами читателей. Полярники-профессионалы найдут в ней массу полезных для своей работы сведений; преподаватели географии — незаменимый материал для уроков по географии Арктики; люди самых разных профессий — увлекательное познавательное чтение. Совершенно особый интерес книга представляет для молодого читателя — образцы мужества и подлинного героизма, проявленные участниками экспедиции, не меркнут и не тускнеют даже в век героического освоения космоса и будут всегда служить прекрасным вдохновляющим примером для молодежи, к какому бы роду деятельности она ни готовилась.

По своим художественным достоинствам и насыщенности познавательным материалом книга Г. А. Ушакова — одна из лучших в мировой литературе о путешествиях и географических исследованиях. Читатель, вероятно, сам по достоинству оценит превосходные описания всех походов по Северной Земле и жизни и работы на зимовочной базе. Не менее выразительны страницы, содержащие рассказы о раз-

личных природных явлениях Арктики; яркие, высокохудожественные картины пурги, полярных сияний, летнего разлива озер талой воды на морских льдах, грандиозных ледников могут служить украшением любой географической хрестоматии.

Интересно, что среди писем В. К. Арсеньева об Ушакове, о которых мы уже упоминали, было и письмо, адресованное Максиму Горькому. «Многоуважаемый Алексей Максимович! — писал Арсеньев. — Податель моей карточки — начальник острова Врангеля Георгий Алексеевич Ушаков, о котором я уже Вам писал. Он имеет хорошие материалы и прекрасно владеет пером. Рекомендую его Вам. Г. А. Ушаков обещал дать статью для сборника о Дальнем Востоке. Было бы хорошо, если бы Вы просмотрели его фотографии и диапозитивы. Надо Г. А. Ушакова использовать, как теперь говорят, на все сто процентов и никуда не посылать, пока он не обработает всех своих материалов. Шлю Вам сердечный привет. В. Арсеньев».

Своей книгой «По нехоженой земле» Ушаков полностью подтвердил высокую оценку Арсеньева его литературного дарования.

Книга «По нехоженой земле» впервые вышла в свет в 1951 году в издательстве «Главсевморпути» и затем в 1953 году — в издательстве «Молодая гвардия». К сожалению, в обоих этих изданиях вопреки воле автора были допущены сокращения, исказившие рукопись, чем были немало огорчены и автор, и академик В. А. Обручев, написавший очень доброжелательное предисловие к рукописи. Впервые книга в полном виде вышла в свет в 1959 году в Государственном издательстве географической литературы.

Предлагаемая вниманию читателя книга печатается по последнему прижизненному изданию автора, осуществленному в 1959 году.

Как же сложилась жизнь Ушакова после Североземельской экспедиции?

В 1934 году Ушаков в качестве уполномоченного правительственной комиссии по спасению челюскинцев руководил эвакуацией лагеря Шмидта со льдины, побывал с этой целью и в самом лагере челюскинцев, откуда вывез больного Шмидта.

В 1935 году он возглавил Первую советскую высокоширотную морскую экспедицию на ледокольном пароходе «Садко», обошел на этом судне северные берега Шпицбергена и прошел по северной окраине Карского моря, где был открыт закованный в лед остров. По единодушному желанию всех участников экспедиции он был назван островом

Ушакова. Экспедиция впервые вышла на свободно плавающем судне (не в дрейфе) на океанические глубины Арктического бассейна, где были выполнены океанографические исследования.

Резкое ухудшение здоровья лишило Ушакова возможности продолжать экспедиционную деятельность в Арктике, и в последующие годы он работал в Москве на руководящих должностях в Главсевморпути, Главном управлении гидрометслужбы и в Академии наук СССР. До последних дней своей жизни Георгий Алексеевич сохранил интерес к путешествиям и экспедициям, к исследованию Северного Ледовитого океана. Он постоянно общался с полярниками — со своими сверстниками и с молодежью. Неизменно приветливый и внимательный, он с интересом слушал рассказы о работе на полярных станциях и в экспедициях, всегда был готов поделиться своими большими знаниями и опытом.

Георгий Алексеевич Ушаков скончался в ночь с 2 на 3 декабря 1963 года в своей московской квартире в первом доме полярников, на котором в память о замечательном исследователе Севера установлена мемориальная доска.

11 июня 1965 года, согласно последней воле покойного, урна с его прахом была захоронена на берегу острова Домашнего. Здесь был поставлен высокий бетонный обелиск с бронзовой доской, содержащей простую надпись: «Полярный исследователь Георгий Алексеевич Ушаков. 1901—1963».

Памятник Ушакову на маленьком каменистом острове не затерялся в безбрежных просторах Северного Ледовитого океана. Ориентируясь на него, здесь идут корабли Арктического морского флота, в небе пролетают самолеты полярной авиации. Самые разные люди, по той или иной причине оказавшиеся в этих местах, считают своим непременным долгом посетить памятник Ушакову. В летнее время у подножия памятника можно видеть живые цветы, которые посылают сюда родные и близкие Ушакова.

Память о выдающемся путешественнике увековечена в географических названиях Северного Ледовитого океана: поселок Ушаковский в бухте Роджерс и мыс Ушакова на острове Врангеля, река Ушакова на острове Октябрьской революции, остров Ушакова на севере Карского моря. В Антарктиде именем Ушакова названы горы на Земле Эндерби.

Б. А. Кремер
Почетный полярник

Содержание

Нехожеиая земля 6
- На безымяииом острове . . . . —
- Открытие Земли 20
- Мой путь к Северной Земле 29
- Сборы 38
- Наши четвероиогне помощники 48
- После ухода «Седова» 53
- Кладовая Арктики 59
- Охота 66
- Собачья упряжка 71
- Берега, давно маннвшне людей 79
- Когда Арктика кажется теплее 88

Поляриая иочь 98
- В глубину полярной иочи . . . . . . —
- У радиоприемника 105
- Во тьме и метели 114
- Улыбка Арктики 120
- Ночиой бросок иа Севериую Землю 126
- На исходе полярной иочи 134

Захват исходиых позиций 142
- Горе товарища . . . . —
- Вдвоем 149
- В хаосе айсбергов 157
- Наши жертвы 166
- Залив Сталниа 173
- Первое пересечеиие Земли 182
- Голоса прошлого 188

В иаступлеиие иа иеведомое 198
- Солице ие заходит . . . . —
- Когда иадо пойти на риск 205
- В пути 211
- В проливе Красной Армии 221
- На мысе Ворошилова 225
- За пределами карты 232
- Северная оконечность Земли 242
- Веселый месяц май 251

Необычиые враги 260
- Где-то липа цветет . . . . —
- В борьбе с распутицей 267
- Открытие пролива Шокальского 276
- Не возвращаться, не остаиавливать работу . . 284

Высшая добродетель полярника 290
Наш купальный сезон 295
Соблазн 302
На размытом льду 307
Коиец тяжелого пути 312
Будни 321
Лето . . . . —
Урожай в Арктике 323
Нашествие белух 329
Домашиее хозяйство 338
Новая страда 346
Первый рейс иа остров Большевик 356
Карта Севериой Земли 367
В самый большой маршрут . . . . —
Вдоль берегов острова Большевик 379
Решающие дии 386
Окончание работ 394
Последние страницы дневника 397
В Москве 403
Б. А. Кремер
Второе открытие Северной Земли 405

Ушаков Г. А.

У 93 По нехоженой земле. Послесл. Б. А. Кремера. М., «Мысль», 1974.

423 с. с ил. и карт.; 16 л. ил. (XX век: Путешествия, Открытия. Исследоваиия).

Книга посвящена выдающейся советской экспедиции 1930—1932 годов иа архипелаг Севериой Земли. В результате работ этой экспедиции были изучеиы рельеф, геологическое строеиие, гидрографическая сеть, животный и растительиый мир архипелага, составлеиа его подробная карта. О подвиге участииков этой иебольшой экспедиции, в течение двух лет упорно преодолевавших трудиости и преграды арктической природы и успешно выполиивших возложеииое иа иих задание, увлекательио рассказывает иачальиик экспедиции Г. А. Ушаков.

$У \frac{281\text{-}283}{004(01)\text{-}74}$ **П. и.** **91 (98)**

Ушаков,
Георгий Алексеевич

ПО НЕХОЖЕНОЙ ЗЕМЛЕ

Главная
редакция
географической
литературы

Редактор
Б. Н. Малкес
Младший редактор
З. В. Кирьянова
Редактор карт
Г. Н. Мальчевский
Художественные редакторы
В. Ф. Найденко,
В. И. Суриков
Технический редактор
М. Н. Мартынова
Корректоры
Г. С. Михеева,
В. В. Романова

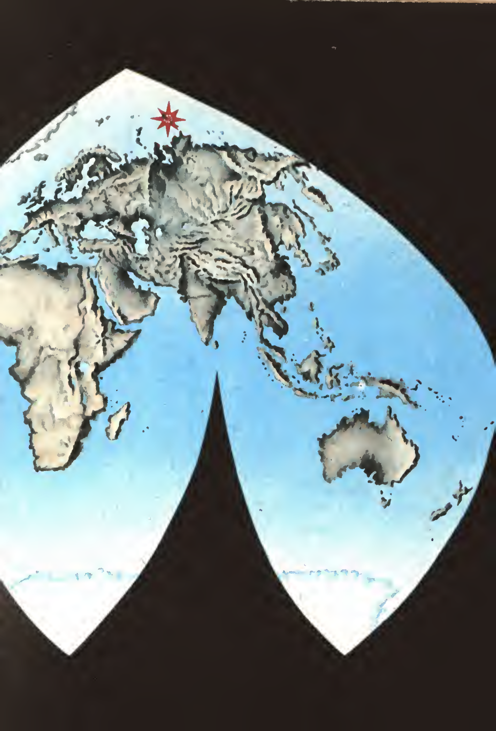
Оформление
и макет серии
Д. А. Аникеева
Суперобложка художника
М. И. Худатова
Гравюра художника
Л. С. Быкова

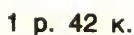
Сдано в набор 1 марта 1973 г.
Подписано в печать 21 сентября 1973 г.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Усл. печатных листов 26,5.
(с вкл.). Учетно-издательских листов
27,22 (с вкл.). Тираж 150 000 экз.
А10653. Заказ № 181. Цена 1 р. 42 к.
Издательство «Мысль». 117071.
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома
при Государственном комитете
Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28.

1 р. 42 к.

